

Восток. Запад. Цивилизация

Карина Демина

*Данный текст был приобретен на портале [Литнет](#) (№39719137 21.02.2023).
[Литнет](#) – новая эра литературы*

Глава 1 В которой состоялся откровенный разговор

Глава 1 В которой состоялся откровенный разговор

Эва сама не могла сказать, с какого момента и, собственно говоря, зачем она вообще решила подглядеть за сестрой.

После представления?

Нет, конечно. Тогда голова была занята совсем другими мыслями. Странными. Путанными такими, в которых и удивление было, и радость, и... и огорчение. Даже сперва радость, а потом она сменилась совсем-совсем уж огорчением.

Граф.

И племянник Императора.

На Императора тогда Эва и взглянуть побоялась, очень уж он показался грозным. И даже думалось, что вот он сейчас посмотрит в глаза Эве и все-то превсе про нее поймет. Даже то, чего Эва сама не понимает. А он вот взял и...

- Кто бы мог подумать, - тихо произнесла матушка и поглядела на Эву как-то так... с жалостью?

Нет, Эва привыкла, что её жалели.

За несовершенство там жизненное. За то, что у нее ничего-то толком не выходит правильно. И вообще. В целом. Но тут стало горько.

Еще и Эдди...

Его мигом окружили, и та же Лизелотта с Дианой первыми подошли, точнее не сами, а их матушки, но потом уже и они, и остальные, и...

- Вот и все, - мрачно заметила Тори, прищурившись. – Проворонила графа, сестрица.

Эва ничего не ответила.

Только подумала, что зато у нее перо есть.

Воронье.

Настоящее. И... и остаток вечера она запомнила смутно. Разве что вот танец. Она обещала и Эдди запомнил, хотя теперь, наверное, с ним любая бы с радостью танцевать согласилась.

Потому что граф.

И племянник императора.

Как такое возможно?

Она хотела спросить, когда он подошел, но взглянула на мрачное лицо и промолчала. Улыбнулась так, как учили, очень и очень вежливо. И танцевала, танцевала...

А потом, конечно, не удержалась и глупость ляпнула:

- Вы на него совсем не похожи.

Эдди хмыкнул и впервые улыбнулся. Наверное, глупость совсем смешной была.

- Знаю, - сказал он. – Общей крови у нас нет, а он... вот разве можно так с людьми-то? Без предупреждения.

И плечом повел.

Ткань фрака затрещала.

- Сочувствую, - если уж говорить глупости, то от всего сердца. Тем более почему-то Эва и вправду сочувствовала. Хотя, казалось бы, как можно сочувствовать человеку, которому только что подарили титул и признали родственником Императора?

Слово-то сказано при всех. И уж теперь, даже если Император захочет, отказаться от него не выйдет.

- И эти вот еще... - он мотнул головой. – Леди, чтоб их...

- Что с ними?

Сердце тогда еще сжалось.

- Да... страшно. Вот смотрят так, будто прикидывают, как загонять станут.

- Станут, - подтвердила Эва. – Всенепременно. Вы теперь очень ценная...

- Дичь?

- Именно, - страхи вдруг отступили. И обида тоже. В конце концов, он не виноват, что оказался графом. И ладно бы просто... с просто графом Эва, может, и смогла бы породниться, несмотря на подпорченную репутацию.

О чем она только думает-то?

Но вот родственник Императора.

И близкий.

Племянник – это вам не четвероюродный кузен по линии давно почившей прабабки. Племянник – это очень и очень серьезно.

И без разрешения Императора он жениться не сможет.

А Император никогда не разрешит родственнику породниться с кем-то вроде Эвы... то ли дело Лилиан. У нее дедушка – герцог. И репутация безупречнейшая.

- В том и дело, я не привык быть дичью, - Эдди держал руку очень осторожно. – Не самые приятные... ощущения. Зачем я им нужен-то?

- Чтобы выйти замуж.

- Они ж меня боятся, - он вел и держался так, будто бы ему не впервой было танцевать на императорском балу. И... и что Эва вообще о нем знает?

Кроме того, что он шаман и еще немного ворон?

И у него клюв грозный, а перья наоборот очень мягкие?

Кроме того, что он искал её, пусть бы даже Эва была ему никем, но искал ведь. И нашел. И пришел. Спас. А потом вернул домой.

Достаточно ли это, чтобы влюбиться? Или она снова себе все придумывает? В прошлый раз ведь Эва тоже была уверена, что влюблена. И что эта любовь – та самая, истинная, которая от первого взгляда и до последнего вздоха. А сейчас, если подумать, она и лицо-то Стефано вспоминает с трудом.

Так какая любовь?

Или не в любви дело, а в самой Эве? В ее легкомысленности? Матушка рассказывала, что некоторые особы настолько ветрены, что могут влюбляться не в одного мужчину, а... в двух.

Или даже в трех.

Но это, наверное, точно выдумка.

Или нет?

- Это не важно, - она сумела-таки собраться с мыслями, которые все норовили разбежаться. – Берта тоже боятся, но все равно норовят поближе подойти. Дело не в страхе. Дело в положении. Та, что станет вашей женой, она, во-первых, будет графиней.

Кажется, он хихикнул.

От нервов, наверное.

- А во-вторых, ваше родство с Императором...

Точно хихикнул.

- ...позволит ей занять очень высокое положение при дворе.

- Понятно. А я?

- А что с вами?

- Зачем мне жена, которая меня боится?

- Ну... она привыкнет. Может быть. И вообще, вы вовсе даже не страшный.

На нее поглядели так, сверху вниз. И может, он бы сказал что-нибудь, но танец завершился, и Эву препроводили к матушке. Второй же раз приглашать её не стали, и это было понятно.

Но и с другими он не танцевал.

А потом вовсе куда-то исчез к небывалому разочарованию дам. Эва остаток вечера думала... о всяком. И от мыслей становилось то грустно, то смешно, то вообще как-то так, будто бы все равно.

И уже в карете Тори заметила:

- Это будет забавно.

А матушка поглядела на нее и строго так, как никогда прежде, произнесла:

- Ничего забавного в данной ситуации я не вижу.

Тогда-то Эва и решила приглядеть за сестрицей. Или все-таки позже? Когда дверь в её комнату скрипнула? Комнаты-то, как и прежде, рядом. А двери скрипучие, хотя их смазывали-смазывали, но они все равно скрипели. Впрочем, Эва знала, что у дома есть свой характер и что Тори он немного недолюбливает, тогда как в комнатах Эвы никогда ничего не скрипело. И сквозняки тоже не случались.

Не забивались каминные трубы.

И сами каминные горели всегда ярко. Перины были мягки, одеяла легки, но все одно не спалось. Вот совершенно. От мыслей в голове. От того, что она запуталась, а распутаться никак не получалось. Хоть ты и вправду в монастырь уходи, но...

Но скрипнула дверь. И потом дом вздохнул еще.

А Эва поднялась.

И выглянула в коридор. Остороженько так. И как раз вовремя, чтобы увидеть Тори, которая медленно шла куда-то. И главное, шла странно так. Два шага. Остановится. И еще пару шагов. И снова остановится. И опять. И шаги эти такие... неправильные.

- Эй, - окликнула Эва, но сестрица даже не обернулась. Добравшись до лестницы, Тори застыла перед ней. В полутьме её фигура просвечивала через тонкое полотно рубахи. И сама Тори казалась призраком, жутковатым, честно говоря.

- Тори, - Эва решительно подошла и... поняла.

Спит.

Её сестра стояла у лестницы с закрытыми глазами. И не решалась сделать шаг.

К счастью.

И... и появилась подлая мыслишка отступить. С ними ведь случалось во сне ходить. Раньше. В детстве. Когда дар только-только начал проявляться. Именно тогда Эва однажды и упала с лестницы. К счастью, ничего не сломала, но там-то, в имении, и лестница была в пять ступенек, невысоких, а тут...

Если Тори упадет, то Эва снова останется единственной дочерью.

Но...

Она осторожно взяла сестру за руку.

- Идем, - сказала ей, разворачивая. И Тори подчинилась. – Надо спать в кровати.

Шаг.

И второй.

И удалось отвести к комнатам, и даже внутрь Тори зашла. И Эва с ней конечно, чтобы увидеть прикорнувшую в кресле горничную.

Стало быть, матушка или Берт, или отец, но заподозрили что-то такое, если приставили эту девицу. А она заснула.

- Ложись, - сказала Эва, подведя сестру к кровати. – Давай, спать пора...

Тори молча забралась в постель и легла на спину. Руки её вытянулись вдоль тела, а глаза вдруг открылись. И Эва ужаснулась тому, до чего черными они сделались вдруг. Потом уж поняла, что глаза обычные, но зрачок расплылся.

- Сестрица, - сиплым голосом произнесла Тори. – А я тебя вижу.

- Я тебя тоже вижу. Спи давай.

И Тори послушно закрыла глаза.

Эва некоторое время посидела рядом, раздумывая, будет ли безопасно оставить её так. Потом попыталась разбудить горничную, но девица лишь бормотала что-то и пускала пузыри. И вздыхала еще так томно, как в романе.

В общем...

Тори, кажется, уснула нормально. И Эва вернулась к себе, решив, что утром обязательно расскажет обо всем матушке. Пусть или горничную заменит, или дверь закрывают. А то и вправду, сверзнется сестрица с лестницы и шею свернет.

Не то, чтобы сильно жаль, но... но как-то это не по-родственному.

А утром Тори явилась сама. Рано. Эва еще и из постели не выбралась, а она уже тут. И главное, умыта, одета и волосы даже заплела в косу.

- Поговорить надо, - сказала она, усаживаясь на кровать. – А ты все такая же соня. И копуша.

- Будешь дразниться, - Эва подавила зевок. – Сама с собой и разговаривай.

Тори хмыкнула.

- Не говори маме.

- О чем?

- Ты знаешь.

- О том, что ты...

- И соображаешь туго, - Тори поглядела на потолок.

- Это опасно, - Эва выбралась из кровати, чтобы сесть.

Раньше им случалось сидеть вот так, вместе. Рядышком. Но давно. Там, в имении, когда они тайком пробрались на чердак, потому что Тори была уверена, что где-то там, на чердаке, сокрыты древние сокровища. Эва еще сомневалась, что им там делать.

Но Тори всегда умела убеждать.

И в тот раз тоже.

Сокровищ они не нашли, зато отыскали сундук со старинными нарядами. И пусть их частью мыши поели, но ведь все равно интересно было. И зеркало то, с трещиной. И еще много другого. А потом, уже вечером, оставленные без ужина – их тогда все обыскались – они сидели на подоконнике комнаты Эвы, смотрели в ночь и разговаривали о чем-то безумно важном.

Почему потом все пошло не так?

- Да ладно...

- Ты могла свалиться с лестницы, - Эва вытянула ленту из косы. Волосы опять растрепались, и расчесывать их придется гребнем долго. – А здесь лестница такая, что...

- Шею сверну?

- Именно.

- Мне надо.

- Куда?

- Сама не знаю, - она обняла себя. – Я спать боюсь. И в то же время... сложно объяснить. Понимаешь, я так устала тогда... помнишь, матушка все время твердила, что мы должны то, мы должны се... быть лучше всех. Идеальные юные леди. Манеры, все остальное...

- У тебя ведь получалось.

- И у тебя бы получилось, если бы ты захотела.

- Я хотела!

- Да ну... ты вечно отвлекалась. Просто брала и отвлекалась! И забывала! Тебе целый день твердили о чем-то, а ты потом раз и... а я так не умела! Если бы ты знала, до чего утомительно это... а еще первый бал. Матушка о нем заговаривала, а я только представила, как на меня все будут смотреть! И... и курицы эти еще.

- Кто?

- Джемма. И Сара Уайтхилл. Катарина...

- Вы ведь дружили!

- Как бы не так, - фыркнула Тори. – Только такая наивная курица, как ты, могла поверить в эту дружбу.

- Сейчас в нос дам.

- Такой ты мне нравишься больше... а дружба... мы вроде бы и дружили, но каждый раз мне давали понять, какое они мне делают одолжение. Я ведь из Орвудов! Из тех самых Орвудов, которые некроманты, которые...

- Страшные и ужасные?

- Проклятые.

- Просто невыносимые. И рядом с ними нельзя даже стоять...

- Точно.

Они переглянулись.

И Эва улыбнулась, робко так.

- Я подумала, что... что вот будет бал. Дебют. И маменька ведь не просто так, она выберет самый-самый важный бал...

- Как у герцогини?

- Точно. И там ведь не только мы. Там... там соберутся все дебютантки, кто хоть что-то из себя представляет. И мы. И... вот представь, что все танцуют и веселятся, а мы стоим у стены. Целый вечер. И все это видят. Перешептываются. Пальцами не показывают, но и так понятно, что мы... мы...

- Орвуды, - сказала Эва.

- Да.

- Матушка бы этого не допустила. Ты же знаешь. Она бы отписалась... кузенам. И Берт тоже.

- Знаю, конечно. Но я... испугалась. Я решила, что потренируюсь. Там. Во снах. Ты же знаешь, что у меня отлично получалось со снами. Вот я и подумала, что могу как-то... свой бал устроить. Во сне. Там ведь все будет именно так, как я хочу.

Тихий вздох.

И удивление. Разве Тори могла вот так? Бояться? Она никого и никогда не боялась!

- И получилось. Раз, другой... потом ужин семейный, когда... когда все рады и довольны. Мама улыбается. Папа... это затянуло. Я сама не заметила, как увлеклась. И... потерялась.

- Ты?

- А думаешь, я по своей воле там пару лет проторчала?!

- Ну... - признаваться, что Эва думала именно так, не хотелось.

- Все просто. Я создавала мир. И уходила в него. Дальше и дальше. И однажды поняла, что вокруг только он, созданный мною мир. И деваться мне от него некуда совершенно. Я попала в собственную ловушку. Дом. Семья. Любящая. Готовая исполнить любой мой каприз. Ненастоящая. А выйти я не могла!

- Извини, - Эва отвела взгляд. Почему-то было очень стыдно, хотя уж она-то отношения к случившемуся не имела.

А еще почему-то было приятно, что Тори, что она тоже далеко не совершенство. Хотя истинная леди не допустила бы подобных мыслей. Но Эва уже поняла, что истинной леди ей не быть.

- Там и время идет совершенно иначе. Я... жила и жила, и... если куда и получалось выглядывать, то в чужие сны. Мысли. Ты бы знала, какие пакости люди видят. А уж думают... однажды... - Тори передернуло. - Я заглянула в одного человека. Случайно. Он... он убивал. Девушек. Совсем молоденьких. Долго, мучительно. Я так испугалась, что... что потом долго не решалась выйти. Все казалось, что он меня обнаружит, дотянется... там тоже не так безопасно. А потом вдруг появилась ты. И... и сбежала.

- Извини, я не знала, что ты на самом деле потерялась, - может, Эва далеко не истинная леди, но она умеет признавать собственные

ошибки.

- А я не сказала. Мне вдруг стало так... так невыносимо стыдно! Я ведь всегда была сильной! А тут вот все это...

- И ты ко мне прицепилась.

- Ну... я подумала, что если прослежу, как ты приходишь и уходишь, то сумею вернуться. А ты... ты вдруг исчезала. Раз и нет. И я не могла понять, как это происходит.

- Я сама не понимаю, - призналась Эва.

- Я стала тебя искать. И вдруг оказалось, что я могу. Найти. Не только тебя. Отца. Мать. Если сосредоточиться. Если отделить выдуманное от настоящего. Это не просто, но у меня получилось! И я нашла выход!

- Я рада, - это Эва произнесла серьезно. А Тори кивнула.

- Извини, что... я просто... просто испугалась, что вы поймете, какая я... дура.

Сестру Эва не обнимала целую вечность. А уж чтобы та...

- Я не позволю этим курицам нас обижать, - сказала Тори на ухо. А Эва кивнула. И она тоже... и в конце концов, бал там или нет, но у стены тоже можно постоять. Если вдвоем, то даже с интересом, потому что Тори всегда умела высказываться как-то так... скучно точно не будет.

- Думаешь, на балу у герцогини будет Лилиан?

- И не только она... спорим, эта курица вырядится так, чтобы все сразу поняли, что у папеньки капиталы? – фыркнула Тори, отстраняясь. – Она никогда не умела вовремя остановиться, и судя по тому ужасному платью, которое она нацепила в прошлый раз, за эти годы мало что изменилось.

- Еще бы... а Диана так же млеет от розового.

- Ей он категорически не идет.

- Но это никогда не мешало ей выражать свою любовь... - Эва прикусила язык. Никогда раньше она так ни злословила.

Или...

Почти никогда.

- Я не хочу опять потеряться, - сказала Тори.

- Ты едва не упала.

- Я... знаешь, я ведь понимала, что происходит. Видела. Я снова была там, но все равно не до конца. И... меня тянуло. Вниз. Только

тело было таким... таким, словно чужим. И я пыталась вернуться.

- Поэтому останавливалась?

- Да. И горничную, кажется, тоже я... твой... знакомый, он назвал меня ведьмой.

- Он не со зла.

- Нет. Это... это, кажется, правда. Иногда я вот вижу в людях что-то такое... это не дар. Дара у меня нет. Но есть способности. Хотя... все это ерунда. Мне надо вниз.

- Куда?

- Понятия не имею! Но если я не спущусь, если... понимаешь, будто зовет кто-то. И ему плохо. Очень-очень. А я могу помочь. Если не помогу, то он уйдет. И я с ним тоже. Уже не понимаю, почему.

- Надо рассказать отцу.

- Надо ли, - Тори поморщилась.

- Надо, - Эва дотянулась до столика. – Расчешешь? А то у меня никогда не получалось их не выдирать. Но рассказать – обязательно. Если не отцу, то Берту. Мы с тобой наделали прилично глупостей.

- Это да, - Тори взяла щетку. – Только не вертись. Ты никогда не умела сидеть спокойно.

- И не научилась.

- Зато научилась огрызаться, а это, поверь, куда как полезнее...

Эва поверила.

Почему бы и нет. А вот волосы Тори умела расчесывать, как никто другой.

Глава 2 Где появляются гости и какой-никакой смысл жизни

Глава 2 Где появляются гости и какой-никакой смысл жизни

- Ах, вы и правда жили в степях, - девица нервно моргнула и попыталась изобразить заинтересованность. – Это так... романтично. Я себе и представить не могу.

Она снова моргнула и покосилась на пухлую даму в темно-зеленом платье. Платье было в узкую полоску, и оттого дама как-то сливалась с диванчиком, на котором она устроилась.

В руках она держала фарфоровую чашку и на девицу глядела поверх нее, строго и требовательно.

- Извините, - девицу стало жаль, себя еще жальче, и Эдди поднялся. – Но мне пора идти. Дела. Матушка.

Он поклонился матушке, которая кивнула в ответ.

Вот ведь...

Поневоле начинаешь радоваться, что на территории этого самого университета женщин нет. То есть, не было. Будут. Но Милисента – другое, как и Эва, которая, может, и похожа на леди, но уж его-то точно не боится. А эти...

Заявились.

Вот с того вечера и потянулись. Сперва кучей визитных карточек, которые матушка разбирала, благо, не требуя участвовать в этом преувлекательном процессе. Потом... визитами.

Матушкиных подружек.

А у тех подружек вдруг оказывались юные и прекрасные родственницы, которых вот прямо срочно требовалось представить.

Родственницы представлялись.

Бледнели.

Одна, особо трепетная, и чувств лишилась, чем вызвала недовольство сопровождавшей её дамы. И тогда-то Эдди подумал, что сбежит.

Не удалось.

И теперь вот...

- Дорогой, - матушка вежливо постучалась, прежде чем войти. Неужели все же бросила гостей.

- Да?

Эдди ослабил узел галстука.

Как удавка, право слово.

- Все хорошо?

Он хотел было сказать, что да, но...

- Нет, - получилось неожиданно даже для себя. – Извини, матушка, но... это все... это не для меня. Я... может, и вправду вернусь. Туда...

Сказать «домой» язык не повернулся. Там дома как раз и не было. И тут тоже. А где? Кто ж его знает.

- Потом. Когда завершишь свои дела, - она поставила огромную кружку на столик. И откуда взяла? Эдди казалось, что таких-то в доме точно нет.

- Потом, - согласился он.

И чай заварили крепко, а не так, как тут повелось. Вон, до черноты. И никакого молока. А сахару... он принялся. Так и есть, не пожалели.

- Извини, - матушка присела. – Мне стоило подумать, что для тебя все это будет мучительно.

- Почему ты не сказала?

- О чем?

- О том... о том, что ты...

- Сестра императора?

- Именно.

- Как-то вот... - она провела ладонью по ткани. – Я не была уверена, что он обрадуется моему возвращению. Оно все же создает некоторые проблемы. И для него в том числе... и брак этот мой. Он морганистический.

- Чего?

Матушка поглядела с легким упреком.

- Не притворяйся глупее, чем ты есть. Я все-таки тебя хорошо знаю. Я вышла замуж за человека, который много ниже меня по положению. Более того, он вообще не имеет титула. И следовательно, я утратила право на свой. Но...

- Кровь – это не титул.

- Верно. И... мы никогда-то не были особо дружны с братом. Он сложный человек. И... и наверное, Император не может позволить

себе быть другим. Как и слабости. И родственных чувств в принципе.

- Он мог сделать вид, что тебя не знает.

- Мог бы. Или просто сослать куда подальше от города. Запретить появляться в обществе. Запереть в лечебнице для душевнобольных. Он многое мог.

- А вместо этого он назвал меня племянником!

- Не кричи. Слуги здесь верные, но все одно не стоит давать им повод для сплетен. Чай вот пей. Кстати, Семптоны – это императорская ветвь. Одна из. Мертвая ныне, но теперь получит новую жизнь.

- Я не просил.

- Я говорила ему, что ты не слишком обрадуешься. Но ему показалось забавным.

- Сделать меня графом?

- Видишь ли, дорогой, все немного... сложнее. Сын моего брата... мой племянник. И наследник престола. Он болен. Серьезно. Он с рождения был слаб, и все надеялись, что слабость перерастет, но становилось лишь хуже. Сейчас... надежды почти не осталось. И теоретически ты...

- Нет! – вот теперь стало по-настоящему страшно.

- Видишь ли, совокупность факторов такова, что женщину на престоле не примут. Разве что в качестве супруги будущего императора, таким символом преемственности власти. И крови. Поскольку кровь тоже важна. Мой брак лишил меня титула, но не принадлежности к семье. Ты же усыновлен по всем правилам и законом уравнен с прочими... детьми.

А император, вместо того, чтобы перечеркнуть все эти бумаги, и не надо говорить, что закон стоит выше, взял да признал, что усыновление это, что родство...

С чего вдруг?

После минутного знакомства уверился, будто Эдди достоин занять трон? Да хрена с два.

- Чего он хочет?

- Скажем так, он подозревает, что заговор этот... не до конца ликвидирован. Что есть те, кто поддерживал заговорщиков, по старому обычаю оставаясь в тени.

Не было печали.

Дерьмо.

Кругом одно дерьмо.

- И поэтому титул?

- Именно. Семптоны... этот получали как правило незаконнорожденные отпрыски Императора. Он временный. Своего рода титул признания.

- Что? Он же... нет... это же бред! Он серьезно думает, будто кто-то поверит, что я – его незаконнорожденное дитя... которое что?

- Знаешь, дорогой, - матушка печально улыбнулась. – Они скорее поверят в то, что ты – его незаконнорожденный сын, которого я воспитывала на краю мира, искупая вину за неудачный брак, чем в то, что...

- Ты просто взяла в дом мальчишку из ниоткуда?

- Ты не из ниоткуда.

- Для тебя.

- Именно. И помни об этом.

- Я и не забываю. Но... мог бы и меня спросить, - проворчал Эдди. Чашка аккуратно устроилась меж ладоней. И грела. И было тепло, даже приятно, если отрешиться от всего этого, что вокруг.

Отрешиться не выйдет.

- Он все-таки император.

- Он тебе угрожал? – если так, Эдди не посмотрит на корону, свернет засранцу нос на бок.

- Нет, - матушка усмехнулась. – Он бы в жизни не опустился бы до угроз. Он все-таки император.

- И от этого не может быть засранцем?

- Еще как может. Более того, чаще всего и приходится, быть засранцем... на деле все сложнее. Мне тоже этот вариант не слишком понравился, как и ему... говоря по правде, будь другой выход...

Но другого, приемлемого, не нашлось.

Или искали плохо, или опять Эдди чего-то там не понимает.

- То есть, он думает, что я настолько впечатлю заговорщиков, что они зашевелиятся? И постараются... что? Меня угробить, чтобы ненароком трон не занял?

- Скорее уж с тобой договориться. Угробить тебя крайне непросто, - матушка улыбнулась уголками губ. – Хотя он и опасался...

Вот уж во что Эдди не верил, так это в опасения или паче того беспокойство свежобретенного, чтоб его в бездну, родственничка.

- Как ни странно, но на троне ты бы многих устроил...

Не приведите степные боги!

Эдди поспешно глотнул чаю. И едва не выплюнул. Горячий, зараза!

- Это кружка с подогревом, - улыбка матушки стала шире. - Нашла в одном премилом магазинчике. Так вот, извини, я не хочу тебя обидеть, но ты выглядишь...

- Как дикарь?

- Как орк-дикарь. А о них здесь сложилось весьма однозначное впечатление.

И надо полагать, не самое лучшее. Хотя... чего уж тут. Даже там, дома, орков опасались, но не настолько, чтобы признать равными.

- Дикарь, стало быть...

- Именно. Ограниченный. Примитивный. И управляемый. А это, поверь, самое желанное качество у будущего Императора.

- Для кого желанное?

- Для того, само собой, кто захочет им воспользоваться. Так что, полагаю, весьма скоро с тобой постараются свести знакомство.

- Мне показалось, что уже.

- О, это только первые ласточки, так сказать.

Эдди поежился.

- Дамы высшего света всегда умели чуют... перспективы, - матушка щелкнула пальцами. - Пока слух только-только пошел, но сам титул и близость к трону делают тебя весьма завидным женихом.

- Не было печали.

Найти бы того предсказателя и морду набить.

- Весьма скоро какая-нибудь юная особа явится не в сопровождении тетушки или матушки, но вместе с братом. Кузенком. Или еще каким-нибудь родственником. А уж тот постарается познакомиться с тобой... ввести в круг.

- И что мне делать?

- То, что делают дикари с точки зрения цивилизованных людей?

- Естественно пьют и буянят.

Понятно.

Эдди поморщился и уточнил:

- Насколько сильно буянят?

- Желательно, чтобы... скажем так, некоторое членовредительство допустимо, но Джер просил никого не убивать без особой на то необходимости.

Как расплывчато.

- Постараюсь, - буркнул Эдди и все-таки вдохнул сладкий аромат чая.

- Еще в долг бери.

- Зачем?

- Расписки. Деньги – один из наиболее удобных способов повлиять на человека. Вероятнее всего тебя постараются втянуть в игру. Бега, скачки, карты...

Чай настоялся. Горький и сладкий в то же время.

- Играй. И проигрывай. Пожалуйста.

- А если наоборот?

- Иногда. Пусть сочтут, что дело в везении. Но... не всегда игра будет честной.

Стало быть, благородные госпожа шулерством не брезгают? Дома бы за такое руки переломали бы, а тут придется сдерживаться.

Или нет?

Передергивать карты можно по-разному. И даром ли Эдди учился.

- А не получится ли так, что я вдруг останусь должен много-много денег разным... людям.

- Нет. Его Императорское величество оплатит твои долги. Но сперва вы поругаетесь. Крепко. Из-за этих самых долгов.

Эдди вздохнул.

Как же он... даже не устал. Еще ничего не началось, а уже точно.

- Несколько дней тому Джеральда пытались отравить. Клодин, старшая дочь его, слегла... у нее вдруг обнаружились серьезные проблемы с даром, хотя сам он слабый и прежде ничего подобного не происходило, - матушка говорила это чуть в сторону. – Джер отправил девочек на побережье, якобы воздух здешний им вреде. На самом деле...

- Боится, что отравят?

Это меняло дело. Пусть даже Эдди не был знаком с этими... кто они ему, к слову? Кузины? Но они – матушкина родня. И главное, матушка о ней беспокоится.

- Бойтся. И... Арни... мой племянник, она давно живет в крепости. Морской воздух полезен. И сам говорит, что ему там легче. Для всех он – ученый, который ведет изыскания. Но главное, что в Клиффорде до них не добраться.

А в том, что добраться попробуют, нет сомнений.

- Кто?

- Пока не известно. И понимаешь, яд... он и не яд словно. Джер говорит, что выпил чаю и... утратил дар. Вдруг. Потом тот вернулся, но ему все одно было дурно. Он вызвал целителей, но они ничего не обнаружили. Он решил было, что дело в... нервах.

Матушка чувствовала себя виноватой. И пожалуй, Эдди мог бы её понять.

- Но тут Клоди слегла... и главное, тоже самое, ни симптомов, ни... один из дворцовых целителей вспомнил, что сталкивался недавно с чем-то подобным. Коллега к нему обращался. Он и отправил за этим коллегой. А... там все сложно. Жизни девочки, к счастью, ничего не угрожает, но вот вернется ли дар – вопрос.

Эдди допил чай.

И поднялся.

- Хорошо, - веско произнес он. – Передай дорогому... дядюшке...

И как язык-то не отвалился, сказать такое?

- Что будет ему дикарь. Образцово-показательный. Только... может, тебе тоже на Побережье? Мне всяко спокойнее будет.

- Дара у меня нет, - матушка взяла кружку. – И прав на престол тоже. Кому я интересна сама по себе? А вот советом помочь могу.

- И... - Эдди вдруг спохватился. – Слушай, я ведь Чарли обещался в университет.

- Знаю. Джеральд сказал, что лучше и быть не может. Там легче свести правильные знакомства. Но все равно, - она поглядела снизу вверх и в глазах её Эдди увидел беспокойство. – Ты осторожнее, хорошо? Брат мне дорог, но вы с Милли – дороже. Если почувствуешь опасность, бросай все и беги.

- Дикари, - Эдди усмехнулся. – Не бегают. Особенно, если у них есть правильная дубина.

Он погладил дудочку.

На дубину она не походила, но тем и лучше.

Глава 3 В которой почти ничего и не происходит

Глава 3 В которой почти ничего и не происходит

Три огненных шара зависли под потолком. Я лежала на кровати, глядя на них, вяло раздумывая, что шары стоило бы притянуть и упрятать, правда, сперва найти, куда именно прятать. Но двигаться было лень.

И вообще...

- Хочешь? – перед носом появилась конфета.

Я прикрыла глаза, потому что... потому что хотела. И вообще не дело это, пользоваться чужой слабостью, особенно когда женщина страдает.

А я страдала.

Пыталась.

Но страдать с шоколадом за щекой получалось плохо. И я все-таки села, чтобы поглядеть на мужа.

- И?

Он молча протянул еще одну конфету. А в руках целая коробка, та, деревянненькая, с тиснением. И шоколад на сей раз разный, этот с орешками даже.

- Скажешь, что она не обязана была предупредить?

- Не обязана, - согласился Чарли, покосившись на шары.

- Я их контролирую, - я протянула руку. – А какие там начинки?

- С белым шоколадом...

- И такой есть?

- Есть. С сушеной клубникой. С лесным орехом. С вишней в коньяке... и еще что-то. Честно, сам не знаю. Но, Милли, вряд ли ваша матушка сделала это специально.

- Ага, совершенно не специально... не специально пряталась от нас пару недель. Не специально не говорила об этом... этом... Императоре, чтоб его. Мог бы, между прочим, и промолчать.

Я взмахнула рукой, и шары под потолком закружились, опасно приблизившись друг к другу. И по синей поверхности побежали искорки.

- Если они столкнутся, - заметил Чарльз, вытаскивая еще одну конфету, которую при этом нагло отправил в рот, - будет взрыв. А дом

защищен, конечно, но не настолько, чтобы выдержать. Я уже про нас не говорю.

- Извини, - я вздохнула.

Муж, если разобраться, не виноват. И никто не виноват. Кроме матушки, которая взяла и хитрым образом исчезла во дворце...

- Что-то я нервной стала.

- Мой дар проявился рано, - Чарли устроился на полу и похлопал по ковру рядом с собой. – Но первые годы, честно, помню смутновато. Я и вправду, кажется, только и делал, что ел. Это вот вечное чувство голода. Ходил... в одном кармане орешки, во втором – сухарики. И грызу, грызу...

Я сползла на ковер. А что, красивый. Толстый. Мягонький. И сидеть тепло. А обида почти истаяла. И да... я не маленькая. Я понимаю, что, если бы мама могла сказать, сказала бы.

Запретили?

Или... не была до конца уверена, что братец не переиграет?

Или наоборот, он потребовал молчать? Не понятно. Но ясно одно, что матушка... с матушкой я поговорю. То есть сперва Эдди поговорит, а потом и я, когда совсем успокоюсь. А то и вправду стала какой-то нервной чересчур. Еще обижу ненароком.

А так...

Шары кружатся, кружатся. Красиво, если подумать.

- В первые годы дар прибывает потихоньку, буквально по каплям, - Чарльз поставил коробку на колено. – Выбросы случаются, но обычно, если дар обещает быть ярким.

- И у тебя?

- Спалил однажды гостиную...

Приятно знать, что не ты одна такая. То есть, я пока еще ничего не спалила и, чую, если вдруг, то гостиной не обойдется.

- А вот когда стал взрослеть, случился скачок. Тоже не то, чтобы совсем уж редкое явление. Сейчас, правда, говорят, что да, редкое, но... тогда и характер испортился.

- У меня не испортился!

- Конечно нет! – бодро соврал муж.

- Сильно?

- Не то, чтобы... ты же сама сказала, что злишься. Это тоже нормально.

Ну да... конечно... вот едешь ты на край мира, за мужем, к счастливой новой жизни. А тут тебе и не слишком рады. И потом выясняется, что твоя матушка...

- А Эдди графом сделали, - наябедничала я. – Хотя... ты ж там был, знаешь.

- Был, - Чарльз усмехнулся. – Хорошая... шутка.

- Шутка?

- Граф Семтон – титул весьма своеобразный... на самом деле такого графства нет.

- Как?

Это что, Эдди обманули?!

- Вот так. Этот и еще пара других титулов. Они настоящие, просто безземельные. Их придумали, скажем так, для особых случаев.

Я протянула руку и шары остановили движение, чтобы опуститься чуть ниже. Я ощущала связь с ними. И управлять тоже могла. Не совсем, но вот... выше поднять. Ниже.

Или в другую сторону хоровод запустить.

- Иногда... у Императора или у кого-то из ближайшей его родни появлялся ребенок. И часто бывало так, что ребенок этот...

- Незаконнорожденный?

Чего он мямлит. Такое не только с Императорами бывает. Вон, поговаривали, что Летти Шеффилд – незаконнорожденная дочка нашего шерифа, который, может, и та еще сволочь, но вот землицы ей в приданое прикупил. И не только землицы...

- Да. Дело в крови, Милисента. У Императора особый дар. Он не всегда проявляется, как у твоей матушки. Поэтому за детьми приглядывают. Воспитывают при дворе. Наделяют титулом.

- Графа Семптона?

- Да... хотя последний граф почил лет этак двадцать тому. Говорят, был довольно своеобразным человеком...

- погоди, но если этот титул, то... нет, это ж безумие! Никто не поверит...

- Может быть, и нет. А может, и да. Порой удивляешься тому, во что люди готовы верить. Смотри, что у меня есть.

- Помимо конфет?

А коробка-то наполовину опустела. И главное, не все-то из неё я тягала, Чарли не отставал.

- Что? – он поглядел на меня пренебрежительно. – Я, между прочим, тоже с даром маюсь... а шоколад – силы восстанавливает. Все маги на самом деле страшные сладкоежки. Но обычно это как-то... скрывают.

- Почему?

- Неудобно. Считается, что сладкое – это для женщин.

- Правильно считается, - я отобрала коробку. Не такая она и большая, чтобы двоим хватило.

- У меня еще одна есть, - успокоил Чарльз. – На самом деле затевается какая-то игра. Пока не знаю, какая, но думаю, скажут. И...

- Опасная?

- На этом уровне других не бывает.

- Эдди...

- Я его не брошу.

- Даже если велят?

- Император не вправе требовать поступков, которые наносят урон чести. Он это знает.

Как и то, что мой муженек – слишком большой чистоплюй, чтобы согласиться на подобное. И потому потребует у кого-нибудь другого, не такого повернутого на вопросах чести.

Чарли вздохнул.

Кажется, и он понимал это.

- У меня есть... знакомый, который может кое-что прояснить. Хотя, подозреваю, и он не знает всего.

Никто не знает всего.

- Слушай, ты меня заговорила.

- Я?

- Вот, - Чарльз вытащил из кармана бархатную коробочку, в которой обнаружилась крупная подвеска с бледным розовым камнем. Красивым. – Это тебе...

Я перевела взгляд на потолок.

- Да нет, просто... я ведь так ничего и не подарил тебе на свадьбу. Я раньше выбрал, честно. Думал, перед этим представлением, но как-то вот замотался...

Камень был чуть меньше того сапфира, который свекровь припрятала подальше, должно быть, чтобы ювелиру показать.

- Это...

- Алмаз. Розовый. Африканский. Мне так сказали, но могли и соврать.

- Что алмаз?

Не сердце. Не знаю, как называется эта огранка, но камень будто прямоугольный. И... и внутри искорки. А еще руки к нему сами тянутся. Я прямо чувствую, что мне срочно, просто жизненно необходимо потрогать его.

- Нет, что африканский. Алмаз. Я проверял. И чистота хорошая, годится для артефактов.

А сколько стоит, о том лучше не спрашивать.

- Извини, - я почувствовала, что рот наполнился слюной. Нет, я ведь не хочу сожрать камень? Точно? С облегчением выдохнула, сообразив, что сожрать не хочу, а вот потрогать...

- Правда, ничего сложного сделать не успели, просто...

- Чарли, помолчи. Он чудесен.

Я вытащила тонкую цепочку и прижала камень к щеке. Правильно... алмаз и золото, золото и алмаз... буду надеяться, что это тоже из-за дара, энергии и всего остального, а не потому, что я все же слегка свихнулась.

Шары под потолком затрещали.

И опустились.

Ниже.

Еще ниже... и на ладонь. В камень сила уходила, что вода в сухую землю. А я видела её, там, внутри, видела, как она наполняет алмаз, как... как меняет его.

Самую малость.

И еще.

И третий тоже... и вот так... а дальше что?

- Если хочешь получить артефакт, то нужно задать посыл. Свойство.

- Как?

- В нормальных условиях путем длительных расчетов и точечного воздействия, но ты просто попробуй представить, чего от камня хочешь.

А чего я хочу?

Чтоб я знала...

- Допустим, чтобы защищал. Скажем, от опасности...

Это уже было, в том, в синеньком... но да, почему бы и нет? Кто сказал, что нельзя повторить. Тем более синенький – это не мой, а вот розовенький – очень даже мой.

- И в конце проводят привязку, к ауре хозяина, но тогда задают условия, при которых артефакт можно перенастроить, скажем, в случае продажи или гибели хозяина. Но чаще привязывают на кровь. Кровь несет характерный отпечаток, и у родственников схожа. Правда, тогда управлять артефактом сможет любой человек, кровь которого камень примет.

Интересно.

И...

Не то.

Я закрыла глаза и села, взяв камень в руку. Я поднесла его к губам и выдохнула. Почему-то рукам стало жарко, и... и жар тоже ушел внутрь.

Это мой.

И... и моих детей, если будут у меня дети. И детей моих детей тоже. И всех, в ком есть моя сила... сила – это почти кровь, почему-то опираться на нее мне кажется более правильным.

Да.

Именно так все.

А если кто вздумает украсть... от самой это мысли в глазах потемнело. Мое! Никогда и никто... надо успокоиться. Надо... вор, посягнувший на собственность моей семьи, будет наказан.

Именно.

Я почувствовала отклик и улыбнулась.

- Вот так, - я открыла глаза и...

- Ты все-таки подпалила гостиную, - сказал Чарльз, засовывая за щеку последнюю конфету. А по ковру пролегла не очень длинная, но широкая черная полоса.

Это... это...

- Ты огнемдохнула, дорогая.

- Я... не нарочно, - пальцы разжались, и остывающий камень выпал из рук, чтобы повиснуть на цепочке. Алмаз больше не был розовым.

Он потемнел.

И... и бывают алмазы вишневого цвета? Хотя, конечно, красиво получилось.

- Красиво, - Чарли руку протянул, но тронуть не решился. – Можно?

Я протянула цепочку.

- Теплый... и горячий даже. И что-то такое... знаешь, я ощущаю силу внутри, но не могу понять её суть. Впрочем, я тут сам на днях тоже... утворил что-то. А ведь говорили мне, что артефакторика в жизни пригодится. Но где там... я же боевой маг, к чему мне артефакты? Они для тех, у кого силы мало.

Он вернул камень.

И помог цепочку застегнуть. Я не уверена, носят ли леди такие украшения просто так, без повода, но... но леди пусть делают, что им вздумается. А я вот буду.

Мне с камушком как-то спокойнее.

- Паркет не пострадал, - Чарли приподнял ковер и подал мне руку. – Матушка сказала, что к вечеру придет модистка...

- Опять?!

Да сколько эта страшная женщина сюда ходить может?!

- Тебе нужен гардероб.

- У меня уже есть один!

Я представила вечер в окружении тканей, кружев, лент и прочей безумной мишуры. Нет уж, я... у меня нервы! Я не готова.

- Матушка сказала, что там лишь основное, а тебе нужны еще платья.

Вот уж не было печали.

- Домашние, для прогулок, для визитов, вечерние опять же. И бал скоро...

Я уставилась на потолок. Интересно, а если у меня опять будет выброс энергии, это сочтут достаточно веской причиной, чтобы не идти на бал? Что-то сомневаюсь... крепко.

- Университет опять же.

- Что, и для него специальные платья нужны?

- Понятия не имею. Но ты должна выглядеть, как...

- Племянница Императора?

- Леди Диксон.

Я закрыла глаза.

- Домой хочу...
- Потерпи.
- Сколько?
- Пока дар стабилизируется. И... пока не разберемся со всем этим безумием.

А когда сие случится, никто не знает. Чую, что не скоро. Да и... что-то сомневаюсь, что теперь нас вот так просто возьмут и отпустят.

Но верить в счастливое будущее хотелось.

- Хочешь, я скажу матушке, что ты переживаешь? Мерки твои есть, потом, если что, просто подгонят по фигуре?

- А так можно?

- Почему нет. Хотя обычно леди сами любят выбирать.

- Я не леди.

- Леди, - он щелкнул меня по носу. - Просто... очень особенная.

Камешек на груди потеплел. И стало так приятно, что... что еще немного и расплачусь. Господи, да когда уже все это прекратится-то...

- Я... потерплю. И вправду надо разбираться. В револьверах я разобралась, глядишь, и с платьями сумею.

Чарльз ободряюще улыбнулся.

- У тебя получится.

Ну да... как иначе-то.

- Милли...

- Иди уже, - проворчала я.

- Куда?

- Куда собрался, - я с кряхтением поднялась. Почему-то вдруг навалилась усталость. И желание спать, такое вот, что зевоту с трудом сдерживала.

- К Орвудам вообще-то... думал, может, составишь компанию? Там Эдди будет. Хотим кое-что попробовать с его талантами. Ну а ты можешь... чаю попить.

Я? Чаю?

Ах, да...

- Конечно, - зевок я все-таки подавила.

И вот честно, лучше Орвуды, чем примерки.

Данный текст был приобретен на портале [Литнет](#) (№39719137 21.02.2023).

[Литнет](#) – новая эра литературы

Глава 4 Где джентльмены вновь спускаются в подвал, хотя и другой

Глава 4 Где джентльмены вновь спускаются в подвал, хотя и другой

Оставляя супругу в гостиной, Чарльз испытывал легкие угрызения совести. Как-то вот... гостиная эта, на удивление милая, кукольная даже, такой не место в доме некроманта. Юные леди в светлых нарядах.

Солнце за окном.

Чай.

Будто игра какая-то, в которую Чарльза не приняли. Или сделали вид, что не принимают. Мальчикам положено играть отдельно.

В темные подвалы.

В тайны зловещие, которые должны скрываться там, за дверями из мореного дуба. Как иначе-то?

Но за дверями обнаружилось продолжение лестницы. Коридор, освещенный, правда, газовыми рожками.

- Прошу прощения, - Орвуд-старший был в домашнем костюме, поверх которого накинул мятый халат. – Но электричество здесь сбоят. Полагаю, вступает в конфликт с моей энергией. А вот газ горит ровно.

Здесь пахло не смертью и болью, но карболкой и ароматическими маслами.

- Сюда, - Орвуд провел мимо дверей, которые были заперты, и Чарльз не стал спрашивать, что находится за ними. Все же не всякое любопытство уместно. – Здесь я храню тела. По-прежнему находятся в состоянии стазиса. Честно говоря, не уверен, что в этом есть смысл. Я испробовал, если не все способы, то все более-менее законные.

Хорошее уточнение.

Вид мертвых женщин и мужчины оживил воспоминания о том доме. И Чарльз повел плечами, до того вдруг стало неуютно.

Здесь же, у стола с покойницей, обнаружился Эдвин, что совершенно не удивило. Он стоял, разглядывая женщину, словно пытаясь понять что-то, одному ему доступное.

- Имеется пара ритуалов... описанных в одной книге, - Орвуд произнес это, глядя в стену. – Однако, если вы решитесь на них, то

ищите другого некроманта.

- Почему?

- Потому что строятся они на жертвоприношении. Душа жертвы выступает проводником и связующей нитью. А энергия... сложно объяснять, но перед такой силой почти невозможно устоять. Легенды о безумии некромантов взялись не на пустом месте.

Он крутанул черный перстень на пальце.

- Это можете и передать.

- Благодарю, - Эдвин отступил. – Рад видеть вас, Чарльз. Руку предлагать не буду, все же... место такое. Специфическое.

- Понимаю.

Интересно, он случайно?

Или встречи искал? Такой, которая в тихом месте, где никто не подслушает... скорее всего.

- Как ваш... брат?

- Плохо, - спокойно ответил Эдвин. – Мальчик признал свой яд. Но изготовить противоядие не способен. Слишком мал.

И это тоже было известно.

Мальчишку-сиу Чарльз сам привозил. А потом вернул в заботливые руки дорогой леди Элизабет.

- Но он хотя бы состав написал. А дворцовый целитель изготовил протвоядие. То есть то, что в теории является противоядием, но он не уверен.

- Не помогло?

- Жизненные параметры его стабилизировались, - развел руками Эдвин. – Но в себя он не приходит.

- Он...

- Здесь, - подал голос Орвуд-старший. – Рядом.

И не соврал.

Погибший при пожаре Бальтазар Астерос обнаружился в соседней с мертвецкой комнате. И отличалась она разве что отсутствием столов, вместо которых нашлось место кровати.

На ней он и лежал.

Бледный. С запавшими глазами, с кожей темно-серой, покрытой какими-то разводами. И вряд ли это грязь. Человек дышал. Грудь его вздымалась и опадала. Губы шевелились, будто он пытался что-то сказать, но не мог.

- Физическое тело восстанавливается, - Эдвин провел ладонью надо лбом, и с пальцев его сорвались зеленые искры, которые касались лежащего и таяли. – И это само по себе хорошо, но...

Не пострадал ли разум?

Этого он боится?

Впрочем, а сам Чарльз разве не боится такого? Жить и...

Искр становилось больше, они больше не таяли, но сплетались друг с другом, окутывая тело мерцающим коконом.

- Целители говорят, что нужно ждать, но... - Эдвин убрал руку. – С другой стороны, что мне еще остается?

Он встряхнул руку, и искры истаяли.

- Есть тут кто? – голос Эдди нарушил такую тяжелую неудобную тишину. – Здесь у вас, однако, воняет...

- Да вроде бы нет, - Бертрам Орвуд потянул носом. – Мы следим за порядком. Здесь регулярно убирают.

- Не в этом дело, - Эдди в своем обычном наряде смотрелся довольно органично. И Чарльз подумал, что никто не поверит... никто в здравом уме не поверит.

Но где у высшего общества здравый ум?

Эдди повел головой, ноздри его слегка дрогнули.

- Здесь смертью воняет. И старой... когда-то здесь убивали. Доброго дня. Если доброго.

- Смотря для кого, - Орвуд-старший чуть склонил голову. – Рад, что вы откликнулись на просьбу.

Эдди хмыкнул.

- Лучше уж время с некромантами провести, чем с этими... девицами.

- Уже?

- А то... вот прям с утраца и начали. С визитами.

Надо же. Какое вопиющее нарушение приличий. Это даже не на грани, это далеко за ней. Эдди аж передернуло.

- И главное такие... щебечущие. Восторженные. Страх берет.

- А здесь не берет? – уточнил Орвуд-старший.

- Здесь? Что я, на кладбищах не был? Да и убивали давненько... лет пятьдесят точно прошло, если не больше.

- Шестьдесят семь. Мой... прадед решил исполнить один ритуал. Переноса жизни. Его дочь заболела, он надеялся помочь.

- И как?

- Сошел с ума.

- А дочь?

- Он выпил и её, так что здесь нельзя сказать точно, помог ли ритуал, но тогда моему деду пришлось нелегко. Он вскоре после того случая сам скончался. А слуг пришлось нанять наново. Вы не представляете, до чего сложно найти хороших слуг некроманту... в общем, с тех пор, собственно, мы больше жертвоприношениями не балуемся.

Прозвучало это как-то по-светски, что ли. И вдруг подумалось, что в клубе Орвуд-старший был бы куда более своим, чем Чарльз. Что, возможно, поэтому они молчат... сколько времени прошло, а молчат.

Будто и не было ни аукциона, ни того разговора.

И Чарльз почти готов поверить, что не было, но... имелась же Эванора Орвуд с её сереньким колечком и необходимостью быть рядом с Миллисентой. И этот интерес.

И...

А если они поняли? Догадались? Или просто Чарльз перестал быть нужен? В конце концов, что он может предложить им?

В том и дело.

- Тот зал ниже. Опечатан. Хотя и чистился.

- Чистился, - подтвердил Эдди. – Я не чувствую душ, хотя... если сыграть, то могут и появиться. Но в другой раз.

Он сдвинул шляпу на затылок.

Мятуя.

И одежда та самая, с Запада, поношенная и вызывающе простая, будто назло кому-то. Или частью образа? Надо будет перемолвиться парой слов.

Потом.

Наедине.

- Я пригласил достопочтенного...

- Эдди, - буркнул Эдди, глядя на Эдвина с прищуром. – Без всех этих выкрутасов.

- Эдвин.

- Подвинься, - Эдди опустился перед кроватью и прижал пальцы к шее. – Надо же, живой... а мертвечиной так и тянет.

Эдвин тотчас подобрался.

- Что с ним?

- А мне откуда знать? Я ж не целитель, но мертвечиной тянет, точно он... нет, если по кладбищу пройтись, то такого не будет, - ноздри дрогнули. – Даже по старому... будто его похоронили? Или он? Не разберусь. Но вляпался во что-то...

- Поможете?

- Пока не рискну, - покачал головой Эдди и поглядел на Эдвина снизу вверх. – Извини. Не потому, что не хочу. Просто у меня сила есть, а умений мало. Тут же дело такое... я даже не пойму, чего с ним. Сунусь и как хуже сделаю?

- Куда уж хуже.

- Поверьте, - тихо произнес Берг. – Всегда есть куда хуже.

Не поверил.

- Мне бы сперва хоть чутка освоиться. Разобраться. Тут же может и не он вернуться. Что делать станешь? – Эдди поднялся. – Я разберусь, только... времени бы. И книжек каких, если есть... про души там, про шаманов.

- Про шаманов, боюсь, книг не так и много, если исключить любовные романы.

- Про шаманов? – удивление Эдди было весьма искренним.

- Орки ныне в моде, - развел руками наследник Дархардов. – Но полагаю, это не совсем то, что вам нужно. Я... поищу отчеты. Исследования. Если таковые вообще проводились.

В мертвецкой снова пахло смертью. Знакомый аромат, такой вот... приторный, навязчивый, из тех, которые только краешком задень и приклеятся намертво. Как бы вовсе одежду сжигать не пришлось. Эдди поморщился.

Магушка обрадуется.

Она, когда увидела, только вздохнула. И во взгляде укор. Мол, у Эдди вон ныне целая комната всякоразных костюмов, а он за старое.

И как сказать, что только в старом он себя собой чувствует.

Дурацкое, конечно, объяснение, но...

Смертью пахло.

И главное, чем дальше, тем четче Эдди различал оттенки этого гадостного запаха. Тот, застарелый, что почти не ощущался наверху, а в подвалах вот прорезался. Он собирался годами, десятилетиями, про которые Орвудов лучше не спрашивать.

Добрых некромантов не бывает.

А с ума они и вправду частенько сходят. И от запаха, надо полагать, в том числе.

Но вот к этому запаху привязались другие, исходившие от людей, что от живого, пока еще живого, что от покойников, обнаружившихся в соседней комнате. Мертвецкая, стало быть.

А что? Куда некромантом без домашней мертвецкой?

Эдди все-таки чихнул и потер кончик носа.

Нет, тут запах тот же и... другой, самую малость. Интересно, сколь нормально это, принюхиваться к мертвецам. А главное, что смотрят. Ждут.

И кто с надеждою глядит, будто верит, что Эдди сейчас возьмет и совершит чудо. Кто выжидающе. Кто со скепсисом, которому Эдди готов поверить.

Он ведь и в самом-то деле не шаман, а даже еще и не учится.

Эдди провел ладонью над телом женщины, которая казалась спящей. И ничего. Покойница. Сколько Эдди таких повидал? Ладно, не таких, но других. Иных и сам сотворил, что уж тут.

- Круг надо бы очертить, - он огляделся. Место не сказать, чтобы удачное.

Столы эти железные.

Стены тоже листами обшиты, и толстенными, хотя запах смерти и из-под них пробивается.

- Не здесь только, - Эдди понял, что ему не нравится. Это вот самое железо. – Нужно другое место. Чтобы просто камень там. Или земля. Или доски на худой конец. Но лучше, чтоб рукотворного не так много.

Спорить не стали.

Уточнять тоже.

Орвуды лишь переглянулись и старший едва заметно кивнул, стало быть, дозволяя. Что?

- Есть... ритуальный зал, - он-то и заговорил. – Как правило, чужаков туда не пускают, но... случай исключительный, а потому готов предоставить. Но я буду присутствовать. Не потому, что мне так уж интересно, хотя да, интересно, но зал заклят на родную кровь. Это не помешает?

- Пока не знаю, - честно ответил Эдди. – Глянуть надобно.

- Эдвин?

- Если получится, то мне надо будет задать вопросы, - этот лощеный типчик отряхнулся. – Полагаю, вы, Чарльз, тоже не отступитесь?

- Само собой. Я обещал жене приглядывать...

Эдди подавил смешок. Ну да, за ним только и приглядывать.

- Берт?

- Я, пожалуй, останусь здесь. На всякий случай, - Орвуд пошевелил пальцами. – Что принести?

- Воду. Свечи. Соль. Круг начерчу, за пределы не выходить.

Идти пришлось не так и далеко.

Лестница.

И еще одна.

Дубовая дверь, украшенная рунами, которые показались Эдди смутно знакомыми, но разглядывать времени не было. Дома уже вспомнит, нарисует и подумает. Главное, что сама дверь массивная и на петлях, тоже из дуба сделанных.

Или не дуба? Красноватое дерево.

- Железо быстро истлевает, - подтвердил догадку Орвуд-старший. – А вот дерево, как ни странно, вполне себе долговечно, особенно некоторые породы. Это железный дуб.

- Я только слышал о таком, - Чарльз провел по двери ладонью. – Теплый.

- И отлично поглощает излишки силы в случае выброса. Но их давно уже не случалось. Очень давно, - Орвуд положил ладонь на дверь и та беззвучно отворилась.

Вошел он первым.

И факелы зажег.

Живой огонь? Тоже хорошо. Правильно.

Эдди огляделся.

Зала. Небольшая, шагов десять в поперечнике. Потолок выгнутый, неровный, видно, что делали вручную и как-то наспех, что ли. То ли дело пол. Камень выскоблен до зеркальной гладкости и в нем отражаются отсветы рыжего огня. И сам-то он кажется красным, что мясо.

И по этой красноте разбегаются тончайшие золотые нити. Паутинки сложного узора, в котором и круги, и звезды и снова же

руны.

- Это... я такое только на рисунках видел, - Эдвин огляделся. – И то... весьма отдаленно похожее. «Основы прикладной некромантии».

- Запрещенные к переизданию?

- Скорее ограниченного пользования. Переиздаются они с высочайшего дозволения и малым тиражом. Но вы, полагаю, знаете.

- Истинные некроманты предпочитают рукописные книги, - Орвуд присел на корточки, коснувшись линий. – Это было создано еще моим прапрадедом. Для простых ритуалов.

- А... для сложных?

- Я ведь рассказывал про прадеда?

- Ясно.

- На самом деле весьма любопытный вопрос. Я знаю, что общепринятое мнение таково, что современные маги превосходят по силе своих предков. Но вот мне и в этом зале непросто, тогда как еще моему отцу он казался тесноват. Бертрам же, полагаю, не сможет воспользоваться и третьей кругов.

Он замолчал.

И остальные тоже.

- Прошу, - Орвуд указал в центр. – Выбирайте место. И я изолирую нужный участок.

Эдди прошелся.

Здесь запах смерти ощущался особенно остро. Вонь проникала откуда-то снизу и, пожалуй, он мог бы дойти до самого её источника.

Но... надо ли?

Он остановился в самом центре. Звезда? Какие-то знаки... не помешают, и ладно.

- Тут, - Эдди опустился на камень. – Солью надо круг осыпать. И второй – для вас. Что бы ни случилось, не лезьте. Никогда не знаешь, какая хрень может откликнуться... в общем, пока круг цел, до вас она не доберется.

- А до тебя?

- И до меня.

- Я слышал, что соль порой используют подобным образом. И мелкую нежить она вполне способна остановить, но... будет ли достаточно? – Орвуд нахмурился и руки за спину заложил. – Я могу поднять защиту...

- Нет, - Эдди вытащил дудочки. Белая. И черная. Выбор. А еще недавно и одной не было. – Это сродни тому, что кричать, заперевшись в чулане. Можно, только вряд ли кто услышит. А вы же хотите, чтобы услышали? Вот... стало быть, соль. И девицу эту положите вон там. Свечи вокруг поставьте. Сами... может, все-таки подождете?

- Боюсь, интересы короны... - начал было Эдвин.

И Эдди махнул рукой.

Ну их. И корону туда же.

- Только, - он погладил дудочку. – Если вдруг потянет из круга выйти и вообще чего-нибудь такого послышится, вы не верьте особо. Или увидите кого. Мертвого. Они порой приходят. Не смейте выходить. Как бы ни хотелось.

Привязать бы их, скажем, к стене.

Но, чуялось, не согласятся.

Покойницу принесли, а с нею и свечи, и соль, и еще шкатулку какую-то, которую Эдди не просил. Но Орвуд-старший принял. И крышку откинул.

Вытащил какие-то веревочки, которые всем и роздал. Эдди тоже предлагал, но неуверенно.

- Что это?

- Веревка висельника, - Орвуд помог завязать веревочку на запястье Чарли. – Как ни странно, но весьма действенное средство, когда касается... тонкого мира. Способна удержать призраков на расстоянии.

Тогда Эдди обойдется.

Ему же не на расстоянии надо, а совсем даже наоборот.

Он обвел солью и женщину.

Нарисовал круг для этих вон, любопытствующих. И себе тоже. Свечи расставил. Зажигались они неохотно, и запах смерти сделался плотнее, гуще.

Отступить?

Поздно.

Эдди вернулся в свой круг, уселся и поднес дудочку к губам. Белую. Что ж, получится или нет, оно будет видно, а теперь только и надо, что дунуть, позволив ей самой выбрать мелодию.

Первый звук пронесся по зале шелестом ветра, прикосновением ласковым.

То ли вздохом, то ли всхлипом.

И дудочка заныла, затянула жалобную мелодию, торопливую, будто тот, кто желал говорить, очень боялся лишиться этой возможности.

Глава 5 В которой леди пьют чай и ведут застольные беседы

Глава 5 В которой леди пьют чай и ведут застольные беседы

Эва ерзала, до того ей на месте не сиделось. Хотя, казалось бы, всего-то и надо, сиди, улыбайся, пей чай и беседуй о погоде, которая ныне на диво хороша. Или вот еще о полосатых ленточках, что в моду вошли, но не те, которые в прошлом сезоне, широкие, в два пальца, а всенепременно узкие, потому что широкие – из моды как раз вышли. И моветон использовать такие для шляпок.

У Тори получается.

И про шляпки, и про ленточки, и про погоду тоже. Улыбка радостная, сама просто лучится счастьем, того и гляди, что поверить можно, будто ей оно и вправду оно жуть до чего важно. А главное, что Эва-то верила.

Раньше.

Теперь же...

- Хрень какая-то, - первой не выдержала Милисента Диксон. – Кому это интересно-то?

Матушка слегка осеклась.

- На самом деле кому-то, может, и интересно...

- Вот придешь с не теми ленточками на бал, - буркнула Тори. – Живьем сожрут. Или так похвалят, что стоять будешь, как оплеванная. А потом еще год вспоминать станут.

Эва просто тихонько вздохнула.

Грядущий бал, до которого оставалось пару недель, честно говоря пугал её до дрожи в коленях.

- А о чем у вас говорят? – поинтересовалась матушка, оставив фарфоровую чашку.

Сервиз был новым, правда, Эва так и не поняла, чем он от старого отличался, то ли цветочки были другие нарисованы, то ли завиточки не в ту сторону шли.

В общем действительно хрень.

Она повторила слово про себя.

И еще раз.

- Да... обо всяком, - вдруг смутилась Милисента.

- А все-таки?

Тори тоже уловила это смущение. И улыбка у нее сделалась предвкушающей.

- Иногда о том, что в доме крыша течет. Опять. Или вон трубы надо бы чистить каминные, да только это денег стоит... полы в старой гостиной подгнивать стали, того и гляди провалятся, а потому надо бы комнату запереть. О том, сколько муки осталось или сала. И... или еще, что новые листовки пришли.

- Листовки?

- На розыск, - пояснила Милисента. – Оно-то большей частью одни и те же рожи, скажем, Французик... на самом деле Фрэнки Монс, но прозвали так, потому как картавил. И еще все трепался, будто его бабка в Старом свете в хорошем доме служила, стало быть, его матушка – благородного происхождения. Ну и рожа еще у него смазливой была. Он этим и пользовался. Разъезжал по городам, выискивал дамочек, чтоб в возрасте и вдовы, втирался в доверие. Женился даже. А потом исчезал с деньжатами, да еще иных в долги вгонял.

- Ужас какой! – с неприкрытым восторгом воскликнула Тори.

- А то... за него сотню давали. И еще две – частным порядком. У одной вдовушки сыновья оказались, которые ну крепко за матушку огорчились. Но тогда за этим Французиком пришлось побегать. Он рожи менял, что вон леди перчатки. То волосы покрасит, то усы отрастит, то наоборот. Взяли его на Ладьиной пустоши, верно, совсем попріяжало, если туда сунулся, там же ж одно отребье... когда-то золотодобытчики селились, городок большим был, но золото иссякло, вот и остался народец, которому деваться вовсе некуда. Вот... там его и взяли.

- Кто?

- Я и Эдди.

- Вы?!

- Ну... - смущение стало совсем явным. – Не могла ж я его в такое место одного отпустить?

- Почему? – поинтересовалась матушка как-то очень тихо.

- Так... пристрелят. Вдвоем сподручней, если чего, отбиваться, - Милисента допила чай. – Но тогда неплохо сходили. Правда, шериф попытался половину денег зажать, мол, за посредничество, но Эдди

ему пригрозил, что отстрелит... в общем, в результате долгой и продуктивной дискуссии джентльмены пришли к консенсусу.

Матушка первой хихикнула.

А Эве... Эве вдруг стало страшно. Это ведь только в романах, наверное, красиво, чтобы пустыня там, закат и смертельно опасные приключения. Потому что в романах ведь понятно, что никакой такой по-настоящему смертельной опасности и не угрожает, что все закончится хорошо и непременно свадьбой.

- А вот за Кровавым Бером вшестером шли. Он караваны грабил и ладно бы просто, в конце концов, понять можно...

Эва не представляла, как можно понять такое.

- Но он же ж не просто грабил. Он под чистую вырезал. Сперва караваны, потом по фермам пошел. У Шального ручья стояла... там уже и не ферма даже. Старый Гранди, его жена, трое сыновей со своими женами, их сыновья... меньшие еще детьми были, а у старших свои дети. И работники тоже. Земли у них имелось. Они там... в общем, никого в живых не оставили. Тогда-то уже и наш шериф, уж на что ленивая задница, но велел собираться всем. Ловить, стало быть. Но Кровавый Бер – хитрый засранец, и места знал преотлично. А может, и предупредил кто, как знать. Главное, что когда подошли к местечку, где он мог залегать, там ничегошеньки, только кострище и сапог старый. Вот... ушел он. И крепко залег. С полгода не казался, поговаривать стали, что он и вовсе уже отошел к богам. Это же ж просто.

В гостинной было тихо.

Так тихо, что слышно было, как бьется в окно муха.

- А он... не умер?

- Нет. В горах пещерку нашел одну... не одну даже, потом уже поняли, что прежде в них жили, то ли сиу, то ли орки, главное, что пещеры эти крепко в горы уходили. И прятаться в них вечность можно было.

- Не усидел? – уточнила матушка.

- Сам-то усидел бы, но люди его стали в городок наш захаживать. Жрать-то что-то надо. И пить. И сперва, думаю, таились, а после уверились, что никто-то их не знает. Оно, может, и так. На листовках порой такие рожи печатают, что мать родная не опознает, ежели чего. Но тут один в бордель сунулся. А у него пятно приметно было на... на

скрытом месте, - вовремя поправились Милисента. – Или родинка там. Или еще чего, не уточняла уже. Главное, что шлюха...

Матушка поглядела с укором, но прерывать не стала. А укора Милисента будто и не заметила.

- В общем, шепнула кому надо. Тогда-то Эдди и дождался, пока этот вот снова заявится. И за ним пошел. Тихонечко. Эдди – хороший охотник.

В этом Эва нисколько не сомневалась. И... и грустно, что он теперь граф. Очень.

- До гор и довел, а там уж вернулся и людей собрал.

- И вас?

- Ну... меня он не особо брать хотел, - Милисента усмехнулась. – Все ворчал, что небезопасно.

- А...

- А оно и вправду небезопасно. Но как я его одного? Он же ж под пули сунется. И тогда тоже... пострелять пришлось. Но голову Бера мы в город привезли. Мэр её еще жиром топленным залил и дальше отправил.

- З-зачем?

- Чтоб не попортилась. Да и много чего за ним числилось. Вот чтоб люди и поняли... нам после почти три сотни упало. Может, и немного, но такого ублюдка нужно было остановить.

- И... и вы тоже убивали? – поинтересовалась Тори, подавшись чуть вперед. И само собой едва не опрокинула недопитый чай.

- Тори!

- Случалось, - Милисента ответила спокойно, будто и не было в этом признании ничего такого. – Порой ведь или ты, или тебя.

- Ужас, - матушка покачала головой. – Как хорошо, что вы сейчас здесь.

- Почему?

- Цивилизованный мир. Здесь нет нужды убивать кого-то.

- Да как сказать, - Милисента расправила юбки. – В том и проблема, что уж больно цивилизованный... и не понятно, кто здесь сволочь, а кто просто мимо проходил.

А потом раздался звук.

Такой тонкий-тонкий. Далекий. Даже не звук, а будто... будто эхо.

Эва вздрогнула и все-таки не удержала свою чашку. Пальцы вдруг стали такими, такими... фарфоровыми. И чай вылился на юбки.

- Эва...

А она хотела извиниться, но звук дрожал. Струна, где-то там, далеко, в подземельях или рядом. Она плакала, плакала, навзрыд буквально.

И звала.

Кого?

Не Эву. Но она тоже слышала.

- Эва? Эва, девочка...

- Погодите...

Голоса раздавались рядом, и в то же время они были далеко. А струна звенела. Или это не струна? Клавесин звучит совсем иначе. И на арфу тоже не похоже.

А на что?

Надо поближе подойти. Конечно. И если её зовут, то... то кого?

- Вы слышите это? – Тори поморщилась. – Какой... неприятный звук.

Неприятный?

Скорее наоборот. Чарующий. Теперь, кажется, Эва понимала, что испытывала Тори. И слышала ли Эва мелодию, которая играла где-то совсем рядом, или что-то иное, но она определенно не могла противостоять этой музыке.

- Эва... опять?

Их голоса доносились издали.

- ...смотреть...

Смотреть?

А ведь и вправду. Самой идти не обязательно. Эва же умеет, чтобы закрыть глаза и... да, вот так. Собственное тело остается в кресле. Оно застывает с неестественной улыбкой на губах. Донельзя пугающей улыбкой, но Эве некогда разглядывать себя. Сейчас она слышит музыку отчетливо.

Какая... интересная мелодия.

Она ложится под ноги тропой, и Эва идет. Правда, сделав несколько шагов, она замирает и оглядывается. Надо же... какие они все.

Другие.

Матушку окутывает бледное дрожащее марево силы. А вот Милисента Диксон пылает живым огнем. На нее и смотреть-то больно. Призрачная Эва прикрыла глаза.

А вот Тори... Тори будто из тьмы соткана.

Это тоже что-то да значит. Она бы присмотрелась, она бы даже поняла, что именно, если бы задержалась. Но тропа под ногами дрожала. И нужно было спешить.

Пока звучит эта мелодия.

Пока...

Шаг.

И еще один. Шелест крыльев у щеки. И прикосновение их, такое нежное, ласкающее.

- А ты что здесь делаешь? – теперь он больше не ворон, но и не человек, будто два обличья слились, но не до конца. И не понять, чего больше.

- Ты звал, - спокойно ответила Эва. – Я и пришла.

Нет, Эдди с самого начала испытывал сомнения, что у него выйдет. То есть, что-то да выйдет, но вот что именно? И как бы не получилось только хуже.

Но...

Он играл.

Точнее дудочка играла. Принимала его силу, выплетала музыку, которая уходила в камень. И пусть в первые мгновения ничего-то не происходило, но вскоре по камню этому поползли призрачные трещины. А из них потянулось белесое марево.

- Что за...

Стало быть, видит это не только Эдди.

Туман?

Похоже. Густой. Тяжелый. Пропахший смертью до последнего завитка. Он подбирался к ногам, слепо тычась в проведенную солью линию.

И пытался лепить образы.

Один.

Другой.

Но сил не хватало, чтобы образ удержать. Они и рассыпались, но за долю мгновенья до того все-таки воплощались в давно ушедших людей.

Эдди мог бы узнать имена.

И даже выслушать истории. И может, помочь им, застрявшим где-то между жизнью и смертью. Это было бы хорошим делом. Но он играл.

Ему нужна была одна-единственная женщина, над телом которой туман превратился в стаю белых птиц. А потом птицы расступились, рассыпались, выпустив девушку.

Такую знакомую.

Такую...

- А ты что здесь делаешь? – Эдди выпустил дудку.

- Ты звал, - спокойно произнесла Эванора Орвуд, - я и пришла.

Твою же...

И дальше что делать?

Туман плескался, переливаясь всеми оттенками перламутра. Туман лизал ей ноги, чтобы в следующее мгновение покорно отползти. И... и если она пришла, значит, она нужна.

Значит, без нее не обойтись.

Эдди поглядел на границу.

И переступил её. Так и есть. Хороший шаман не прячется от душ. Тем более здесь он не ощущал враждебности, скорее глухую тоску, воплощенную безнадежность.

Как-нибудь справится.

- Кэти? – Эва поглядела на тело. – Зачем она?

- Пытаюсь призвать дух, но как-то не слишком получается.

- Отец говорил, что дух её ушел.

- Не совсем верно, - Эдди поглядел туда, где должен был стоять Орвуд-старший, и Чарли, и еще тот тип, у которого свой интерес. – Тот, кто убил её, разорвал связь души и тела. Но это не значит, что дух ушел.

- Да?

- С душами по-разному. Некоторые уходят сразу, особенно если дети. Дети вообще, как мне кажется, не понимают, что с ними случилось. А если вдруг, то... хуже нет нежити, чем из перерожденного детского духа. В них много силы. И ярости.

Зачем он это рассказывает?

Ему бы по-хорошему отправить девчонку обратно, а не рассказывать ей то, в чем Эдди сам слабо разбирается.

- Главное, что некоторые души не уходят. Чаще всего те, которых что-то держит. Обида. Или дело неисполненное. Их-то и получится призвать. Говорят, что хороший шаман способен любую душу заставить вернуться, но насколько правда – не знаю.

- Ты – хороший шаман, - произнесла Эва убежденно.

Стало совестно.

- Не особо. Когда сохранена связь с телом, тогда проще. Души цепляются за него. Или за место, в котором настигла их смерть. Таких и некромант призвать способен. А вот когда связь разрушена, то много сложнее.

- Как с ней?

- Она где-то там, - Эдди указал на туман. – Но я не могу туда пойти, потому что сам не вернусь. И меня она не слышит. Я ведь не знал её.

- Зато я знала, - Эва повернулась к туману лицом. – Что нужно делать?

- Представь. Её. Ту, которую помнишь. Чем яснее, тем лучше.

Дудочка зазвучала громче.

И стало очень холодно. Настолько, что Эдди с трудом удерживал эту треклятую дудочку у губ. Ничего. Он справится.

Тем более что туман расступился и из него вышла женщина... нет, девочка лет двенадцати с виду.

Глава 6 О том, что делать и кто виноват

Глава 6 О том, что делать и кто виноват

- Ваш... родственник – личность весьма своеобразная, - Эдвину надоело стоять в тишине, тем более что почти ничего и не происходило. Так, будто бы воздух задрожал.

Слегка.

И странно тоже. Эдди явно играет, Чарльз видел застывшую его фигуру, дудочку эту, само воспоминание о которой заставляло поежиться. Но на сей раз только видит.

Не слышит.

- Он – достойный человек.

- Не совсем человек.

- Разве это важно? – Чарльз нахмурился. Почему-то в этот момент Эдвин сделался весьма неприятен.

- Нисколько, пожалуй. Хотя, конечно, слухи ходят самые интересные... лет так тридцать... больше, чем тридцать... тому Его Императорское Величество, еще будучи Его Императорским Высочеством совершило большое путешествие на Запад. На Восток само собой тоже...

Воздух побелел.

Странное ощущение, будто пропадают краски. Камень выцвел, а потом и покрылся изморозью. И стало ощутимо холоднее.

А еще запах появился.

И Чарльз понял, что имел в виду Эдди. Пахло и вправду смертью.

- Известно, что во время поездки Его императорское Высочество встречалось... с представителями малых народов. Подтверждали заключенный некогда мир. И встреча прошла успешно, да...

Эдвин замолчал.

Вот, стало быть, какие слухи будут распространять.

- Для него все это не безопасно.

- Мне кажется, он вполне способен постоять за себя.

- Да, но... там. На Западе. В честной игре, - Чарльз почувствовал, как чешутся кулаки. И злость разбирает. Нельзя втягивать в такие игры человека, который для них категорически не годится. А мало кто еще может быть настолько неподходящим, как Эдди.

Слишком благородный.

Чересчур прямой. И... и людям он верит. Несмотря ни на что верит.

- За ним приглядывают.

- В этом я не сомневаюсь. Но... всегда есть способы.

Яд на кромке бокала.

Проклятье в крохотной монетке. Случайная встреча на балу, которая обернется легкой простудой... нет, никакой связи не может быть между юной леди, вдруг оказавшейся в неловкой ситуации, и этой простудой, даже если перейдет она в чахотку.

Чарльз ведь и сам-то наивен.

Он и малой части не представляет того, с чем придется столкнуться.

- Выбора у нас нет, - произнес Эдвин сухо. – Это дело государственной важности.

- Как будто дерьмо государственной важности от этой важности перестанет быть дерьмом.

А воздух совсем загустел. И уже не воздух, они вдруг оказались в тумане. Тот держался за границей соляного круга, подкатываясь то вплотную к ней, то отползая, позволяя разглядеть кусочек пола. И там, в тумане, наконец, стала слышна мелодия.

- Жутковато, - Эдвин поежился. – Признаться... я... сомневался.

- В чем?

- О способностях иных рас ходят легенды, но правды в них... взять того же мальчишку-сиу. Признаться, я весьма рассчитывал на его помощь, - он сложил руки на груди, заслоняясь то ли от тумана, то ли от самого Чарльза. С чего бы? – Были основания полагать, что так называемые «слезы сиу» созданы именно им.

- А на деле?

Эдвин слегка поморщился.

- Клянется, что не представляет себе, что это. Говорит, что его хозяин брал кровь и делал с ней что-то. Хотя наши алхимики уверены, что дело вовсе не в крови. И что именно для этого зелья использовались большей частью обыкновенные ингредиенты. Дурман, белена, сок морочника и весьма редкая смола африканского кустарника. Правда, было еще что-то, но к сиу отношения не имеющее.

И поэтому Эдвин так легко отстал от мальчишки, за которого был отдан весьма дорогой артефакт?

Вероятно.

Иначе не помогли бы ни документы об опеке, которых просто-напросто не позволили бы выправить, ни матушкино заступничество.

- Это все-таки ребенок.

- Довольно сообразительный ребенок. На хозяина его мы вышли. Полагаю, отчасти поэтому ему и дали отставку. Все же мальчишка – примета. И яркая.

- Как... он?

- Как и было вам обещано. Пьет. Страдает. Всем жалуется на жизненную несправедливость. Играет. И проигрывается. Нам удалось собрать приличное количество векселей, поэтому, если вдруг господин Кларенс не пожелает с вами общаться, намекните, что сговорчивость – в его интересах.

Из тумана выступила женщина. И Эдвин вздрогнул.

- Это...

Высокая. И стройная. Строгое лицо. Волосы зачесаны гладко, убраны под жемчужную сетку. Платье старинное. Взгляд...

Губы шевельнулись.

- Вы ошибаетесь, бабушка, - Эдвин выпрямился. – Мой отец...

- Спокойно, - Чарльз удержал его у черты. – Не стоит. Помнишь? Её нет.

- Но я же вижу.

Фигура распалась, вылепив другую. И этого человека Чарльз узнал.

- Зар? Ты? Что с тобой...

- Я потерялся, - ответил человек из тумана, и Чарльз услышал его. – Я... хрень какая-то случилась. Все было хорошо... я видел... аукцион видел. Безумие. Как ты и предполагал.

Чарльз вцепился в руку. Проклятье, если Эдвин решит шагнуть в туман, удержать его не получится.

- А потом... меня пригласили для частной беседы. Такой... обстоятельной. Я подумал было, что раскрыт. И да, правильно. Револьвер вот... решил, что без боя не сдамся. Но мне весьма вежливо объяснили, что пусть происходящее не совсем законно, но власти давно уже смотрят на эти игры сквозь пальцы. Особого вреда они не

причиняют, наоборот, позволяют удержать общественные пороки в узде.

Твою же...

Человек провел руками по лицу.

- Мне предложили деньги. Много. И еще помощь. Сказали, что я могу подняться высоко. Куда выше, чем с твоей поддержкой. Намекнули, что кое-кто из стоящих над нами давно в деле. Что братья есть везде. Или сами, или сочувствующие идеям общества.

- А ты?

- Согласился. Не сразу. Сомневался. Приводил доводы... видно, слабо. Актер из меня и вправду дерьмовый. Но мне показалось, что поверили. Колечко вот вручили.

- На тебе не было колец.

- Сняла, стало быть.

- Кто?

- Девушка... надо было приходиться с девушкой... Элиза... Элиза Сюррей...

- Она же из конторы.

- Я бы и не пошел с чужой. А она... мы вышли. Меня пообещали проводить к месту... к месту, где я должен был принести клятву. На крови. Я... хотел отказаться. Говорил, что про клятву не предупреждали. Что в этом случае мне нужно подумать. Это ведь клятва...

Фигура из тумана начала рассыпаться.

- Зар...

- Она ударила в спину... укол... я почувствовал укол... и хотел обернуться... быстро... падаю... подхватили... вниз нести...

Голос его слабел.

- Зар! Ты жив! Ты...

- На алтарь... они несли, но...

Он все-таки рассыпался, выпустив кого-то, Чарльзу незнакомого. Господин в старинном костюме подошел к черте, ткнул в нее носком и сказал:

- Какая отвратительная примитивность!

И исчез.

Должно быть, оскорбленный до глубины души. А следом из тумана вышел Змееныш. Он был плотным и казалось, что еще

немного, и его фигура обретет цвета. А то и вовсе он оживет.

Почему бы и нет?

- Скучал? – его улыбка была ослепительна.

Этого нет.

Это иллюзия на самом-то деле.

- Да что ты понимаешь в иллюзиях, - Змееныш остановился на границе круга. – Такой же зашоренный придурок, как и мой папенька.

Он был в той же одежде, роскошной и нелепой, мятой, украшенной пятнами крови, которые блестели ярко, как драгоценные камни.

- Смерти нет, видишь? – Змееныш развел руками. – А души и вправду бессмертны. Возрадуемся!

Его голос распугал других призраков, если и были другие.

- Чему?

Интересно, его только Чарльз видит? А нет, Эдвин тоже смотрит. Чуть прищурился. Узнал? У них должно быть описание.

- А разве нечему?

- Ты вообще-то умер.

- И что? Думаешь, это что-то изменило?

- Все изменило. Тело твое сожгли...

Змееныш рассмеялся. Смех у него был хриплым и даже приятным. И подумалось, что в целом он неплохой парень, которому просто слегка не повезло.

Чарльз отряхнулся.

Морок.

Даже после смерти? Или...

- Мы нашли противоядие. И твои жены теперь свободны от наведенной любви.

- Счастливы?

- У них есть выбор.

- Как замечательно! Быть несчастной по собственному выбору.

- Лучше было быть счастливыми? Как долго? Пару месяцев? Полгода? Мы нашли твое кладбище.

Змееныш пожал плечами.

- У всех бывают неудачи. Рано или поздно я сумел бы найти способ. Кстати, как твоя сестра? Она была из первых... такая отзывчивая, такая благодарная. Передай, что мне её не хватает.

- Иди ты...

- А жена? Она меня обманула. Знаешь, женщина, которая обманула одного мужчину, с легкостью обманет и второго.

Ложь.

И яд. Змееныш после смерти остается собой. И... и к чему он здесь? Перед Чарльзом. А главное, почему несмотря на этот яд, ему хочется верить? И поневоле начинаешь сомневаться, правильно ли поступил тогда. Может... может стоило поговорить?

Объясниться?

Он ведь мог быть полезен, этот парень. И не так глуп, чтобы...

- Уколи меня, - тихо произнес Чарльз.

Эдвин не стал переспрашивать, но аккуратно двинул в челюсть.

- Извини. Булавки нет.

- Ничего, - челюсть слегка ныла, зато в голове наступила ясность.

А Змееныш рассмеялся.

- Знаешь, а ведь в ней тоже та самая кровь... огненная... и думаешь, сможешь справиться с ней? Не боишься, что однажды этот огонь на тебя выплеснется? Сумеешь ли выдержать?

- Как-нибудь.

Не надо ему отвечать. Да и Эдвин смотрит так, с опаской.

- Если вздумаю дурить, вырубай, - сказал ему Чарльз.

И Эдвин кивнул.

Отлично. Может, он и высокомерный ублюдок, но в целом положиться можно.

- А ты не задумывался, почему влюбился? Вот в нее? Ты, избалованный мальчик с Востока. Ты привык к очаровательным леди, нежным и хрупким, таким... таким неприспособленным к жизни... а она? Она ведь не похожа на них. У нее грубая кожа. И манеры ужасные. Она...

- Иди на хрен.

- У нее и тебя ничего общего. И тебе бы в ужас прийти, а ты влюбился. Может, дело в том же? В её крови? А?

Не слушать.

Этот ублюдок ничего не понимает в любви.

- И ты ведь счастлив, правда? И никакой разницы нет, по собственному выбору или так. Да и нужен ли вообще этот выбор? Главное, что попроси она умереть, ты же умрешь, так? Просто, чтобы

она была счастлива... это ведь несложно, сделать счастливой свою женщину...

- Эй, - на плечо легла рука, и Чарльз понял, что почти переступил границу из соли.

Выдохнуть.

Успокоиться. Сердце стучит, колотится о ребра со страшной силой. Из прокушенной губы течет кровь, и Чарльз сглатывает.

- А ведь она даже в полную силу не вошла. Что будет, когда войдет? – он уже совершенно не походил на призрак.

Ублюдок.

Змееныш, чтоб ему... настоящий змей.

- И удержится ли? Это ведь так безумно сложно, удержаться от любви... всем ведь хочется, чтобы их любили. Просто так. И сильно. Чем сильнее, тем лучше...

- Уходи.

- Вот так? Разве я могу?

- Эдди попросить, чтобы сыграл?

- Думаешь, его силенок хватит? Нет, - улыбка Змееныша была безмятежна. – Это он может думать, что призвал меня...

- Про тебя и думать забыли.

- Неправда. Ты ведь думаешь. Каждый раз, глядя на свою дорогую сестру... ту, что носит моего ребенка. Кровь от крови. Сила от силы...

Он отступил на шаг от границы и разом утратил краски.

- Уже недолго осталось ждать... недолго... твой шаман ни на что не способен.

Туман рассыпался, а боль в прокушенной губе осталась. И не только в ней. Двинул Эдвин от всей души. Хорошо. Надо будет поблагодарить.

После.

А туман рассеивался. Медленно так. Он словно уходил сквозь камни, оставляя призраки-тени.

Людей.

Или...

Эдди по-прежнему сидел в круге. И он же стоял по другую сторону его рядом с... нет, быть того не может. Эва? Эванора Орвуд? Что она делает здесь?

- Эва? – кажется, Орвуд-старший тоже хотел получить ответ на этот вопрос. – Эва, что ты здесь делаешь или... Эва, немедленно вернись!

Глава 7 Где все-таки задаются вопросы и приходят ответы, которые, правда, мало что меняют

Глава 7 Где все-таки задаются вопросы и приходят ответы, которые, правда, мало что меняют

Эваноре было страшно.

Немного.

А еще страшно любопытно, но уже много. И когда появилась Кэти, хотя узнать её в этой вот девочке было сложно, Эва даже подпрыгнула. Неужели, получилось?

- Ишь ты, - сказала Кэти прежним голосом, в котором, правда, теперь не было раздражения. – Какая...

- Здравствуй, - Эва неловко улыбнулась.

- И тебе не хворать. Чего надо?

- Ты... как бы это сказать... чтобы помягче. И... понимаешь, ты...

- Померла, чего уж тут, - Кэти пошла дрожью, и девочка вытянулась, меняясь на глазах. Шрамы на лице её исчезли.

Она и вправду была очень красива.

- Ты... не сердись?

- На кого? На тебя что ль?

- Пусть бы и на меня.

Странно, но выглядела Кэти такой... такой живой.

- С чего мне на тебя сердится? Хотя... ты живая. Обидно. Ты живая, а я вот... и за что, спрашивается? Это все мамаша... надо было послать его, но нет, решила, что тепериче все можно...

- Расскажи, - попросила Эва.

- Об чем?

- О ней. О... тех людях, которые пришли на аукцион. Ты знаешь их?

- Я? – Кэти рассмеялась хриплым смехом, словно воронье карканье. – Думаешь, я такая важная, что предо мной представляться надобно? Мол, господин Хороший пожаловал. Я для них – очередная шлюха.

- Ты не такая.

- А какая?

- Не знаю. Но... ты ведь помнишь себя, раньше? – Эва ухватилась за эту мысль, чувствуя, что вот-вот разорвется нить беседы. – Я видела. Девочка. Ты... ты была...

- Была, - Кэти встряхнула головой, и светлые кудри рассыпались по плечам. И сама она вновь изменилась. – Вот такой была. И папенька у меня имелся. Важный такой. В сером костюмчике ходил. И еще часы... лица не помню, а часы помню. Большие. Серебряные. На цепочке. Цепочка тоже с узором. Часы он прятал вот тут.

Кэти похлопала себя по груди.

- А цепочка свисала. Мы с сестрой любили играть с нею. У тебя есть сестра?

- Есть.

- И у меня. Она... не помню тоже. Почти уже. Мы не особо дружили, хотя вот иногда... я все потом думала, почему так вышло, что украли меня?

- Кто?

- Кто ж знает. Просто одного дня я уснула в своей кровати. У меня была своя кровать. И своя комната. Большая. Игрушки. Куклы. Фарфоровые головы и мягкие тела. Платья нарядные. Моя нянюшка их шила. И я помогала. Сестра тоже... мы жили в большом доме. И садик имелся. И... однажды я проснулась оттого, что в мою комнату забрался человек. Бросил тряпку на лицо. Вонючую. И я уснула. Чтобы потом проснуться в другом месте... в страшном месте.

- Мне... жаль.

- Меня?

- Её. Ту девочку.

- Она была глупой и слабой. И плакала много. Поэтому её побили. Её никогда раньше не били. И не запирали в чулане. Там крысы... она никогда не видела крыс. И не думала, что станет одной из них, - по фарфоровым щекам девочки покатались слезы. Крупные, прозрачные.

- Я... - Эва не знала, что сказать.

- Молчи уже...

- Это она, да? Мамаша? За это ты её... убила? Добила?

- За это. Откудова знаешь? Хотя... раз ты тут, то знаешь. Я ведь не одна была... имелись... и имеются такие от любители. Девочек. Мальчиков... и те, кто готов за деньги забраться в нужный дом. Иногда

они устраиваются на работу. Конюхами там. Или сад копать, или еще чего. Сперва, конечно, нужно найти такой дом, в котором дети есть...

Вздых.

И тоска подползает к ногам, трется о колени, выпрашивая ласку. Здесь она тоже имеет обличье, огромной старой собаки.

- Оно-то можно и проще. Пройтись вон по Квинсти, там бедняков много. Плодятся, что крысы... и продать готовы за гроши, хоть детей, хоть родителей. Кого угодно. Так мамашка и делала большей-то частью. А еще можно в работном доме. Или в приюте. Там-то тоже многие... рады подзаработать. Бродяжек кто искать станет?

Все это было настолько ужасно, что хотелось заткнуть уши.

Не слышать.

Не знать.

- Имена, - за спиной Эвы развернулись черные крылья ворона. – Назови имена.

- И зачем мне?

- Не знаю. Ты об этом заговорила, значит, надо.

- Надо. Наверное, - она больше не плакала, фарфоровая девочка-кукла с неестественно огромными глазами. – Но назову... кого знаю... только... небось, сгорело все. В доме. Когда уходить велели, то сказали, бумаги не трогать. Мол, от них и так ничегошеньки не останется. Но... она была осторожной тварью, эта стерва. И опытной. Хранила все... не только там хранила. В банк пойдешь. Я скажу... там надо номер. И слово. И ключ... ключ в другом банке.

Она тихо хихикнула.

- Вот весело-то будет... она писала, кому платила. И приютским, и... из работных. И констеблям, и...

- Суд эти документы не примет.

- А ты и вправду в суд пойдешь, тот, кто меняет обличье? Мне в детстве нянюшка рассказывала сказку о вороне, который оборачивался человеком. Или о человеке, что становился вороном? Он прилетел к разбойникам, укравшим прекрасную принцессу, и всех заклевал. Никакого суда...

Эва хотела было обернуться, но не смогла.

- Сделаешь?

- Все, что смогу.

- Хорошо... из чистых домов они редко кого берут. Все же опасно. Расследование. И детей ищут. Многие к магазинам идут. И ладно, если сразу, но ведь не успокаиваются. Есть такие... одного раза почти к самому убежищу пришли... потом, позже... искали тоже... нет, с чистыми домами одни проблемы. Так что только по особому заказу. За особые деньги.

Эва закусила губу.

Она... она могла бы уйти сейчас. Наверное. И не слышать. Вернуться в гостиную. К чаю. К разговорам... даже о лентах и шляпках, пускай себе. В конце концов, может, остальные потому о шляпках и говорят, чтобы не вот о таком... другом?

А она стоит.

Слушает.

- Ты знаешь имя того, кто заказал тебя?

- Он уже умер, - с сожалением произнесла Кэти. – А другие... их слишком много. Всех не заклюешь, человек-ворон.

- Я не человек.

- Но ворон. А остальное... так ли важно. Тебя ведь эти интересуют, в масках? Правильно. Это обидно, когда кто-то крадет твое обличье. Они решили, что вороньи лица – это забавно. Один так и сказал, мол, символ мудрости... бога какого-то... я не поняла. Я не знаю имен, если ты на это надеешься. Матушка, может, она чего и ведала, а я... не успела. Решила, что сумею войти в дело. Что покажу себя, они и примут... им-то, поди, плевать, кто грязную работу делает. А я чем матушки хуже?

- Ты лучше, - сказала Эва. – Ты... ты не такая, как они?

- Думаешь? – Кэти покачала головой. – Я именно что такая. Нет, красть не крала. Не успела просто. Не было заказов. А вот девок сманивала. И покупала. И... сводней тоже работала. Травила, если совсем дура и иначе не понимает. Тебя вот продала.

- Ты... ты не сама. Тебя такой сделали.

- А её? Думаешь, у Мамашки другая история? Она-то не говорила, конечно, только думаю, что мало от моей отличная. Мы... вы все там дерьмо.

- Это надо остановить!

- А сумеешь?! – она вновь стала собой, взрослой. И даже шрамы на щеке появились один за другим. – Кто ты? Маленькая глупая

девочка, которой однажды повезло спастись. Что ты можешь сделать? Или другие не пытались? До тебя? Был один, захаживал... не ко мне, нет... светлый такой мальчишечка, даром, что за душой ни гроша. Уговаривал Фаньку бежать. Клялся, что женится, что увезет на Запад... и что? Она почти уже согласилась, когда его с пробитой головой нашли. Или вот жрец, из новых, взялся проповедовать... такой вот, прям слушаешь и душа болеть начинает. Тоже скоренько помер. Самоубился. А для жреца – великий грех. Нет, девонька, тебе повезло. И береги свое везение. Не лезь в это дерьмо.

- А мне можно?

- Тебе? Откуда ж мне знать, чего тебе можно, а чего нет? У тебя крылья, да выдержит ли их небо? У тебя перья, но сохранят ли от пуль?

- Я сохраню, - сказала Эва.

И усомнилась.

Вправду, получится ли у нее... что она может? Ничего. Но Кэти принимает этот ответ.

- Хорошо. Знаю я и вправду немного. Но что знаю, скажу.

- Как ты умерла?

- Быстро. И... это хорошо. Это мне повезло.

Сомнительное везение.

- Да что ты понимаешь, девочка. Будь у них время, то и на меня нашелся бы охотник. Или вон алтарь.

- Какой?

- Там, внизу. В подвалах. Я туда прежде не спускалась. Только матушка. Не одна. Приводили девку или пару... как-то раз четверых, которые уже все. Ну, стало быть, одна вовсе от дурмана разум утратила. Еще одна приболела так, что смыслу лечить не было. И двое бежать пытались. Их поймали, ну и поучили. Верно, не первый их побег, если так. Сперва-то вразумить пытаются, а тут не вышло. Она их напоила сонным отваром, и уже потом вниз. А поднялась сама. Одна, стало быть. И так всякий раз. Еще, как поднималась, после к себе шла и пила. Много пила. До одурения. Тогда вовсе дверь закрывала, чтоб никто-то не видел. А как трезвела, то в банк отправлялась. Деньги относила. Денег у ней тоже изрядно. И вот мне сперва любопытно было, как же так... людей-то в доме не появлялось, в подвал она-сам шла, так откуда деньги?

- Но ты не полезла.

- Нет. Вовремя сообразила, что не след. Ну а там, после аукциона, мне и велено было спускаться. Мол, дом заприметили не те люди. Надо уходить. В другое место.

- В какое?

- Мне сказали, что есть куда. Новый. На окраине. Там порядок навести надо... мы шли... спускались. И... помню, что к нам еще девка прибегла, из этих, которые наверху бы. Что-то сказала, а что... потом в шею кольнуло и все.

Она развела руками.

- Имен не знаю.

- Аукцион. Его ведь кто-то организовывал. Прием. Цветы эти.

- Цветы я заказала.

- А остальное? Закуски. Посуда. Обслуга. Эти... ряженые.

- Ряженые и есть. Хорошо сказал, - Кэти кивнула. – Они уж тут сами. Мамаша еще записочку послала, когда собираться. А там уже и явились. Всегда являлись. Такие от... серые людишки.

- В серой одежде? – уточнил Эдди.

- Неа... хотя и одежка неприметная. Просто... такое от... будто серые, понимаешь?

- Нет.

- Не знаю, как объяснить. Что пылью припорошенные... ну вроде человек человеком, а он... как ненастоящий? Или вроде того. Работнички-то хорошие. И главное, вот теперь понимаю, что обыкновенные люди, как работу работают, то все ж друг с другом хоть словом, но перемолвятся. Эти же ж и не отвечают, если окликнуть. И других как не видят. Хоть ты на шею сядь, он не заметит. Иные девки, которых дом брала мыть, ажно спорили меж собой. Взались перед этими крутиться, а без толку... идет такая вон, голая почитай, нормальный мужик шею бы свернул, а эти... - Кэти махнула рукой. – Над ними другие, в черном все. В париках. Даже когда никого нетушки, они все одно. И я тебе скажу, что они, пускай и играют в прислугу, да старшие. Над теми, что в масках.

- Уверена?

- Оно-то сразу не поймешь. Кажется, что те, которые в масках, главнейшие. Да только... понимаешь, тут и объяснить не объясню. Чутье просто. Но боятся они.

- Те, что в масках?

- Да. Прямо таки... а эти любезные, кланяются, но... не так, как слуги. Будто тоже игра.

- Спасибо.

- Да не за что.

- А без масок ты никого не видела?

Кэти покачала головой.

- Но, может, еще приметает...

Она задумалась.

- Я-то... меня не больно подпускали к этим делам. Все говорила, что, мол, рано. И как аукцион случался, то меня или усылали, или вон ставили за товаром приглядывать. Наверх никак... но одного разу, как в подвале была, то явился один. Оно-то запрещено, если так, но этот, видать, особый был. Он ходил, девок смотрел. Ощупывал, в рот лез. Еще тыкал палкой какой-то. Ну, махонькой. От такой, - Кэти развела пальцы. - И еще вроде белая, то ли каменная, то ли еще какая. Главное, велел рот раскрывать и в него сувал. А потом глядел. У двоих вроде стала палка другого цвету, и этих он велел в стороночку отвести. Я еще тогда стала говорить, что никак не могу, потому как правила же ж. Мамаша мне тогда всю голову этими правилами выдурила. Ну и вот... а этот, который второй, в черном, за порядком глядеть поставленный, похвалил, что, мол, правильно все я делаю, но тут особый случай. И Мамаша прилетела, велела не мешаться. Этых двух он и забрал. Только...

Она снова запнулась.

- Не для этого дела, мыслю. Не для того, для которого мужики баб пользуют. Ему по какой иной надобности, а что за она...

- Каким он был?

- А я откуда знаю? Он же ж в балахоне. И с маскою этой. Белой. Вот. Только... погодь... он сперва в перчатках был. А после снял их. Что-то у него не ладилось с палкою, вот и стянул. И... у него на руке шрам. Свежий еще. То ли опаленный, но как-то вот хитро. А еще перстень! Точно! С драконом!

Крылья за спиной Эвы распахнулись с тихим шелестом.

- Руки-то сами мягонькие, с пальчиками длиннющими. Сразу видать, что из чистых, а тут ожог этот. И... перстень, перстень большой... и Мамаша еще потом обмолвилась, что не приведите Боги

этому глянуться. Что... лучше уж самый захудалый из борделей, чем он вот. И...

Кэти запнулась.

- Ты... ты найди их, ладно?

- Найду, - сказал Эдди.

- И чтоб как в сказке, никого не осталось... в живых... нельзя эту погань... а я...

- Стой, - удержала Эва. – Ты... ты ведь помнишь свое прежнее имя?

- Помню.

- Скажи?

- Для чего.

- Не знаю. Может, они тебя еще ищут?

- И пускай себе ищут, - Кэти пожалала плечами. – Хотя навряд ли, но... если и так, думаешь, обрадуются, узнав, чего приключилось? У матушки моей волосы были мягонькими. И пахло от нее сладко. Сладко-сладко. А еще она играла. Садилась вечерочком за клавесину и давай. Нас учила. Но у меня не больно-то ладилось... а она все повторяла, что нужно больше стараться. И отец... пусть бы лучше думают, что я живая. Где-нибудь там, далеко-далеко...

- Я... я посмотрю, - сказала Эва. – Но если они до сих пор ищут? И не знают. Это... очень страшно, не знать, что случилось с теми, кого любишь.

- Катарина, - сказала Кэти. – Катарина Жеррард. И жили мы на Цветочной улице. Десятый дом. Белый забор и еще цветы... мне тогда нравилось, Цветочная улица десять. И цветы... скажи... скажи, что я не хотела вот так... что... соври им, что я умерла давно. Так давно, что... придумаешь. Ты умная девочка.

Эва склонила голову.

Сдержатъ слезы почти получилось.

Почти.

И крылья за спиной обняли. Перья снова гладкие, что шелк, только еще и теплые. И от этого тепла ком в груди разжался, дышать и то легче стало.

Правильно.

Она, Эва, ведь не виновата, что все так... что... она просто тоже хочет спрятаться. Пусть бы даже под крыльями.

Под крыльями ворона удобно прятаться.

- Вот и все, пожалуй, да? – Кэти не ушла еще. Она стояла, чуть склонив голову. Но что-то в ней изменилось, неуловимо. Будто... будто посветлела? Если туман может посветлеть. – Я... теперь уйду? Куда?

- Не знаю.

- Ты же здесь, значит, знаешь.

- Нет. Я просто шаман. Я могу говорить с духами, но и только. А куда они уходят...

- По-справедливости мне бы в ад, - спокойно ответила Кэти. – Когда-то говорили, что грешники сгорают в огне. А я не хочу, вот и... осталась. Но здесь так тоскливо. Отпусти?

- В огонь?

- Куда-нибудь. Может, оно и не так страшно... может, потом я... сумею вернуться?

Раздался нервный дребезжащий звук, и Кэти прикрыла глаза. На губах её появилась улыбка.

- Мама вот так же... играла на клавесине. Простенькая мелодия. И я все пыталась повторить, - руки поднялись, пальцы пошевелились. – Надо же, помню... вот так... и теперь. А ты играй.

И он играл.

И почему-то дудка и вправду звенела, как старый клавесин. А Эва стояла, спрятавшись за крыльями, слушала и плакала. Плакала и слушала.

Здесь можно.

Здесь ведь все равно ненастоящее. А когда Кэти не стало, то и музыка оборвалась. И крылья развернулись с тихим шелестом.

- Иди, девонька, - сказали ей. – Тебе пора возвращаться. Скажи там, что я бы поел чего. И тебе не помешает. Скоро... поднимемся.

Глава 8 В которой находится место семейному обеду и задушевным разговорам обо всем

Глава 8 В которой находится место семейному обеду и задушевным разговорам обо всем

Когда Эванора Орвуд вдруг замерла, уставившись в угол, я, признаться, испугалась. И не только я. Леди Орвуд крепко побледнела и сказала что-то такое, что леди произносить точно не стоит. А потом спохватилась и позвала:

- Эва? Эва, девочка...

- Вы слышите это? – Тори сама чашку отставила и сжала голову руками. – Какой... неприятный звук.

Только теперь я и вправду услышала. Не сказать, чтобы неприятный. Далекий. Нервный такой. Свербящий. И зовущий. Но стоило отвлечься и звук исчез.

Леди Орвуд вынула кружку из пальцев дочери, бросила вышитую салфетку, прикрывая пятно на юбке, и вздохнула.

- Опять.

- Опять? – я помахала перед распахнутыми глазами Эвы рукой. Ничего. – Что с нею?

- Ушла, - её сестрица поерзала и сунула палец в ухо. – Нет, все-таки до чего мерзкая музыка. Я... я, пожалуй, выйду в сад. Все равно пользы нет. А чувство такое, будто спицу в ухо суют. Мама, прошу меня...

- Беги уже.

И она действительно побежала, подхватив юбки. Мне только и осталось, что взглядом проводить.

- Это... впервые это случилось, когда Эве было семь. Она и не помнит. Но я... - леди Орвуд разгладила юбки. – Мы тогда отправились на похороны. Моя кузина... ушла в родах. Печальное событие. Все очень огорчились.

Я думаю.

Но молчу. Только гляжу на Эву, что застыла с прямой спиной.

- Дорога еще тяжелой была. Осень. Дождь. Экипаж застрял. Мы... промокли все. И опоздали. Получилось весьма неудобно. И у Тори температура поднялась. Я их уложила, а потом ночью еще вставала.

Как-то няньки были, но... я им не очень... иногда они весьма безалаберны. Вот. Я пришла и увидела, что Эва сидит в постели. Сидит и смотрит. В стену. Решила, что у нее тоже жар, но нет. Лоб был холодным. А она сидела, сидела, потом просто упала и...

Нынешняя Эванора падать не собиралась. Надеюсь, что и не соберется. Ровненько так сидит. И дышать дышит. Слегка бледновата, но не смертельно.

Пульс тоже ровный. Я руку на всякий случай пощупала. Кожа теплая, живая.

- Наутро она сказала, что ребенка нельзя называть Адамом. Он – Стивен. Вот... тоже неудобно вышло, но она... она была весьма убедительна. И супруг подтвердил, что ощущает... изменения тонкого слоя, кажется. Он как-то объяснял. Мы уехали. Я... я надеялась, что это все совпадение, девочка ведь так чувствительна. И дорога, болезнь Тори...

- Дар? – уточнила я.

- Да. Дар начал пробуждаться. Хотя нам говорили, что как такового его нет. Были еще случаи. Сперва спонтанные. Она вот так застывала, даже амулеты, которые муж сделал, не спасали. Одно время он и блокирующие браслеты принес. Но тоже не помогло... вот... и постепенно Эва научилась уходить сама. По своему желанию. Жутковато, но мы решили не мешать. Она и Тори научила. Вдвоем. Говорили, что там видят, что... а потом однажды Тори просто не очнулась. Эва да, а она... она осталась лежать.

Леди Орвуд поднесла сцепленные руки к лицу, будто собираясь укусить собственные пальцы.

- И сперва мы надеялись, что это... это временно. Потом тоже надеялись.

- Она вернулась.

- Но вдруг все повторится снова? – во взгляде леди Орвуд мне виделся страх. И еще надежда. Причем не понять, на что именно она надеялась. Что я уверю, будто бы история не повторится?

Или у меня есть волшебный способ вывести девчонку из транса?

Или... не важно что, главное пообещать? Ей ведь по сути и нужно лишь это обещание.

- Может, и нет, - осторожно сказала я. – Она же... она не такая беспомощная. И опытная тоже. Мне Эдди рассказывал. Она смогла

найти дорогу из... того дома. Так что тут бояться нечего.

Леди Орвуд кивнула.

- И все-таки... иногда мне хочется, чтобы у них не было дара.

- Тогда бы мы вряд ли отыскали её.

- Я это понимаю, но... у них и так немного шансов найти мужа.

Хорошего мужа, а не такого, которому нужны лишь деньги, теперь еще и это...

Тихий вздох.

- Не спешите, - вот тут я точно знала, что сказать. – Мужья, они как тараканы, порой сами заводятся, вне зависимости от желания.

По-моему, прозвучало несколько двусмысленно, но леди Орвуд взглянула с благодарностью.

А девица вдруг качнулась и моргнула.

Взметнулись руки к лицу.

И дыхание сделалось частым-частым.

- Я... я...

- Ты, - я взяла её за руку. – Как зовут помнишь?

- Эванора, - на меня посмотрели с удивлением. – И... извините.

Пожалуйста. Кажется... я не специально, мама. Просто позвал и... и устоять невозможно. Ох...

- Тебе дурно?

- Нет... и он просил передать, что не откажется от обеда. Я тоже. Это все забирает столько сил. Голова опять кружится, но пройдет.

- Оно хоть того стоило? – поинтересовалась я.

И Эва прикрыла глаза, а потом ответила.

- Да. Стоило.

Они и вправду вышли. Эдди, взъерошенный и, кажется, раздраженный. Чарльз, потирающий челюсть, и клянусь, что на скуле его постепенно проступал синяк. И слегка виноватый тип, которого мне представили, как Эдвина Дархарда. Мрачный, как ночь, Орвуд-старший, от которой во все стороны тянуло мертвечиной. И несколько растерянный Бертрам. Он вот, кажется, совершенно точно не понимал, что произошло.

Что бы ни произошло, это ему не нравилось.

Может, потому что поучаствовать не довелось?

Нет, мысли свои я при себе оставила. А вот леди Орвуд и вовсе сделала вид, будто бы все это – совершенно нормально. И бледная, но

спустившаяся к обеду Эванора, которая успела и платье сменить, и косу переплести. Столь же бледная и раздраженная Виктория. Она платье не меняла, а в пальцах вертела сухой листок. И... все остальное.

- Прошу, - леди вымученно улыбнулась. – День ныне чудесный, не правда ли...

- Несомненно, - Эдвин Дархард поспешно отряхнулся и на губах его появилась улыбка. – Редко случаются дни столь солнечные и ясные... дамы, но ваше присутствие...

И эти слова будто сигналом послужили.

Заговорили сразу и все. Про погоду, про... что-то еще, столь же важное. А Чарльз, наклонившись ко мне, тихо-тихо произнес:

- Я его видел.

- Кого?

- Змееныша, - он сказал это в самое ухо, и я едва не подавилась от неожиданности. Предупреждать же надо. А еще, судя по тоскливому взгляду супруга, ничего хорошего Змееныш ему не сказал.

Вот что за люди, а? Помер, так веди себя, как приличному покойнику положено! Но нет же ж...

- Потом расскажу, - пообещал Чарли.

- Кстати, от вашей игры меня стошнило, - светским тоном заявила Виктория Орвуд.

- Тори! – леди Орвуд, кажется, настолько устала, что даже в ужас не пришла.

- Ай, мама, да все равно нас никто не примет, как юных прекрасных леди. А вот ужасные... - она слегка прищурилась.

- Виктория, - голос отца был сух. – Будь добра вести себя прилично, иначе я решу, что ты слишком дурно воспитана, чтобы в принципе выпускать тебя из дома.

Глаза Тори нехорошо блеснули.

- Знаете, - Эдвин чуть поерзал. – А мне порой тоже невыносимо душно становится от всех этих правил... иногда кажется, что я попал внутрь музыкальной шкатулки. У моей матушки есть такая, красным бархатом обита, а внутри леди и джентльмен в танце кружатся. Заводишь и они кружатся, кружатся, пока завод не иссякнет.

Он потер лоб.

- Кажется, я тоже слишком много говорю... и простите вашу дочь, леди Орвуд. Это не её вина. Это... кажется, мое эхо.

Эдвин поднялся.

- Я вынужден... откланяться. Я...

Он хотел сказать еще что-то, но покачнулся и осел на пол. Надо же, оказывается, не только леди падают в обмороке.

- Вот знаете, - Тори чуть наклонилась. – Первое, что усваиваешь, если начинает кружиться голова или что-то... не так, то лучше прилечь. На всякий случай.

- Если на него вылить воду, он может очнуться, - заметила Эва и подала стакан с лимонадом. – Мокрое всегда такое гадостное! Я вот ненавижу, когда на меня что-то льют...

- Думаю, - Чарльз поднялся. – Стоит куда-нибудь его перенести. И подальше. Он менталист.

- Тогда понятно, - Орвуд-старший, кажется, выдохнул с облегчением. И тоже встал. И Эдди, который этого менталиста-неудачника на руки подхватил, заметив:

- Я ему предлагал наверху нас подождать.

- В следующий раз прислушается, - Чарли явно не чувствовал себя виноватым. – Пожалуй... мы откланяемся. Прошу прощения, леди Орвуд, но... с учетом нестабильности неплохого менталиста, находиться рядом с ним будет просто-напросто небезопасно.

- Благодарю... думаю, нам стоит посетить магазины... какие-нибудь магазины определенно стоит посетить. И да... чувствую, что голова немного кружится. Господи, как я устала от этого всего! Может, лучше все-таки на море...

Я открыла рот, но муж потянул меня к выходу, и потому спросить, что изменится на море, я просто-напросто не успела. Ничего, потом спрошу.

И еще скажу, что море только нервы успокоит. Но лучше успокоить их успокоительным, оно станет дешевле. Боже, ну и бред же в моей голове! А главное, мне так хочется им поделиться со всеми!

Я зажала рот руками, чтобы не сказать, что...

Не помню уже что, но помню, что сказать хотелось. Нет, этого их Эдвина, несмотря на насквозь благообразную физиономию, нужно держать подальше от нормальных людей. А то ведь этак наговоришь чего-нибудь не того.

Совсем не того.

В карете я руки убрала.

Как-то даже... как-то полегчало, что ли.

- И что это было? – уточнила я у мужа, который тоже сидел прямо-прямо и глаза выпучивши. Эдди и вовсе в доме остался. Надеюсь, его на откровения не потянет.

А...

- Я знал, что у него ментальные способности, но вот чтобы настолько выраженные, - Чарли поморщился. – Теперь голова болеть будет. Понимаешь, когда твой брат играл, то сперва вышли к Эдвину. Его хороший товарищ, который... он вроде и живой, но как бы в себя не приходит. Его в сгоревшем доме нашли.

Чарльз поглядел на меня и тяжело вздохнул.

Ага, совестно. Про сгоревший дом я вот впервые слышу. Между прочим, нехорошо.

- Тот дом, в котором проводили аукцион, сгорел. И почти дотла выгорел. Только подвалы уцелели... чудом... ладно, я смог оттянуть энергию и перелить её в камень. Вот как ты делала.

Но кто-то мне твердил, что так небезопасно и вообще.

- Если бы не сделал, то полквартила выгорело бы! Это мой долг и...

- Ага, - я поморщилась. Голова и вправду начала ныть. А она у меня почти никогда не болела. Еще там, дома, доктор говорил, что у меня здоровья с крепким таким запасом.

Прав был.

- Вот... в подвале нашли друга Эдвина. И ту девицу, распорядительницу... и еще алтарь... я этому идиоту скажу, что если себя не контролирует, то нужно артефакт носить! Блокирующий... чтоб его.

- Скажешь, - успокоила я мужа. – Конечно. И в рожу дашь.

- Зачем?

- Я откуда знаю. Он же тебе дал зачем-то.

- А, - Чарльз погладил щеку. – Это я его сам попросил. Змееныш вывел, едва из круга... нет, надо по порядку. Орвуды пытались призвать души, но не вышло.

- И вы решили позвать Эдди?

Ну да, в принципе, правильно. Я бы тоже так делала.

- Тогда это показалось отличной идеей.

- А теперь?

- Я... мы не слышали, о чем он говорил... он обещал рассказать попозже. Главное, что сперва Эдвин увидел этого своего друга. А потом ко мне Змееныш явился. И... он сказал, что я тебя люблю, потому что у тебя дар. Тот... проклятый.

- Ага.

- И мне бы помолчать надо. Но я ему рожу набью... менталисты крайне неустойчивые твари, поэтому обычно и держатся в стороне от людей. Если дар выраженный. А у него, мать его, выраженный... верно, когда твой брат играл, что-то нарушилось. Или Эдвин решил добавить немного легкости в разговор. Менталисты воздействуют и на эмоции.

- Но переборщил и всех понесло.

- Точно.

- А его?

- Не знаю. Думаю, просто вычерпал себя и все. Отойдет. А там и Орвуды с ним... побеседуют на тему.

Тут Чарльза откровенно передернуло, явно представил себе эту беседу. И живенько так... да уж. Но с другой стороны – сам виноват. Нечего к другим людям в головы лезть.

- Но все-таки то, что делает твой брат, это... ты не обижайся, но это очень и очень странно.

А то я сама не знаю.

Глава 9 Про леди, которым все еще свойственно излишнее любопытство

Глава 9 Про леди, которым все еще свойственно излишнее любопытство

Номер заказа 39719137, куплено на сайте [Литнет](#)

Бледный маг тонул в перинах. Его голова едва возвышалась над пуховыми подушками. А другие, совсем крохотные, едва ли больше кулака, но обшитые кружевом, поднимались над ним этакою мягкою горой. Того и гляди она от неловкого движения осыплется и погребет несчастного.

Мага даже жаль стало.

Тот лежал тихонечко, только пальцы вцепились в одеяло. А на лбу выступили бисерины пота.

Но дышал.

Это хорошо, а то еще ненароком помрет, и кто виноват будет? На сей счет у Эдди сомнений не было.

- С ним... все будет хорошо? – шепотом спросил он у некроманта, который стоял подле кровати с видом, преисполненным скорби.

- Будет, - ответил маг, слегка поморщившись. – Уже... только голова болит. Кажется, я позволил себе немного... лишнего. Прошу прощения.

И глаза открыл.

Чернющие. Чтоб ему... Эдди бы шарахнулся, будь нервы послабее. А вокруг черноты расползаются красные ниточки сосудов. В левом один вон лопнул, и в глазу растеклось алое облако крови.

Жуть.

- Может, все-таки целителя? – Эдди, конечно, не великий специалист, но выглядел этот маг столь погано, что даже жаль его становилось.

- П-пройдет. И мне будет легче, если вы расскажете. Вам удалось связаться с Кэти?

- Да, - Эдди огляделся. В комнате, легкой и воздушной, этакой совсем уж зефирной, стулья были под стать. Беленькие и какие-то словно игрушечные. Садиться на такие было боязно.

- Хорошо... я видел... Бальтазара.

- Это того...

- Да.

- Хорошо.

- Что хорошего?

- Стало быть, душа не ушла. Если бы совсем ушла, то я бы не дозволялся. А так она там, значит, шанс вернуть в тело имеется.

Маг слегка поморщился.

- Бертрам... ты мог бы отправить записку ко мне?

- Уже.

- Хорошо... принесут флягу... укрепляющий отвар. Знаешь, до сих пор ведет. Ощущение, словно пьян... хотя я никогда-то...

- Не напивался? – Эдди все же подвинул стул к себе.

- Увы... дар проявился довольно рано. А контроль для менталиста важен. Очень важен. Я... с подросткового возраста впервые... и не специально. Прошу простить меня и... я действительно не отдавал себе отчета, хотя слабое оправдание, конечно.

- Забудь, - отмахнулся Орвуд и тоже стул подвинул. А потом поглядел на Эдди и велел: - Рассказывай. Начни с того, как там оказалась моя сестра.

- Не сама она. Дух.

- Ну да, существенная разница... дух моей сестры.

- Я позвал, - Эдди потер переносицу. – Я ж самоучка. По-хорошему шаман, когда берет ученика, он помогает. Выводит на тропу. Учит звать духов. Говорить с ними. А я вот чего-то помню с детства, остальное – как получается. Шаман, нормальный шаман, может вызвать конкретного духа. А я просто кидаю зов, и кто откликнется, тот и...

- Она откликнулась.

- Да, хотя обычно люди, которые не спят, да и те, что спят, но дара не имеют, они не особо слышат. Она услышала и пришла. А потом уже она позвала Кэти. Я же что? Я ж видел эту вашу Кэти только на сцене, издали. А этого мало. Если б связь с телом сохранилась, тогда да. А раз связи нет, то и вот... - он развел руками. – Получилось, как получилось.

- Но Эва эту женщину знала? – уточнил некромант.

- Точно. И дозволялась. Она... сильный шаман.

- Не скажу, что это меня успокаивает, - Бертрам вздохнул.

- Отчего?

- Наш дар и без того вызывает опасения... у Орвудов девочки редко появлялись. Очень редко. А мужчинам прощается многое. Но... вот с замужеством Эвы будут проблемы. Все одно слухи пошли. И... Тори тоже. Да не важно, как-нибудь разберемся, - он махнул рукой.

Эдди же подумал, что если так, то... может и неплохо.

То есть плохо.

Он сам, помнится, волновался, что сестра замуж не выйдет. Однако же получилось. А тут... нет, планов не было. Какие планы? Граф он там или случайно получилось, но рожу титулом не изменишь. И... не о том думать надо.

Совершенно не о том.

Особенно, когда в тебя вперился взглядом менталист, пусть бы и слегка замученный.

Эдди нахмурился, и менталист поспешно взгляд отвел, устремив в потолок. Потолок, к слову, был расписан этакими веночками из роз и полевых цветов. В общем, смотри и радуйся.

- Тут все погано, - вынужден был сказать Эдди, немалым усилием воли отвлекаясь от розочек, веночков и каких-то трусоватых мыслей, что титул может чего-то там изменить. И вообще ему предсказано было... - Начнем с того, что есть списки. Не тех, кто в клубе, но тех, кто детей продавал. Она говорила, что и из приютов, из работных домов... приглядывали кого и продавали.

- Интер-р-ресно, - почему-то голос менталиста сделался низким, рычащим.

- А то... она вроде как бумаги вела, та, которая еще до Кэти... Мамаша. Вот. Но, думаю, опасалась, что её рано или поздно зачистят.

Так бы и вышло, не помри она от проклятья.

- А потому и бумаги эти хранила не только в доме, - Эдди чуть качнулся и стул под ним легонечко хрустнул. - В одном банке ячейка, в другом - ключ от нее. Эва знает, где.

- Это небезопасно, - заметил Берт.

- А можно думать, остальное дерьмо, в которое меня втащили, охрененно безопасно, - пробурчал Эдди. - Если вы сунетесь, как знать... я ж дикарь тупой. И в здешних делах ничегошеньки не смыслю. Да и... не думаю, что кто-то вообще про эти бумаги чего знает. Если б знали, то и банков не оставили бы. А так...

Он вздохнул и продолжил.

Делиться надо не только прекрасным.

- Значит так, - Эдвин потер голову. – За банками мои люди присмотрят. Издали. Спешить не будем. Если бумаги там, то пусть лежат. Надо убедиться, что... а там через пару недель и изыдем. Мне к Императору надо будет... точнее отцу. Все это грозит вылиться в такой скандал, что...

Замять попробуют?

Эдди нахмурился.

- Такое не замнешь. И... Император будет рад поводу. Он полагает, что не все мятежники... проклятье, я опять говорю слишком много. Но тебе надо... надо учиться.

- Сам знаю.

- Нет. Не про то. Университет, - палец уткнулся в Эдди. – Тебе надо в Университет. И им... всем надо... чтоб вас. Берг! Дай мне снотворного какого. И дверь закройте, а то... когда это закончится... чтоб я еще раз... а ведь...

Эдди хмыкнул.

И отступил.

На сей раз Тори дошла до лестницы быстро, а потом остановилась на самом краю. И когда Эва подошла, просто вцепилась в руку.

- Надо, - сказала Тори и глаза её, залитые чернотой, казались провалами в бездну.

- Я тебя держу, - Эва осторожно ступила первой.

Дом спал.

Где-то далеко часы пробили дважды, и этот звук, глухой и тяжелый, утонул в глубинах дома. Тени разве что ожили. Но тени всегда здесь пробуждались после полуночи.

Их Эва не боялась.

Никогда.

Даже еще ребенком. Тогда у них с Тори была одна детская на двоих. И они сами выманивали тени из-под кроватей. Играли с ними. Почему Эва забыла об этом?

Забыла.

А теперь вот... тени сползались, спеша коснуться босых ног. Не страшно. Они мягкие и... да, немного теплые. Беспокойные.

Вот.

Ниже.

И еще ниже. И Тори смотрит перед собой. Улыбается так, жутковато. Может... маму позвать? Нет, с нее довольно волнений. У нее от переживаний к вечеру мигрень разыгралась, а еще прислали записку, что с платьями на бал какая-то беда приключилась, то ли лент не хватило, то ли вовсе они уже из моды выйти успели, что широкие, что узкие.

Глупости.

Какие это глупости.

На низу лестницы серая дорожка. Тени тоже слышал? А Эва нет. Она прислушивается, пытаюсь уловить хоть что-то. Но... нет, ничего. Тишину дома нарушают обыкновенные звуки ночи. Поскрипывание старого паркета, что избавляется от дневной тяжести. Вздохи в трубах. И ветер за окнами.

А Тори решительно ведет дальше.

И быстро.

Она почти бежит, тянет Эву за собой. Дальше... по коридору. Мимо столовой... и еще дальше. Кабинет отца? Эва, кажется, понимает, куда им надо.

- Там закрыто, - говорит она, но Тори, встав перед дверью, просто кладет руки на неё. И дверь вспыхивает темным огнем. А потом отворяется.

Беззвучно.

И от этого страшно. Но тени, любопытные тени, первыми устремляются вниз по лестнице. Они готовы вести Тори за собой. И Эву тоже.

Куда?

Света бы. Но... нет, ничего нет. И приходится опираться на руку Тори. Теперь ведет она. Жутко как... сердце колотится, что безумное. И хочется сбежать. Наверх.

Но слишком темно, и если Эва отпустит руку сестры, то она заблудится.

Она... не найдет дороги.

Именно так.

- Смотри не глазами, - Тори останавливается. И вот странность, хоть света нет, но Эва видит белое пятно её лица. И черные-черные глаза. – Закрой.

И вторая её рука ложится на лицо Эвы.

Снова странность, но... если глаза закрыть, то и вправду все видно. Нет, не так, но... очертания. Тени спешат расползтись, и Эва их видит, а за ними и стены.

Двери.

Она была за одной из этих дверей. За которой? Забыла. Все-таки она глупая и невнимательная. А Тори идет. Она точно знает, куда ей нужно. Она всегда точно знает... и идет.

Шаг за шагом.

Дверь.

Не заперта. За нею комната. Небольшая. Тени отступают и Эва слепнет, отчего открывает глаза, но тут же жмурится. Как ярко... то есть, не очень. Комнату освещает одна керосиновая лампа, и крохотный огонек трепещет под стеклом.

Тори морщится.

Еще в комнате есть кровать. И человек в этой кровати. Он лежит, тихо так, и Эва не уверена, жив ли он. Но Тори знает. Тори отпускает руку Эва и подходит близко. Она застывает над кроватью, над человеком, слегка покачиваясь, словно раздумывая над тем, что видит. А потом спокойно кладет руку на грудь его. И тьма, окутавшая пальцы её, устремляется в тело.

Смотреть жутко, но...

- Помоги, - Тори оборачивается. – Помоги мне...

- Как?

- Ты можешь... позвать... я знаю...

- Я не знаю, - Эве больше всего хочется сбежать, но ноги цепенеют. И сама она не способна пошевелиться.

- Позови!

- Кого?! Как его зовут, знаешь?

- Нет. Но я слышу... слышу...

Тори тянет руку, и Эва решает. Она касается пальцами пальцев сестры. Её тьма не обжигает. Она и не такая уж страшная, но...

- Я слышу, - жалуется Тори. – Он зовет... ему надо помочь. Я слышу! Он тоже потерялся, а теперь...

- погоди, - Эва сжала пальцы. – Давай, как раньше? Я помогу тебе туда, а там... там решим.

Это опасно.

Очень-очень.

Ведь в последний раз, когда они ходили вдвоем, Тори не вернулась. А вдруг она снова... нет, она может уйти и без Эвы. И если просит о помощи, а раньше Тори никогда и никого о помощи не просила, то ей эта помощь на самом деле нужна.

И Эва поможет.

А что до заблудиться, то... то у нее перо есть. Вот. Эдди сказал, что найдет её везде? Значит, бояться нечего.

Она вдохнула.

Закрыла глаза. Потом шагнула к постели и села. Если падать, то лучше уж на мягкое, хотя лично она предпочла бы свободную постель. Тори опустилась рядом. Эва же, нашарив влажноватую, но теплую руку человека – вот не стоит в это лезть, не стоит – сжала её.

А теперь... теперь надо представить его же, но... но не здесь.

Где?

Где он был до того, как попасть к ним? Закрывать глаза. Вдох. Выдох и...

Глава 10 Про то, что не все двери оставляют открытыми

Глава 10 Про то, что не все двери оставляют открытыми
...дом.

Эва узнала емго. И сердце сжалось от ужаса. Она бы закричала, но чья-то рука зажала рот.

- Тише ты, - зашипела Тори на ухо. – Это...

- Это тот дом.

Эва поняла, что они находятся не в мире яви. Снова все размытое, расплывчатое и серое. У серого, оказывается, тысяча оттенков. И дом выглядит почти настоящим.

- Он... он здесь тоже был? – тихо спросила Эва. – Если мы здесь?

- Это если тебя не вынесло.

- Нет, - Эва повернулась. – Вон. Смотри.

Человек стоял на другой стороне улицы. Он прохаживался, время от времени останавливаясь, и смотрел не на дом, но на реку.

- Думаешь? Он не похож.

- Здесь все немного другое.

- Вот не учи...

- Я не учу. Он здесь выглядит так, как... как если думает, что выглядит. Вот, - Эва вытянула руки. Она снова была в нелепой чужой рубашке из тонкого полотна. Ноги босые. Но ей не холодно. Да и вообще не ощущает она мостовой. Только если захотеть... да, рубашка превращается в платье, пусть даже простое и домашнее, но это лучше, чем так.

А Тори тоньше.

Изящнее.

И в бальном наряде, именно в том, который она так и не надела тогда. Впрочем, собственное платье Эвы тоже осталось где-то в гардеробной, потому что идти на бал, когда с Тори такое, никак невозможно. Те платья давно вышли из моды.

- Прелесть, правда, - Тори крутанулась. – Какая я все-таки глупая была.

Эва хотела сказать, что и сейчас она не больно поумнела, но сдержалась.

- Мы здесь вообще зачем?

- Понятия не имею, - сказала Тори. – Но интересно. Кого он высматривает?

- Дом. Я так думаю.

- Он же...

- Он его не видит, - Эва прищурилась. – Давай ближе.

- А...

- Нас он тоже скорее всего не увидит. Это то, что было. Уже случилось.

Господин с тросточкой выглядел... ну как, наверное, раньше Эва сочла бы его красивым. Было в нем что-то такое, возвышенное, как в Стефано. Или просто и вправду похож? Такой же хрупкий с виду. И волосы светлые. А вот усики ему совершенно не идут.

- Чего ты на него так уставилась? – поинтересовалась Тори хмуро.

- Просто... напомнил одного знакомого.

- Интересного?

- Куда уж интереснее. Он меня уговорил сбежать, а потом продал.

- А... нет, этот не такой.

- Откуда ты знаешь?

На Эву посмотрели как на дуру.

- Я чувствую.

Эва тоже чувствовала, но... но тогда, скажи ей, что Стефано подозрителен, она бы не поверила. Она бы ни во что не поверила, потому что главное ведь – любовь.

А остальное...

Неужели Тори...

Нет, невозможно! Она же этого вот, с усиками, впервые увидела в подвале. А потом еще здесь. Разве этого достаточно, чтобы влюбиться?

И вообще... с любовью, выходит, ничего не понятно.

- Точно не видит, - Тори помахала рукой перед лицом господина, что продолжал упорно прогуливаться по набережной.

- Я тебе говорила, - фыркнула Эва и огляделась.

Если они оказались здесь, то... не случайно?

Должен быть какой-то смысл. И... и им хотят что-то показать? Господин? Или нет. Он какой-то... слегка размытый, если приглядеться.

И сама улица.

Будто дрожит.

Вот... потемнело. Нет, не быстро, как-то вдруг, будто свет выключили.

- Что за...

Блеклые пятна фонарей. А дом будто пламенем охвачен призрачным. Снизу оно темное, но чем выше, тем светлей. У крыши и вовсе будто марево, если не приглядываться, то и не заметишь.

А вот улица. Прямая такая.

Пустая.

И тревожно на сердце. Оттого и тянет скорее ухватиться за руку сестры. И та молчит, только мнет в руках кружевной платочек.

Кареты.

Они выныривают из сумрака, разом обретая и очертания, и плотность. Черные. Мрачные. Какие-то одинаковые. Кареты останавливаются у дома, и из них выходят люди.

В масках.

Мужчина и женщина. Всегда мужчина и обязательно женщина. Люди поднимаются по ступенькам, чтобы пройти в дом.

- Нам туда, - Тори тянет за собой. И снова у Эвы не хватает сил удержать сестру от безумия. Она идет. Тяжело. Она не хочет снова оказаться там, в этом доме, пусть бы теперь может уйти от сюда в любой момент. Но... она идет.

Это важно.

Для кого?

Эва не знает. Но поднимается по ступеням, правда, задерживается у входа. В этом нет смысла. Они все спрятались. Все-все. От друг друга. От случайных гостей. Они придумали маски, но... надевали их на входе. Снимали одни, шелковые и гладкие, такие, которые приемлемы на любом маскараде, чтобы сменить их на другие, клювастые и уродливые.

И в это мгновенье...

В мире, который подчиняется тебе, мгновенье может длиться целую вечность.

- Что ты...

- Смотри, - велела Эва жестко. — Смотри и запоминай их. Он видел. Он всех их видел.

Солидного господина с залысинами и массивным носом, на котором выделялись черные точки пор. И юношу той чахоточной

бледности, которая недавно вошла в моду. Мрачного типа с черными волосами на пробор. Кто так носит? И пухлого нервного мужчину, чем-то неуловимо похожего на мистера Дайсона, их соседа.

- Сколько их... - Тори провожала взглядом каждого.

Почти каждого.

Некоторые, к сожалению, надевали маску поверх маски. Осторожные? Но их Эва тоже пыталась запомнить. И дом помогал. До нее доносились запахи, которых там, в настоящем мире, она бы не смогла почуять. Лаванды... лавандой набивают мешочки.

Эва шила их каждый год.

И вышивала тоже, ибо мешочки для лаванды, которыми перекладывают белье, должны выглядеть красиво.

Сигар. Не тех, что курит отец. Эти более горькие. Едкие. И кажется, от их дыма на языке остается привкус шоколада. Их владелец скрывает лицо за маской, расшитой серебром и жемчугом. Такая подошла бы женщине. А еще он не носит перчаток. И вот руки у него как раз мужские, грубые, широкие, с квадратными ногтями и даже длинным шрамом, что протянулся по тыльной стороне запястья. Он брал начало между мизинцем и безымянным пальцем, чтобы руслом нарисованной реки уйти выше, а потом и вовсе спрятаться под белоснежной манжетой.

И еще один.

Костюмы... зачем шить костюмы у портного на заказ, если они выглядят одинаковыми? Этот маску надевает еще в карете. Серую.

Странно, что здесь, на изнанке мира, серый цвет выглядит настолько ярким. И распорядитель низко кланяется именно этому гостю. Он что-то говорит, только Эва не слышит. Подхватив юбки, она бросается вперед. Ей очень надо... хоть что-то надо. Дому не нравится этот человек. Настолько, что тот вырисовывает следы на ковре.

Черные. Дымящиеся.

Жуть.

- Ты куда...

Голос Тори доносится словно бы издалека, но... Эва спешит. Она обегает человека в серой маске. Ничего. Он похож на ворона, только ненастоящего. Уродливого. А настоящие красивы и даже очень. Этот же... высокий. Выше Эвы.

Что еще?

Он словно темным пламенем объят, которое тянется снизу. И воняет... как же от него воняет! Это отнюдь не запах туалетной воды, с которой порой перебарщивал дядюшка Фред, матушкин кузен, появившийся в доме редко, только когда сильно проигрывался в карты. И матушка потом злилась. И за карты, и за эту вот его привычку.

Но... там запах был хоть и сильным, но не таким.

А здесь...

Что-то гнилое.

Едкое.

Отвратительное настолько, что будь Эва настоящей, её бы вывернула.

Тонкие руки. Белоснежные перчатки. И человек гладит левой рукой правую. Сквозь перчатку проступает что-то... кольцо? Перстень?

В петлице бутоньерка. Незабудки и... и еще какой-то цветок. Эва не знает, но запомнит. Как запомнит и трость, которую он оставляет распорядителю. Трость из темного дерева, с виду простая и даже не примечательная, но свет падает как-то так, что из дерева выглядывает змей...

Нет, не змей, хоть похож.

Но у змей нет ни лап, ни крыльев. Дракон? Это...

- Да что с ним не так?! – Тори требовательно дергает за рукав, и Эва упускает мгновенье. Вот человек оборачивается, кланяется кому-то. – Надо же, какой...

- Какой?

- Притягательный.

- От него воняет.

- Нет, что ты, - Тори прикрыла глаза. – Какой удивительный аромат.

- Ты в своем уме?

- Кто из нас вообще в своем уме.

- Это... это вонь!

- Как та музыка. Ты ведь слышала её иначе, а меня и вправду стошнило.

Человек идет мимо Эвы. А за ним бледной тенью следует девушка. Её лицо не скрывает маска, но само лицо на нее похоже.

Белый фарфор, легчайший румянец. Тонкие черты...

- Красивая, - Тори втягивает запах. – И тоже пахнет... им. Надо его найти.

- Надо, - соглашается Эва. – Найти и убить.

А в дверь входит еще один человек. И его Эва узнает. По усам. Сейчас они кажутся смешными, наклеенными.

- Это еще что за шлюха...

- Тори!

На плече человека буквально повисла девушка той своеобразной наружности, которая, должно быть, свидетельствовала, что образ жизни её был далек от приличного. Девушка была хороша. Круглолица. И синеглаза. Её волосы слегка вились и, прихваченные бантиками у висков, водопадом ложились на плечи.

Девушка что-то говорила...

А ведь Эва должна понимать, что они говорят. Или... или дом не понимал? Он видел, но не слышал?

- Спасибо, - шепнула Эва, прижавшись щекой к стене. – Спасибо, что ты принял нас.

Она услышала эхо, далекое, полное боли.

- Я... я что-нибудь придумаю. Или это все? Нам уходить?

Мгновенье.

И все снова меняется. Столь стремительно, что Эва не успевает заметить, как и куда исчезает холл и люди в нем. Просто вдруг она оказывается в месте, где... темно.

Тесно.

И страшно.

- Тори...

- Я тут, - пальцы из темноты берут за руку. – Здесь... жутковато.

Её фигура идет рябью, но вот все светлеет.

Подвал.

И факелы на стенах. Мужчины, которые спускаются. И впереди тот, что в серой маске. За ним две девушки. Одна – бледная и... неживая.

Вот, что в ней неправильно.

Она неживая!

То есть, Эва не совсем уверена, она все-таки пульс не прощупывала, но вот убежденность эта странная... допустим, что так

оно и есть. И здесь Эва видит чуть больше, чем там.

Вторая была живой.

Та, с бантиками в волосах и синими глазами.

С губами слишком яркими, чтобы поверить в отсутствие помады. И мушка на щеке никуда не делась. Она следовала за мужчиной, не спуская влюбленного взгляда.

В подвал.

И еще...

За ними идти?

Кэти... Кэти и двое мужчин тянут третьего.

- Они его... - Тори шипит. – Они его убили!

- Он же живой. Значит, не убили. Не до конца.

А из двери снова появляется та, светловолосая, с бантиками. И что-то говорит Кэти. А потом указывает на мужчин. В следующее мгновение она показывает пуговку, зажатую в руке. И...

Мир мигает.

- У меня голова сейчас заболит от этой суеты, - ворчит Тори. – Давай помедленнее.

Изменилось немного.

Девушка переступает через тела. Кэти... Кэти лежит на полу, а девушка наклоняется и обшаривает её, вытаскивает из вороха юбок кошелек, который отправляет в вырез платья.

Подходит к тому мужчине, с усиками, и обыскивает уже его.

Бьет по щекам.

И когда тот открывает глаза, о чем-то спрашивает. И снова... но голова мужчины запрокидывается. И девушка этим недовольна. Она кричит, судя по тому, как широко открывается её рот. И из двери выходит вторая девушка.

Его подхватывают.

Тащат. Им тяжело. Той, которая жива, точно. А вот та, другая, с безумною улыбкой и широко распахнутыми глазами, поднимает мужчину с легкостью.

Она бы и сама справилась.

А картинка идет рябью, становясь все более и более прозрачной. И Эва чувствует, что еще немного и она вовсе исчезнет.

- Нет! – крик Тори почти разрывает хрупкую ткань иного мира. – Сделай хоть что-то!

Что?

Или... кровь, если кровь... нет, для этого надо вернуться, а Эва не уверена, что снова отыщет дорогу. Тогда... тогда что?

У нее есть перо.

И...

И Эва решительно вытащила его из волос. Она ведь, в конце концов, не для себя. И не для Тори. А потому... потому что, что бы ни происходило в этом доме, оно по-настоящему важно.

Именно так.

И Эва сжала перо в руке.

- Что ты...

- Замолчи, - попросила Эва, и сестра в кои-то веки подчинилась. А теперь надо позвать, но... но как звать того, кто должен бы услышать?

Эдди...

У него есть имя.

И еще тысяча обличий, потому что он шаман.

Особенный...

И когда тень от крыльев легла на мир, Эва улыбнулась. Услышал. Он её услышал.

Глава 11 О том, что реальность порой куда сложнее, чем кажется

Глава 11 О том, что реальность порой куда сложнее, чем кажется

Эдди почувствовал тот момент, когда сон, в общем-то совершенно обыкновенный, полный полуразмытых образов и столь же неясных ощущений, изменился.

Стал плотнее воздух. И в нем прорезался характерный запах дыма. Едкая горечь его резала глаза. А жар опалил перья.

Перья?

Он снова был вороном.

И снова – на той стороне. Не сам. Потому что его позвали.

Кто?

Несносная девчонка, которой не спится по ночам.

Ворон взмахнул крылами, поднимаясь над серым-серым городом, и хрипло каркнул. А потом опустился ниже. Он видел русла улиц и темные скалы-дома. Видел тени людей. Одни были плотными, почти настоящими, облик же других едва угадывался.

А еще он видел пламя.

Здесь оно было синим. И поднималось до самых небес. В них же пламя свивалось, складываясь престранными узорами, чтобы устремиться вниз, к крохотному с виду человечку.

Чарли?

Это... это то, что было. Раньше. Город помнит. И мир духов тоже. Но Эдди нужно не туда, там все ясно, его зовут в сам дом. Все еще целый.

Всегда целый.

Навсегда.

Он сложил крылья и рухнул в бурлящее пламя, чтобы закричать, но не от боли. От ярости. И пламя утихло. А дом изменился.

Так бывает.

Это... это еще более раннее прошлое, где огонь уже есть. Он почти готов родиться, выплескиваясь из камней, разбросанных по всему дому.

Но главный, самый большой, прятался внутри.

Там, где стояла женщина, сжимающая в руке воронье перо.

- Ты услышал! – воскликнула она радостно. – Ты пришел.

Чтоб тебя...

Вот и спасай после этого всяких.

Обличье сменилось легко, он и подумать не успел.

- Нам... нам очень нужно посмотреть! Это про того человека, в подвале, - Эва тотчас вцепилась в руку, словно испугалась, что сейчас Эдди возьмет и исчезнет. – Тори сказала... и мы здесь вот. Мы его видели. Он шел сюда. Пришел. С женщиной. Но эта женщина совсем-совсем не живая! А Кэти умерла. И не только она. И...

- Тише, - попросил Эдди, приложив палец к губам.

И она не отстранилась,, только ресницы хлопнули.

- Просто... тут все дрожит и, кажется, у меня заканчиваются силы.

А как сделать, чтобы пройти дальше, я не знаю.

- Счастье какое, - проворчал Эдди, и Эванора Орвуд вспыхнула.

- Извини, - она произнесла это холодно. – Если оторвала от важных дел.

Ну вот, обиделась. И за дело же. Ну да Эдди никогда особо с женщинами не умел. Но... стыдно стало.

- Куда смотреть?

- Туда, - она указала на коридор. – Они его туда понесли. Одна и еще другая, которая с ним пришла. У нее еще глаза голубые.

- Серые, - возразила вторая девица, до того державшаяся в тени. – А от него пахло... так пахло... просто невероятно

Эва скривилась.

За дверью обнаружилась комната.

Странная комната.

Страшная.

Свечи.

Факелы.

И человек, склонившийся над другим.

- Что ж вы так? – его голос отражался в стенах. – Вы ведь так жаждали попасть в самое сердце... вы в нем. Поздравляю.

Камень. Длинный камень, черный от силы, его напитавшей. И глаза ведьмы закатываются, а рот приоткрывается.

- Назад! – крик Эдди мешается с криком парня, грудь которого пробивает тонкий клинок.

И ведьма вздрагивает.

А потом оборачивается. Глаза её темны, что бездна. Рот кривится.

- Тори! Тори, что...

- Ведьма! – Эдди отвесил пощечину, и голова девицы Орвуд запрокинулась, а её когти впились в его лицо. Она взвыла.

И отступила.

- Это... это...

- Место, - Эдди обернулся.

Тот, который кричал, дотянулся до алтарного камня. Камень сам по себе артефакт? Похоже на то. Но другой, с клинком, резко вытащил этот клинок из груди жертвы и добавил что-то, но звуки пропали, а следом и картинка побледнела. Последнее, что увидел Эдди перед тем, как окончательно проснуться – это коридор с мертвецами. И первым среди них был тот самый парень, который почти уже умер.

Твою ж... чтоб тебя... и эту девицу, которая умудряется вляпываться из одного приключения в другое.

Он отер пот со лба и поднялся.

И выматерился, едва не наступив на лежащего мальчишку.

- Что ты тут делаешь? – просипел Эдди, потому что горло вдруг свело. И дышать стало сложно. Воздух вдруг исчез.

И надо бы до окна добраться.

Мать вашу, если он не доберется до окна, то просто-напросто сдохнет. А окно где-то там... комнаты, которые ему отвели, слишком большие.

Слишком...

Он споткнулся и упал бы.

Точнее упал, на втором шаге. От тычка под лопатку. И уже ударившись всем телом о пол, снова смог дышать. Пусть со свистом, пусть тяжело, но все-таки смог.

И тотчас зашелся в хриплом кашле. Кажется, еще немного и Эдди вывернуло бы наизнанку, но острый палец мальчишки-сиу ткнул куда-то под ребра. Эдди и подавился.

Кашлем.

Чтоб тебя... встанет, точно кому-то уши оборвет.

Он бы и встал, но левая половина тела вдруг онемела. И следом пришел страх. Удар? Мозговой? Случалось, но Эдди ведь... он ведь не старик.

- Леж-ш-ши, - прошипел сиу. И исчез.

Поганец.

Надо... надо встать. Позвать кого-то. Левую руку он вообще не чувствует, но правая двигается ведь. А что в глотке клокочет, но заговорить сил нет.

После удара-то.

Эдди попытался опереться на руку. И почти получилось. Кажется, носом кровь хлынула. И он бы наплевал, но в спину опять ткнули.

И от тычка этого слабого он повалился на пол. Носом в пушистый ковер.

- И шаман дерьмовый, - сказал мальчишка-сиу. – И не слушаться. Мой старый хозяин не любил, когда его не слушаются.

Онемела и правая сторона. И следом Эдди испытал облегчение. Если так, то выходит, что дело не в ударе. Просто... просто нельзя поворачиваться спиной к сиу.

Тот же с кряхтением попытался повернуть Эдди на бок. Получилось не сразу. Зато потом сиу подсунул под голову пару подушек.

- Пройдет, - сказал он. В темноте его лицо выглядело более жутким, чем обычно. И зубы поблескивали, белые, нарядные. – Потом. Сейчас пить.

Он прижал к губам Эдди кружку.

Что в ней?

Точнее, что в ней помимо воды? Глотать было больно.

- Не упрячься. Пить. Если не пить, быть плохо. Тут и так. Мало. У хозяина много было.

- И... - Эдди почувствовал, что рука, сжимавшая горло, ослабла. – Часто ты... хозяина... выпаивал?

Слова получалось говорить с трудом. И выходили они какими-то непонятными.

- Было. Он... приказать. Если нет, то наказывать.

- Придурок, - Эдди прикрыл глаза. Что бы там мальчишка ни принес, стало полегче. Еще, кажется, ноги покалывает. Значит, возвращается чувствительность. – Спасибо.

- Если дрянной шаман сдохнуть, то леди быть грустной, - сиу отставил опустевшую кружку. А потом его ладони, детские, но крепкие, сдавили голову Эдди так, что и не повернуть.

Еще немного и череп треснет.

- Дрянь, - сказал сиу, склоняясь над Эдди. И острый нос его коснулся носа. От мальчишки пахло лавандовым мылом и, кажется, туалетной водой. Но еще – травами, горами, песками мертвой пустыни и всем тем, чему в этом цивилизованном мире не место. – Где вляпаться?

- Сам... хотел бы понять. Что... со мной?

От ладоней исходил холод, и что-то внутри Эдди, потянулось навстречу этому холоду. Медленно. Мучительно. Выламывая извилины. И...

Ладонь зажала рот.

- Не ори. Всех разбудить. Суета будет.

Как ни странно, но это помогло.

- Что... за... дрянь...

- Смерть. Много. Жила. Там. Я не шаман. И мало знать, - он сидел, скрестив ноги, и уже не держал голову Эдди, но сложенные щепотью пальцы упирались в переносицу. – Иногда видеть сон. Разный.

- О чем?

Пожатие плечами.

И тряпка, в которой Эдди узнал собственную рубашку, кажется даже из новых. А этот гаденыш прижал её к лицу. Жаль. Кровь хреновато отстирывается. Эдди ли не знать.

- Всякое.

Эдди сумел пошевелить руками.

И ногами.

И даже тряпку у лица удержал. Все лучше, чем ничего. А вот сел он с помощью мальчишки.

- Что ты вообще тут делаешь?

Матушка ему комнату отвела, Эдди точно знал. Сиу склонил голову на бок.

- Слышать. Ты уходить. Я подумать, что опять мертвецы. Идти. Ждать. Помочь, - последнее он произнес с явным недоумением. – Я не друг.

- И не надо, - Эдди шмыгнул носом и поднялся. С трудом. Шатало... проклятье, этак он точно не доберется до Орвудов. А... ехать надо.

Самому.

Он ведь не один был. Он ведь...

- Беспокойный, - мальчишка не пошевелился. В белой рубашке, украшенной россыпью алых пятен, с растрепанными волосами он не походил на тех детей смерти, с которыми Эдди сталкивался.

Обычный мальчишка.

Уши вот острые.

И взгляд недетский.

- Надо... ехать... проверить. Там... меня позвали. Эванора.

- Эва, - мальчишка поднялся одним быстрым движением. – Я ехать.

- Ты-то куда.

- Туда. За ты приглядеть. А то ведь глупый шаман.

- Да ладно... не такой я и глупый, - проворчал Эдди.

- Умный шаман не полезть туда, где смерть.

Возразить было нечего.

Я снова видела небо. Синее яркое небо, такое высокое, бескрайнее. Оно манило. Звало полетать. И я откликнулась. Кто в здравом уме откажется полетать?

Крылья, правда, болели. И воздух такой, что не опереться. А внизу море. Тоже синее, но куда более плотное, чем небо. Еще и злое. Оно кипело, выбрасывая длинные языки волн в тщетных попытках дотянуться.

Я... летела.

Я должна была удержаться. Во что бы то ни стало. Там, в кипящей воде, остались братья.

Сестры.

Другие.

Снова чужая память? На сей раз далекая, не образами, скорее эхом разума, что задержался меж мирами, слишком упрямый, чтобы уйти.

И я... я просто летела. К берегу, что виднелся темной полосой, такой обманчиво близкой. Взмах. И еще один. И снова. Крылья выворачиваются ветром. И я рыдаю. От боли.

Слабости.

От того, что кипящее море оказывается ближе, чем берег. И ветер... раньше он держал меня. И был другом. А теперь норовит сбросить, ударить в бок, сломать, смести с небес.

Я ведь...

Взмах. И желание полета сменяется страхом.

Спокойно, Милисента. Это ведь не твой страх. Это тот... того... кого?

Не знаю.

Но я тянусь к нему. Я готова помочь. У меня ведь тоже есть крылья. Во сне. Или в забытьи? Я... главное, что тянусь. И у нас получается. Море вдруг падает вниз, а ветер снова становится покорен. Он наполняет собой кожистые паруса крыльев, и кости гудят от боли. Но мы держимся.

Берег.

Он близок.

Он еще ближе, чем кажется. И там, на нем, я вижу... кого-то? Не важно. Я все-таки падаю. Силы оставляют меня стремительно. И море со смехом убирает волны, оставляя покрытый каменными зубами песок. Они остры. Они хрустят, ломаясь под тяжестью моей, но в то же время пробивают толстую драконью шкуру. И я кричу от боли. А потом захлебываюсь криком, соленой водой, которая накрывает сверху. Море знает толк в ловушках.

И... и вода смешивается с кровью.

Больно.

Но я жив.

Жива.

Пусть крыло и тянется бессильно, вывернутое, сломанное, с изодранной о рифы перепонкой. Но я-то... мы. Мы бредем по песку, пробиваясь к той части берега, куда море не достает. И когда переступаем его, то... еще шаг.

И на песок падает человек.

Правда, кровь, вытекающая из ран его, чернее дегтя. Но разве это важно?

Главное, что мы все еще живы.

Последнее, что я вижу – тени, что устремляются к лежащему. И это вовсе не люди.

- Милли? – этот голос окончательно вырывает меня из сна. – Милиснета!

Я открываю глаза и вижу мужа, а еще десяток ярко-белых шаров, что парят под потолком, подсвечивая яркую паутину защиты.

- П-просто... сон, - я выдыхаю.

Шары покачиваются. А я чувствую ниточки, которые тянутся к ним. Шары на ниточках... твою ж...

- Защита? С-сработала?

- Сработала, - Чарльз лежит рядом и пялится в потолок. – Я сказал маме, что ты... переживаешь.

- Ага... а она?

- Сказала, что пришлет горячего молока.

- И булочку. Две. Нет, лучше три.

- Все еще...

- Угу, - я вытянула руку и дернула за веревочку, и ближайший шар плавно опустился в мою ладонь, чтобы уйти в кожу. Та на мгновение стала прозрачной, точнее будто стеклянной, и сквозь это стекло были видны полупрозрачные, словно изо льда сотворенные, нити мышц, тонкие трубки сосудов и даже кровь, бегущая по ним.

А потом все погасло.

И я потянула второй шар, заставляя его раствориться в моей силе.

Меняхватило на четыре.

- Пусть повисят, - решила я, пытаюсь подавить зевок. – А я в самом деле видела сон. Как... раньше.

- Опять тех?

- Нет. Другой... но, знаешь... берег знакомый. Такое чувство, что здесь умер дракон, - я подумала и добавила. – Или нет. До конца я не досмотрела.

Молоко с медом все же принесли.

И булочки тоже.

И холодную оленину, а к ней – два вида сыра. Наверное, оно как-то не принято, устраивать застолье посреди ночи, но... почему-то поев, я справилась еще с двумя шарами.

- Надо, - я сыто икнула, чувствуя, как меня окутывает знакомая полудрема. – Надо поскорее с университетом решать... а то ведь сны, они такие. Не успокоишь, пока... в общем, университет мне не так жалко. А к дому я привыкать начинаю.

Кстати, шары светили мягко.
И спать не мешали.
Во всяком случае, мне.

Глава 12 В которой ведьма осознает, что она действительно ведьма

Глава 12 В которой ведьма осознает, что она действительно ведьма

Эванора поняла, что случится, за мгновение до того, как нить, удерживавшая два мира, лопнула. Этого мгновения хватило, чтобы вцепиться в руку сестры.

И та даже повернулась, чтобы сказать что-то... а потом стало больно.

Так больно...

Ей даже тогда, когда она в себя приходила после путешествия в запертом ящике, так больно не было. А тут... кожа горела.

И кажется, еще немного, Эва сама увидит этот огонь. И... и сгорит в нем. Вся. Без остатка. Она закричала. Громко-громко. Но из горла вырвался только сдавленный сип.

А воздух закончился.

Вдруг.

Он был вокруг, но такой... такой тягучий. Эва хватала его губами, но не могла ухватить. Она попыталась подняться, только ноги не слушались.

И руки.

И...

- Лежи смирно! – рявкнул кто-то сверху, а потом взял и упал на Эву, выдавливая из груди застрявший воздух. И тогда она смогла дышать.

Снова.

Неужели...

Она будет жить? Она... она заплакала. И со слезами из нее выходило что-то чужое, на редкость омерзительное, гадкое даже. А то существо, которое прижимало Эву к полу, склонилось и начало слизывать слезы, урча от удовольствия.

И длилось это, наверное, вечность, но потом слезы иссякли.

А существо...

- Тори... - Эва всхлипнула еще раз. – Что ты...

- И... извини. Кажется, - Тори встрепенулась и сползла, чтобы встать на корточки. – Извини... я не знаю, что на меня нашло! На самом деле... там что-то... мы не досмотрели!

- Его убили, что там еще смотреть, - Эва с криком повернулась на бок. Странно, что их до сих пор не хватились.

Или просто времени прошло не так много. Там, на другой стороне, время идет иначе. Эва знает.

Встать получилось на четвереньки.

Нет, так они далеко не выберутся. Разве что если быстрее переставлять руки. Раз, два, три... и на четвертом счете колено наступило на рубашку, а та затрепала.

- П-погоди, - Тори поднялась по стене и протянула руку. – Ты... аккуратно давай. А то у меня в голове... знаешь, я как-то украла матушкину настойку. Вишневую. От нервов. Тогда также гудело. И главное, все вокруг таким чудесным сделалось. Еще танцевать очень хотелось. Но я – девушка благоразумная. Пошла ловить жаб.

- Зачем тебе жабы?

- Тебе в кровать подкинуть собиралась.

- Тори!

- А что... скучно было. Главное, что сейчас тут жаб ловить негде, а значит, ты в безопасности.

Вот тут Эва готова была поспорить. Но руку сестры приняла – выбирать не приходится. На четвереньках она себе точно нос расшибет – и поднялась.

- А еще нам надо посмотреть. На него.

- Зачем?

Смотреть на постороннего типа, который обнаружился в подzemелье, Эве совершенно не хотелось. И... и еще надо подняться.

Разбудить отца.

Брата.

Рассказать... про тот дом. И про Эдди.

Эдди!

- Что опять? – Тори стояла, упиравшись обеими руками в стену.

- Эдди...

- Ничего ему не будет, - отмахнулась она.

- А вдруг...

- Ты же живая. Вот и он тоже.

- Во-первых, я живая потому что повезло, а не... потому что я умная и ловкая, - возразила Эва и попыталась сделать шаг.

Правда, совсем крохотный.

На полстопы.

И второй.

А... а Тори добралась до постели и не нашла ничего лучшего, как сесть на нее. Хотя раненого чуть подвинула.

- Помоги мне. Или так и будешь стоять?

- Я иду, - мрачно сказала Эва. – А что ты делаешь?

- Не видишь? Пытаюсь его раздеть.

- Зачем? – краска хлынула к лицу, потому что... потому что приличные девицы не раздевают малознакомых мужчин, даже хорошо знакомых тоже не раздевают. Особенно, если те пребывают в бессознательном состоянии.

Вдруг он против?

И скорее всего он действительно против.

- Затем. Помоги или так и будешь взглядом буравить? Между прочим, чем раньше мы вернемся, тем меньше шансов, что нас хватятся.

- Мы... должны рассказать!

Эва сделала шаг и упала бы, если бы не постель.

Что ж, если на ней Тори сидит, то... то постель большая, а раненому, кажется, все равно, сколько девиц к нему присело. И...

Тори склонилась над ним и втянула... нет, вот это совершенно точно за гранью приличий. Очень. Очень и очень далеко за гранью приличий! Обнюхивать... полураздетого... а если она надругаться захочет? Что Эве делать?

В книгах над бессознательной героиней обычно пытались надругаться злодеи. Коварные. А... тут и не героиня, и на коварную злодейку Тори не похожа.

- От него пахнет, как от тебя, - голос Тори сделался низким и урчащим. – И как от того... проклятье, не представляла даже, что от человека может настолько вкусно пахнуть!

- Тори!

Глаза её блеснули... алым?

Тьмой?

В романе точно бы написали про зловещие отсветы пламени, но Эва слишком устала. А дурацкая фраза сама собой в голове появилась. Может, самой роман написать?

- Я... я чувствую это, - рука легла на грудь мужчины и вдавила её в постель. – Эва... я... это... я смогу... я вижу.

- Я вижу, что тебе точно не следовало сюда приходить.

- А ты... ты видишь?

- Что?

Эва вздохнула и с жалостью поглядела на лежащего. Мало того, что ранен, так еще и Тори теперь... но может, если без сознания, то ему не очень больно? Эва на это надеялась.

- Вот...

Она не будет смотреть на обнаженную мужскую грудь! Она... она в обморок должна бы грохнуться. От стыдливости. Но, кажется, со стыдливостью у Эвы явный недобор.

- След, здесь... - а вот у Тори точно ни стыдливости, ни сомнений. Её палец скользнул по коже. – И из него сочится.

- Нет тут никакого следа!

Эва нахмурилась и... решила потрогать. Кожа была теплой и влажноватой немного. Боги, если кто узнает, то... то остатки её репутации... в общем, её даже в старые девы не примут.

- Есть! – упрямо повторила Тори.

- Но я не вижу!

- Это и интересно... но... вот это темное... - она осторожно подняла пальцы, зачарованно глядя на них. – Оно... мое. Я его заберу.

- Тори...

- Не мешайся, - она дернула головой и оскалилась. – С-слышишь?

- Слышу, - Эва поднялась, к счастью, боль прошла, а слабость, пусть и осталась, но не такая, чтобы вовсе невозможно было пошевелиться. – Ты... ты только не убей его, ладно?

Надо уходить.

Позвать... отца. Или лучше Берта. Берт, он поймет, в чем дело. И что не так с Тори. А... а с ней определенно что-то было не так.

Она склонилась над лежащим. И пальцы её растопыренные застыли над грудью его. Показалось, что воздух под ними сгустился, а в нем прорезались тончайшие нити.

Нити...

Нет, показалось.

А вот лицо Тори. Такое... чужое вдруг. Хищное. Оно пугало. И Эва, закусив губу, решительно подняла подол рубашки.

Она выберется из подвала.

И...

И с Бертом она столкнулась на лестнице. А еще с отцом, который поглядел так, что захотелось под землю провалиться. Хотя они и без того под землей. Интересно, есть ли что-то ниже подземелий?

А если есть, то...

- Я... - она поняла, что голос звучит сипло. – Папа... мы не специально. Просто... Тори надо было.

Отец тяжело вздохнул.

А Берт поинтересовался:

- Зачем?

- Не знаю. Она... но мы видели! Все видели! Тот дом. И людей. Там был один, который... Тори сказала, что от него пахнет хорошо, но как по мне, так воняло просто-напросто невыносимо! И дом со мной согласен. Ему этот человек не нравился категорически. Но... - она споткнулась. – А он еще сделал девушку неживой! Ту, которая пришла с тем мужчиной, которого Тори...

Она опять запнулась.

- Ясно, - Берт тоже вздохнул. – Что ничего не ясно, но потом расскажешь подробнее.

Эва с облегчением кивнула.

И еще подумала, что теперь её точно запрут и, скорее всего, не в университете.

- Так что там с Тори? – уточнил Берт и стянул халат, оставшись в длинной ночной рубашке.

Эва, правда, выглядела не лучше.

И... и замерзла, оказывается. Она и сама не заметила, насколько замерзла. Но халат оказался большим и теплым.

- Она... там... она говорит, что у него рана и из нее сочиться. Но раны нет! Я сама... - Эва вовремя осеклась. Не стоит им знать, что она не только смотрела, но и трогала... это. – А она... она руку подняла. И растопырила. И под ней воздух... ну совсем жуть.

Тори не сидела.

Тори лежала. Рядышком. Одной рукой она обнимала лежавшего мужчину. Вторую сунула под щеку. И спала. Причем спала так сладко, что Эва даже позавидовала. На мгновение. А потом испугалась.

И не только она.

Эва почувствовала, как напряглась рука брата, который поддерживал её. И дыхание отца сбилось.

И...

- Тори, - тихонько позвала она. И ресницы дрогнули. Губы растянулись в улыбке, такой, слегка безумной, а потом Тори открыла глаза.

Черные-черные.

Как сама тьма. И... и в обморок Эва тоже не упала. А еще подумала, что в романе описать эту бесконечную угольную черноту будет безумно сложно.

Или как там?

Адская бездна...

Но вот Тори моргнула. И глаза... глаза стали прежними. Почти. Разве что темными слишком. И выразительными. И... и опять Эва не о том.

- Я... - Тори всегда умела играть. И теперь сыграла растерянность вкуче с беспомощностью. – Где я...

- Знаешь, - отец снял халат и протянул его. – Вот только врать не надо, дорогая.

А потом снова вздохнул, тяжелее прежнего.

- Кажется, в нашей семье все-таки объявилась ведьма.

И взгляд перевел на Эву, будто это она виновата.

- Матушке только не говори, - сказал он тяжело. – Пожалуйста.

Дверь Эдди открыл почему-то Бертрам Орвуд.

- Живой, - сказал он с немалым облегчением.

- А...

- Тоже жива. Живы. Обе.

Наверное, можно было откланяться и уйти, но Орвуд распахнул дверь, махнув на нее. А Эдди решил, что это вполне можно счесть приглашением.

Мальчишка сиу тенью проскользнул следом.

На улице светало.

В гостиной же горели газовые рожки, и потому казалось, что там, за окнами, еще темно. Пусть даже сквозь эту темноту прорисовывались тени ветвей.

Ветер качал.

Ветви шевелились и скреблись о стекло.

- Доброго... - Эдди замешкался. Утра? Ночи? И доброго ли. – Доброго времени дня. Если мое присутствие...

- Скорее наоборот, - старший из Орвудов указал на кресло. – Ситуация довольно... неоднозначная. Но вы показали себя, как человек, мнению которого... можно доверять. Что вы знаете о ведьмах?

- Темных? – уточнил Эдди.

- А бывают светлые? – сестрица Эваноры выглядела взбудораженной.

Растрепанная.

В мятом домашнем платье, поверх которого была наброшена шаль. И бледные руки мяли края этой шали.

Бледные руки с синеватыми ногтями.

Бледное лицо.

И черные глаза.

- В мире много чего бывает, но обычно светлых называют иначе.

- Как же? – она вздернула подбородок.

- Виктория, - поморщился Орвуд-старший. – Будь добра, веди себя прилично.

- А разве ведьмы ведут себя прилично?

- Не знаю про ведьм, но ты моя дочь. Поэтому... окажи любезность, - это было произнесено с нажимом.

А вот Эванора, в отличие от сестры, почти потерялась в кресле. Она сидела очень прямо и очень тихо. Только, пожалуй, теперь и слепой бы не спутал её и сестру.

- По-разному, - примиряюще сказал Эдди. – Целительницами. Прорицательницами.

- Магичками?

- Это не совсем то... тот дар. Милисента одаренная, но не ведьма.

- Почему так?

- И ведьмы, и маги берут силу мира, но вот маги как-то её в магию претворяют. В огненные шары там, - больше ничего в голову не

приходило. – А вот ведьмы эту силу в сам мир возвращают, получая за то возможность его менять.

- А разве огненные шары его не меняют?

- Меняют, - признал Эдди. – Но не так. Тут... тут дело вот.

Он постучал по голову и потом – по груди.

- Не столько эти ваши ученые... знал я одну старуху. Она жеребят заговаривала. Совсем махоньких. Омывала ключевой водой. Шептала чегой-то, отчего из тех жеребят такие кони росли, загляденье. Но вот дару в ней ни на грош. Ведьмы чуют мир. И силу в нем. Аккурат, как кошки – кошачью траву. Где силы больше, там они больше могут, а где меньше – там меньше. А уж сколько больше или меньше, тут от мира зависит. Но силу в себе они не удержат. Маги же наоборот, больше нужного не возьмут, но и отдать не сумеют.

- Это несколько... ненаучно, - заметил Бертрам, разливая по стаканам темный настой.

- Я дикарь, - отмахнулся Эдди. – Какая уж тут наука. Чего слышал, того и говорю. Маг, если вычерпается до дна, то и там, где силы мало, восстановиться сумеет. Тяжко, медленно, но сумеет. А вот ведьма, если силы нету, то и она, почитай, не ведьма.

- И что теперь? – поинтересовалась Виктория, не скрывая раздражения. – Что со мной будет?

- Наука отрицает существование ведьм, - Орвуд-старший поднял стакан. – Но...

- Что-то я начинаю разочаровываться в этой науке, - Бертрам понюхал зелье. – Ваше здоровье... пока моего на вас хватает.

Настой оказался горьким. И терпким. Травяным.

- Могли бы и нам предложить, - проворчала Виктория.

- Обойдешься, - Бертрам осушил бокал одним глотком.

- Ведьма, - подал голос мальчишка-сиу, сумевший держаться так, что Эдди и сам почти забыл о его существовании. – Смерть. Тянуть. Ведьма быть там.

Он махнул рукой куда-то в сторону.

- Ведьма забрать из того... - он добавил несколько слов на низком вибрирующем языке. И все поглядели на Эдди.

А тот покачал головой: с сиу он общался не настолько тесно, чтобы выучить их язык.

- Душа вернуть. Можно, - мальчишка вперился взглядом. – Если все забрать.

- Погоди, ты имеешь в виду, что она вытянула проклятье?

Кивок.

- И теперь можно попробовать призвать душу? – уточнил Орвуд-старший.

Еще один.

И палец сиу указывает на Эванору.

- Два шамана суметь точно. Даже если один – дурак.

Все-таки надо ему уши оборвать. Определенно.

Глава 13 Где леди получает предложение о дружбе и помощи

Глава 13 Где леди получает предложение о дружбе и помощи

Утром я сумела развеять шары, которые за пару часов несколько не поблекли, а стали даже будто бы ярче. К счастью, остаток ночи прошел спокойно. Снов я не видела, летать не тянуло, жрать, что характерно, тоже. То есть, аппетит был, но... будто не такой, как раньше?

Или это я просто надеюсь.

- Я скоро вернусь, - Чарльз выглядел несколько смущенным. – Надо... самому взглянуть. Что там. В университете. И... просто...

- Иди, - я поглядела на пирожок, раздумывая, влезет он в меня или все-таки нет.

И пришла к выводу, что нет.

Пока.

А потом посмотрим.

Как ни странно, настроение было на редкость... умиротворенным? Хотя, казалось бы, с чего... не с чего. А оно все одно.

За окном солнце.

Птички поют.

Не жарко, но воняет городом, впрочем и запах этот не раздражает. Тем паче, в саду он разбавляется медовыми цветочными ароматами.

Розы цветут.

Еще что-то.

Дерево какое-то растопырило ветви, раскинуло полог зеленой листвы. Свет проникал сквозь нее, и сквозь кружево беседки тоже.

Было...

Хорошо. Пожалуй, впервые за долгое время по-настоящему хорошо и спокойно. А потому появление девицы, это спокойствие нарушившей, меня не обрадовала.

- Леди Грейсон, - девицу сопровождала свекровище, которое тоже не выглядело радостным, и полагаю, вовсе не потому, что леди не должны разваливаться в креслах-качалках.

Сама знаю.

- Леди изъявила желание познакомиться с вами лично, - лицо свекровищи отражало все её сомнения. И я со вздохом села. Так, как подобает леди.

Даже если не Грейсон.

- Грета, - прощепетала эта самая леди, а ведь, помнится, заявляться в чужой дом без приглашения не вежливо. – Зовите меня просто Грета...

Вот чую, простоты в ней столько же, сколько во мне трепетности чувств.

- Я велю подать чай, - свекровище подобрало юбки и удалилось неспешною походкой. Вот, готова поклясться, что её снедает любопытство.

Меня, к слову, тоже.

Что за леди такая...

Миленькая. Личико кругленькое и беленькое, с румянцем розовым, с блестящими глазками. Губки бантиком. На шляпке тоже бантики.

И на рукавчиках бархатного жакета.

- Извините, - голосок у нее тоже нежный до одури. Вот чувствую, бесит. А так хорошо сиделось, дремалось... - Я понимаю, что это до крайности неприлично, являться в чужой дом и без приглашения. И мне, право слово, неловко. Стыдно даже.

- Не похоже, - буркнула я сугубо из вредности.

Вот что ей надо-то?

Она опустилась на край плетеного стула. И слегка покраснела.

- Еще раз... извините.

Тут нашу беседу прервали чаем. В смысле, подали его. И не только его. Стол сервировали во мгновение ока, даже вазочку с цветами притащили.

А вот свекровище не пришла.

Чай нам разлили.

И удалились. Правда, чувствую, что недалече. Но и пусть. Дамочка миленькая, сахарная вся, а потому оставаться с нею наедине как-то... небезопасно.

Я прислушалась к себе и кивнула. Чутье никогда еще не подводило. А теперь оно было уверено, что ничего-то хорошего от этой Греты ожидать не стоит.

Та взяла кружечку и с видом пресосредоточенным принялась размешивать чай. Главное, сахара не положила, а мешает... мешает.

И на меня смотрит.

Прямо-таки буравит взглядом.

- Вы некрасивы, - сказала она, наконец, когда мешать притомилась.

И молчать.

Это ж я могу часами. Даже, честно, призадумалась... нам бы там, в пустыне, такой от сад, чтобы деревья, и цветы, и...

- На самом деле меня просила заглянуть к вам в гости моя тетушка...

И опять пауза.

- И? – я свой чай отхлебнула. Так, громко, с причмокиванием. Матушку это всегда очень злило, вот и у Греты глаз слегка дернулся.

- Моя тетушка – герцогиня!

- Сочувствую.

- Вы... издеваетесь? – осторожно поинтересовалась Грета.

- Да нет. Я искренне. Это она вас... облагородила?

На щеках вспыхнул румянец.

- Просто вы вся такая... - я махнула рукой.

- Какая?

- Сахарная. Аж зубы сводит. У нас вон был один... доктор. В соседнем городке. Он не сказать, чтобы настоящий, так, коновал еще тот, только кровопускание и умел делать. Еще пиявками лечил. Но вот говорил, что избыток сладкого – очень вреден.

Красные пятна проступили на лбу.

- Её... попросили составить вам протекцию. В высшем свете, - а кружку со взболтанным чаем Грета вернула на столик. – Сделать так, чтобы вас приняли, но... но это просто... просто невероятно!

- Что? – я склонила голову на бок.

- Вы... вы... некрасивы!

- Знаю. Уже говорили.

- И что?

- Ничего.

- Вас это не расстраивает?

- Думаете, если я вдруг расстроюсь, я стану более красивой? – кстати, и вправду интересно же ж.

- Вряд ли.
- Тогда какой смысл?
- Действительно, - Грета задумалась, хотя и ненадолго. – И манеры у вас ужасные.

- Стараюсь.
- Вы... вот что мне ей сказать, а?
- Правду.
- Она надеялась, что мы подружимся.
- Это она зря, конечно.

Грета кивнула, соглашаясь. А потом опять потянулась к чашке. Чай остыл и окончательно превратился в крашеную водицу. Неужели пить будет? Или леди сидеть с пустыми руками не должна?

- Хорошо, что и вы это понимаете, - сказала Грета. – Но мне сложно будет ей возразить. Тетушка... весьма влиятельна. И от нее зависит моя судьба.

- Неужели?

- Моя семья не так богата. Приданого у меня нет. Титул... моя матушка, в отличие от тети, не составила столь блистательной партии. Поэтому ни титула, ни денег, - это было сказано задумчиво. – Но у меня есть внешность, воспитание и тетушкина поддержка.

- Которую легко утратить?

- О да... у тетушки же помимо меня есть еще семеро племянниц. Две – мои сестры, остальные... - она махнула ручкой. – Они, несомненно, не столь хороши, но... моя помолвка вот-вот состоится. Должна состояться.

- Очень за вас рада.

- Но может и не состояться.

- Слушай, от меня-то что тебе надо?

- Подружиться.

- То есть ты считаешь меня некрасивой, напрочь лишенной манер и этого вот всего... - я потрясла рукой. – Но при том предлагаешь подружиться?

- Скорее уж заключить союз, - поморщившись, призналась Грета. – Обоюдовыгодный. В высшем свете тебе не будут рады. Даже несмотря на... твоё родство...

- С Императором? Да говори уже прямо.

- Именно, - чашка опять вернулась на столик, а ручки в перчатках легли на юбки. – Ты слишком... иная. К тому же уже пошли слухи. Самые разные. Безумные порой. Совершенно. Ты не представляешь, до чего способны додуматься люди, если им дать повод. Впрочем... если не давать, будет лишь хуже.

Она притворно вздохнула.

- Да и поводы, как и слухи, могут быть совершенно разными. Еще и этот твой... он на самом деле тебе брат?

- Да.

- Но он не человек.

- Нет.

- Тогда выходит...

- Да, - я кивнула. – Я тоже не человек. Просто оно не так заметно.

- Заметно, - уверила Грета. – Хотя да... будь ты более на него похожа, было бы куда печальней. И ты замужем... это многих расстроило.

- Погоди, - вот тут я окончательно поняла, что ничего не понимаю. – Я страшная. Без манер. Не человек. И в высшем свете меня не примут. Но мое замужество все равно... расстраивает?

- Ты племянница Императора. И судя по всему, он весьма к тебе благоволит. И к твоей матушке, что тоже не понятно, если она и вправду... безумный скандал. Но да ладно. Главное, брак с тобой открывает перспективы. Да, на внимание герцогов тебе рассчитывать не стоит, но вот графы...

- У меня уже один имеется.

- Это да... и Диксоны – очень даже неплохая партия. Впрочем, обговорить тебя это не помешает. И сплетничать будут. О тебе, о нем, о... обо всем. У тебя нервы крепкие?

- Пока не жаловалась.

- Вот, - в тонких пальчиках появился прямоугольник. – Есть один весьма хороший доктор. Он составляет капли. Успокоительные. Очень и очень действенные.

Грета непроизвольно облизала губу. И глаза её подернулись поволокой. Потому я карточку и взяла. Чарли передам. Пусть там глянет, что за чудо-доктор такой с каплями.

- Я вот, - на столе появился флакон из темного стекла. – Взяла на себя труд... принимать по пятнадцать капель перед завтраком. По

тридцать – перед сном. Или... если твой супруг решит тебя навестить.

- В смысле?

Она откровенно скривилась.

- Если решит требовать исполнения супружеского долга. Это... поможет пережить.

Надо же.

Пузырек стал еще более подозрителен.

- Я... мой жених как-то позволил себе лишнего... немного, - её откровенно передернуло. – И не представляю, как я... и он... и все это... когда станет мужем. И будет навещать. Тетушка рассказывала кое-что о... о процессе. Я очень тебе сочувствую.

- Да ладно, - я вперилась в пузырек взглядом. – На самом деле все не так страшно. И совсем не страшно. И даже...

Я осеклась, глянув, как побелела девица. Она даже привстала. А в глазах отразился такой ужас, что... прямо таки неловко.

- Никому, - сиплым шепотом произнесла она. – Никому не признавайся, что тебе... тебе нравится... это.

Она говорила, запинаясь, явно недоумевая, неспособная поверить в собственные слова.

- Только падшие женщины могут... могут вести себя так.

- Ясно, - что-то желания союзничать, которого и прежде не было, еще больше поубавилось. – Может, тебе уже пора? Дом там... портниха. Или куда еще ездят?

- Думаешь, у меня так много денег, чтобы позволить себе портниху... сама шью, - она чуть поморщилась. – Тетушка предпочитает обходиться малым. Тем более нас у нее много... давай, ты сделаешь вид, что мы... нашли общий язык? Я помогу тебе. Помогу подобрать одежду. Подскажу... и... а ты будешь улыбаться. Просто улыбаться. Это же несложно? И постарайся не хамить людям.

- Я и не хамлю.

- Неужели...

- Я просто говорю, что думаю, - уточнила я, решив, что сама пузырек трогать не стану. Пусть себе стоит.

- Это... не самое полезное качество для леди, - Грета выдохнула. – Мне нужно, чтобы Эргенсон сделал мне предложение. Я рассчитываю получить его в ближайшее время. Но он не рискнет его сделать, точнее

его родители не разрешат, если вдруг подумают, что я впала у тетушки в немилость...

- Знаешь, - мне вдруг стало жаль эту милую сахарную девочку. – Как-то это... может, и не по правильному, не по-вашему, но... вот на кой хрен тебе муж, который даже жениться без разрешения родителей не способен? А те только и смотрят на твою тетку. Допустим, сейчас он тебе сделает. А там? До вашей свадьбы дружить? И после?

Она поджала губы.

- Что будет после, уже не важно.

- Неужели? А не боишься, что как только ты перестанешь быть любимой племянницей герцогини, то и страсть твоего муженька поутихнет. И станешь ты ему не более нужна, чем... чем не знаю, что, - я выдохнула. Вот и какого меня вообще потянуло на душевительные беседы? Оно же ж толку никакого.

- И что предлагаешь? Ждать великой любви? – она поднялась. – И надеяться, что этой любви хватит? Не хватит. Одной любви никогда не хватает, что бы в дурацких книжонках не писали. Любовью не оденешься. И не согреешь дом. Ею не заглушишь чувство голода. Не заплатишь целителю, который придет, чтобы вылечить твоих детей. Или не придет. Они ведь не работают бесплатно. Любовь – это сказка, а... жизнь сложнее. Но я тебя поняла.

- Это вряд ли.

- Я передам тетушке, что ты слишком чудовищна, чтобы из этого что-то да получилось... кстати, знакомство с девицами Орвуд тебе тоже не на пользу.

- С чего бы?

Грета изящно пожала плечами.

- Некроманты. Проклятый дар. Ко всему репутация сомнительна... ты, наверное, не слышала, но одна из них даже из дому сбежала. А перед этим отравила свою сестру. Из ревности.

- Ужас какой, - сказала я не совсем искренне. – В самом деле?

- Какая разница, что там в самом деле... но от Орвудов стоит держаться подальше.

- И как? Будут? Ну, в смысле остальные? Держаться подальше?

- Несомненно.

- Хорошо.

- Что?

- Меньше народу, легче дышать. А то у вас там на этих приемах такие толпы, что право слово, через час мутить начинает. А тут, глядишь, и полегче будет. Если вместе. Вместе, оно всегда легче.

- Ты... слишком самоуверенна.

Я тоже поднялась. Надо же выпроводить дорогую гостью, пока той не вздумалось задержаться.

- Я не самоуверенна, - сказала я, - я просто знаю, что умею хорошо стрелять.

А еще у меня есть заветная шкатулка.

Может, на весь высший свет и не хватит, но ничего, попробуем избирательно. Матушка учила, что к людям нужно индивидуальный подход искать.

Глава 14 В которой ведется беседа по душам и делается некий вывод

Глава 14 В которой ведется беседа по душам и делается некий вывод

Свекровище не устояло.

Явилось, как только ушла леди Грета, заодно чаю велела свежего подать.

- А здесь только чай и пьют? – уточнила я.

- большей частью. Некоторые предпочитают кофе, но это скорее мужской напиток. Может быть... подать чего-то посерьезнее?

- Нет, - я с удивлением поняла, что не голодна. – Кажется, оно идет на спад.

И если так, то, может, ну его, с университетом этим?

- Хорошо, если так, - свекровище присела на то же кресло, на котором сидела Грета. – Эта девица... весьма... как бы это выразиться...

- Зараза.

- Да, пожалуй. Еще та зараза.

- Кто она вообще? – я приняла чашку и... и неужели тут чай нормальный заварили.

- Мне сказали, что ты предпочитаешь очень крепкий напиток, - пояснила свекровище. – А леди Грета известна, как правая рука герцогини Эстервуд.

- Это той, которая бал затеяла?

- По-хорошему нам стоило бы свой устроить, - свекровище слегка поморщилась. – И в других обстоятельствах я бы настояла, но...

- Но? Не справлюсь?

- Мне дорог мой дом, - она улыбнулась лишь кончиками губ. – А бал... бал требует многих сил. И изрядных нервов. Что это?

Она потянулась было ко флакону, который так и стоял на столике.

- Лучше не трогайте. Эта принесла. Капли. Успокоительные.

- Мне казалось, что как раз с нервами у тебя все отлично.

- Вот и мне так казалось. Она их точно принимает, а... как-то оно... не знаю. Что-то с ней не то. И с каплями этими. Пусть Чарли глянет.

- Разумно, - согласилась свекровище и набросила на флакон платочек. – Что до бала, то, боюсь, ты не в том состоянии, чтобы затевать его. Это украшения, приглашения, меню...

У меня уже зубы заломило.

- Но даже не в том дело. Люди придут не дом смотреть, а...

- Меня?

- Именно.

- Некрасивую. Невоспитанную. Ужасную девицу с Запада?

- Боюсь, что многие посчитают именно так, - она говорила осторожно. – Ты на нее совсем не похожа.

- На маму?

- Да.

- Знаю, - я вздохнула. – Это её всегда огорчало. А отец вообще сына хотел.

- Мужчины, - фыркнула она, разглаживая складки на юбках. – На самом деле они сами не знают, чего хотят... но... они все, здесь, они помнят Лиззи. Ту. Давнюю.

- Которую посчитали умершей?

- Да. И теперь... давно таких скандалов не приключалось.

Понимаю. Даже в нашей дыре, случись чего подобное, говорили бы... если уж тот случай, когда Кривой Дэнни, возвращаясь из таверны, сверзся с лошади и ногу сломал, обсуждали едва ли не всю зиму, то уж это вот... хотя, конечно, глянуть бы на физию шерифа с мэром, когда они узнают.

И на нашего соседа, чтоб ему икалось.

Променял матушку на ту... с землями. Ну да и хрен с ним. Здесь матушке всяко лучше.

- Думаете, довели бы? – я заставила себя вернуться к разговору.

Свекровище кивнула.

- Они умеют. И вежливо так, с улыбкой. И вроде бы если так, то ничего плохого не скажут. А все одно чудится за словами... будто в душу наплевали. В свое время мой поступок вызвал серьезное неодобрение общества. У меня был жених, пусть даже официально помолвка не была заключена, шли переговоры, но...

- Вы выбрали другого?

Легкий наклон головы.

- И... как?

- По-разному. Любви не было. Скорее я хотела сбежать из дома. Да и жених, выбранный отцом, внушал некоторые опасения. Две предыдущие его жены умерли.

- Как?

- Официально – после долгой болезни, но я слышала, как брат спорил с отцом. Он утверждал, что Норбет, мой... тот, кто должен был стать моим мужем, он просто довел этих женщин. Он закрывал их в поместье, где они и жили. А он изредка навещался.

- Хрень, - не выдержала я. – Извините.

- Соглашусь, пожалуй... мое место заняла кузина. И да, через пять лет он снова овдовел.

Повезло.

Не кузине. Свекрови.

- Мой брат... он не всегда был таким, как сейчас. Отец не терпел возражений. И мой побег тогда ударил по всем. Не знаю, какие дела у семьи были с Норбетом, но... он был самолюбив.

- Был?

- Умер.

- Давно?

- Лет десять тому. От старости.

- Погодите...

- Ему было шестьдесят три, когда он сватался.

Да уж...

- И это... нормально? Он же старик. И... и вообще?

- В высшем обществе свои законы. Да и не только в нем. Долг дочери – исполнить волю отца.

В задницу такого отца. Я-то думала, что мой – конченный придурок, а выходит, бывает и похуже. Нет, не зря его пристрелили.

- Как бы то ни было, но перспектива брака с Норбетом привела меня в ужас. И когда брат предложил... этот вариант.

- Вариант?

- Диксон любил меня. Он происходил из древнего рода, весьма славного, но не богатого, а потому отец отказал ему, когда он вздумал ухаживать. Я, честно говоря, не испытывала особых чувств... поначалу. Просто хотела спастись.

Ну да, старый пердун с сомнительным прошлым или молодой влюбленный офицер.

Сложно выбрать.

- Брат помог. Выбраться из поместья. Найти храм. Обвенчаться. Нас бы не обвенчали без него. Нужно согласие родителей, а он сказал, что разрешает, что... обстоятельства таковы... венчание должно быть срочным. И заплатил. Хорошо.

Надо же, а по тому дядечке и не скажешь, что он способен на поступок.

- Отец, когда узнал, избил его. И так, что... он долго болел. А после был вынужден оставить службу. Что-то там со спиной.

Мда.

Узнаешь тут.

- Я же... я вдруг оказалась не готова к тому, что... обо мне забыли. Разом. Подруги, которые прежде заглядывали в гости, больше не писали. И на мои письма не отвечали. И вовсе дали понять, что я теперь – нежеланная персона. Дом моего мужа оказался беден. Да что там... отец, пусть и был весьма жесток, но никогда не ограничивал меня в тратах. А тут... я старалась. Я все понимала, но я просто не умела вести хозяйство. Смешно. Я выбирала столовый фарфор подешевле, когда нужно было купить дрова или свечи.

На меня поглядели искоса.

А я кивнула.

- Ну да. Мы... мы тоже не особо... дрова – это всегда проблема.

Что еще сказать-то? Вот... вот как-то не увязывается у меня изящная леди Диксон с проблемой закупки дров на зиму.

- Я ведь думала, что и вправду экономлю...

- А ваш муж?

- Он служил. Он... он всегда был верен короне. И он все-таки мужчина. Мужчина, который с юных лет привык себя ограничивать. В корпусе довольно жесткое воспитание. В университете не лучше.

Вот-вот. И нечего мне там делать.

Совершенно нечего.

- Мы начали ссориться. Не знаю, чем бы это закончилось, если бы... у меня нет доказательств, что это его рук дело, но брат всегда был дружен с Его величеством... точнее тогда еще Его Высочеством. Настолько, что тот лично его навещал в... в болезни. И прислал целителей. Несмотря на то, что отец явно не обрадовался. Но спорить

с Его Высочеством? Брата перевезли... в госпиталь. Военный. Под опекой короны... не важно, главное, что тогда он и пошел на поправку.

Нет, этот ублюдок, который затеял большую игру, неужели не пощадил бы собственного сына?

- А потом... потом Его Императорское высочество потребовал от отца мою долю приданого. Гарантированного, как оказалось, еще моей бабушкой.

- И вам выделили кусок пустыни?

- Это показалось издевательством. И да, мы отправились туда лишь затем, чтобы убедиться воочию...

- И нашли нефть.

- Не мы. Оказывается, она там близко к поверхности и порой выходит даже. Местные её тянут прямо из земли. Не скажу, что мы сразу в полной мере оценили находку. Я даже расстроилась. Что может быть хорошего в черной жиже? Но к счастью, с нами оказался весьма грамотный человек, друг моего супруга. Он и подсказал, что из нефти можно получать керосин. Да и в целом её как-то переделывают, а в итоге выходят такие вещества, которые нужны алхимикам. Извини, я в этом не слишком хорошо разбираюсь. Главное, что у него были деньги. И он вложил в наши земли. Так появилось предприятие и... и все начало налаживаться.

Хорошо.

Это почти как сказка со счастливым концом, даже лучше, потому что по-настоящему.

- Потом уже... когда я стала вдовой, отец действительно пытался поставить под сомнение мои способности управлять, но тут уже я сама... не только сама, но и Её императорское величество. И сам Император... думаю, на меня ему было плевать, но вот отдавать отцу еще и эти земли он не хотел. Так что все удачно получилось.

Это да. Только для кого?

Не для отца Чарли, если так. Но... не знаю, к лучшему ли оно или нет, мне сложно рассуждать о таких вещах, да и о человеке, которого я никогда-то и не видела. Был ли он хорошим или наоборот? Какая теперь разница-то?

- Как бы то ни было, но мне пришлось учиться. Многому. Управляющие... за ними тоже приглядывать надо. А для этого – понимать, что происходит. Заводы эти все... добыча, переработка.

Оборудование. Счетные ведомости... сколько раз меня пытались обмануть, особенно, когда Гевин отошел от дел...

- Это...

- Друг моего мужа. Он мне очень помог в свое время. Особенно, когда я осталась одна... без него, думаю, я бы пропала.

Интересно.

- Его жена заболела, он вынужден был переехать. В Эрштон. К морю. Там климат подходящий.

Ну да, думаю, что именно в климате дело, а не в том, что этот самый Эрштон, как я подозреваю, находится за пару сотен миль от моей свекровищи. Чувствую, что все там не так просто было.

Чувствую и молчу.

Надо же, получается. Взрослею, что ли?

- Да, - свекровь словно почувствовала мои мысли и улыбнулась. – О нас пошли слухи. Не самого приятного свойства, хотя правды в них не было. Гевин чересчур благороден...

Мне показалось, или в голосе свекрови проскользнула тень сожаления? Конечно, показалось.

- Да и он был женат. А я... я не стала бы рисковать репутацией и расположением Его императорского Величества. Как бы там ни было, но я научилась многому. А заодно уж привыкла, что все теперь зависит от меня. И от некоторых привычек сложно избавиться.

Вздых.

А ведь и вправду. Ей, наверное, все это... я вот тоже все эти дела хозяйские терпеть не могла. Ладно, заводов у нас не было, но вот скотина имелась, которую надо было как-то обиходить. Корм запасти. Соломы. Хлев. Дрова те же самые... жуть.

- Спасибо, - сказала я осторожно.

- В свое время леди Эстервуд весьма... надеялась стать леди Диксон, - добавила она очень тихо. – Но её родители сочли, что есть более выгодный вариант. Однако она не простила ему этой женитьбы.

- И крови вам попортила изрядно?

- Да.

- А и меня вниманием не обойдет? Может, ну его, этот бал? Скажем, что у меня голова разболелась?

Оно, конечно, никто не поверит. И плевать.

- Боюсь, это будет означать поражение, - свекровь поднялась. – И слабость.

Ну да, а шакалам слабость показывать нельзя.

- Эта... Грета... тоже будет гадить.

- Несомненно.

- А...

- Леди Эстервуд весьма ценят. И Его императорское Величество тоже. Она красива. Хорошо воспитана. Умна.

Уже бесит.

- И остроумна. Не говоря уже о прочем... знаешь, дорогая, твоим гардеробом надо заняться всерьез.

А до этого-то что, в шутку было?

- Я... - я осторожненько поднялась. – Я вообще-то учиться собираюсь. В университете.

Свекровь лишь отмахнулась.

- Учеба не должна мешать светской жизни, - сказала она с убежденностью.

Вот, честно, не знаю, что меня пугает больше.

Глава 15 О двуногих и пернатых

Глава 15 О двуногих и пернатых

Снова подвал.

И... и сперва завтрак. Какой-то такой неправильный завтрак, во время которого Эва не могла отделаться от ощущения, что она участвует в престранном спектакле.

В нем матушка что-то радостно рассказывает о погоде и тканях, которые удалось купить, несмотря на то, что купить их хотела не только она, но ей нужнее... о кружевах, лентах, грядущем бале.

Жемчужной нити.

Или броши?

Или все-таки нити? Но нить и серьги одновременно чересчур вызывающе, а броши в достаточной мере скромной и роскошной у нее нет...

Отец слушает и кивает, но взгляд его то и дело задерживается на Тори.

Та улыбается и что-то отвечает маме. Тори слегка бледновата, но потому губы её кажутся яркими. И глаза тоже. Берт мрачно смотрит в тарелку.

И почти не ест.

- Дорогая, ты не заболела? – матушка слегка хмурится. – Ты выглядишь усталой.

- Сон дурной, - соврала Эва и получилось до того легко, что сразу вот за это вранье и стыдно стало.

- Бывает. Мне недавно принесли чудесные успокаивающие капли...

- Надеюсь, ты их не принимала, - отец сделался еще более мрачен.

- Нет, как ни странно, но... я уснула легко. И даже снилось что-то, - матушка улыбнулась и так ясно, хорошо, что очевидно – снилось ей нечто в высшей степени приятное.

- Отправь. В лабораторию. Посмотрю, - отец аккуратно промокнул салфеткой губы. – И пожалуйста, не принимай никаких капель.

- Но...

- Кто их принес?

- Нелис, - улыбка матушки слегка поблекла. – Нелис Фергюсон. Она вчера заглядывала. Спрашивала о девочках. У нее тоже дочь. И её пригласили к Эстервудам, вот мы и пили чай... беседовали. Мода такая неопределенная сейчас, но не хотелось бы ошибиться. Все-таки первый выход в свет и такой серьезный. Многие будут смотреть. А от этого такие переживания, вот она и... дорогой, ну не думаешь же ты, что она меня отравить хочет!

- Может, и нет. Но все равно. Не стоит.

Матушка не стала спорить, чуть склонила голову, показывая, что поняла. И поглядела на Тори.

- Все-таки мне кажется, что украшения должны быть разными. Брошь. И нить жемчуга. Или лучше браслет?

- Всецело доверяю твоему мнению.

- А вот платья... я не думаю, что стоит делать их одинаковыми. Возможно использовать те же ткани, но фасоны... или не те же? Тори несколько ярче, ей не пойдут...

Отец поднялся, давая понять, что завтрак окончен.

- Эва, загляни пожалуйста, как освободишься.

Эва кивнула.

И поглядела на сестру, а та сделала вид, будто вот совершенно ни при чем.

Ведьма.

Причем настоящая.

Эва как-то читала роман, в котором героиня была ведьмой. То есть не была, но все вокруг думали, что она ведьма, а на самом деле все неприятности героине устроила коварная троюродная тетка, чтобы завладеть особняком и состоянием бедняжки.

Но... Тори не бедняжка.

Особняка у них нет, такого, которым можно было бы завладеть. Да и троюродной тетки, чтобы она потом все рассказала, покаялась и вымолила прощение, тоже.

- Дорогой, девочка выглядит уставшей. И... она ни в чем не виновата.

- Я и не виню, - отец сказал это очень мягко. – Я просто хочу обсудить один вопрос. Относительно учебы... два дня.

- Что?

- Через два дня нас ждут.

- Но... но мы не готовы!

- Почему?

- А платья? Их нужно сшить. И... и я не знаю, какие! Если брать форму пансионеров, то это как-то бедновато. Домашние? Чересчур вольно. Для прогулок? Для визитов? Боже! А еще ничего не решено с...

- Дорогая, - перебил отец. – Я уверен, что ты со всем справишься.

- Но бал...

Отец прикрыл глаза, а Берт, кажется, отвернулся, чтобы никто не видел усмешки. Он над мамой смеется?

- Бал никуда не денется. И Эстервуды. И никто не станет вас запираить в университете. Более того, если вам покажется, что там тяжело находиться, что учеба плохо сказывается на здоровье, на нервах, вы можете вернуться. В любой момент. Или просто уйти на ту же примерку или что там еще надо.

- Это все равно слишком быстро!

- К сожалению, здесь все не от меня зависит.

Матушка вздохнула и тоже поднялась.

И Тори.

Эве не оставалось ничего, как встать. Пришлось подавить зевок и...

- Эва, я жду.

- Да, отец.

А в кабинете он просто посмотрел и спросил:

- Справишься? Ты выглядишь бледной. Устала?

Эва кивнула. Спать еще хотелось. Но ничего, она справится. Тем более, что будет не одна.

- А Тори... она, что, на самом деле ведьма?

- Боюсь, что так, - отец указал на кресло. – Это многое объясняет.

- Что? – в другое время Эва не рискнула бы отвлекать отца вопросами. А тут то ли от усталости, то ли просто все вот сразу и навалилось.

- Характер. У ведьм он весьма своеобразный. Моя бабушка была ведьмой. Так уж получилось. В роду Орвудов девочки рождаются редко, но если и бывают, то или без дара, или вот...

Интересно, что хуже?

- А я?

- А ты... не знаю. Может, потому, что вы двойняшки? Она забрала темный дар, а в тебе проснулся этот... шаманский?

Эва задумалась. Было немного обидно. Тори вечно все забирала. Сладости. Кукол. Шляпки. Платья. А теперь выходит, что начала она задолго до рождения, забрав себе и ведьминский дар.

- Говоря по правде, я очень надеялся, что обошлось, - отец наполнил высокий стакан. – Выпей. Не бойся, это травы.

- А капли? Мамины? Что с ними не так?

- Пока не знаю. Может, и ничего. Но Шверинсон уверяет, что опиумные капли не то, что нужно леди. И я склонен ему верить. Да и возможно, опиума там нет, так, пустышка, но... как-то оно лучше взглянуть.

Эва подумала и согласилась.

От стакана пахло ромашкой и горьким ладанником, вкус которого невозможно было исправить ни медом, ни сиропом. Она сделала глоток, смиряясь с этой горечью, что теперь не отпустит долго.

- Извини. Я бы дал тебе отдохнуть, но твой... друг говорит, что стоит поспешить. Тори вытянула проклятье, но чем дольше душа находится вне тела, тем опасней. Ты видела этого человека. Ты сможешь его найти. А он постарается привести. Я, честно говоря, не слишком горю желанием проводить этот эксперимент.

Отец встал напротив окна.

И спиной повернулся.

- Поэтому, если ты откажешься, я пойму. И не позволю на тебя давить.

- Я не откажусь.

- Он тебе нравится?

- Кто? – Эва поняла, что краснеет. Очень и очень густо. И... и если отец повернется, он поймет все без ответа.

- Он тебя не пугает. Это странно.

- Там... там он другой. И может превращаться в ворона. Огромного. У него перья шелковые.

- Это иллюзия, Эва.

- Как и многое другое, - она допила отвар. – Тебе ведь Берт сказал, да? Про кольцо и... я пробовала его снять, а оказалось, что не могу. И наверное, не только я. А сколько таких колечек? Кто их носит? Что они сделали, чтобы получить это колечко? И чем за него заплатили? И что

еще они сделают? Все это... балы, жемчуга, наряды... это ведь тоже иллюзия.

- Ты совсем повзрослела, - он повернулся и подошел, чтобы подать руку. – Не знаю, хорошо это или плохо, но... в любом случае, я на твоей стороне. И все мы. Орвуды своих не бросали.

Внутри стало тепло.

И спокойно.

А потом был подвал. И... и тот человек, что в прошлый раз тоже приходил.

Он поклонился Эве, низко и с уважением. И это тоже было странно. Но Эва ответила на поклон, потому что так было правильно.

- Леди, благодарю вас, - сказал Эдвин. – И... видит Бог, я не забуду этого.

- Я еще ничего не сделала.

- Вы с вашей сестрой сделали больше, чем все императорские целители вместе взятые, - он поцеловал руку Эве, отчего вдруг стало до боли неловко.

Тем паче, что Эдди видел.

Стоял, возвышался над этим вот, глядел сверху вниз и недобро так, будто прикидывая, как половчее шею свернуть. Но потом перевел взгляд на Эву и тихо вздохнул.

Что за жизни такая, все только вздыхают и никто ничего не делает.

- Круг, - голос Эдди был сух. – Как в прошлый раз. Становитесь в круг и не вмешиваетесь. Получится, так получится. А нет... я ведь не шаман. Я только учусь.

Его принесли сюда, того человека, которого Эва... трогала. Как она ни старалась, забыть не выходило. А потому она поспешно отвернулась, хотя тело и укрыли простыней.

Два круга.

Соль.

Мел.

Свечи, которые Эдди расставлял сам, хотя она бы и помогла, если бы знала, что делать. Но делать было нечего.

Берт принес табуреточку, на которую Эва и присела.

Снова захотелось спать, но она мужественно давила зевки, потому что как бы и момент вроде бы ответственный, и леди не зевают

прилюдно. Только в конце концов не получилось. И Эва поспешно отвернулась, прикрыв рот ладонью.

- Ты как? – Эдди смотрел хмуро. – Выглядишь бледно.

- А ты серым.

- Я всегда серый, - хмыкнул он.

- Сегодня особенно. Извини, это... из-за нас с Тори.

И почему выходит так, что Эва, если подумать, не виновата, а виноватой себя ощущает. Очень и очень виноватой.

- Все получится, - Эдди встает так, что за ним не видно ничего. Ни отца, ни Берта, ни того, третьего, которому ну вот совершенно не нужно тут быть. И тела на полу тоже почти не видно. – Надеюсь.

- Не уверен?

- Я слишком давно живу, чтобы в чем-то быть уверенным, - сказал Эдди и вытащил дудочку. – Начнем? Я играю, а ты его ищешь.

Эва кивнула и закусила губу.

А потом закрыла глаза.

На сей раз музыка была резкой, будто не дудочка, но военный горн поет. Она как-то слышала. И еще удивилась тому, до чего злой у него голос.

Сейчас такой же.

Трубил.

И туман, который на него отозвался, поднялся стеной, окончательно отделяя их от прочего мира. Эва закрыла глаза. Искать... как искать кого-то, если ты стоишь на месте?

Хотя...

Она сделала шаг.

И осталась внутри круга, та она, которая тело. А вот если... туман растекается, и выходит, что у них в подвале город.

Конечно!

Надо было имя спросить и... и не важно, она точно знает, где та, потерявшаяся душа. Только успеть бы, добраться бы. В прошлый раз им с Тори хватило сделать шаг, но в этот все иначе.

И она запутается в городских улицах.

Нет, надо... надо придумать что-то.

Что?

Рука нащупала в волосах перо. Надо же, а оно не потерялось там в прошлый раз. И... и почему нет? Если Эдди может обернуться

вороном, то и у Эвы получится.

Надо просто поверить.

Кто бы знал, до чего это сложно – взять и поверить. В себя. И себе. Эва подпрыгнула и хлопнули крылья, правда, не черные. И... и из нее даже ворона не получилось.

А что вышло?

Что-то мелкое и суетливое. Но с крыльями. Если взлететь повыше, то город становится маленьким, а дом, он впереди. Эва чувствует его.

- Там, - она говорит это, когда огромная тень накрывает её. И надо бы испугаться, вороны опасны для мелких птах, но Эва не боится, только быстрее и быстрее бьет крылышками, пытаюсь успеть.

Ворон держится над нею, и когда появляются тени, распугивает их хриплым карканьем.

Они вместе падают в дом.

Сквозь крышу, на которой вспыхивает пламя. Сквозь объятые им, призрачным, но таким горячим, стены. В подвал. Туда, где камень.

И тело.

И человек, над ним согнувшийся. Он что-то говорит, вычерчивая кровью знаки на лице того, почти убитого. Но дом скрипит, трясется, и человек, чертыхнувшись, отступает.

- Унеси его обратно, - приказывает он кому-то.

А сам...

- Не отвлекайся, - голос ворона звучит мягко. – Этим путем не пройти. Там тьма. Душу ищи.

Искать не приходится. Она там. Над телом. Стоит, озираясь растерянно, и вовсе он не уса́тый, а совсем молодой, немногим старше Берта. И такой вот... что жаль даже.

- Держись, - Эдди падает на душу сверху.

Разве у воронов бывают когти?

У этого были. Они подхватили душу и потянули вверх. Эве осталось лишь подняться за ними.

- Дорога... покажи дорогу!

Над домом клубиться туман. И сам он пылает, но снизу, там, под ним, расплзается тьма. И она течет рекой, подземною, под другими домами, под улицами, куда-то на восток. Эва бы посмотрела, но окрик Эдди заставляет отвлечься.

- Дорогу! И поскорее.

- Я... я не знаю!

Кругом белым-бело.

Как вьюга.

Точно... зимой как-то приключилась. Снег шел. Все засыпало вокруг. И потом поднялся ветер. Нянюшка тогда еще говорила, что это нелюди ворожат, что хотят извести весь род людской. Эва спряталась сперва под одеялом, а потом прятаться надоело, да и душно там было.

Тори еще.

Она сказала:

- Давай на бурю смотреть.

И они вдвоем забрались на подоконник. Оттуда тянуло холодом, и потому они одеяло взяли. И сидели. Смотрели. Ветер выл. Швырял в окно снег. Белый-белый. И эта белизна была такую жуткой, что сердце замирало.

- Эва... Эва...

Тогда казалось, что ветер тоже её зовет. Наверное, одна Эва и ушла бы, но её держали за руку.

Тори.

Тори... она найдет её. Она должна была найти давно, еще тогда, когда Тори потерялась. А она струсилась. Но если струсит сейчас, тогда потеряется уже Эва.

Надо выше.

Крылышки у пташки махонькие. И воздух их не держит. Приходится махать часто-часто, но Эва все равно проваливается.

Выше.

Еще выше. Она сумеет. Она вовсе не слабая и не никчемная. Она... она видит дом. И Тори тоже, которая как звезда, только черная.

Они ведь близнецы, а значит, связаны. Задолго до рождения. И Тори забрала себе ведьмин дар? Пускай! Это даже хорошо. Зато теперь она знает, где искать свою звезду.

Черную.

Тьма тоже испускает свет, пусть даже и звучит это очень и очень странно.

От радости Эва забывает, что нужно работать крыльями, и начинает падать. Она пытается выправиться, но... крылья маленькие.

Воздух такой, что не зацепиться. И Эва, кувыркаясь, падает, падает... в снежную круговерть, в которой где-то там, впереди, горит

черная звезда чужой силы.

А когти у воронов все-таки есть... но это не больно.

Почти.

Эдди успел подхватить зимородка до того, как пташка ударилась о кривые крыши. Сердце только ёкнуло. И выматерился он от души. Хотя ругаться, когда у тебя клюв, неудобно.

Голос каркающий.

Хриплый.

Но поймал.

Удержал. И поднял. Благо сейчас он и сам видел, куда лететь. Странно это, быть птицей. И из нее получилась. Зимородок. Яркий такой. Переливается всеми оттенками лазури. Эдди такого только раз и видывал, тогда еще залюбовался.

Сердечко птичье колотится, что сумасшедшее. И не раздавить бы, не поранить... добраться. Что бы ни было, оно чувствует Эдди.

Теперь.

Оно там, под городом. И недоброе. Не злое, впрочем, тоже. Оно дремлет? Или скорее существует само по себе, вне людей с их вечными неурядицами. И ему, чем бы они ни было, принадлежит эта часть мира. А теперь Эдди вот потревожил.

Зря это он.

Туман становится гуще, а фигур в нем – больше. Они игрушки того существа, и как любой ребенок, растает оно с игрушками неохотно. А потому туман тянется, тянется к Эдди.

Крылья поднимают выше.

И выше.

И туман выпускает свою стаю. Вороны тоже бывают белыми. За гранью мира. Они спешат. Они быстрее. И голоса их оглушают.

Но Эдди добирается до дома раньше них. И падает. И... и переход удается задержать.

- Вот, - он выпускает зимородка, который превращается в девушку, и того, другого, что кажется теперь облаком тумана. – Твое тело.

Надо взять за руку, а сложно брать что-то, если ты не материален.

- Тебе нужно войти.

- Нет, - парень качает головой. – Я проклят.

- Был.

- Еще.

- Ведьма сожрала твое проклятье. Ведьмы их любят.

Не верит.

А там, снаружи, разгорается буря. И её слышат собаки, которые взрываются воем. Орут коты. И люди, даже под защитой, укрытые, спрятанные, тоже чувствуют.

- Иди. Твой брат за тебя переживает.

- Бестолочь он, - парень проводит руками по волосам. – И я не лучше. Не надо было лезть к ним. Но... передай брату...

Эдди вытащил из кармана призрачную дудку.

Шаман он или как?

Глава 16 Где есть место искусству и милым девичьим беседам

Глава 16 Где есть место искусству и милым девичьим беседам

Что-то, а кормили у Орвудов душевно.

Эдди ел.

Молча.

Сосредоточенно. Пытаясь понять, о чем говорить стоит, а о чем – нет. И главное, не торопили. Рядом с точно такой же сосредоточенностью жевал Бертрам, кажется, не особо понимая, что ест.

Впрочем, Эдди и сам-то...

- Что это? – поинтересовался он, потому как тишина за столом была совсем уж тягостной. Вздрыгнул Эдвин. И Орвуд-старший выпал из задумчивости.

- Оленина... кажется.

- Вкусная, - похвалил Эдди оленину, которая точно была бараниной, но если разницы нет, то смысл уточнять.

- Он... придет в себя? – Эдвин отодвинул блюдо. Он единственный к еде не притронулся. А вот Эва умяла приличный кусок мяса, и уже потом лишь опомнилась и начала делать вид, будто аппетиту нет.

Глупость какая.

Этак и вовсе исхудать можно, а она и без того махонькая, что человеком, что птицей.

- Понятия не имею, - в таких вопросах Эдди предпочитал не лгать. – Душу мы вернули. А дальше как оно – это не ко мне. Но целителя позовите. На всякий случай. А то еще рана откроется.

- Какая?

Эдвин поглядел с упреком, потом выразительно перевел взгляд на Эву, намекая, что подобные разговоры за столом вести не стоит.

- Та, которую ему нанесли.

- Не было ран, - Эдвин покачал головой. – Его осматривали. И не единожды. Видимых повреждений в принципе не было. Поэтому и решили, что имеем дело с каким-то ядом. Я, признаться, до сих пор так

полагаю, потому что ведьмы, проклятья... это как-то, уж извините, ненаучно.

Эва фыркнула.

А вот сестрица её куда-то подевалась, как и сама леди Орвуд. Но, может, оно и к лучшему. При леди Орвуд точно никто не стал бы говорить за столом о проклятьях.

- А я на той стороне в птицу превратилась, - сказала Эва. – Это тоже ненаучно. Но у меня были крылья.

- Возможно, - Эдвин, кажется, несколько смутился. – Разум человека – вещь мало изученная, но есть работы, которые склоняются к тому, что наши возможности во многом зависят от способности их субъективизировать относительно мировосприятия.

- Чего? – Эдди почувствовал себя именно тем, кем и был – полным дикарем.

- Вы субъективно воспринимали себя птицей.

- И его? – Эва ткнула вилкой в сторону Эдди. – Он тоже был. Вороном. А я кем? Я так и не поняла.

- Зимородком, - сказал Эдди. – Хорошая птица. Орки считают, что зимородки могут указывать путь потерянным душам.

- Вот, видите, вы сперва приняли чужой образ, потом примерили его на себя и соотнесли с восприятием. Теоретически, - зачем-то добавил Эдвин. – Но вынужден признать, что все остальное в эту теорию не вписывается. Да и противников у нее много. Она вообще основана на опытах Поллака. Сильный менталист. Он вводил подопытных в транс и внушал им... разное. И в результате люди, пробуждаясь, вдруг начинали говорить на других языках. Писали картины. Или играли... правда, он сам утверждает, что далеко не все. И скорее даже речь идет о единичных успехах. Он уверен, что пробудить можно любые способности, но чаще всего наше сознание столь заостенело, что даже в транс не готово признать их наличие. Как-то вот так.

- Мой... дед, - Эдди не был уверен, стоит ли говорить о таком. – Он был шаманом. И его отец, и отец его отца. Однажды ему привели девушку, которая решила уйти. Она утонула, но её спасли. Однако вышло так, что душа её все одно покинула тело. Тогда дед решил говорить с ней. Он звал. И душа откликнулась. Вот только не пожелала возвращаться.

Странно, что эти воспоминания яркие. Будто вчера оно было.

Костры.

Запах трав, пучки которых свисают с потолка. И дед вытаскивает нити то с одного пучка, то с другого. Травы рассыпаются трухой в его пальцах.

Сидящая на корточках девушка покачивается со стороны в сторону.

- Дед говорил с родителями той девушки. А потом с согласия их призвал другой дух. И тот вошел в тело. Дух ребенка. Ей дали другое имя. И семья плакала, ибо тело и кровь получили жизнь. И дух получил.

- Возможно, - Эдвин чуть выдвинул челюсть, явно показывая, что не согласен. – Девушка... причинила себе вред. И возможно, что её горе было столь велико, что оно разрушило саму личность до основания. Случается и такое. Бывает, люди, не в силах перенести произошедшее с ними, отказывают себе в праве на личность. Они создают иные. И зачастую именно детей. Скорее всего это связано именно с неспособностью, с нежеланием нести ответственность за взрослую жизнь.

- Пусть так, - согласился Эдди.

К чему спорить.

Дело, для которого он подписался, сделано. И причин задерживаться нет, но... и уходить не хочется. Особенно потому, что этот вот, смазливый, с подвешенным языком точно не уйдет.

Останется.

Будет вести светские беседы задушевные.

Бесит.

- Извините, - в тишине прозвучал робкий голос Эвы. – А... можно я вас нарисую?

Эдди моргнул и уточнил.

- Меня?

Девушка кивнула.

- Я... я постараюсь быстро. Не знаю, почему, но очень хочется... и не хочется оставаться одной. Кажется, что... вдруг я там снова окажусь?

Она помолчала и очень тихо добавила.

- Вы меня услышите, да, но... все равно.

- Буду рад помочь, - кажется, именно так принято было говорить.
Эва выдохнула.

Все-таки она изменилась. Прежняя Эва никогда бы не побеспокоила человека столь возмутительной просьбой, тем паче портреты у нее получались из рук вон плохо. Точнее не совсем, чтобы плохо, но... пугающе.

Так матушка сказала, когда Эва написала одну её подругу, которую тоже вот так вдруг захотелось написать. А отец напротив, сказал, что получилось очень даже похоже и, главное, всем всё про леди Эйджел понятно.

А что именно понятно, так это совсем не понятно.

- Думаю, - Эва поспешила подняться, хотя это тоже было неправильно. – В саду будет удобно. Там... там дышится легко.

И никто ничего не сказал.

Только во взгляде отца почудилась насмешка.

- А нам, полагаю, и вправду стоит спуститься и... - это уже Берт, а что именно еще он собирается делать, Эва не дослушала.

В саду светило солнце.

И жарко было.

Все еще жарко, но осень близка. Странно тоже. Почему Эстервуды устраивают бал летом? Пусть и в конце, в последних днях августа, но все одно.

Обычно же сезон начинается во второй половине осени.

А тут...

Беседка.

И лавочка. Мольберт уже принесли и сумку с красками тоже. Угольные карандаши слегка раскрошились, но это ничего страшного.

- И что мне делать? – Эдди огляделся.

- Ничего. Садитесь.

- Куда?

- Куда-нибудь. Куда вам нравится.

Он хмыкнул, огляделся и сел.

На траву.

Под розовый куст. Правда, цветок на нем был лишь один, но большой. Темно-пурпурный бутон полуоткрылся и покачивался на тонкой длинной ветви. Листва запылилась. Да и трава тоже.

- А... а вам не холодно? – Эва старалась смотреть на мольберт.

Акварель.

Лист бумаги. набросок. Линии должны быть легкими, летящими, едва уловимыми, иначе будут просвечивать и получится некрасиво.

- Ничуть. Здесь жарко.

- Здесь?

- В прериях днем тоже очень жарко, но к вечеру жара отступает. Ночью и вообще можно замерзнуть. Осень туда приходит рано. Со льдом, ветрами пронизывающими. Еще по одну сторону гор вечно льет, а вот через хребет тучи не перебираются, оттого по другую – засуха. И пустыня.

Рука почему-то дрожит. На это нет причин. Никаких. Но она все равно. И дрожь эту сложно сдержать. А еще... еще это как-то неправильно.

Розовый куст.

Белесый призрак статуи среди колючих ветвей. И город... нет, не тот город. Не такой.

Карандаш коснулся листа.

- Расскажите, - попросила Эва.

- О чем?

Странно переходить на вежливое «вы», когда все так... так неправильно.

- Не знаю. О чем-нибудь. Вы ведь были в прериях. И не только. Я... я из поместья выезжала редко. А уж дальше города и вообще не бывала, да и тут... - уголек скользил по листу, и Эва уже видела, что получится.

Матушка эту картину не одобрит.

Да и... странная она. Картина. Даже для Эвы.

- Вот так и... - Эдди поскреб макушку и смутился. – Извините, леди... когда так, то и не знаешь, о чем говорить. Бывать в разных местах приходилось. Но не сказать, чтобы эти места так уж впечатляли. Захолустье – оно и есть захолустье.

Она прикрыла глаза.

Вовсе не обязательно смотреть, что рисуешь, чтобы видеть. Главное позволить руке самой... уголек в сторону. И время за краски братья.

Потихоньку.

Главное, чтобы он говорил. А он говорил. На сказку похоже. Прерии. И мертвый город, в котором когда-то жили люди, но не совсем, чтобы люди.

Драконы.

Странно думать, что они когда-то существовали. Но наверное, это правда, ведь Эдди не стал бы лгать, верно? К чему? Пустыня мертвецов.

Берт.

Эва могла бы, пожалуй, увидеть, как это было. Ветер. Песок. И те, у кого не получилось уйти. Наверное, им там тоскливо, если так тянет к живым.

Поезд.

Рельсы. И дорога над ущельем. Город, в который сбежали опальные мастера. Эве хотелось бы там побывать. И в пустыне тоже, правда, она побаивается мертвецов, но...

- Все, - в какой-то момент она поняла, что и вправду все. Акварели пишутся быстро. И... и у нее получилось?

- Можно взглянуть? – Эдди поднялся.

А Эва кивнула.

И... сама посмотрела. Что-то у нее определенно получилось. Странные ломаные линии, синие, серые и сизые. Пятна какие-то. Туман? Определенно. Туман и город.

С высоты птичьего полета.

Дома.

Сверху они именно так и выглядят. Дороги мертвыми руслами каменных рек. И тени крыльев.

Ворон.

Черный-черный, как уголь. На первый взгляд он кажется просто пятном мрака, но потом... вот крылья.

И клюв.

- А ты где? – Эдди почему-то не удивился. И разочарованным не выглядел. Напротив, он разглядывал картину задумчиво и внимательно.

- Я выше, - подумав, ответила Эва. – Это ведь бывает? Чтобы зимородки поднимались выше воронов?

- Еще как бывает.

Краски высохали.

И...

- Подаришь? – спросил Эдди тихо.

- А... тебе и вправду нравится? Просто... просто девушки рисуют пейзажи. Сад там. Или озеро. Или вот еще пруд можно, особенно заброшенный. Заброшенные пруды очень в моде.

- Вправду. И заброшенные пруды у каждого, небось, есть. А у меня будет призрачный город.

Призрачный? Эве нравится.

Определенно.

- Тот... человек... он очнется?

- Не знаю, - Эдди стоял над картиной. И над Эвой возвышался. – Может, что и очнется. А может, что и нет.

- Мы ведь нашли душу. И вернули.

- Да, но захочет ли она оставаться в теле? И сможет ли... понимаешь, то, что там было... это ритуал. И нехороший. Само это место дерьмовое.

- Дом не виноват! – поспешила сказать Эва. – Дом хороший. Он просто... просто тоже не смог убежать.

- Случается и такое. Дело не в доме. Дело в том, что под домом. Ты видела?

- Тьму?

- Именно.

- Ты не сказал о ней отцу. Почему?

Эдди потер подбородок. А если подумать, то не такой он и огромный. Конечно, выше Эвы, но не настолько, чтоб уж совсем... она ему по плечо будет. Даже чуть-чуть над плечом, а еще ведь можно прическу высокую сделать.

И каблуки.

Матушка как-то говорила, что некоторые особы носят туфли на очень высоких каблуках.

- Я сам не уверен в том, что...

- Что мы видели?

- Ты же слышала этого, лощеного?

- Лорда Эдвина?

- Его самого, - Эдди раздраженно фыркнул. Смешной. – Ненаучно.

И передразнивает довольно похоже.

- Вот скажи ему, что тут под городом скрывается чего-то такое, а чего – хрен его знает... извини.

Эва кивнула.

Она извинит, потому что в самом деле это ведь полный... хрен его знает. Ругаться про себя было приятно.

- То ли это тьма, а какая? И почему её некроманты не почуяли? То ли... вот артефакт? Не похоже. Оно казалось живым и древним. И... может, оно вообще есть только там, а тут нет?

- Может, - согласилась Эва. – И что теперь?

- Теперь я сделаю тебе одну штуку, - Эдди глядел уже не сверху вниз, а в глаза. – Там оно или и там, и тут, это не так важно. Главное, что оно беспокоится. И значит, соваться на ту сторону опасно. Понимаешь?

Эва зачарованно кивнула.

- Амулет не позволит тебе переступить границу.

- А если...

- Одно – ни в коем случае. Отцу твоему я все же скажу. А то повадились. Если им чего надо, пускай меня зовут.

Это было заботой?

И приятною.

И... и быть может, Эва сказала бы спасибо. Совершенно точно, сказала бы спасибо. Она даже уже собралась, просто почему-то застыла, зачарованная взглядом. И...

- А что вы тут делаете? – звонкий голосок Тори все испортил. – Нам сказали, что вы тут. Эва и вправду решила порисовать?

Эва прикусила губу, чтобы не зарычать.

Вот... вот почему она всегда так? Не вовремя? И... и главное, раздражает.

В новом платье цвета спелой вишни. Слишком ярком для молодой девушки, но ей идет. И платье, и бледность кожи, и румянец.

А еще глаза темные-темные.

- Не слишком-то похоже получилось, - сказала Тори, чуть склонив голову на бок. – Но в этом определенно что-то есть.

- Не трогай, пожалуйста, - Эдди аккуратно снял лист. – Это мое.

- Да я и не собиралась, - Тори надула губки. – Кстати, я рисую ничуть не хуже. И даже лучше... можете у маменьки спросить. И да,

мы заказали платья. Матушка хотела и тебя дождаться, но я сказала, что вы надолго, а платья ждать не будут. Надеюсь, ты не обиделась?

Нет.

Ничуть.

И наверное, даже рада, что вот так, что... платья – это ведь ерунда в сущности. Зато Эва рисовала. И слушала.

- Я тоже так подумала, - Тори крутанулась и сморщила носик. – А еще мы знаешь кого встретили? Грету Грейсон. С Дианой. И еще сестрами Шеворот. Они отвернулись...

- Простите, - Эдди отступил и поклонился. – Но мне пора. Меня... тоже дела ждут.

- Важные?

Он тяжело вздохнул и признался.

- В университет собираться надо. Учиться... буду. Наверное.

- Сочувствую, - Тори упала в кресло и вытянула ноги. Она, кажется, окончательно забыла о том, как надлежит вести себя девице хорошего рода. – Но тогда свидимся. Вместе учиться будет веселее.

И ресницами хлопнула так, что появилось желание отвесить ей затрепину.

- Несомненно, - Эдди все-таки откланялся.

И...

- Ты когда злишься, такая смешная - Тори подняла кисточку и, покрутив в пальцах, облизала.

- Я не злюсь!

- Злишься.

- И вовсе нет!

- И вовсе да! – Тори показала язык, на котором появилось пятно. – Но предлагаю мир. Мне он не нужен. Страшный. Просто... жуть.

- Кто?

- Этот твой...

- Он не мой, - Эва вздохнула с явным сожалением.

- И переживаешь? Ой, да брось...

Она бы бросила. И с большой радостью не переживала бы, потому что, оказывается, только в романах переживания мучительно-сладкие. И легко примерять чужую роль, если в любой момент можешь отложить книгу. А на самом деле все куда как тоскливей.

- Понятно. Давай тогда так... я тебе помогу.

- Чем?

- Чем смогу. Пока не знаю, - Тори задумчиво перебирала кисточки. – Мне кажется, я смогу его узнать. Если снова увижу.

- Кого?

- Того человека в маске. Если ты опять проведешь меня...

- Нет, - Эва покачала головой. – Извини, но там и вправду... там опасно стало. Очень. Сегодня вот...

Она поежилась, вспомнив и белый туман, что подползал к самым ногам её, и воронов, пытавшихся схватить. И нечто иное, такое... такое, что было там, внизу.

- Ну и ладно, - легко согласилась Тори. – А на деле... я действительно хочу помочь. Эти дуры... они ведь отвернулись, когда нас увидели. А потом еще шептались так громко, специально, чтобы все, кто может, слышали...

- И о чем? – Эва ощутила, как похолодели щеки. И уши. И сердце забилось быстрее, а в животе образовался плотный ком.

- О том, что тебе явно не место в обществе. И что имени не хватит, чтобы репутацию очистить... что ни в одном приличном доме тебя не примут.

А ведь ей обещали...

Правда, стоит ли верить таким обещаниям? Теперь Эва знает наверняка.

- И еще, что на балу с тобой не станут ни разговаривать, ни танцевать, - добавила Тори. – Впрочем, подозреваю, что и со мной.

- А мама?

- Слышала, конечно. Очень расстроилась. И ушла с отцом говорить. Наверное, к лучшему, что мы в университет едем... репутацию уже не спасешь, а так хоть повеселимся.

Вот причин для веселья Эва тоже не видела.

- Да ладно тебе, - Тори махнула кисточками и разноцветные брызги полетели в стороны. – Будешь переживать еще из-за каких-то дур... лучше подумай, что это они неспроста. Это они из зависти.

- Что?

Чему завидовать?

Эве никогда и никто не завидовал. И...

- Твое личное чудовище на балу танцевало только с тобой и своей сестрицей. Ну и с матушкой. И с нашей тоже. Но матушки не в счет,

как и сестра. Так что... не уппусти свой шанс. Он, конечно, страшный, но если тебе нравится...

Этот такой выразительный взгляд, и соврать невозможно.

- Нравится, - призналась Эва со вздохом.

- Вот! А значит что? Значит, мы всем им покажем, кто тут с какой репутацией... слушай, я тоже порисовать хочу. Можно?

Эва кивнула.

Сил отказывать не было. Да и... ей ведь не жаль красок. Да, определенно, не жаль. Но... вот если и вправду... на балу? Если они подговорят... и бальная книжка останется пустой? Позорно. И... да, один танец Эва сможет станцевать с братом. И Тори. Но... но этого мало.

И все всё поймут.

И...

- Ну вот ты опять, - Тори стояла над белым листом, вглядываясь в него презадумчиво. – Еще ничего не случилось, а ты уже страдаешь. Так нельзя.

Наверное.

- Берту надо сказать.

- И что он сделает? – Эва стиснула кулачки. За что с ней так? Она ведь ничего плохого никому не сделала.

- Во-первых, расскажет папе.

- Очень сильно поможет. Мама же ему и так расскажет. Но отец никогда не вмешивается...

- Не вмешивался. Раньше. Повода не было. А так... смотри, есть Берти. Есть Диксон, он пусть и женат, но все равно сойдет за кавалера. Есть твое чудовище.

- Он не чудовище! И не факт, чтобы его пригласили.

- Племянника императора? Не смейся. Ядом заплюют с ног до головы, это да, но пригласят всенепременно. Хотя бы потому, что чем ближе, тем оно удобнее ядом плевать.

Сказать Эдди, чтобы не принимал приглашение?

- Итак, три уже есть. Добавь этого вот, менталиста... сволочь, но на потанцевать сойдет. А он, между прочим, будущий герцог. И у него наверняка есть приятели, которые не откажут в маленькой услуге. И у Берта. И у Диксона. И видишь, уже нет проблемы.

- Как у тебя все легко выходит, - Эва ощутила легкий укол зависти.

А вот с картинкой у Тори не получалось. Или вернее получалось, но что-то совсем уж темное и непонятное.

Тоже какие-то пятна одно другого чернее.

- Так а зачем усложнять? Это гадости надо делать сложными...

- Почему?

- А чтоб никто не догадался... кстати, ты ведь не возражаешь, если я жемчужную нить себе возьму? Не люблю броши.

- Да забирай что угодно.

И все-таки в этих пятнах что-то было, такое смутноузнаваемое... дом! Конечно! Дом. Только он словно в тених растворился, а от теней этих корни уходили вглубь земли. И там расползались, как... как то, что Эва видела.

- Так уж и все?

- Эдди не трогай!

Тори только фыркнула и руки вытерла.

- Ты бы вещи собирала, - сказала она. - А то ведь завтра ехать. Или послезавтра... кстати, в университете тоже кавалеров хватает.

И задумчиво добавила.

- Вдруг кто интересный и для меня найдется?

Вот уж не было плечами. Впрочем, неизвестного кавалера Тори жаль не было. Совершенно.

Глава 17 Об университете и студентах

Глава 17 Об университете и студентах

Его Императорского Величества Георга Первого Фитцпатрика Кеннесийского Университет располагался вроде бы как и в городе, но в то же время наособицу. Кирпичная стена. Кованая ограда, что вилась железною лозой поверху. Каменные фигуры, взиравшие на случайных прохожих свысока. И на клыкастых мордах горгулий застыло выражение легкого презрения, а еще недоумения, словно даже сии твари не могли понять, каким таким пречудесным образом Эдди оказался тут.

То есть, не совсем, чтобы тут.

Экипаж доставил его к воротам, не сказать, чтобы гостеприимно распахнутым, так, самую малость приоткрытым. Ежели боком, то можно втиснуться.

- Дык, правила такие, - сказал возница. – От испокон веков, стало быть. Маги ровныя меж собою, а потому ходют ногами. И слуг там нету.

В это Эдди не слишком поверил, но саквояж подхватил.

Мальчишка сиу молча пристроился сзади.

Надо было его у матушки оставить, но та отчего-то решила, что мальчику нужно учиться и лучше бы сразу в университете. А то и вправду, чего время-то терять.

Хотя... как ни странно, но Эдди не стал спорить. Пускай уж будет под присмотром. Да и самому Эдди спокойнее. Нет, не то, чтобы он сильно нервничает.

Или...

Папаша, чтоб его червям могильным сытно было, небось, на дерьмо изошел бы, узнавши, куда Эдди направляется. А еще на большее, матушку увидав.

Но...

Папаша был мертв. А приоткрытые ворота тут. И Эдди, закинув на плечо тросточку, без которой приличные люди тут и до ветру не ходили, бодро зашагал к ним.

- Её не так использовать, - когда до ворот осталось шагов пять, мальчишка-таки заговорил. – Благородные господа.

- Знаю. Но это благородные господа.

Сиу чуть склонил голову.

- Я же дикарь. Слышал?

- Нет.

- Ну вот... предупреждаю.

- Говорить?

- В смысле?

- Спрашивать будут. Говорить?

- Что дикарь? Всенепременно.

Сиу чуть кивнул. Надо же, а речь его улучшилась. Хотя, может, это он тогда полуязыким притворился, кто ж их, темнокожих, знает.

- Главное, - Эдди остановился у ворот. – Если кто задирает станет.

Сиу молча показал клинок, слегка высунувшийся из рукава.

- Вот и я о том. Если задирает станет, мне говори. Сам не лезь. С меня спрос другой, понимаешь? А тебя... если что, не уверен, что и Чарли вытащить сумеет.

Выражение лица сиу не изменилось.

- А матушка, случись чего, огорчится.

Сиу вздохнул. И клинок исчез в рукаве.

- И не травить никого! – спохватился Эдди.

- Совсем?

- Без разрешения.

А то и вправду, паренек-то совсем беззащитный.

За оградой будто... иначе все. А чего иначе – не понять. Травка зеленее? Небо голубее? Солнышко ярче светит? Пахнет цветами. А какими – и не поймешь. Газоны ровные, гладенькие. Деревца из них поднимаются раскоряченные, но тоже постриженные. И хитро так, словно одна фигура в другую перетекает.

Дорожка мощеная желтым камнем вьется меж газонов.

А идти-то куда? Хоть бы указатель какой поставили, право слово.

Но указателей не было, и Эдди, оглядевшись, зашагал ко внушительного вида зданию, что виднелось впереди. Красный камень. Колонны. Шпили. И башня с часами имеется, что характерно мало меньше тех, которые при дворце Императора.

А главное, сам этот университет чем-то да на дворец похож.

- Рядом держись, - Эдди ускорил шаг, подозревая, что ему тут совсем уж рады не будут. И ведь приглашение пришло, но... но это

еще не значит, что кто-то верил, будто он его примет.

Могли бы и встречающего послать.

Откуда-то слева донесся взрыв смеха, но когда Эдди обернулся, то никого не увидел. Хотя... глядеть можно по-разному. Он чуть прищурился.

Так и есть.

Человечиной тянет. Запахи сложно спрятать. А тут кто-то не мылся и давненько. А еще кто-то изволил пить, тоже по перегару не первый день. Туалетная вода. Не только мужская. Жир прогоревший.

Конский пот.

Сколько их? По ощущениям трое, как минимум, возможно и больше. Прячутся? Маги как-никак. Зачем? Явно не затем, чтобы порадовать Эдди случайной встречей.

- И эта образина – наследник? – донесся удивленный голос.

Сказать им, что у орков слух получше человеческого?

А звуки скрыть еще сложнее, чем запахи?

Хотя... обойдутся.

- Да тише ты... - шикнул кто-то в ответ. – И не ерзай, щиты рассыплются...

- Где Маккинсон?

- Известно где, в библиотеке.

- Забыл?

- А то...

- А...

- Само собой, знал. Зато теперь, если этот нажалуется папеньке, и будет повод подвинуть Большого Мака...

Интересно. Стало быть, встречать Эдди должны были.

- Интересно, его сестрица такая же...

- Вот приедет и увидишь.

- Если позволят поглядеть.

- Да ладно, кто там спрашивать станет...

Эдди остановился, сделав вид, что в ботинок что-то попало. И ботинок стянул. Появилось почти непреодолимое желание швырнуть им в затаившихся под щитом мальчишек, но Эдди сдержался. Это ж потом ищи ботинок, а ведь хорошие.

Новые почти.

И мягкие, что куда важнее.

- Не скажи... Орвуды тоже. А говорят, младший с Диксоном за пустыню ездил. И теперь почти братья.

Ну это слегка преувеличено.

- С Орвудами же связываться...

- Да ладно, тоже мне... и на них управа найдется. Более того, я вам скажу, что обе их девицы тоже придут. На учебу.

Дружный смех прорвал щит, и тот задрожал, грозя в любое мгновение рухнуть. Но неизвестный маг сумел-таки удержать заклятье.

Надо будет запомнить. И голоса. И запахи. Так... на будущее.

- И я вам что скажу, там одна вроде как свихнувшаяся в конец, её в доме взаперти держали два года считай, а вторая вообще... - он убавил голос и Эдди поморщился.

- Да быть того не может.

- Еще как может! Поэтому аккуратнее... небось, Орвуды надеются сбыть порченный товар. Так что...

- Что-то он долго стоит.

Эдди принялся надевать ботинок.

- Думаешь...

- Да нет, быть того не может. Мои щиты сам Фергюсон хвалил.

И эту фамилию Эдди запомнил.

- Можно, - спросил сиу, когда Эдди все же зашагал по траве.

- Что «можно»?

- Отравить. Он... плохой. Плохо говорить. Про... про...

- Эву?

- Да, - сиу дернул ухом. - Я уметь делать хороший яд. Никто не поймет.

Эдди вздохнул и поглядел на небо. Синее какое. И ни облачка, чтоб его.

- К сожалению, пока нельзя. Но я его тоже запомнил, - сказал он. - Да и... малыш, дело такое. Если слух пошел, то уже все. И говорить будет не он один. А всех не перетравишь.

- Много людей - много яда, - у сиу на сей счет имелось собственное мнение.

- А ты все слышал?

- Громкие, - поморщился мальчишка. - Люди. Всегда. И эти тоже. Громкие и вонючие.

- Это да...

Но выходит, что у мальчишки слух и того лучше. Интересно.

- Найдешь его?

Кивок.

- Не приближайся и желательно вовсе, чтобы никто не понял твоего интереса.

Еще один кивок.

- Его и остальных. Имена... запомнишь?

- Да.

- Вот и отлично. А я подумаю... травить пока не за что, но повод морду поправить найдется. Я так думаю. Дикарь я или нет?

Сиу чуть склонил голову. Согласен?

- Эй, - Эдди окликнул господина в черной мантии. – Эй, как вас там... вы не подскажете, как пройти в библиотеку?

Судя по выражению лица уважаемого профессора или кем он там был, репутацию дикаря поддерживать будет несложно.

- В... библиотеку? – осторожно переспросил он, на всякий случай делая шаг назад

И ручонками потряс.

Ага, и силой потянуло, этак, характерно.

- В библиотеку, - подтвердил Эдди. – Мне нужен Большой Мак.

- Боги... когда он уже успокоится. Энгельсон! – вопль профессора спугнул пару пташек, укрывшихся в густых ветвях то ли маленького дерева, то ли рослого куста. – Энгельсон! Я чую вашу метку. И если вы не изволите немедля явиться...

- Профессор, - на соседней дорожке, аккурат за чередой кустов, выстриженных шарами, возник парень того благообразного вида, который обычно свойственен отпетым мошенникам.

- Вот вы где... проводите гостя к профессору Маккинсону, раз уж он изволил выписать приглашение. Невозможно. Это совершенно невозможно. Я буду жаловаться, не приличное учебное заведение, а...

Он махнул рукой и заспешил прочь, слегка прихрамывая на левую ногу.

- Добро пожаловать, - Энгельсон или кто он там, изобразил дружелюбную улыбку и даже поклон отвесил. – Рад встрече... нам говорили, что нас почтят высочайшим вниманием, но не думал, что буду...

Эдди хмыкнул.

Первое имя есть. Главное, чтобы этого фигляра не прибили раньше времени.

А вот библиотека университета, расположившаяся в той самой Часовой башне и основанная, как весьма мило сообщил Фредерик Энгельсон, более трехсот лет тому, впечатлила.

Нет, Эдди видывал библиотеки.

И не только в Последнем пути. Там-то библиотеки, как раз и не было, если не считать той, которую пастор при храме собрал. Ну и школьной тоже, но вот...

В Квиджете имелась общественная, которой и мэр, и шериф, и прочие горожане весьма гордились, как и тем, что в этой библиотеке нашлось место тысяче книг.

Здесь же... сколько?

Пять тысяч?

Пятьдесят?

- Более пятисот, -- важно ответил Энгельсон, и поглядел, уже не скрывая насмешки. -- Тысяч. Большая часть находится в специальном хранилище, под землей. Там благодаря артефактам поддерживаются особые условия. Старые рукописи весьма чувствительны и к влажности, и к температуре.

Охренеть.

И удивления Эдди скрывать не стал, что позволило Энгельсону задрать нос еще выше. Он даже умудрился поглядеть на Эдди сверху вниз.

- Этак жизни не хватит все перечитать, - Эдди огляделся.

- Никто и не читает все. У каждого мага имеется своя сфера интересов.

- Ага... а у тебя?

- И у меня, - Энгельсон слегка поморщился.

- И какая?

- Я специализируюсь на магии низких потоков, если вам это о чем-то говорит.

- Ни о чем, - честно признался Эдди. -- А я вот тоже читать люблю.

- Неужели?

- Газеты, - Эдди не отказал себе в удовольствии уронить руку на хрупкое студенческое плечо. -- Там порой так занятно пишут.

Особенно, когда вешают кого.

- Кого?

- А мне ж откуда знать? Вот у нас так и писали, что, мол, третьего дня по приговору суда был повешен, там, допустим, Билли Кривоглазый... хотя не, этот до суда не дожил. Ну да не важно. Главное, за что... за конокрадство там. Или мошенничество. Или вот если грабитель там...

- Вешают?

Почему-то студиозус слегка побледнел.

- Большею частью, но бывает, что и из револьверу там. А одного раза в пустыню вывезли. И закопали, стало быть, по шею...

- И? – бледность явно усилилась.

- И оставили. После шериф ездил проверять. Говорил, что почти сутки протянул, засранец... но он то заслужил. Насильников, - Эдди слегка плечо сжал. – У нас не любят. Хотя... чего это я. Их же ж везде не любят, верно?

Энгельсон торопливо кивнул и указал.

- Там. Вам... туда.

- Веди, - выпускать жертву Эдди не собирался. В конце концов, дикарь он или как. – Так, говоришь, книжек много...

- Много. Как видите.

- И разных.

- Весьма.

- И про баб есть?

- Что?

- Про баб. Ты чего, глуховатый? Мне маменька говорила, чтоб, когда стреляю, уши затыкал. А то оглохну. Я-то, признаться, не всегда. Оно же ж там никто ждать не станет, когда уши заткну. Но вроде не оглох. А ты, стало быть, много стреляешь?

- Профессор Маккинсон! – возопил студиозус и слегка дернулся.

А ведь маг.

И не из последних. Низкопоточковая магия требует идеального контроля, особенно при том уровне силы, которая чувствуется в этом тщедушном тельце.

Но вот силенок маловато.

Тех, обыкновенных, человеческих. Или это пока только? Кости-то крепкие, а уж мясо нарастет. Со временем. Если этот болтливый

придунок доживет до тех благословенных времен.

- Профессор... идемте, он здесь! – это провожатый воскликнул с немалым облегчением. – Профессор!

Ряды шкафов, что поднимались к самому потолку, расступались, образуя сумрачные коридоры. Висящие светляки кое-как разгоняли темноту, да и свет пробивался сквозь стрельчатые окна, но было его как-то совсем уж мало. Или просто так казалось?

Эдди увидел огромный стол. Стопки книг, что башнями возвышались над бумажным морем. Причем бумаги лежали одна поверх другой, вроде бы небрежно, но все же взгляд зацепился за ровные линии, перетекающие с листа на лист.

А уж последним он заметил человечка, склонившегося над картой.

Тот был невысок. Сухопар.

И с лицом на редкость неприятным.

- Профессор Маккинсон!

- Передача по предварительной договоренности после одобрения деканом лично, - ответил профессор, не соизволив повернуться в сторону говорившего.

- Я... я вам сдал уже!

- Да? Не помню. Что ж, если так, то радуйтесь.

- Я радуюсь. Но вот... тут к вам... гость. Вот! Да отпустите вы меня, наконец! – вспыхнул мальчишка и плечом дернул. Что ж, Эдди не жалко. Отпустил.

А что паренек споткнулся и полетел в полку, так Эдди не виноват.

Силы рассчитывать надо.

Жаль, не врезался. Перед физией вспыхнул белый полог щита, и профессор нахмурился:

- В библиотеке использование магии недопустимо!

- Но... - Энгельсон побледнел. – Я...

- Три штрафных балла. Доложите декану сами. И не надейтесь, что я забуду.

Эдди хмыкнул.

Мысленно.

А потом выдержал взгляд бледно-зеленых, словно выцветшее стекло, глаз.

- Вы кто вообще? – профессор, убедившись, что смущаться, отступать или вообще исчезать Эдди не собирается.

- Эдди, - ответил Эдди. – Учиться пришел. Сказали, что вы встретите.

- Встретите... встретите... боги! – Маккинсон встрепенулся и вытащил часы. – Так вы... нет, быть того не может!

- Чего? – уточнил Эдди и к картам потянулся.

Интересно же.

- Не смейте ничего трогать!

- Я не трогать, я поглядеть, - руки Эдди за спину убрал. – Если не к вам, то скажите. А то я тут заплутал слегка... это Воронья гора? Вон там. Ага, точно... дорога. Железная. Только у вас она далеко намалевана, на самом деле до Последнего пути идет.

Городок на карте выглядел мелкой черной точкой. И подписали его крохотными буквами. Зато дорогу и вправду дальше собирались строить.

Когда?

Карта не выглядела новой, скорее уж бумага обрела тот характерный желтушный оттенок, что возникает при длительном хранении.

- Старый проект. Меня просили оценить, насколько реально его воплощение, - Маккинсон поморщился. – Хотя смысла особого не вижу. Что там дальше?

- Прерии, - с готовностью сказал Эдди. – То есть сперва горы. Драконий хребет. Вот... он дальше тянется. Вот так...

- Отсюда? – палец профессора ткнулся в карту.

- Да, может, и еще дальше. Я туда не забредал. Там уже земли орков.

- А вы...

- А я вот, так сказать... в общем, не все мне там были бы рады. И сиу опять же. К этим отморозкам вообще лучше не соваться без нужды. И с нуждой тоже. За горами прерия. Там уже пустыня пойдет. Мертвая.

- Покажете?

Эдди подумал и неуверенно ткнул в карту, точнее в то место, где она заканчивалась, и начиналось белое бумажное пятно.

- Название, конечно, местное...

- Это не название.

- А что?

- Суть. Там мертвецы. Много. Она их к себе притягивает. Ну и... там уже есть поезда.

- И дороги?

- Дорог нету, - Эдди подвинул стул.

- Погодите, как это возможно? Или вы... конечно, очередная безумная шутка.

- Да какая, нахрен, шутка, - Эдди развернул карту, которая обрывалась почти сразу за куцым хребтом. – У Орвуда спросите. Он их упокаивал, когда ехали в последний раз. А так... там дороги смысла строить нет. Пытались сперва. Но пустыня их утягивает. Вниз. Сколько ни клади камня, все заберет. Вот и придумали поезда, чтоб рельсы перед собою сразу.

- Никогда не слышал.

- Вот, - он ткнул уже в стол. – Тут опять горы. Кольцо. А в нем город Мастеров.

- Это легенда! Вы еще скажите, что и мертвые... боже, до чего любят это слово совать везде... мертвые города существуют.

Профессор раздраженно взмахнул руками и задел гору из книг. Та и закачалась, но была остановлена рукой Эдди.

- Профессор, - сказал он с почти нежностью. – Вы, конечно, не поверите, но...

Глава 18 В которой леди собираются учиться

Глава 18 В которой леди собираются учиться

Пять сундуков. Пять, мать его за ногу, сундуков. И еще кофр. Шляпные коробки, которые выносили по одной, едва ли не на вытянутых руках.

Шкатулки.

Корзинки.

И массивное нечто в человеческий рост.

- Бальное платье, - пояснила свекровь, глядя на это столпотворение с выражением премечтательным.

- Я учиться еду! – возражать я уже не пыталась, только проводила сооружение, обернутое папиросною бумагой розового цвета, взглядом. – Зачем мне бальное платье в Университете?

- Ах, дорогая, никогда нельзя знать наперед, когда тебе понадобится бальное платье.

Я поглядела на мужа.

Тот развел руками и, наклонившись, шепнул:

- Это я еще уговорил её мебель оставить.

- Мебель?! Какую мебель?!

- Обыкновенную, - спокойно отозвалась свекровь. – В конце концов, это ведь... извини... дом общественного проживания! И сомневаюсь, чтобы в нем осталась приличная мебель. Нет, я понимаю, что не все сразу, но... ковры я пришлю позже. И сервиз.

Уточнять про сервиз я на всякий случай не стала.

Пускай.

Главное, что отговаривать меня от учебы она не стала. И вообще выглядела такой умиротворенной, что в душе шевельнулись нехорошие подозрения.

Правда, в чем именно следует подозревать мое свекровище, я не поняла.

- И дорогая, напиши, что еще понадобится! – воскликнула леди Диксон. – И не слушай своего мужа!

- Мама!

- Мужчины ничего не понимают в комфорте. Поэтому если тебе понадобится подушечка... кстати, подушки и перины! Ты не можешь

спать...

- Давай сбежим? – предложила я мужу, пока в нагрузку к бальному платью мне не всучили подушки, перины, простыни, пододеяльники и что там еще положено.

- И белье! Как я могла забыть... я приеду. Завтра! Лично, Чарльз! И не думай, что ты...

Я закрыла глаза и сделала вдох.

Дышим.

И шоколадку, мужем протянутую, тоже берем. Шоколад, как оказалось, на диво благостно на меня воздействует. Вот интересно, Орвуды тоже придут с сундуками?

Угадала.

И сундуков было вдвое больше. А главное, что и сундуки, и экипажи, и сами Орвуды стояли перед воротами. Что характерно, запертыми.

- И как это понимать? – поинтересовалась я, потому как и наша карета остановилась. А ведь дорога шла за ворота.

Я вижу!

- Это правило такое, Милли, - Чарльз выбрался и подал мне руку. – Древнее. Некогда в университет уходили постигать высокое искусство магии. А для того оставляли мирское по ту сторону ворот. Вот и возникло правило, что войти сюда может человек лишь с теми вещами, которые лично пронесет.

Чудесно.

А раньше сказать нельзя было? Его матушка, между прочим, два дня вещи по сундукам собирала.

- Прошу прощения, леди, - устало произнес мужчина в черной мантии, которая успела слегка запылиться. – Но никаких исключений быть не может, потому как...

- Леди, - Чарльз поклонился и поцеловал руку леди Орвуд. – Прошу...

- Но наши вещи...

- Их доставят позже. Глэдстон, распорядись.

- Да, лорд Диксон, - человек отер пот. – Но... как же... леди и... леди.

В глазах его плескался ужас.

- Леди Орвуд, а где ваш супруг?

- К сожалению, вызвали во дворец. И Берта тоже. Я решила, что сама справлюсь, но, каюсь, меня подвела излишняя самоуверенность, - леди Орвуд вздохнула с немалым облегчением. – Признаться, я не ожидала подобного... подобного неуважения!

Взгляд леди Орвуд был полон искреннего гнева.

А мне вот учиться расхотелось. Я-то и прежде желанием не горела, а теперь и вовсе вот оглянулась, раздумывая, что, может, стоит все же пустыню поискать.

- Прошу прощения, леди, - забубнил привратник. – Но таков обычай. И закон. И...

- Идем, - Чарльз изобразил улыбку, правда, несколько нервную. Вот готова поспорить на что угодно, что мысль о пустыне и ему в голову пришла.

Хорошая же мысль!

Но делать нечего.

Пошли.

По той самой дороге, на которую экипаж допущен не был. А главное, что и наш багаж остался за воротами. Включая тот гроб с очень нужным бальным нарядом.

- Университет был основан более трехсот лет тому, - заговорил Чарльз, явно чувствуя себя не слишком уютно. – В тот славный год, когда воцарился Его императорское Величество, Георг Первый.

И все почему-то на меня поглядели.

Чего?

Я про этого Георга Первого в первый раз слышу. Оно, конечно, если так, то неудобно, предков знать надо, но...

- Времена были весьма сложными... Георг Первый тогда не был, собственно говоря, Императором, являясь лишь наместником. И младшим братом Вильгельма Третьего...

Я подавила зевок.

Надеюсь, это-то учить не придется. У меня на имена всегда память дурной была. То ли дело рожи. Вот рожи с листовок я запоминала влет, да и различала куда ловчее Эдди. И если так, то, может, и неплохо? Чай, что императоры, что висельники – невелика разница. Крамольные мыслишки. С другой стороны опять же, императорские портреты получше быть должны бы.

- Ситуация была крайне неоднозначной, - Чарльз вел нас по дорожке, что пробиралась сквозь зеленые лужайки, из которых торчали причудливо выстриженные кусты. Тоже зеленые. Некоторые и в цветах.

Благодать.

- Старый свет не горел желанием лишаться колоний, из которых тянул золото и силы. А племена были полны сил и ярости.

С чего бы это они, да?

Но молчу.

Слушаю.

Так, на всякий случай. И Чарльзу, на меня покосившемуся, легонько киваю. История, так история. Главное, что слушаю не только я, но и сестрицы Орвуд. Одна точно. Вторая, та, что нравилась мне куда меньше первой, мыслями где-то ну очень далеко.

- Назревало недовольство. Императорские войска не столько защищали от орочьих набегов, сколько сами грабили честных земледельцев. Завышенные налоги давили промышленность.

- И промышленников, - вставила Эванора. – Извините.

- Ничего страшного. Тем паче, вы правы... многие семьи перебрались сюда, надеясь, так сказать, получить определенную свободу. В Старом свете власть аристократии была чем-то... абсолютным? Пожалуй так. И тогда человек, рожденный без дара, несмотря на все таланты его, на богатства, если получалось его добиться, все одно оставался кем-то до крайности ничтожным. Сюда ведь приезжали не потому, что верили в сокровища этой земли. Нет. Сюда бежали, чтобы обрести свободу. Безопасность.

- Несмотря на племена?

- Поверьте, от орков защититься куда проще, чем от сиятельных лордов. Но это... сложная проблема. Как бы там ни было, Георг оказался в весьма неприятной ситуации. Его брат требовал привести земли к покорности. А вот совесть...

- Или расчет, - Эванора снова воспользовалась паузой.

- Эва!

- Матушка, ну ведь лучше быть Императором, чем Наместником и младшим братом Императора. К тому же, папа говорил, что Георг прошел по грани. И восстание возглавил, когда стало понятно, что самого этого восстания ему не простят. Ему нельзя было отступить.

- Именно, - согласился Чарльз. – Но лучше, если вслух вы этого говорить не станете. Однако незадолго до того Георг сделал одно важное дело. Создал Университет. Вернее Высшую школу магии. И сам стал первым из наставников. Вот.

Дорожка вывела нас к круглой лужайке, посреди которой возвышалась статуя. Что сказать, впечатляет. И в первую очередь размерами. Это ж надо было... здоровущий какой.

И главное, рожа-то до боли знакомая.

Выходит, дорогой дядюшка на предка славного похож. Только у этого выражение лица посерьезнее будет. Одухотворенное до крайности. И стоит, ножку выставивши. Одна рука на рукояти меча. Другая куда-то вытянулась, словно указывает путь.

- Георг указывает путь, - подтвердил мою догадку Чарли. – К светлому будущему страны. На самом деле, полагаю, им руководили весьма практичные соображения. Война началась не сразу, но то, что она будет, стало очевидно еще до назначения Георга. Его и отправили в попытке смирить бунт. Он был сильным магом. И понимал, с какими проблемами маги сталкиваются. Он привез с собой дюжину соратников.

Чарльз запнулся и слегка нахмурился, повторив.

- Дюжину...

Поежилась Эванора. А её сестрица выпала из собственных мыслей.

- И чего?

- Тори!

- А еще с ними прибыло бесчисленное количество искателей приключений, среди которых оказалось довольно много представителей младших родов, одаренных, но не имевших... скажем так, возможности толком отточить дар. Пусть бы каждый отдельный и был слаб, однако Георг понимал, что десяток слабых магов лучше, чем полное их отсутствие. А речь шла не о десятках. И даже не о сотнях. За те десять лет, что прошли в относительном мире, Школа выпустила около полутора тысяч магов. Разной силы. Разных способностей.

Но одинаково годных, чтобы сгореть в топке войны.

- И уже от них пошли большинство новых родов.

- Иствики, - тихо произнесла леди Орвуд. – Мой предок был первым... в своем роде. Иствики получили земли. И не только. Другое

дело, что распорядиться не сумели. Стало быть, здесь все начиналось?

И почему-то слова эти вдруг показались мне пророческими.

А еще я почувствовала, что... что рядом кто-то есть. Кто-то такой, донельзя близкий, чье присутствие заставляет волноваться пламя внутри меня.

- Что ж, думаю, об истории этого места вам еще расскажут, - Чарльз отряхнулся. – Стоит пока проверить коттеджи. Договоренность была, но... сама эта ситуация, как понимаете, несколько неоднозначна. И далеко не все будут рады.

- Скорее уж правильно будет сказать, что рады не будут, - проворчала леди Орвуд. – Но... знаете, мой предок когда-то не отступил. И когда решился забраться на корабль, идущий в Новый свет, тайком. Денег на билет у него не было. А дар... дар, скорее всего, достался по наследству, хотя своего отца он и не знал. Главное, что он получил свой шанс. И воспользовался им. И выжил. На корабле. На берегу, где переселенцам не были рады. Он прошел до Железных гор. И уцелел в сражении при Хайвелле, когда почти вся пехота и конница были уничтожены, а из магов живым остался каждый десятый. И... я не посрамлю его имени.

А я подумала, что этому Университету, если он и дальше хочет продолжить славную историю, придется немного пересмотреть порядки.

И вообще, кто в здравом уме и твердой памяти рискнет связаться с женой некроманта.

Пламя же вдруг утихло, улеглось, будто ничего и не было.

А потом мы встретили Эдди. И стало вот как-то совсем спокойно.

Почти.

Коттеджи, до которых мы добирались в молчании, стояли наособицу. От внушительного строения из красного кирпича, больше похожего на дворец, чем на университет, их отделял сад. Расчерченный аккуратными дорожками, сам какой-то слишком уж изысканный, он навевал тоску. А вид маленьких, словно игрушечных домиков, вызвал вдруг приступ страха.

Или не в них дело, а в ощущении, что... что не так здесь.

Неправильно.

Нехорошо. И... и надо вернуться.

Я вцепилась в руку мужа.

- Что-то не так?

Все не так.

Все...

Я хотела сказать. Честно. Но дверь ближайшего домика – готова поклясться, именно так выглядел пряничный, в котором жила ведьма – распахнулась и на пороге появился человек, которого я совершенно точно не ожидала здесь увидеть.

- Долгехонько собираетесь, - сказала Матушка Мо, отирая руки белым полотенцем. – Все уж выстыло. Приличные леди к обеду не опаздывают.

- Это... - Чарльз споткнулся.

А я прикрыла рот.

И страх вдруг ушел, сменившись уверенностью, что теперь-то все будет хорошо. Всенепременно.

- Матушка уж заждалась...

- Простите, - робко поинтересовалась леди Орвуд. – Это...

- Матушка Мо, - сказала я и покосилась на девиц. – Одна очень... благочестивая особа. И советую молиться перед обедом искренне. Если не хотите получить половником по лбу.

Эванора улыбнулась.

А потом поняла, что не шучу.

- погоди, если она здесь... - Чарльз указал на раскрытую дверь. – Значит...

- Мама тоже прибыла.

Глава 19 О леди и учебе

Глава 19 О леди и учебе

Избавиться от профессора оказалось не так и просто.

Точнее Эдди подозревал, что избавиться и не получилось бы, если бы не очередной студиозус, бочком подобранный к столу.

- Профессор, - произнес он нервным голосом. – У вас совет. Вам просили напомнить.

И отступил, проявляя редкостное благоразумие.

- Что? – профессор оторвался от карты, которую успел поправить, хотя, конечно, путешествовать с такою Эдди не рискнул бы.

- Совет, - повторил студиозус, отступая еще дальше. – По защите. Вы оппонируете.

- Я?! – удивление профессора была весьма искренним. Впрочем, он нахмурился и на лбу появились морщинки. – Нарвуд? Верно?

Еще шажок и студиозус почти достиг полок, которые виделись ему укрытием.

- Конечно же... Нарвуд... великий род и абсолютная бездарность, полагающая...

- Вам велели передать, - студент успел спрятаться за полку. – Что если вы не явитесь оппонировать, то совет сочтет, что вы не имеете претензий к работе...

- Я? – от возмущения профессор взмахнул руками и едва не снес чернильницу. – Они называют это работой? Это собрание... где мои очки? Решили обмануть... так...

- Тут, - Эдди осторожно стянул очки с макушки. – Стало быть, мы пойдем?

- Что? А, да, да, несомненно... документы... эй, Паттисон! Я знаю, что ты тут! Ничемный троечник, но и от тебя может быть польза. Отнеси бумаги и проводи... как вас там?

- Эдди, - повторил Эдди.

- Именно. Проводи его... куда-нибудь. А мне спешить надо. Претензий нет... и главное, думают, что я такой дурак и забуду? Не смей ничего трогать на моем рабочем месте... я все запомнил!

Подхватив со стола пухлую папку, до того скрывавшуюся под бумагами, профессор заторопился к выходу. Эдди только и оставалось,

что взглядом проводить.

Ну и дальше куда?

- Вы... - давешний студиязус выглянул из-за полок и вздохнул с явным облегчением. – Ушел. Вечно он так... Паттисон. Патрик Паттисон. Можно Патти.

- Эдди, - Эдди осторожно взял протянутую руку. Та была тонкой и какой-то по-девичьи хрупкой. – Он всегда такой?

- Такой, - вздохнул Патти. – На самом деле он неплохой человек. Во всяком случае, денег не требует. И если знаешь, то можно попытаться сдать. Вот рассеянный, это да... правда, только в том, что не касается работы. А тут и вправду лучше ничего не трогать. Память у него такая... сдвинешь перо и заметит.

Эдди не собирался ничего двигать.

- Учиться, да? – поинтересовался Патти и сам себе ответил. – Ну да, а чего тут еще делать-то?

- Что за Совет?

- Ученый. Соберутся такие вот, профессора, значит, будут слушать диссертацию, а потом прения устроят. И решат по итогу, достоин соискатель звания профессора или нет. Голосовать будут... да, - он тяжело вздохнул. – Завтра Маки будет злым, как не знаю кто.

- Почему?

- Потому что Нарвуд и вправду бездарность редкостная. И все знают, что диссертацию он купил. Идем, что ли. Провожу.

Возражать Эдди не стал. Подхватил кофр, а уж мальчишка-сиу и сам за спиной пристроился.

- Вот... а Нарвуды – род древний. И богатый. Ну и не хотят с ними связываться, значит, что бы там Маки не делал, проголосуют «за», а он, как обычно, «против». И все одно звание дадут.

Эдди подумал и согласился, что повод злиться есть.

- Его тут не любят, - сделал он закономерный вывод.

- А то, - Патти шел чуть в стороне и очень старался не пялиться.

Получалось плохо.

Стало быть, вот как. Неуживчивый профессор, от которого давно бы избавиться, но по каким-то причинам не выходит. И Эдди, тоже лишний на этом празднике жизни.

Отчего бы не свести.

- Это он меня просил напомнить, - соврал Патти. Но стоило Эдди поглядеть, вздохнул. – Нарвуды – еще те сволочи... со мною младший учится.

И шею потер.

Ясно.

И не ясно, что делать Эдди.

Впрочем, об этом он позже подумает, в спокойной обстановке.

Патти и вправду довел его до солидного здания, которое Эдди уже видел. И сказал:

- Тут постой, а я сейчас узнаю, куда тебя. Секретарь, мистер Ференс, он хороший человек, хотя и... - договорить Патти не договорил, ибо дверь из красного дерева распахнулась, грохнувшись о стену.

- Я этого так не оставлю! – из кабинета выскочил тучный человек с обширную лысиной и бородой столь пышной, что поневоле начинало казаться, что именно её пышностью он пытается уравновесить нехватку волос на макушке. – Вы еще пожалеете, что...

Он повернулся к Эдди, ткнул в него пальцем и... разом поутих.

- Бездельники! – рявкнул он.

- Совершенно с вами согласен, - Эдди отвесил поклон. Человек отчего-то покраснел и убрался. А вот Патти исчез, чтобы появиться вновь спустя пару минут.

- Тебе домик выделили, - сказал он и потряс ключами. – Повезло! Слушай, а тебе камердинер не нужен, случайно? Я бы мог... то есть, тут конечно не положено...

И столько надежды было во взгляде его, что сразу отказать Эдди не смог.

- Я... подумаю, - сказал он.

Сиу фыркнул.

А Патти расплылся в улыбке.

- И если чего, то я и достать чего могу... ну, по-мелочи, чтоб без уголовки... а так вообще сапоги чистить умею, туфли тоже...

- Домик, - прервал его Эдди. – Покажешь, куда идти?

Патти кивнул и подавил тяжкий вздох. Правда, печали его не хватило надолго. И отряхнувшись, он бодро зашагал куда-то по узкому и темному коридору.

- Там если выйти не через парадную, то совсем рядышком. Туточки вообще, если тропки знать, то все рядышком. Я вот знаю... слушай, тут мне сказали по секрету, что не только тебя учиться прислали, но и женщин! Представляешь?

- С трудом.

- Я вот тоже не поверил, когда наши начали говорить. Ну где это в самом деле видано, чтобы женщин учить? На кой оно им надо... но мистер Ференс сказал, что уже прибыли. И их тоже в коттеджи... и слушай, у тебя скоро гостей будет, только ты аккуратней. Они большею частью сволочи...

- Учту.

- И...

- Послушай, - мысль, пришедшая в голову, показалась на диво удачною. - А ты подзаработать не хочешь?

- Камердинер не нужен, да?

- Нет. Извини. У меня уже есть один.

Сиу фыркнул чуть громче.

- Но очень бы пригодился человек, который... достаточно свой. Там. И сможет послушать, что говорят... сволочи.

Патти сделал вид, что задумался.

- А еще предупредить, если они задумают какую пакость. Против меня. Или против моей сестры.

- Познакомишь?

- Она замужем.

- Ай, когда это мешало...

- И муж у нее неплохо стреляет. Да и маг.

- Это да, - Патти поскреб в затылке. - А другие?

- Ну... девицы Орвуд. Но у них папа некромант не из последних. И брата я в деле видел. Если что, и мертвым женишься.

- Я-то не против жениться. Живым тоже, - Патти вздохнул. - Только кому я нужен... хотя... если вот сюда услали, то, стало быть, на нормальную партию и не надеются. Девицы, говоришь...

Эдди молча сунул кулак под нос.

- Твоя, да? - Патти аккуратно отвел кулак. Пальчиком. - А вторая?

- А вторая - ведьма. Вот честно, между некромантом и ведьмой лучше выбирай некроманта.

Второй вздох был тяжелее и печальнее первого.

- Пять, - сказал Патти. – Пять золотых в неделю. И я весь твой. Но если чего серьезнее, то...

- Идет, - Эдди огляделся. – Так куда идти-то?

- Да говорю же ж, тут, недалеко... - Патти распахнул очередную тяжелую дверь и с наслаждением вдохнул горячий воздух. – Ты глянь... и вправду... слушай, а может, все-таки представишь? Хотя нет.

Он поспешно пригладил торчащие волосы руками.

- В другой раз, ладно? А то я сейчас как-то... не в форме, что ли. И там вон. Они аккурат и идут. Видишь?

Патти указал на махонькие домики, казавшиеся издали едва ли не пряничными.

- А за ними уже и полигон будет. За тобою зайти завтра? Хотя чего это я... я еще сегодня загляну, добре? Расписание принести. Если ты с нами, то первым будет с утра Маки, его вечно ни свет ни заря ставят... а злой будет. Ну да я уже сказал. Только все равно познакомишь.

Милисента шла, опираясь на руку мужа. И выглядела до того мирной, что... правильно, так и должно быть. Только почему-то все равно обидно, словно они там вдвоем теперь, а Эдди и не нужен особо. И появилось трусоватое желание отступить, спрятаться за дверью.

Эдди решительно шагнул вперед.

А издали девицы Орвуд гляделись почти одинаковыми. Для того, кто смотреть не умеет. Но вот, почувствовав взгляд, Эва обернулась. И... отвернулась.

Не заметила?

Или сделала вид, что не заметила? И... обида странным образом стала почти невыносимой.

- Не злой, - тихий голос сиу избавил от наваждения. – Но слабый. Не надежно. Не верь.

- Не буду, - Эдди решительно зашагал по тропинке. До домиков – рукой подать, и если поспешить, то... а к чему спешить-то?

Можно подумать, его там кто-то ждет.

Или... все-таки ждет? Ничего. Доберется и все выяснит.

Эдди нисколько не удивился, увидев матушку. Почему-то даже подумалось, что оно вот вполне себе правильно и по-другому быть не может.

- Доброго дня, - матушка устроилась у окна с рукоделием, которое отложила.

В корзинку.

Корзинку поставила на подоконник, на котором уже легла расшитая незабудками салфетка. Салфетку прижимала пузатая ваза с букетом цветов. Над ней, прихваченные широкими поясами, начинались занавеси из какой-то легкой полупрозрачной ткани.

Эдди хмыкнул, отметив толстый ковер на полу.

Изящные до крайности стулья.

И стол такой же, пусть бы и легла поверх него скатерть, но все одно видать. Да и скатерть с незабудками, в пару салфетке.

- Доброго, - как-то не слишком уверенно ответила Милисента, озираясь. – Это... тут так было?

- Было не так, - матушка поднялась и протянула руку, которую Чарльз поцеловал. – Но мне показалось, что если уже все так выходит, как оно выходит, то место стоит слегка... обновить. Домик, конечно, небольшой.

Эдди промолчал.

- Гостиная совмещена со столовой. Спальня тоже невелика... кровать вот узковата, но нормальную привезут уже завтра. А здесь как-то вот успели. Ванна, кстати, имеется, и это уже плюс.

- Кухня такая, что собака задницу не вопрет, - пожаловалась Матушка Мо, выплывая с фарфоровой супницей, из которой торчала серебряная рукоять половника. – Не повернуться. Я к нормальным привыкла, а тут... хотя для здешних девиц, может и сойдет. Садитесь.

Желающих спорить не нашлось.

- Суп с раками, - возвестила Матушка Мо. – Правда, здешние раки, разве ж это раки? Недоразумение одно... замаялась ковыряться. Но вроде ничего. И ты ешь.

Это она сказала Эваноре, которая от испуга едва ложку не выронила.

- Тощая, бледная. Так ты замуж не выйдешь. А еще учиться.

Её ворчание было привычно. А вот леди Орвуд, кажется, несколько смутилась.

- А эта, ишь, глазищами зыркает... ничего, мамашу Мо ведьмой не напужать. И вы... два балбеса... ладно сами сюда лезете, а девок чего потащили?

- Она... - Эва осторожно покосилась на широкую спину мамашы Мо, которая торжественно удалилась в сторону кухни. – Всегда такая?

- Всегда, - признался Эдди. – Но готовит отменно.

- Мама... - Милисента поглядела на мужа. – А ты как тут оказалась?

- Приехала.

- Я серьезно. Сюда же не пускают. Женщин. И все такое...

А Эдди подумалось, что матушку и прежде было крайне сложно куда-то не пустить.

- Не пускают, - согласилась она. – Обычно. Но для меня сделали исключение.

- Почему?

- Потому что многоуважаемый Лассон...

- Это ректор, - пояснил Чарльз, за что Эдди был ему благодарен. А еще подумалось, что мог бы и сам поинтересоваться, кто в этом курятнике за главного петуха. – Избирается голосованием. Тоже одна из привилегий университета.

- ...прекрасно понимает, что привилегии привилегиями, а финансирование финансированием. Казна тратит на развитие науки немалые суммы. Но иногда об этом забывают.

- И... Его императорское величество решили напомнить? – леди Орвуд к еде так и не притронулась. А вот Эва ела. И сестрица её. Даже ложку облизала, зажмурившись.

- Именно.

- Вы останетесь?

- Вероятно. Коттеджи начали готовить... я прибыла, честно говоря, лишь затем, чтобы проследить, как идет подготовка. Не думала задерживаться, но... - матушкин палец стукнул по столу. – Возникли некоторые вопросы. И боюсь, мой визит несколько затянется.

- Я могу чем-то помочь? – поинтересовался Чарльз.

- Возможно... пока не знаю, - матушка замолчала, поскольку из кухоньки выплыла мамаша Мо с новым блюдом, источавшим просто невообразимый аромат.

- Мошенники, - сказала она доверительно, опуская блюдо на стол. – Кругом ворье и мошенники. А ишь, ученые... одни беды от этой науки! Господь заповедовал молиться! А они, ишь вздумали... обворовывать. Ничего, на всех управа найдется. Заглянули мы намедни, и что? Пылища! Конюшни эти, как их...

- Авгиевы? – предположил Чарльз.

- Во-во, они самые... тараканы, что у себя дома... и главное, жрать нечего, а они все одно шастают. Тараканы. Магические, сразу видать. Мебель мало что на честном слове держится. Крыша, видно, течет.

- А по бумагам ремонт был сделан полгода тому. И отчет о нем представлен в канцелярию, - добавила матушка. – Меня, конечно, пытались уверить, что ремонт был.

- Ага, где-то там, где этих раков немощных ловили, - Мамаша Мо удалилась. – Будут они мне тут говорить...

- Возможно, конечно, мне стоило предупредить о своем визите...

- Вот еще, ворье упреждать! – донесся с кухни голос.

- Но как уж получилось. И я поставила ректора в известность, что ненадолго задержусь. Надеюсь, вы не против?

Дураков возражать не нашлось.

Эва принялась.

В доме пахло краской и, кажется, свежим деревом. Его тоже привели в порядок и, кажется, весьма спешно. Вон, капли краски застыли на стекле. А в одном месте шторы и вовсе к подоконнику приклеились. Слегка.

- Повезло, - сказала Тори, оглядываясь.

- В чем?

Не то, чтобы матушка Эдди как-то... нет, пугала. Немного. Или даже скорее смущала. Тоже немного.

- Боги, - Тори закатила глаза. – Если бы не эта вот... сестрица императора, мы бы жили с матушкой. Она бы точно нас ни на шаг не отпустила. А теперь она будет при леди...

- Ты что-то задумала?

Тори взмахнула ресницами и, чуть склонив голову, поинтересовалась.

- Может, прогуляемся? День хороший...

Предложение звучало завлекательно. И... день действительно хороший. Солнышко вот. Только выходить страшновато. Все-таки место незнакомое.

Университет.

И вообще Эва не была уверена, что им можно гулять вот так, вдвоем, без гувернантки, компаньонки или на худой конец служанки.

- Матушке скажем, - заверила Тори, подхватив шляпку. – Или ты в самом деле собираешься тут торчать?

- Не знаю, - Эва огляделась.

Домик был небольшим и, наверное, уютным. Спальня с двумя кроватями, над которыми поднимались белоснежные горы подушек. Гостиная. На полу ковер. На стене картины, правда, какие-то... не такие, что ли? Зачем вешать портреты хмурых мужиков, взирающих на Эву с неодобрением? Или у них не нашлось ничего иного, более подходящего месту?

- Не нашлось, - Тори подошла к картине и ткнула пальцем в глаз. – Это же университет. Откуда здесь пейзажам взяться. Свои повесь.

- А эти куда?

- К стеночке. Да не стой, помоги. Будут еще тут на нас пялиться.

Картина оказалась на диво тяжелой и едва не ударила Эву по макушке. Но вместе с Тори получилось удержать. И перевернуть. Правда, на обратной стороне обнаружили клочья пыли и даже паук, но вот честно, лучше паук чем этот слишком серьезный господин.

Нет, наверняка он выдающийся маг или ученый, но...

- Надо будет вернуть. В университет, - пропыхтела Тори. – Только найдем кому. Так что, идешь гулять или и дальше порядки наводить будем?

Наводить порядки желания не было никакого.

- Только матушку предупредим...

- Предупредим, - согласилась Тори. – И скажем, что зеркало нужно. Вот тоже, портретов навесили, а зеркала, так ни одного...

Как ни странно, матушка не стала возражать против прогулки.

- Шляпку надень, - сказала она, ненадолго отвлекшись от беседы. Они с матушкой Эдди устроились пить чай. С пирожными. А Эве вот не предложили. То ли пирожных было мало, то ли просто не полагалось. – Солнце так и палит. Обгореть недолго. А у Эвы кожа необычайно чувствительная, не успеешь оглянуться...

Эва вздохнула и с каким-то глубоким внутренним удовлетворением отметила, что ничего-то не изменилось. И да, кожа у нее такая, загорает быстро и до смуглоты.

- Идем? – Тори шляпка шла. Как-то вот сидела так, что слегка на бок, но при том смотрелась это мило. – Слушай, а этот твой... он ведь

тоже будет? И как тебе его сестрица? Берт прибыть должен... куда пойдём? В сад? Или просто...

- Недалеко, - со вздохом произнесла Эва. – Давай недалеко. А то ведь ещё багаж разбирать. Матушка сказала, что слуг здесь нет. И горничных тоже. И...

- Не занудствуй, - отмахнулась Тори, оглядываясь. А потом решительно двинулась в сторону здания из красного кирпича. – Догоняй...

Вот что с ней делать-то?

Глава 20 Где есть место прогулкам и встречам

Глава 20 Где есть место прогулкам и встречам

Они появились, когда Эва почти уже поверила, что прогулка будет именно прогулкой. Она даже перестала придерживать шляпку, которая, несмотря на ленты так и норовила съехать на затылок, подставляя лицо Эвы солнцу.

И главное, у Тори-то шапка держалась на месте.

Как и волосы.

Совершенно не понятно, как так? Они же просто чинно гуляли по дорожке, как и подобает девицам из приличной семьи. И разговаривали о пустяках.

О ленточках вот.

Или еще о том, что когда Тори выйдет замуж, она закажет себе красное платье, но не яркое, алое, а такое, чтобы почти как спелая вишня, но не совсем, чтобы темное. Она даже парчу видела нужного оттенка, правда, матушка сказала, что незамужние девицы не носят платья настолько яркие, поэтому Тори и решила, подождать замужества... ладно, не в платье дело. А в волосах. У Тори они послушно лежали в прическе, а вот у Эвы сперва одна шпилька выскользнула, потом вторая.

Потом шляпка...

И еще ветерок подул, словно дразня. Тогда-то Эва и решила, что гулять хватит. И совсем даже собралась сказать сестре, которая замолчала, раздумывая то ли о муже, то ли о платье, то ли вообще о своем ведьминском, а может даже обо всем и сразу, когда появились они.

- Доброго дня, милые леди! – парень в темном сюртуке выбрался прямо из кустов. – Премного рад видеть вас!

Тори остановилась.

И нахмурилась.

Наверное, все-таки думала она о вещах важных. Парень же, вытащив из кустов вторую ногу, поставил её на дорожку и отряхнулся. А потом отвесил поклон.

Весьма чинный.

И стало очевидно, что это не просто так парень, а юноша из хорошей семьи, ибо и костюм его был сшит по фигуре, и ботинки сияли, невзирая на кусты, и прическа не испортилась.

Даже у него.

Даже после лазания по кустам.

Вот что за невезение-то такое?!

Третья шпилька упала на тропинку.

- Леди? – юноша, как и подобает благовоспитанному господину, поспешил поднять. – Вы потеряли...

Правда, протянул отчего-то Тори. И к лучшему. Эва бы заробела.

Она и заробела.

И желание вернуться в домик стало почти невыносимым.

- Благодарю, - Тори шпильку взяла. – Мы не представлены.

- Это Джейми! – кусты затрещали с другой стороны, пропуская еще одного типа. Этот был пониже, пошире, но тоже в костюме.

И с прической!

- А это Невилл, - представил его второй. – Невилл Вудшор, если позволите.

- Виктория Орвуд, - Тори смерила обоих взглядом. – А это моя сестра, Эванора.

Парочка переглянулась и... и в другой раз Эва не увидела бы ничего такого в подобных переглядываниях. Она и сейчас бы не увидела, просто... просто показалось.

Наверное.

Она же мнительная.

- О, наше болото бурлит. Джеймсон Вандербильд, если слышали... то наверняка о моем отце. Увы, я его большое разочарование, которое он сослал с глаз долой, надеясь, что сии благородные стены...

Болтать он умел.

А второй шагнул к Эве, но она только шпильки свои покрепче сжала.

Если позвать на помощь, услышат? Но... надо ли? Ведь ничего-то страшного не происходит. Они идут по тропинке. И тот, первый, который Джейми, что-то мило рассказывает Тори.

А она слушает.

Вандербильды... кто не слышал про Вандербильдов. Эва вот слышала, правда, в упор не помнила, что именно. Кажется, что они очень, просто неприлично богаты. Но вот род определенно не из древних, правда, по Джейми незаметно.

Черты лица у него правильные.

И красив он.

- Вы молчите, - подал голос Невилл. – Вам грустно?

- Просто... все такое необычное, - Эва старательно улыбнулась. – И я немного устала...

- Да, женщины хрупкие существа, - кивнул Невилл.

А вот про Вудшоров она слышала то, что они близки к короне. Очень. Этот из младших. Старших Эва не видела, но кажется, читала про свадьбу не так давно чью-то.

- Вы не могли бы проводить нас, - сказала Эва чуть громче, чтобы Тори точно услышала. – К домикам.

- Домикам?

- Мы, кажется, немного заблудились. А уже время... и матушка будет волноваться. Брат тоже обещал навестить. Некромантам волноваться не стоит. У них от этого случаются выбросы силы. А это неприятно.

Прозвучало как-то так, будто Эва... Эва прячется?

За брата?

- Несомненно, - Джейми поклонился. – Не стоит заставлять волноваться столь уважаемых людей. К тому же мы будем безмерно счастливы помочь вам... помогать юным леди, попавшим в беду, что может быть лучше?

Невилл тоже сказал что-то.

Неразличимое.

И почему-то Эве показалось, что... нехорошее. А еще взгляд этот, в котором будто насмешка скрывается. Издевка.

- Нам туда, - Джейми указал куда-то в сторону. И по ощущениям Эвы, совсем не в ту, в которую им надо.

- Вы уверены? – Тори слегка нахмурилась.

- Конечно. Вы просто немного заблудились. Парк здесь большой, и порой очень сложно разобраться, куда тропинка свернула.

Эва оглянулась.

Они и вправду шли, потом куда-то поворачивали и... и казалось, что недалеко, но теперь она вдруг поняла, что на самом деле понятия не имеет, где находится.

- Моя сестра тоже вечно путается, - доверительно произнес Невилл. – Аманда. Вы знакомы?

- Боюсь, что нет.

- О, ничего... она мне много о вас рассказывала.

Да?

И опять это вот ощущение двусмысленности, повисшей в воздухе.

- Не помню, где мы могли бы пересечься, - кажется, улыбка вышла жалкой. И Тори оказалась вдруг рядом, взяла по руку. А Джейми подарила очаровательную улыбку.

- Ведите, - сказала Тори.

И Эва ощутила, как колыхнулась внутри сестры тьма. Мир слегка дрогнул, но все-таки удержался. Хорошо. Было бы неудобно, если бы Эва вот прямо сейчас взяла и застыла.

И не безопасно, судя по тому, что она видела в прошлый раз. Правда, сейчас она немного уже сомневалась в том, что видела. И в том, правильно ли поняла увиденное. И вообще, можно ли верить этим видениям.

- Нам всем безумно любопытно, - Джейми несколько мгновений молчал, но, верно, тишина была ему непривычно. – Что же понадобилась созданиям столь прелестным в нашей обители?

- Да как сказать...

Тропинка стала уже. Но Джейми будто и не заметил, он спокойно шел по траве, будто бы так и надобно. А вот Невилл слегка отстал. И это тоже несколько беспокоило Эву. И главное, что её не покидало ощущение, что они не идут к домикам, а скорее уходят от них. Дальше и дальше. Дальше и...

- Не поймите меня превратно. Мое любопытство вызвано лишь беспокойством... - Джейми прижал руки к груди. И поглядел куда-то вверх голов.

На Невилла?

- Учеба здесь – это... нелегко. Весьма. Но мужчинам свойственно преодолевать сложности. Это в их природе. А вот женщинам необходим покой. Тишина.

- Кто вам это сказал? – Тори тоже оглянулась и повела плечом.

- Опыт, милая леди... опыт. Невилл со мной согласен.

- Безусловно.

- И не только он!

- А кто еще? – в голосе Тори проскользнуло раздражение. Правда, услышать его мог бы лишь человек, хорошо с Тори знакомый.

- Вы читали труды достопочтенного Мерруака?

- Не доводилось пока, - Тори мягко сжала руку.

- Я прослежу, чтобы вам доставили. Это доктор. Весьма уважаемый человек. Он проводит исследования. В том числе человеческого мозга, - Джейми коснулся головы. – Так вот, он утверждает, что женский мозг отличен от мужского. В нем меньше извилин.

- Ужас какой, - произнесла Тори с нервным смешком.

- Но страшно даже не это, - Джейми остановился и развернулся, оказавшись вдруг очень близко. Опасно близко.

И Эва стиснула шпильку, подумав, что в подобных ситуациях куда как приятнее стискивать рукоять револьвера. А его так и не купили.

- А что же? – Тори выпрямила спину. И умудрилась посмотреть на Джейми сверху вниз.

- То, что чрезмерная нагрузка на женский мозг вызывает прилитие крови к нему, - он подобрался и... ведь маг. Сильный. Эва теперь чувствует эту силу. – Кровь же отливает от женской матки. И она усыхает. А потому женщина, чрезмерно увлекающаяся науками, становится бесплодна.

Тори хмыкнула и подняла руку.

Левую.

- Подумайте об этом, леди, - Джейми отступил. – Будет весьма печально, если столь юные создания пострадают... от чрезмерного любопытства.

И еще на шаг.

А потом вдруг раз и исчез.

Как и Невилл.

Вот стоял и... и Эва прикрыла глаза, вслушиваясь в окружающий мир. Так и есть. Никуда они не исчезли, а просто спрятались.

Маги же.

Эва дернула Тори за руку и, склонившись к уху, прошептала.

- Тут они.

А потом добавила.

- Идиоты...

- Это точно, - Тори подняла руку выше, и на ней появилось облачко тьмы. То есть, с закрытыми глазами Эва его видела, легкое и пушистое, а стоило глаза раскрыть и ничего.

Пустая ладонь.

Разве что воздух над ней будто плотный стал. Тяжелый.

- Извилин меньше, - проворчала Тори и дунула. Облачко поднялось, выше и выше... - Чтоб вас... пронесло.

И развернулась.

Эва мысленно проводила облачко взглядом. Оно поднялось высоко, выше кустов и почти выше деревьев, а потом рассыпалось мелким черным дождем. И дождь этот коснулся людей, что укрылись за щитами. Вот интересно, чего они ждут?

- Идем? – предложила Эва.

- Идем, - Тори не стала возражать. Нагулялась?

А в спину смотрели. И... что?

Вот на самом деле? Они надеялись, что Эва растеряется? Будет звать на помощь? Возможно, расплачется? А самое главное, что раньше так бы и случилось. Она бы всенепременно и растерялась, и потерялась, и на помощь бы звала.

И тогда...

Что тогда? Они бы помогли? Или и дальше прятались бы? Смотрели, как она мечется, пытаюсь отыскать дорогу.

- А ты дорогу знаешь? – запоздало спохватилась Эва.

- Кое-что запомнила, а там выйдем и разберемся, - Тори, кажется, пребывала в приподнятом настроении. – Ты из-за них расстроилась? Не стоит. Два идиота.

- Не два, - вздохнула Эва. – Куда больше. И ты слышала, что он говорил? Про то, что его сестра ему про меня говорила. А что она говорить могла, если мы даже не представлены?

- Выбрось из головы, - посоветовала Тори.

- Или... ну конечно, слухи. Боже... они теперь все здесь...

- Да какая разница, что они тут все... тут другое важно, - Тори приостановилась. – Они рядом?

Эва покачала головой.

Люди, и щит, за которыми они прятались, остались где-то там, за спиной.

- Хорошо. Скажи, ты ничего не ощутила?

- Что именно?

- Не знаю. Просто...

- Неуютно было, - призналась Эва. – Но я решила, что просто мнительная.

- Ты мнительная, - Тори всегда охотно соглашалась с недостатками Эвы. – Но на сей раз дело не в мнительности. А... от него пахло.

- От кого?

- От Джейми этого... от него не просто пахло, а... слабо, но так приятно. Безумно приятно. Совсем как от того, другого, которого мы видели. Помнишь? Там, в ненастоящем мире.

Эва вздрогнула.

Забудешь такое, как же.

- Мы должны сказать Берту.

- Что мне примерещилось? Запах, который не запах?

- Все, - Эва не умела быть строгой, но сейчас получилось. – И про этих вот. И про то, что от него пахнет. Это... это уже не весело, Тори.

Правда, убедить её все одно не вышло.

Глава 21 О старых друзьях и сомнительных разговорах

Глава 21 О старых друзьях и сомнительных разговорах

Оставляя жену не хотелось категорически. И вообще Чарльза не отпускало чувство, что он совершил ошибку. Появилось трусоватое желание вернуться домой. Найти какой-никакой предлог, а то и вовсе сказаться самодуром. Он ведь имеет право запретить? Имеет.

Муж все-таки.

Но...

- Иди уже, - Милисента устроилась на подоконнике. – А то весь измаешься.

- Так заметно?

- Мне здесь тоже не по себе, - сказала она, чуть подумав. – Такое вот странноватое ощущение, что... все не такое. Главное, я понятия не имею, какое оно должно быть. И почему именно не такое. Только уехать нам не позволят.

Верно.

Они – часть игры. Фигуры на большой политической доске. А кто разрешит пешке уклониться от сражения?

- Никуда не выходи, - попросил Чарльз. – Не знаю, что тут не так, но вот...

- Иди, - она улыбнулась. И выпустила из ладони огненный шар, который медленно, словно нехотя, поднялся к потолку. От шара к пальцам протянулась ниточка силы.

Чарльз вздохнул.

- Только аккуратнее, ладно?

Она чуть склонила голову набок и сказала:

- Я снова видела тот сон. Про дракона. Не понятно, умер он или нет... я пыталась дозваться до тех, но кажется, они и вправду ушли. Все. Те, кто был в городах. А этот, получается, остался? Если зовет?

- Думаешь, зовет?

- Эти сны ведь не просто так, - Милисента пожала плечами. А шаров стало два. – Они что-то да значат. Но не могу понять, что именно. Я теперь вроде бы как в стороне. Но сдается, что все это связано. И сны. И... прочее.

Чарльз все-таки вышел.

Подумал, что дверь можно и запереть, но потом подумал, что с Милли станется в окно вылезти, а это уже совсем никуда не годится. Еще и упадет ненароком.

Но сигналку на дверь повесил.

На всякий случай.

А потом бодрым шагом, да что там шагом, почти бегом, направился в корпус.

Его ждали.

- Диксон! – Манфред Стоктон раскинул руки, явно желая обнять, но после передумал и удовлетворился рукопожатием. – Я, как услышал, что ты снизошел до нас, прямо таки весь израдовался.

- С чего бы?

Рука у Манфреда оказалась крепкой.

И тяжелой. Та, что на плечо упала. Улыбка – радостной. Причем настолько, что в эту радость и поверить недолго. Пахло от него дорогой туалетной водой. Да и сам он, старший сын и наследник герцога Стоктона, излучал довольство.

- Да скучно тут, - признался Манфред. – Ты к Коллатону?

- К нему. Обещал заглянуть, как появлюсь.

- Заглянешь, только не сейчас. Они с большим Маком отношения выясняют.

- Опять?

- Видишь, об этом и говорю. Ничего не меняется... очередная бездарность желает стать профессором. И главное, готова оплатить сие желание. Ректор рад бы пойти навстречу, потому что финансирование, связи и прочее, и прочее, а Маки беситесь. Так было и, полагаю, так будет... в общем, не подходящий сейчас момент.

Звуки за дубовую дверь не пробивались.

Но... да, если там Мак, то соваться не след.

- Хотя слышал, что не один прибыл. Впрочем, что это я... идем.

Сигары?

- Воздержусь.

- И пить не станешь.

Чарли развел руками.

Случайная встреча? Или ждали его? Он становится до крайности подозрительным. И даже несколько неловко от этой подозрительности. Манфред вот свой.

Весельчак.

Балагур.

Душа компании. Он учился парой лет старше и да, несмотря на маску бесшабашного парня, отличался незаурядным умом. Это даже Большой Мак, считавший всех или почти всех студюозусов идиотами, признать соизволил. А потому никто не удивился, когда Манфред решил не возвращаться после учебы к делам семейным, а остаться при университете.

И да, здесь... почти по-прежнему.

Те же запахи. Те же звуки. Успокаивающая прохлада камня. Тяжесть дубовых панелей. Строгие лица великих магов на портретах. Медные таблички. И мраморная статуя в темном углу.

В курительной все так же пахнет табаком. Обивка вот кресел другая. Раньше красная была. Или, наоборот, зеленая? Главное, что не эта вот, с позолотой.

- Чистоплюй ты, Чарли, - Манфред плеснул коньяка в тяжелый бокал, потом долго, придирчиво выбирал сигару и уже после устроился у окна. - Хотя, слышал, что не так давно ты знатно повеселился.

И взгляд такой... превнимательный.

Пожатие плечами.

- Со всеми случается, - заметил Чарли.

- И я о том... случается со всеми. И надо быть терпимей к ближним своим.

- Не понимаю тебя...

- Кстати, как Эдвин? Слышал, вы весьма близко сошлись.

- Ты про...

- Ты прекрасно понял, про кого, - отозвался Манфред. - Ты знаешь, что он из этих... менталистов.

Сказал, как выплюнул.

- Слабенький, - Чарльз налил себе воды со льдом и лимонным соком. Графин стоял в шкафу, а артефакт, поддерживающий низкую температуру, явно был новым.

Поделка нынешнего года.

- Все одно... поговаривают, он при короне.

- Как и я.

- Ты – иное... ты, повторяюсь, слишком большой чистоплюй. Слышал, ты выгодно женился.

- Скорее – повезло.

- Это да... это да... представишь?

- Буду рад, - прозвучало весьма вежливо, хотя и с прохладцей.

Манфред хохотнул.

- Да ладно, у меня, к слову, невеста имеется... достойная женщина. И с даром. Хотя, как слышал, у твоей супруги дар весьма яркий. Настолько, что не справляется.

- Её и не учили.

- У женщин такой дар – редкость. А я, если ты не в курсе, занимаюсь вопросами наследования дара... в том числе и вопросами наследования. Очень уж тема неоднозначная. И слышал о твоей находке. О... ритуале.

Пауза.

И взгляд испытующий.

- Находка не совсем моя. Скорее мне снова...

- Повезло?

- Именно.

- Везение тоже весьма любопытный фактор. Но я не об этом... мне бы хотелось встретиться с твоей женой. Возможно... она согласится помочь мне кое в чем.

- В чем же? – эта идея категорически Чарльзу не понравилась.

- В исследованиях, конечно. Сила дара. Его выраженность. Способности к контролю. Изменения, которые дар влечет. Кровь одаренных весьма отличается от крови простых людей. Может, помнишь... был такой у нас, Теодор Баррет. Барри?

- Смутно, - Чарльз попытался вспомнить. – Он вел вроде бы...

- Основы права.

Тогда понятно, почему Чарльз не помнит. На диво занудный предмет. И человек, который вел его, занудством же отличался. Тихий невыразительный голос. Серый костюм. И портфель.

- Он с собой портфель таскал. Такой, из черной кожи.

- Ага, именно.

- Что с ним?

- Он был магом. Не сказать, чтобы сильным, скорее даже наоборот. Здесь остался по протекции, но всегда мечтал о большем. И

решил, что тайна дара в крови. Сперва пытался переливать кровь одаренных простым, и даже добился каких-никаких результатов. Но оказалось, что эффект временный. Исчезает за пару недель. Тогда-то он плотно занялся проблемой. Выделял экстракт, менял дозировки... дошел до того, что заменял уже не кровь, но кости...

- Где он взял кости одаренных?

- Сперва покупал. Студенты-то разные, есть и те, что из простых. Учиться учатся, но это дело недешевое. Вот он и предложил. Операцию. Брал кусочек бедренной кости, который и вживлял реципиенту.

Чарльза передернуло.

- Весьма болезненно, но относительно безопасно... и дорого. Очень дорого. Он после признался, что закончились деньги. Тогда-то он и нашел пару... одаренных девушек, которых в последствии и использовал. Вытяжку из спинного мозга. Из желез... разное.

- Звучит... мерзко. И незаконно.

- Напрочь незаконно. Когда все скрылось... в общем, ректору пришлось на многое пойти, чтобы не допустить скандала.

- А где сам Барри?

- Умер, - Манфред посмотрел в бокал. – В камере. Повесился. Так говорят, а что оно на самом деле... те, кто участвовал в его опытах... из простых, они тоже куда-то исчезли. И сам понимаешь, желающих узнать подробности не было.

- Разумно.

- Именно... так вот. Официально работы его сочли ненаучными, но есть те, кто полагает, что ему просто не хватило немного времени. И материала.

По спине пополз холодок.

- Ты же знаешь, что дар – штука такая... сложно предугадать, кому он достанется. Бывает, что и семья старая, предки один достойней другого. И невеста из рода не хуже. А вот дети, увы, появляются простые... и ладно бы, если один. А если все?

- Искушение.

- Именно, - Манфред все же закурил сигару. И сладковатый аромат табака наполнил комнату. – Найти какого-нибудь мальчишку с даром... или девчонку. Не суть важно. Изъять. И передать... пробудить. Барри

утверждал, что дар есть почти в каждом. И надо лишь пробудить. Дать искру, из которой возгорится пламя.

- Он был один?

- Говорят, что да, но... видишь ли, как по мне, так вряд ли. Барри... он, может, и неплохой теоретик, но вот обезболить. Изъять кусочек кости. Срастить ткани. Пересадить. Наблюдать за пациентом, которому явно понадобится помощь. И все это скрытно, и все это здесь... императорские псы землю носом рыли, но ничего не нашли. Никого не нашли.

Только это ничего не значит.

И почему Чарльзу никто и словом не обмолвился об этой истории.

- Я это к чему, - Манфред широко улыбнулся, выпуская колечко дыма. – Не оставляй жену без присмотра. А то ведь мало ли... дар у нее яркий, так? Вдруг да потянет кого на эксперименты.

- Спасибо, - глухо отозвался Чарльз.

- Не за что... братья своих не бросают.

- Что?

- Помнишь? Студенческое братство. И клуб наш. Я тебя принимал как раз... веселые были времена, - он снова засмеялся. – Как вспомню, как вы ректорские трусы стащить пытались...

- Лучше не надо...

- А Эльзу? Подавальщицу из «Шута и свина»? Её помнишь? И её тетку... - Манфред расхохотался. – Или как вы магией свинью ту...

Чарли улыбнулся.

Да, свинья, которую они протащили в сад многоуважаемого Кернвуда, была большой. Образцово показательной даже. С выставки они её и сперли.

И...

И не в ней дело.

И не в тех воспоминаниях, на которые Манфред намекает. А в чем-то совершенно ином и куда более опасном.

- Ты, наверное, иди уже, - Манфред вытащил часы. – А то старик ныне долго не засиживается... говорят, он себе новую игрушку прикупил. Да уж, время идет, а люди не меняются... ему бы уже о вечном думать, а он все о девках...

Чарльз поднялся.

- Спасибо.

- Я завтра загляну. И... если что, пригляжу.

- Буду рад.

А вот револьвер у Милли только один. Хватит ли?

- А жене привет передавай... кстати, если она согласится пожертвовать науке пару капель крови, благодарность моя не будет иметь границ.

- Только крови?

- Пока крови... - Манфред тоже встал. А к коньяку он и не притронулся. И стало быть, что бокал этот, что сигара, которая медленно тлела, что сама курительная, обставленная со сдержанной роскошью и немалым вкусом, лишь часть игры. – Тебе же не будет жаль, Чарли, подарить своим друзьям пару капель чужой крови?

Глава 22 В которой леди запускают шарик

Глава 22 В которой леди запускают шарик

Шарик поднимался и опускался.

Опускался.

Поднимался.

И это развлечение очень быстро надоело. А потому, когда в дверь постучали, я почти с радостью сползла с подоконника. Но револьвер прихватила. Так, на всякий случай.

- Кто там? – осведомилась я, притягивая шарик поближе.

- Багаж, леди! – бодро донеслось с той стороны.

Я дверь и открыла.

И паренек, который обнаружился за нею, попятился. Надо же, какой боязливый.

- Заноси, - велела я, отступая. И револьвер убрала.

В ридикюль. А шарик не стала, потому как мало ли, с виду парнишка хиленький и бледненький, но вот за ним вошел господин того солидного вида, который сам по себе подозрения внушает.

- Свободен, - сказал господин и парнишка спешно, даже чересчур спешно, убрался.

А господин, стало быть, остался.

- Милисента Диксон, я так полагаю? – поинтересовался он, оглядываясь.

- Ага, - сказала я, подтягивая шарик поближе.

Я, конечно, совсем даже не маг, но сдастся, если этим шариком да по лбу шандарахнуть, то мало не покажется.

- Лорд Шелтон, - господин чуть скривился. – Вы не будете столь любезны убрать это?

- Нет, - я выпустила еще один шар.

- Простите?

- Не буду.

- Почему?

- Не хочу, - я вернулась к подоконнику, но одно дело сидеть при Чарльзе, а совсем другое – при всяких там подозрительных лордах, что заявляются в отсутствие законного супруга.

Лорд извлек из кармана стеклышко на цепочке и в глаз вставил.

Ага.

Шляпа у него модная, котелком. Костюмчик с виду простенький, но я не дура, такая простота изрядных денег стоит. Сам встал, руки за спину заложил, покачивается, и на меня глядит.

Через стеклышко.

- Вы не боитесь, что структура дестабилизируется? – поинтересовался он пресветским тоном.

- С чего бы?

- Мало ли. Вы еще юны. И вряд ли способны держать концентрацию сколь бы то ни было долгое время. Тем более на нескольких объектах.

- А зачем её держать-то? – удивилась я. – Я ниточки держу. Но это чтоб не улетели.

У лорда щека дернулась.

- То есть, вы никак не контролируете... структуры?

- Почему? Я ж их держу вот, - я подергала за ниточки и шары затанцевали, приблизившись друг к другу. А лорд попятился. Экий он нервный. – Если б отпустила, тогда да... они б, может, и шандарахнули где.

- Гм... а вы не желаете... провести эксперимент? – осторожно осведомился он.

- Вы вообще кто такой?

- Я? – он моргнул. И стеклышко едва не выронил.

- Я честная женщина. Сижу. Мужа жду. А тут вы со своими... неприличными предложениями.

- Почему неприличными? – он слегка покраснел.

И даже не слегка.

- А разве прилично предлагать замужней женщине эксперименты с другим мужчиной? – я дернула шарики чуть сильнее, и они стукнулись бочками.

Заискрило.

- Осторожно! – лорд застыл.

А стеклышко окончательно вывалилось на пол.

- Милисента?! – матушка, как всегда явилась вовремя. – У тебя дверь открыта. А... мистер Шелдон?

- Леди Элизабет? – и этот тип окончательно покраснел. Так... так густо-густо. Выразительно. И спеси поубавилось. – Это... это не то, о

чем вы подумали!

- О, - матушка вдруг тоже слегка порозовела.

И с чего бы?

И... и почему вдруг я себя лишней чувствую. В своем же доме, между прочим. Ладно, почти в своем, но все равно лишней.

- Он мне эксперимент предлагает! – наябедничала я на всякий случай.

- Я просто... несколько обеспокоен... мне сказали, что у меня появилась ученица...

Ага, то есть, это он меня учить собрался?

- И я решил познакомиться, но не учел некоторых... особенностей ситуации, - с каждым произнесенным словом он становился краснее и краснее. – Я привык иметь дело с молодыми людьми. И... признаться не принял во внимание...

- Вы ничуть не изменились... во всяком случае в том, что касается правил этикета.

Робкая улыбка.

- И вы... все так же прекрасны.

Поклон.

И матушкин подавленный вздох. Ей хочется ответить, но... что? Что тут вообще происходит?

- Думаю, мое присутствие способно несколько... сгладить ситуацию, - матушка быстро взяла себя в руки. – Так что вы хотели?

- Эти... конструкты. Вы видите, сколько в них энергии? – краснота схлынула и тип стал прежним.

- Нет.

- Много. Это небезопасно! Если она их не удержит, то от этого дома ничего не останется.

- Милисента?

- Что?

Я втянула шарик. И второй. Третий остался, потому что энергии все-таки было многовато.

- Как вы вообще... ладно. Я хотел, чтобы леди проследовала на полигон и выпустила энергию, - сказал лорд и нагнулся, подняв стеклышко. Интересно, на кой ляд оно ему сдалось? Видит он неплохо.

- Мили?

- Почему нет, - я пожала плечами. В конце концов, надо будет, еще себе шарик сделаю. Или два. А тут и вправду интереснее, чем просто сидеть. – Куда идти?

- Прошу. Леди... - он замялся, но предложил матушке руку.

А она приняла.

Как интересно!

Но интерес я постаралась спрятать, сделав вид, что вот всецело шариком своим увлечена. Даже бровями пошевелила, работу мысли изображая. И глаза выпучила.

Матушка чуть нахмурилась.

Переигрываю?

Но так это для меня. А лорд-то – человек со мною незнакомый. И явно ждет, что я измаюсь, контролируя шарик. Нехорошо человека разочаровывать.

До полигона мы так и добрались, благо, к нему аккурат тропиночка вела. Вела и вывела...

Что сказать.

Пустыня, она как-то поживописней будет, что ли. А тут поле. Такое вот пустое огромное поле и все в яминах. Где-то вдали камешки стоят. А за ними будто развалины замка.

- Прошу, леди, - указали мне на это поле. – Бросайте.

- Куда?

- Туда. Вы, Элизабет, не волнуйтесь, я в любом случае удержу щиты... только леди...

- Милисента, - представилась я, раз уж он, мое имя назвавши, вдруг взял и позабыл.

- Леди Диксон, - поправился лорд. – Встаньте поближе. Прочность щита возрастает обратно пропорционально площади его.

Ну... допустим, у Чарли спрошу, что это значит. А пока я кивнула и подошла.

- Бросать? – уточнила я.

- Бросайте, - подтвердил лорд, маменькиной руки не выпуская.

Ну-ну... хотя... надо будет спросить Чарли не только про щит, но и про этого вот. Вдруг он тут такой весь из себя любезный, а дома у него жена и десяток детишек. Впрочем, даже без детишек жены хватит.

Я прищурилась. И притянула шарик.

Как его кинуть-то?

Просто толкнуть? Можно, но этак он далеко не улетит. Хотя... ниточка прочная, силы, я её чувствую. И шарик тоже.

Я легонько крутанула запястьем, с удовлетворением отметив, что шарик описал круг. Держится...

- Что вы делаете?! – лорд потянул было руку, но получил по ней от матушки.

- Не мешайте, - сказала она.

- Но... но это же... это дестабилизирует структуру!

Нифига подобного. Она у меня крепко намотана. Я еще когда на нитках натренировалась. Их же, если вещь какую распускаешь, сматывать в клубок надо сразу и крепко, чтоб выпрямились. Иначе потом намаешься. Ощувив прилив сил, я крутанула шарик сильнее.

Быстрее.

А теперь как из пращи. Хотя праща и есть. Поворот и пальцы разжать в нужный момент, позволив шару лететь к камням.

- Меня еще когда Эдди научил! – сказала я бледноватому лорду. – Я дома знаете как камнями кидалась?!

- Б-боюсь себе представить, - пробормотал он, провожая шарик взглядом. Эх, жаль, что легонький, не дотянет он до замка.

Вот шарик завис на мгновенье на середине поля.

И устремился вниз.

А потом гроыхнуло... так гроыхнуло, что по земле дрожь прокатилась. Следом же прямо из середки поля в небеса выплеснулся столп пламени.

И это я все?

Надо будет и вправду как-то поаккуратней, что ли.

Мы втроем стояли и смотрели на огонь, который не спешил истаивать. А потом лорд осторожно высвободил руку и тихо-тихо произнес:

- Он идиот.

- Кто? – тотчас уточнила я.

- Травер. Ему писал ваш муж. Просил заниматься с вами. Но... Травер скажем так... весьма скептически относится к женским способностям.

С небес посыпались искры.

Надеюсь, ничего не загорится. А если загорится, то я не виновата. Я сделала, что мне сказали.

- Поэтому вас поручили мне, леди. И... - в глазу опять появилось стеклышко. И мне показалось вдруг, что он прячется за этим самым стеклышком. От кого? Не от матушки. От меня?

От... прочих?

- И я рад нашему знакомству. И... вам, леди Элизабет. Счастлив видеть вас снова, - лорд отвесил поклон. Выдохнул и произнес. – А еще один сделать можете?

Я молча выпустила шарик из ладони.

Как-то вот так и насобачилась, что из нитки они там, прямо внутри свивались. Этот, правда, сделала поменьше. А то и вправду разрушу чего ненароком.

- Отлично. Кидайте.

- Туда?

Огонь прогорел. И на поле осталось черное пятно.

- Именно. Попробуем определить вашу емкость.

Чего?

Ладно. Молчу. Авось сойду за умную.

Лорд усмехнулся.

- Магу важна не только сила, но и выносливость. А за нее как раз отвечает резерв. То есть то количество силы, которое маг способен принять и преобразовать. Проще всего измерить резерв – опустошив его. Скажем, создавая одни и те же стандартизированные плетения.

А, так-то яснее.

- Я не знаю. Плетений. Вообще.

- Это я уже понял, - он стеклышко достал и протер. – Как полагаю, дар проснулся поздно?

- Там, где мы жили, - произнесла матушка тихо и, как показалось, виновато. – Не было никого, кто мог бы учить. Да и... изначально мы не видели в этом проблемы. Вы же знаете, Жорж, что женщин редко учат. И я думала, что дар, что... он просто погаснет.

Ага. А он вон ни хрена.

- Я так и понял. Сама эта практика, признаюсь, мне не по вкусу. Среди женщин много одаренных, пусть даже силой они обладают меньшей, нежели мужчины, но зато куда быстрее восстанавливаются. И резерв у них зачастую выше. Бросайте, Милисента.

Я и бросила.

Почти попала туда же, куда и в первый раз. На сей раз бахнуло чутка потише, да и столп был поменьше.

- И третий сделаю, - сказала я, увидев вопрос в глазах. – А вот четвертый слабеньким выйдет.

- Отлично.

Что тут отличного, не знаю. Но поверю.

- Стандартными плетениями мы бы вас три дня замеряли... никогда прежде подобного не видел.

- А что вы тут делаете? – бодрый голос Виктории Орвуд смутил матушку, заставив слегка отступить от этого лорда. А его опять за стеклышко взяться.

Этак он его насквозь протрет.

- Шарики запускаем, - сказала я.

Девушка Орвуд выглядела бодрой и раздраженной, а вот сестра её была весьма задумчива. И... и шляпка у нее сбилась, волосы растрепались.

Хорошенькая, если подумать.

- А они лопаются. Там, - я махнула на поле, над которым исходило жаром черное пятно. И подумалось, что да, что-то с этими шариками делать надо, а то ведь пока-то я контролирую, но оно по-всякому стать может. И тогда... от человека если, то и костей не останется.

- А вы гуляли? – поинтересовалась я. – Это вот профессор... Шелдон.

Профессор поклонился, не спуская с девиц Орвуд настороженного взгляда. Небось, с папенькой их знаком.

- Виктория, - Виктория присела. – А это моя сестра, Эва...

Точно, хорошенькая, даже растрепанною. И не ведьма.

Зачем Эдди ведьма?

И надо как-то... не знаю. Подруг у меня никогда не было, потому понятия не имею, как ими обзаводятся. Но вот поближе бы сойтись.

Узнать, что она про Эдди думает.

Смотреть на него смотрит, и он на нее поглядывает. И... и наверное, не стоит лезть не в свое дело. Но и не влезть в него не получится. А то он же ж гордый. Наберет в голову всякое дури, а девушка-то славная.

Уведут еще.

- Значит, вы нас учить станете? – поинтересовалась Виктория Орвуд, глядя как-то так, из-под ресниц, что прямо руки зачесались затрепину отвести.

- Пока не знаю. Моему вниманию поручена леди Диксон, - ответил профессор, оглянувшись на матушку. – Но... не имел чести... вы тоже с даром?

- Ведьмы, - она ресницами взмахнула и желание мое стало почти невыносимым.

- Ведьм не существует. Это ненаучно.

- Как скажете.

- Стало быть, активного дара нет? Боюсь, тогда вопрос вне моей компетенции...

- Дамы, - матушка произнесла это строго и сухо. – Думаю, нам стоит вернуться. Не следует злоупотреблять вниманием профессора.

Ну да. Я так и поверила, что дело только в этом.

Определенно, учеба в университете обещала быть куда интереснее, чем мне представлялось.

Глава 23 О ночных приключениях

Глава 23 О ночных приключениях

- Ты куда? – зашипела Эва. Но Тори лишь отмахнулась.

- Если хочешь, то сиди себе, - сказала она, перекидывая ногу на ту сторону.

А ведь подоконник не такой и широкий.

- Дверь есть!

- Ага, и сигналка на ней, - фыркнула сестрица, склонившись, точно хотела разглядеть что-то на той стороне. – Только тронь и сразу маменька явится.

В этом был смысл.

- А так, думаешь, не узнает? – Эва уперла руки в бока, как это делала старая Тесс, когда еще экономкой работала.

- Если ты не расскажешь, то не узнает.

- А я не расскажу?

- Конечно, нет. Ты же со мной отправишься, - Тори поерзала, примеряясь, как бы спрыгнуть.

- Я?!

- Ну ты же не бросишь бедную сестру одну в таком страшном месте!

Бросить хотелось.

А еще больше хотелось открыть дверь, чтобы сигналка сработала. И матушка пришла поинтересоваться, кому это приспичило прогуляться в двенадцатом часу ночи. Но Тори не простит.

И хуже того, в следующий раз вообще улизнет тишком.

- Ну же, решайся! – Тори очаровательно улыбнулась. – Мы ведь когда-то мечтали о приключениях!

- Я уже наприключалась, - буркнула Эва.

- Вот видишь, у тебя и опыт имеется.

- Ты... ты... ведьма!

- Ага, - Тори легко скользнула в темноту и уже оттуда раздался тихий голос её. – Решайся давай, я ждать не стану!

Вот ведь... действительно ведьма.

И как быть?

Эва прикусила губу. Вздохнула, понимая, что вариантов на самом деле не так и много, а потом стянула с вешалки шаль. Лето близилось к завершению, и по вечерам становилось прохладно.

А подоконник оказался не таким и надежным.

Узким.

И скрипит еще так, словно вот-вот рухнет. И... и внизу темно. Не разглядеть, где земля.

- Тори! – тихо позвала она.

Тишина.

Никого. И... и балуется? Она вот всегда так, еще раньше, затаится, спрячется, а потом смотрит, как Эва её ищет. Эву это дико злило. Но сейчас вместо злости она ощутила страх.

Не дождалась?

Ушла?

Вот так, в темноту? Она же... она не знает, какие в темноте скрываются чудовища. И надо бы прыгать, но тоже страшно, потому что совершенно не видно, куда прыгать.

И высоко.

И... и если она ногу сломает?

Вывихнет...

Эва повернулась спиной к окну и попыталась лечь на живот. Тотчас подоконник заскрипел сильнее обычного, и... и чья-то рука вцепилась в ногу и дернула.

Эва едва не завизжала.

- Тихо ты! – шикнула Тори. – Какая же ты все-таки...

- Какая?

- Копуша.

- Какая уж есть.

А на самом деле не так и высоко. Только...

- Назад мы как вернемся? – уточнила Эва.

- Через дверь.

- Она же заперта! Изнутри. И... и вообще...

- Да ладно тебе, ты когда злишься, такая смешная...

Ведьма. Все-таки ведьма – это не просто слово, а еще и характер, за который одну весьма конкретную ведьму убить хочется.

- Ну и чего тебе не спится? – проворчала Эва, озираясь.

В темноте все выглядело иным. Незнакомым. Черная стена кустарника. Деревья одинокими стражами. Домики кажутся низкими, какими-то искривленными.

Уродливыми.

- Сама не знаю, - задумчиво произнесла Тори. – Просто... как будто тянет.

- Опять?!

- Не так. Иначе. Там... там совсем. Он ведь еще не очнулся?

- Берт не говорил. Точнее говорил, что не очнулся. Мне жаль.

- Да ладно. В конце концов, это ж не мое дело, - Тори сказала это как-то не слишком уверенно. – Просто от него... такое вот... а тут другое. Совсем.

- Очень понятно.

- Можно подумать, ты понятно говоришь, - Тори прижала палец к губам, и пришлось замолчать. Если она и вправду что-то важное почуяла? Надо бы Берта позвать... но искать его где? Матушку? Она не поймет и просто-напросто запретит ходить.

Тем более, что не понятно куда.

- Нам туда, - Тори решительно направилась к кустам.

- Постой!

Эдди? Он ведь где-то тоже тут. Рядом.

Но...

Тори идет.

И ждать она не станет. И вообще она к Эдди относится... с насмешкой. И лучше так, чем как если бы... она ведь ведьма. И красивая. В книгах если, то ведьмы всегда были роковыми красавицами, которые заставляли забыть об истинной любви.

На время, конечно, потому что любое заклятье рано или поздно распадалось, но...

Нет, Эдди звать она не станет.

И лучше бы им с Тори пореже встречаться. Потому что... просто потому что.

Вот.

Эва подхватила юбки и бросилась за сестрой.

- Ты же не собираешься ломиться через кусты... - она перехватила Тори у самой ограды.

И та вздрогнула. Повернулась...

- Это ты, - выдохнула Тори.

А глаза у нее черные. И светятся. Едва-едва, но все равно жутковато.

- Я, конечно, - Эва заставила себя выдержать этот взгляд. – Идем. Тут рядом должен быть выход на дорожку. И я с тобой, хорошо?

- Не уверена, - Тори повела плечом. – Луна сегодня... полная.

- И что это значит?

- А мне откуда знать. Но мне танцевать хочется. И еще идти. Я... я чувствую здесь что-то. Близко. И далеко. Странно так. Понимаешь?

- Нет.

- И я, - вздохнула Тори и сама вцепилась в руку. – Идем. А то и вправду хватятся, искать начнут. А оно нам надо?

Эва подумала и согласилась, что вот несколько не надо.

И поспешила за сестрой. Благо, та все-таки сумела выбраться на дорожку. Сперва Тори шла по ней, потом свернула куда-то вбок, на едва заметную тропинку. Та вилась между деревьями, тянулась становясь все более тонкой. И домашние туфли промокли от вечерней росы. Тори нырнула под ветки какого-то дерева. И второго.

Третьего.

Деревьев становилось все больше, словно... словно они попали вдруг в лес.

В странный и страшный лес, из тех, что бывают лишь в сказках. Но они же выросли... выросли они. А лес? Нет, надо успокоиться. Это не лес, а парк.

В Университете.

Парки бывают очень большими, и просто где-то деревьям позволено расти вот так... и не только деревьям. За шаль зацепились тонкие ветви шиповника.

- Тори, - Эва дернула за руку. – Погоди немного...

Она дернула шаль, но ветви лишь натянулись, а одна, особенно длинная, скользнула по шее.

- Ай! Тори!

Пальцы соскользнули с влажного запястья.

- Тори! Стой! Не смей уходить!

Эва дернулась, выбираясь из объятий шали, мятой тряпкой повисшей на кустах.

- Подожди!

Белое пятно мелькнуло впереди.

Близко.

Только...

Нога угодила в расщелину, и ступню обожгло сперва холодом, а потом и болью.

Ручей? В любом заколдованном лесу должен быть ручей. И зачарованный. Но надо выбираться. Эва вытасила ногу и попыталась наступить. Больно! Как же больно... и она стиснула зубы, сделав шаг.

Кричать?

Звать на помощь?

Кого?

Возвращаться... какая же она дура, что опять позволила втянуть себя в это вот приключение. Но... пятно впереди почти исчезло, растворившись в ночи.

Надо.

Идти. Надо. Потихоньку. Если ставить ногу осторожно, то она...

Она сумела сделать три шага прежде чем снова провалилась. И покатила с высокого берега. Ручей, вильнув, вернулся, правда, теперь он стал шире. И черная вода поблескивала, отражая лунный свет. Крутые берега поросли жесткой осокой, за которую Эва попыталась ухватиться.

И завывала от боли.

Осока разодрала руки. Кровь... запахло кровью, и запах этот показался вдруг невероятно резким, будто Эва не пару капель уронила, а...

Мир вдруг задрожал.

- Нет! – Эва поспешно встала на четвереньки. Её рубашка пропиталась водой и жирной черной землей. Кажется, где-то прилипли и травинки. – Нет, нет и нет...

Ей нельзя туда.

На другую сторону.

Никак нельзя. Надо... надо встать. И вернуться. Или Тори найти. Или...

Она не успела додумать, как её подхватили, дернули, почти вытаскивая из влажной теплой земли.

- Вот ни на минуту тебя оставить нельзя, - проворчал Эдди.

А Эва расплакалась от облегчения. И даже с готовностью согласилась, что да, то есть нет. Или все-таки да. Но она, она больше не хочет оставаться одна.

- Ты... ты за мной следил? – выдавила она сквозь слезы.

- Приглядывал.

- С-спасибо.

- Да не за что. Стало просто интересно, что это вы затеяли.

- Не мы, - Эва быстро-быстро заморгала, пытаясь унять слезы. Оно, конечно, бесполезно.

И еще выглядит она ужасно.

- Это... Тори. Она... она сказала, что чувствует что-то. И надо идти. И... и что сегодня полнолуние. А почему это так важно, не объяснила. Наверное, и сама не понимает.

Страх отступил. А вот мокрая рубашка осталась и прилипла к коже. Холодно. А еще... еще лучше не думать о том, в каком тут Эва виде.

- Твое? – на плечи упала мягкая шаль. – Идти сможешь?

Эва мужественно кивнула и даже постаралась сделать шаг.

- А... А Тори? – пискнула она, когда её на руки подхватили.

Только еще подумалось, что ни в одной книге героиню столько на руках не носили, как вот её.

- Я, конечно, хороший охотник, но найти ведьму в лесу, в полнолуние... - Эдди покачал головой. – Вернется.

- А если нет?

- Тогда и будем искать.

- А... а вдруг с ней что-то случится? Вдруг она встретит кого-нибудь?

- Это будут не наши проблемы.

- А чьи тогда?

Эдди шел широким шагом, и лес больше не казался таким уж густым. В самом деле, что это Эва себе придумала? Парк ведь. Парки бывают разных стилей, ей рассказывали, и...

- Того, кто встретит. Знаешь, у нас там считалось, что встретить ведьму в полнолуние – это не к добру. Хотя... вообще встретить ведьму – так себе примета.

Эва сидела тихо-тихо.

Потому что мокрая рубашка парадоксальным образом становилась еще более мокрой, и шаль от нее тоже набиралась мокроты. И во всем этом было холодно.

Эдди, конечно, теплый, но...

- Её нельзя бросать, - сказала она, хотя искушение было преогромным. – Она... она ведь тоже ничего не знает. И не умеет. И если кто обидит...

- Я поищу, - пообещал Эдди. – Но сперва с тобой разберемся.

Стало и радостно.

И грустно.

Потому что в самом деле полнолуние. И луна круглая-круглая, как монета. Поблескивает на небесах масляно, а вот звезд почти и не видать.

Тихо.

И в тишине этой слышно, как стучит сердце Эдди. И её собственное тоже. И от этого стука становится так уютно, что... что не хочется отпускать его. Ни в лес, ни вообще.

- Ты... ты куда? – она очнулась уже у домиков. – Мы там...

- Ногу поглядеть надо, - Эдди открыл дверь. – Эй, остроухий, воды нагрей. И полотенец найди. Одежды, извини, под тебя нету, но уж как оно есть. Вытереться надо. И растереться. Если хочешь, Милисенту позову.

- Нет! – поспешно замотала головой Эва.

От одной мысли, что её увидят в подобном виде становилось дурно.

- Я сама! Я...

- Вот и отлично.

В его доме пахло хлебом и еще...

- Элайя! – этот гулкий голос заставил подпрыгнуть не только Эву, но и Эдди. – Мне казалось, я и твоя достойная матушка воспитали тебя правильно!

Эва зажмурилась.

- И ты знаешь, что воспитанные люди по ночам спят, а не лазают не пойми где.

Голос приближался.

- И уж точно не тащут в дом сомнительных девиц.

Стало обидно.

Очень.

- Хватит, - Эва опять вздрогнула, потому что не представляла, что Эдди может говорить вот так, строго. – Ей помощь нужна, видишь?

Фыркнули.

А Эву усадили на что-то мягкое. Кажется, кровать.

- Вон, замерзла вся... и промокла. Еще простынет.

- У меня – не простынет, - сказала та ужасная женщина и Эва сразу ей поверила.

- Хорошо, что ты тут...

Хорошо?

- Присмотри. И она ногу подвернула. А мне уйти надо.

- Куда?

- За второй.

- Тебе одной мало?

Отвечать Эдди не стал, а потом... потом вовсе ушел. Ушел и бросил. Эву. Наедине с этой вот. С этой...

- Только глупые девочки думают, что одеяло способно спасти их от монстров, - сказали Эве назидательно.

- А оно не спасает? – Эва решила открыть глаз.

- Молитва. И здравый смысл. Здравый смысл способен спасти очень от многого. А от остального поможет молитва, - заявила Эве женщина, которая... которая была, пожалуй, больше Эдди.

Ширше.

И внушительней. И...

- Мне его не хватает. Здравого смысла, - со вздохом призналась Эва, чувствуя, как зубы начинают стучать друг о друга. – Но я не могла отпустить её. Она бы не послушала. А если позвать кого, обиделась бы и потом...

Эва махнула рукой.

- Рубашку стягивай, - велели ей и, не дожидаясь, пока Эва сама разденется, потянули за подол. – Юная леди, а извазюкалась, что поросенок...

- Я случайно. В ручей упала.

- А сестрица твоя?

- Она шла... и шла... шаль зацепилась. За шиповник. Я думала вытащить, а то холодно. Но она запуталась. И Тори ушла. Я за ней, а там ручей. И нога вот...

- Бестолочь, - сказали это почти ласково. – Эй, остроухий, где вода?

На Эву упало огромное полотенце, такое мягкое, теплое... и руки женщины принялись тереть её. Сперва было больно, так, что прямо до крика, но Эва стиснула зубы.

- От и хорошо... первым делом кровь разогнать. Волосья тоже вычесать, помыть бы, но такие до утра не высохнут, - женщина ворчала, но как-то не зло.

И в её руках действительно холод отступал.

Дышать становилось легче.

А зубы стучать перестали.

- На от, - Эве протянули рубашку.

И... было стыдно.

- Я лучше домой, - она попыталась встать и ойкнула. Нога, которая только вроде бы слегка ныла, разболелась вдруг по-настоящему. И так, что прямо до слез на глазах.

- Сиди, - её толкнули на кровать и в рубашку завернули, а потом и в одеяло. – Нагулялась уже. Маменьке бы вашей сказать, юная леди.

- Не надо!

- И чтоб розог всыпала, а то ишь... сегодня ногу, а завтра и шею свернешь. Дурное дело – нехитрое.

Горячие пальцы ухватили за щиколотку. Сжали. Повернули ногу влево и вправо. Осторожно, так, что и боли Эва почти не ощущала.

- Не перелом. Так, потянула чутка. Тебе бы недельку в постели...

- Завтра на занятия, - Эва почувствовала, как начинают гореть уши. Это же получается, что она все пропустит? И... и маме врать придется.

- От про них бы и думала, а то ишь... ничего, сейчас мы...

Она отступила, и перед кроватью, на которой сидела Эва, появился мальчишка-сиу. Он тоже сжал ногу и сказал что-то совсем уж непонятное.

- Думаешь? – поинтересовалась женщина.

Мальчишка закивал и что-то добавил. И опять Эва не поняла. Только ногу попыталась забрать, но тонкие темные пальцы сдавили щиколотку.

- Ай! – внутри что-то хрустнуло. И стало больно.

Очень.

Эва стиснула зубы, правда, боль очень быстро прошла, а на ногу легла влажноватая тряпка.

- Посиди, - велели ей, будто у Эвы был еще какой выбор.

И сиу исчез. И эта пугающая женщина тоже, правда, ненадолго. Вернулась она с миской, которую сунула Эве.

- На от, поешь, а то глядеть тошно, до того тощая.

Спорить Эва не стала, потому как ужин был давно, и... и пахло мясной похлебкой одуряюще. А еще и сухая лепешка пришлась к месту.

- От так... тебя что, дома не кормят? – женщина двигалась мягко, но в то же время весьма ловко.

- Леди... должна проявлять умеренность. И быть изящной. Бледной, - вздохнула Эва, глядя на миску. Следовало бы отказаться.

Кто ест посреди ночи?

И вернуться к себе. Лечь в постель, придумать какое-то внятное объяснение, что она, Эва, взяла и споткнулась... вот так на ровном месте и споткнулась.

С нею ведь случается.

- Ешь, кому говорят, - прикрикнула женщина, и Эва послушно зачерпнула густое варево.

Вкусно.

До чего же...

А сиу вернулся с каким-то ящичком, в котором обнаружились склянки. И чашку поставил, стал что-то смешивать, одному ему понятное. Главное, ворчал при этом, а что... явно неодобрительное.

Когда пальцы сиу снова сжали щиколотку, Эва застыла, ожидая новой боли. Но мальчишка принялся втирать в кожу мазь. И от нее было сперва холодно, а потом тепло. И тепло это проникало внутрь, убирая боль.

Хорошо.

И сыто. И... и кажется, у нее глаза слипались. Она честно не хотела спать. Не в чужом же доме. И точно не в чужой кровати. Тем более, что Тори не вернулась.

Надо её дожидаться.

Убедиться, что с нею все в порядке, и тогда уже... спать. Дома. Несомненно, дома... дожидаться... вернуться...

Ресницы отяжелели.

- Что ты ей там намешал, длинноухий? – чьи-то руки осторожно вытащили миску. И Эва почувствовала, как её укладывают.

Она тонет в перине.

Тонет-тонет и не утонет.

- Оно-то да, только девонька тебе спасибо не скажет. Ишь, леди... тощая, кожа да кости. Куда такую замуж брать? С первым же дитем отойдет... не, сперва надо, чтоб мясца наела. Но тут-то я пригляжу. И ты у меня смотри.

Что ответил сиу, Эва не услышала.

И ответил ли вообще.

Она все-таки утонула в перине, под тяжестью пухового облака. Только и успела подумать, что спать она не станет, так, полежит минуточку и все. Тори дождется.

Обязательно.

А замуж... замуж её точно никто не возьмет.

Глава 24 Где ведьма танцует и случается полнолуние

Глава 24 Где ведьма танцует и случается полнолуние

Эдди вернулся на место, где нашел девчонку.

Вот ведь, неугомонная. И главное, повезло, что он их заметил. А ведь спать уже собирался, но потянуло на улицу за какой-то надобностью. Там и увидел этих двоих.

Ведьма, чтоб её.

Эдди нахмурился и покачал головой. Надо будет сказать пару слов Бертю, пусть побеседует, а то ведь место такое... ведьма там или нет, но вляпаться здесь, как ему чуялось, можно запросто.

А эта...

Через ручей он перемахнул с легкостью. Там остановился, вслушиваясь в ночь. Тишина. Слегка поскрипывают деревья. Ветерок перебирает тонкие ветви ив. Шелестит листва. Пахнет цветами, землею и лесом. Почти настоящим.

Еще не диким, но уже и не парком с его выверенными дорожками, выстриженными кустами и прочими забавами.

Куда идти?

Сломанная ветка.

След на земле.

В темноте различить непросто, но Эдди – хороший охотник. И сам воздух хранит тонкую нить ведьмино аромата. Она куда как надежнее любых дорог.

Только что её потянуло?

Вглубь.

Сквозь кусты, на ветвях которых остался длинный волос. И клочок белой ткани. Через камни, что встают на пути рукотворной преградой. На мшистых их боках видны свежие ссадины – здесь она оперлась ногой. А вот там попыталась зацепиться. И на мхе тает след пятерни.

Длинная полоса – нога соскользнула.

Этак она шею себе свернет.

Вот ведь.

Эдди обошел груды, благо, была она не так велика. Странно, что ведьма полезла наверх. Или она в мореке? Не соображает, что творит?

Тогда совсем хреново.

Он увидел её на поляне.

Странное место.

Ровный круг, будто вычерченный кем-то. И деревья не решаются пересечь его границу, разросшийся задичавший шиповник и тот держит ветви при себе. Трава в лунном свете кажется черной, и в ней белыми звездами сияют цветы лунного лютика.

Недаром его ведьминой травой величают.

Ведьма стоит в круге.

Волосы рассыпались по плечам. Белая рубашка разодрана и измазана. А девчонка, кажется, не в себе. Стоит. Покачивается. Словно музыку какую слушает. Вот подняла руку в небо, и широкий рукав соскользнул. Вторую.

Голову задрала.

Так и есть. Не в себе. На лице гримаса. И не понять, то ли рассмеяться она готова, то ли разрыдаться. Глаза раскрыты, а в них луна плещется. И улыбка эта, совершенно безумная.

Она шагнула.

И еще.

Повернулась, начиная танец. А потом побежала и подпрыгнула, чтобы упасть на траву и в ней покатиться, сминая лютики. И над цветами, над поляной задрожало марево силы.

Твою ж...

Могли бы предупредить, что место непростое.

Хотя... сами не знали? Ведьмы – это ненаучно? Хрен вам, а не наука... лютики звенели, и ткань мира истончалась стремительно. Вот поползли первые разрывы, теперь Эдди их видел. И рука сама потянулась к дудочке. Цветы... здесь, на изнанке, они крупнее. И поднимаются на тонких ножках. Лепестки полупрозрачные, словно из стекла отлиты.

И ведьма касается одного за другим.

А они звенят. И вправду стеклянные. Над чашечками вырастают облачка силы, а та тянется, уходит к ведьме.

Надо...

Поздно. Ведьма поворачивается. Её лицо белым-бело, а глаза – что провалы.

- Ворон, ворон, - голос её похож на карканье. – Ты пришел за мной, ворон?

- Вроде того.

Круг слабо светится. И тянет отступить. Он сумеет выбраться, найти путь. Но стоит почему-то.

- Думаешь, если будешь там, я до тебя не доберусь?

- А тебе надо? Добираться? – уточнил Эдди.

- Не знаю, - она поднялась, а потом зачерпнула лунного света, смешанного с пылью ведьминых цветов, и отерла этим лицо. – Ты интересный. Иди ко мне. Поцелую.

- Спасибо, как-нибудь обойдусь.

- Я ведь красивая? – она повернулась боком, изогнулась, подражая когда-то увиденной позе.

Получилось нелепо.

- Красивая, - согласился Эдди.

- Тогда в чем дело?

- Домой пора.

- Кому? Мне? Нет, ночь ведь лунная! Полнолунная! Так и хочется танцевать! – ведьма крутанулась, расставив руки. – И сила... её столько... я знаю, кто ты. Ты нравишься моей сестрице. Она дура. Всегда была.

- А ты, стало быть, умная?

- Да. Или нет. Не знаю. Все так... смешалось. Мне нравится её дразнить.

Ведьма резко села.

- Где я?

- В круге.

- Это я вижу. Что за место?

- Круг силы.

- Моей?

- Думаю, что не только, - Эдди опустился на траву. Он все еще предпочитал держаться по ту сторону границы. – Когда-то здесь что-то было.

- Везде что-то да было, - фыркнула ведьма и стянула рубашку. – Так-то мне больше нравится!

Её кожа была бела, слишком уж бела. И... лучше бы не смотреть, но не смотреть не выходит.

- А хочешь... хочешь, я поделюсь с тобой? Силой? Или собой? Разрешу сделать то, что делают с женщинами мужчины. Не думай. Я

видела.

- Завтра тебе будет стыдно.

- Вряд ли, - ведьма хихикнула. – Я ведь ведьма! А ведьмам не бывает стыдно. Но ты боишься, да? Кого? Моей маленькой занудной сестрицы?

- Нет, не её.

- А чего?

- Того, что она огорчится. А мне не хочется её огорчать.

Смех у нее похож на карканье.

- Ты влюбился?

- Еще нет. Но, наверное, могу.

- А в меня?

- Вряд ли.

- Почему? Мы ведь так похожи... почему не я? Я ведь лучше! Я всегда была лучше! И буду.

- Это не имеет значения.

- А что имеет?

- Если бы я знал, - Эдди погладил дудочку. – Я тебе тоже не нужен. И ей ты навредить не хочешь. Пока. Потом... потом я найду способ защитить её. И от тебя в том числе. Если ты не сумеешь справиться.

- С чем?

- С силой. Это она в тебе колобродит. Или ты с ней сладишь, или она с тобой.

Ведьма нахмурилась.

- Места... всякие бывают. Возможно, тут храм стоял. Не человеческий.

- А бывают такие?

- Отчего нет. Пусть даже на храмы и не похожи, но... сюда приносили жертвы.

- Человеческие?

- Может и так, а может и нет. Жертва – это дар, а уж что дарить, сам думай, - Эдди погладил дудочку. – Но приходили многие. И дары их, судя по всему, принимались. Место помнит. И хранит отголоски силы. А может, здесь когда-то погиб кто-то сильный. Очень и очень сильный...

...или уснул, как то существо, что пряталось под городом.

- Маги должны были почуять.
- Глазами не увидать музыку, а ушами – картину. Маги видят свою сторону силы. У ведьм другая. Я так думаю.
- И поэтому я здесь?
- Тебя позвали. И ты пришла.
- Кто позвал?
- А мне откуда знать, - Эдди скрестил ноги. – Это ты сама услышать должна. Я ж не ведьма.

Она крутанулась, нарочито медленно, позволяя разглядеть себя. Ладони скользнули по животу, по груди.

- Прекрати, - попросил Эдди. – А то я уйду.
- Уходи.
- И позову твоего батюшку. Как ты думаешь, ему понравится?
- Ты его найди сперва.
- Или вот Берта... с ним проще. А то и вовсе матушку.
Ведьма скривилась.
- Скучный ты.
- Какой уж есть.
- А ты и вправду бастард императора?
- Что? – Эдди хмыкнул. И совершенно честно ответил: - Нет. Но в это не поверят.

- Почему?
- Потому что людям нравится верить в сказки. Или не в сказки, но в истории, которые на них похожи. А еще понимать, что кто-то другой тоже грешен.

- Сыграй, - попросила ведьма. – Пожалуйста.
- Эта не та дудочка...
- Не та. У тебя есть еще одна. Я... чувствую, - она наклонилась, потянулась всем телом, и волосы скользнули по обнаженной спине.

Все-таки не стоило идти сюда одному.

Эдди молча достал вторую дудочку.

- Она... не думаю, что на ней теперь можно сыграть, - он погладил потемневшую кость. – Когда-то давно она служила шаману. Сильному, я думаю. Но его убили. А она попала в грязные руки. И все одно пыталась служить.

Ведьма заворуженно уставилась на дудочку.

Да она и дышать-то перестала.

- Она забрала много жизней. И душ. И грязи. И теперь вот... сломать её – неправильно. Она живая. Это как убить собаку за то, что хозяин у нее дерьмовый. Но и играть на ней я не рискну.

- Дай, - рука протянулась за черту круга. – Дай же!

Ведьма выкрикнула. И голос её заставил ветер закружиться. Зазвенели стеклянные цветы, а пыльца их поднялась облаком.

- Дай, она моя... моя она!

Не самое умное решение. И ведьма молодая, бестолковая, и дудочка такая...

- Это не игрушка, - предупредил Эдди.

- Я знаю. Просто... это мое! Понимаешь? Я вижу. Я... что ты хочешь? Я все отдам. Меня. Сестрицу мою... все, что только попросишь.

- Оденься, - попросил Эдди.

- И тогда дашь?

А в глазах безумный блеск. Но не в этом дело, а... в том, что и дудочка хотела к ней. Эдди чувствовал её тоску, её боль.

И надежду.

Ведьма-шаман? Бывает такое?

- Попробуй. Но если не выйдет, я её заберу. А вздумаешь дурить, то и тебе горло перережу.

Произнес он это спокойно. И так же спокойно положил дудочку на край круга. И отступил.

Ведьма натянула грязную рубашку, и волосы спутанные за спину забросила. Дрожащие пальцы её коснулись дудочки. Замерли, будто прислушиваясь, будто не веря, что им и вправду можно.

А потом она схватила.

Прижала к груди.

Закрыла глаза. И поднеся к губам, тихонько дунула.

Стон-плач пронесся над поляной, и второй, и третий. Вот шепот. И почти крик, на грани слышимости, но такой, что душу наизнанку выворачивает. И усидеть получается с трудом.

Снова шепот.

Спор.

Ведьма кружится по поляне, и волосы её разлетаются шелковым покрывалом, в котором прорастают белые звезды лютиков.

Ведьмин цвет.

Ведьмин танец.

Ведьмина ночь.

Она замерла, покачнувшись, а потом молча, разом утратив силы, опустилась на землю. И мир стал прежним. Он, еще хранивший эхо этой песни, замер. Ни звука. Ни шороха.

Ничего.

Эдди поднялся и переступил границу.

Ведьма оказалась довольно увесистой. Эдди перекинул её через плечо, подумав, что, если кто его заметит, объяснить происходящее будет трудно.

А дудочку она так и не выпустила. И даже беспамятная, сжимала крепко.

Мамаша Мо только хмыкнула. И глянула так, выразительно.

- Не бросать же её было, - Эдди хотел было сбросить ведьму на кровать, но увидел, что та занята.

Эванора Орвуд сладко спала, сунув под щеку ладони. Она завернулась в одеяло и...

- Матушку позови. Пожалуйста. Если еще не легла.

- Нечего беспокоить, - отмахнулась Матушка Мо. – Вона, туды клади. Сейчас обмоем... ишь ты, взаправдашняя ведьма. С ведьмами не связывайся. Дурковатые они. Иди он, поешь. А после отнесешь. И я с ними останусь, пригляну, чтоб чего не случилось...

Почему бы и нет.

Глава 25 В которой джентльмены приветствуют леди

Глава 25 В которой джентльмены приветствуют леди

Не скажу, что я так уж сильно волновалась. Нет, волновалась, конечно, не без того, все-таки первый день учебы, но не до огненных шаров. Так, слегка в душе поскребывало недоброе предчувствие.

Такое вот...

Но я честно сказала себе, что я не трус. И револьверчик в ридикюль сунула. Не трусить с револьвером как-то морально проще, что ли.

- Все будет хорошо, - уверил меня Чарльз, правда, как-то так слишком уж бодро. Значит, сам в это не верит. И вздохнул, поняв, что я поняла. – Надеюсь. Если вдруг... пожалуйста, просто уходи. И... Эдди там будет.

- А ты? – я нахмурилась.

- Эдвин прислал записку. Просит встретиться. Что-то донельзя срочное. Он бы не стал меня дергать просто так... а с тобой вот девочки будут.

Ага. Особенно та, которая ведьма, своим присутствием успокаивает.

- И леди Элизабет...

- Еще мамашу Мо возьмем, - пробурчала я, больше для порядку, чем и вправду из обиды. – Ну, чтоб совсем не расслаблялись.

- Это да, - Чарльз улыбнулся. – Это будет аргументом... профессор написал, что счастлив будет с тобой поработать.

- Ага... - я задумалась.

Спросить?

Или все-таки не мое дело?

- Ты его знаешь?

- Не особо. Я, честно, надеялся, что Травер с тобой поработает. Он меня учил, но... что-то у него не выходит. Дела какие-то, - и взгляд в сторону, стало быть, прекрасно знает, какие раз такие у него дела. Ну да я не в обиде. В каждом амбаре свои мыши. – Но мне рекомендовали его как неплохого специалиста. Ответственного. Порядочного. Он здесь третий год всего.

- А раньше?

- Вроде бы на границе был. Хотя, конечно, на боевого мага не слишком похож.

Ну... мне-то, чай, все равно, похож или нет. Да и Чарли сам-то не особо впечатляет с виду.

- А он женат?

Матушка всегда говорила, что особо интересующие вопросы надо задавать словно бы невзначай.

- А тебе зачем? – Чарльз подобрался.

Значит, не получилось невзначай.

- Да мне не для меня... понимаешь... тут...

Приподнятая бровь.

- Они с матушкой, кажется, были знакомы. И теперь... я не уверена, конечно, и не собираюсь в это лезть...

Бровь приподнялась еще выше.

- Честное слово, не собираюсь! Но она как-то так на него смотрела! Как-то так, совсем не так! И он на нее тоже. Ручку предложил. И потом еще просто...

- Я узнаю, что он за человек, - Чарльз не стал смеяться. Спасибо ему за это. – Главное, ты... ты Эдди ничего не говори.

Это я понимаю.

Не дура.

Нет, убивать Эдди не станет, но полезет сам выяснять, что да как. А такта у него еще меньше, чем у меня. Силы же, что характерно, побольше. И как бы не сбеж профессор.

- Пора, наверное, - я поднялась. И уточнила. – Слушай... а как тебе та девочка, из Орвудов? Эва?

- В смысле?

- Ну... она довольно миленькая...

- Милисента!

- Вот матушка точно также говорит, когда думает, что я пакость затеяла. Или уже... я ж не для себя. Мне кажется, или она на Эдди так поглядывает, со смыслом? И он с ней... спокойный. То есть он и сам по себе спокойный. Он ведь со мною жил. Нервы тренированные. Но... как-то обычно он девиц избегает... нормальных, в смысле. А тут вроде бы и нет.

Я замялась, не зная, как продолжить.

- И... подумалось, что если он ей глянется... и она ему. Он же теперь граф?

- Мне кажется, об этом думать рано, - осторожно заметил Чарльз.

Ну да. Оно-то так. Рано. Да только как бы поздно не вышло.

Хорошая ж девица. Как бы не увели. Особенно тут, где девиц мало, а всяких проходимцев полно.

- Кроме того... понимаешь, титул, он ведь не только преимущества дает, но и ограничивает. Эдди не сможет жениться без высочайшего дозволения. А Его императорское Величество будет руководствоваться явно не личной симпатией. И жену выберет исходя из интересов Империи.

Ага.

Ну вот без правильной жены у Эдди Империя возьмет и развалиться. Впрочем... о женитьбе говорить пока рано. Да и Эдди какими-то там интересами Империи не остановишь.

Раз леди Орвуд, два леди Орвуд и три леди Орвуд. Матушка тут же. Ну и я, конечно. На матушке строгое платье из темно-зеленого атласа, украшенное брошью-камеей из розового сердолика.

Леди Орвуд, которая старше, в платье темно-синем. И брошь у нее белая.

Нефрит?

Похоже. Я не настолько в камнях разбираюсь. Но смотрятся они с матушкой весьма схожими. Прямо как сестрицы Орвуд, только чутка постарше. На девицах же легкие летние платьюшка в полоску. На одной – в голубую и голубыми же лентами отделанное, на второй – зелеными.

Наверное, чтоб легче различать было.

- Доброго утречка, - сказала я, сжимая сумочку.

- Доброго, - отозвалась Эва, придерживая шляпку, которая опять куда-то съехала. – Надеюсь, что сегодняшней день пройдет... спокойно.

Вторая закатила глаза.

И сказала:

- Идем, что ли?

- А Эдди где? – поинтересовалась я у матушки.

- Срочное дело какое-то, - ответила она. – Обещал быть, но позже.

Сестрицы Орвуд почему-то покраснели, а у меня появилось чувство, что они знают чего-то, чего не знаю я.

- Думаю, мы и сами справимся, - завершила матушка.

Ага.

А какие еще варианты? Нет, но вот что за несправедливость жизненная, а? Сперва обещают, что будут рядом, глаз не спустят, а как до дела доходит, то рядом – только кусты. И кто знает, чего в этих кустах скрывается. И в этом, университете, чтоб его, не лучше.

Могли бы провожатого прислать.

Список там, чего брать с собою. В школу вон перья носили. И листы еще. Или вон тетради сшитые. Книги опять же. А тут? У меня вон из всего нужного, один револьвер.

- Не стоит заставлять ждать, - сказала матушка и, раскрыв кружевной зонтик, двинулась вперед. И леди Орвуд с нею. А мы, трое, стало быть сзади. Причем Эва явно отстает.

Я пригляделась.

Так и есть.

- Что с ногой?

- Подвернула, - тихо ответила она. – Случайно.

Я думаю, что не специально.

- Надо было оставаться, - сказала я, подставив руку. И девушка с благодарностью за нее взялась. – Полежала бы денек, а то и два. Все одно нам там не будут рады. Да и вовсе...

- Думаешь?

- Знаю, - хмыкнула я. – Интересно только, что они придумают.

- А...

- Когда Эдди начал ходить в школу, ему тяжело пришлось. Он же ж не человек. А тогда оно еще заметней было.

Не знаю, могу ли я это рассказывать. Или... а взгляд у девицы такой, просящий, что удержаться тяжело. Обо всем не скажу.

- Как-то ему в сумку сушеного конского дерьма насыпали. И воды налили.

- Ужас...

- Я Томми тогда изрядно побила. Нос в кровищу.

- Леди не дерутся, - сказала вторая сестрица, пристраиваясь сбоку, что было сложновато, поскольку местные тропинки явно делались не для гуляющих девиц.

- Это зависит от ситуации. Иногда дать в морду – самое доходчивое.

- А мама говорит, что с любимым человеком можно договориться.

- Ага, - согласилась я. – Но если предварительно набить ему морду, договариваться будет проще. Тогда, правда, не слишком помогло, но это сперва... потом... не важно. Если нам тут не рады, а нам тут не рады, то будут пакостить.

- Уже, - тихо вздохнула Эва.

- Это когда ж?

- Вчера, - сестрица её сморщила гимаску. – Завели нас куда-то в сад и бросили.

- И что? – что-то я смысла не уловила.

- Леди... обычно юные леди, они хрупкие. И нежные. И чувствительные. И заблудиться в незнакомом месте легко, - пояснила Эва печально.

- Эти придурки решили, что мы потеряемся и будем звать на помощь, - добавила её сестрица. – Только вот им.

И кукиш скрутила.

- Далеко не убирай, - хмыкнула я. – Чую, пригодится.

Права оказалась.

Нас встретили молчанием.

И молчать начали со ступеней. Я видела красное здание, еще более красное, чем накануне. Парадный вход. Лестницу. Молодых людей в черных сюртуках, которые выстраиваются вдоль ступеней.

Две шеренги, а между ними коридор.

И нам, стало быть, придется идти? Неуютно. И главное, в руках этих вот... студентов тросточки. Нет, что за дурь в голову лезет. Не совсем же они отмороженные, чтобы попытаться ударить. Но трости у всех.

- Леди, - матушка соизволила обернуться. – Помним, что главное в образе леди – доброжелательная улыбка.

Ага. У меня вон скулы сводит от излишка доброжелательности. И рука сама к револьверу тянется. А главное, чувствую, как внутри начинает ворочаться сила, готовая выплеснуться.

Дышим.

Спокойнее. И руку сжимают пальчики Эвы. Странно, но от её волнения мне становится спокойнее.

- Да просто придурки, - говорю тихо. И Виктория прищуривается. Глаза её черны, что угли.

И главное, силой тянет. Я чувствую эту, недобрую, готовую сорваться и покарать наглецов силой.

- Улыбаемся, - тычу Виктории пальцами в бок. И едва не ломаю. Корсет, чтоб его! – Улыбаемся радостней. Дружелюбней...

Мы идем.

Просто идем.

По ступеням.

Матушка. Леди Доусон, чья прямая спина маячит у меня перед носом.

Виктория. И мы с Эвой. Коридор слишком узок, чтобы пройти троим.

Стук раздается за спиной.

Удар.

Железо о камень. Он резкий. Он почти заставляет обернуться, но я держу спину.

- Вперед, - шиплю уже как-то совсем по-змеиному. И Эва вздергивает подбородок. Губы её бледны, щеки запали. Но ни тени слез.

Хорошо.

Сильная она.

Дурак будет братец, если упустит. А он у меня далеко не дурак.

Стук повторяется.

Раз. Два. Раз-два-три. И громче становится. Так вот зачем им трости. К первой присоединяется вторая. Затем третья... и все остальные. И дверь, что закрывается за нашей спиной, видится почти спасением. Но я иду. Держу шаг.

Я, мать вашу, в городе была, который умер и остался жить.

Я разговаривала с драконами. И сама поднималась в небо. Я была огнем. И ветром. Я...

Их много. Стоят вдоль стены, и трости в руках мелькают, вверх и вниз. Вверх и вниз. И звук этот. Он рождает эхо, множится, накатывает...

Дышим. И идем.

Хрен его знает, куда... но они это нарочно. Нет, не представление устроили. Это понятно, что собрание здешнее совсем не случайность.

Чарли убрали.

И Эдди.

Орвуды. Как получилось, что все куда-то исчезли? Тоже нашлось очень срочное дело? И верю ведь, что нашлось. Орвуд мне показался не тем человеком, который вот так просто бросил бы родных.

Как и Эдди.

И Чарли.

Значит, то ли здесь, то ли там есть кто-то достаточно важный, чтобы организовать? И дело. И... взгляд зацепился за шеренгу.

И я хмыкнула.

- Что? – тотчас встрепелась Эва.

- Трости, - сказала я. – Одинаковые. Они загодя готовились.

- Это понятно, - ведьма не обернулась. А вот голос её я услышала несмотря на грохот, что стоял тут. И ведь не притомились, поганцы.

- Нет, не в том дело. Смотри, мы ведь только вчера прибыли. А они вон, собрали всех. Тросточки нашли. Сколько их тут? Сотня? Две? Думаешь, так легко прикупить за раз сотню одинаковых тросточек? Отрепетировать опять же.

- Зачем?

- А чтоб стучать вместе, а не вразнобой. У нас в городе как-то мэр решил парад сделать. С оркестром. Так замаялся весь, потому как то Слепой Дрю с трубой спешит, то Кларенс по барабанам не в такт стучит. А их там пятеро...

А матушка остановилась.

С чего вдруг?

А... я выглянула и увидела троих... студентов? Не студентов? Черные балахоны. Черные маски. Не те, клювастые, но все равно как-то мигом вспомнилось недоброе.

Главное, что не с тростями. С посохом. Тот, который в центре.

А эти, которые с тростями, угомонились. И снова стало тихо.

- Уходите, - прозвучал глухой голос. – Именем отцов-основателей...

- Сам уходи, - рявкнула я.

И получилось громковато. То ли и вправду распереживалась, то здание у них тут такое, для криков удобное.

- Женщинам не место в обители знаний!

- Хрен тебе, - сказала я и револьвер вытащила. – Матушка...

- Дорогая, - матушка все же отступила, пропуская меня. И леди Орвуд, что характерно, не стала мешаться под ногами. – Только... давай без трупов.

Говорила она тихо, но, кажется, услышали.

- Это уж как получится, - я честно пыталась унять силу, что кипела внутри.

Надо думать о хорошем...

О том, как найду ублюдка, это представление организовавшего, и ноги ему переломаяю. Тросточкой. Левую и правую. И это будет очень и очень хорошо.

Почти помогло.

- Уходите! – тот, что в центре стоял, вскинул посох и потряс им. А ведь игрушка серьезная, тяжеленная с виду и главное... главное, чуется в ней что-то до боли родное. – Мы не хотим крови. Но если надо...

Дерево темное. Черное.

Гладкое.

Кольца золотые протянулись снизу вверх. Те, что внизу, потоньше, но чем выше, тем толще. Навершие раздается тремя рогами, а на них – словно наперстки золотые.

С камушками.

Но все одно чего-то не хватает...

- Мы здесь по воле Его Императорского Величества, - сухо заметила матушка. – И...

- Университет свободен! От власти Императора! От...

Точно.

Я поняла, чего именно не хватает. И оскалилась. Надеюсь, в достаточной мере дружелюбно. Я же ж все-таки леди. Ну или пытаюсь ею быть

А вот что они тут, так сами виноваты.

- Да что ты распинаешься! – выкрикнул кто-то из толпы. – Не хватало еще кланяться потаскухе императорских кровей...

И вот тут сила колыхнулась, я едва сумела удержать огненный поток.

Перехватить.

Перенаправить.

И шарик получился белым до синевы. И крупным. Куда крупнее вчерашнего. Он поднялся над моей ладонью, и как-то опять стало очень и очень тихо.

Еще немного выше.

И на веревочке. Веревочка, правда, тоненькая, но это для них. Я-то знаю, что крепко держу.

- Интересная штука, - сказала я, опустив револьвер. И шагнула к этому, с посохом. – Древняя...

Он бы попытлся. Да только некуда. Двери за спиной сами заперли. Цепью еще перетянули, ага. Демонстративно. И хорошо. А то недосуг тут мне за ними бегать.

- Очень древняя, - я протянула руку. И этот идиот попытался посох отодвинуть. Но потом передумал. Может, сам такой благоразумный, а может, дуло револьвера, в лоб упершегося, понимания ситуации добавило.

- Вы... не посмеете...

- Уверен? – я чуть склонила голову. И посох упал в мою руку. Так и есть. Не дерево – кость. Черная. Вычерненная? Огнем? Не уверена. Зато я поняла, чья это кость.

Тот дракон...

Все мы смертны. Драконы в том числе.

- Ты... ничего мне не сделаешь, - прошипел человек в маске. – Я... маг!

- А то, - я вернула посох, правда, сперва сунула свой шарик именно туда, где он должен быть. И ниточку протянула. Как раз легла между драгоценными камнями, которые один за другим вспыхнули. Ниточка сама собой и закрепилась.

Ну и шарик, стало быть, между рогами повис.

А что, вышло даже ничего так.

- Держи, - я сунула посох этому, вот прямо силком в руки вложила. – Только покрепче, а то уронишь и громыхнет ненароком.

- Что... - кажется, он не сразу понял.

Голову вот поднял. Уставился на шарик... а тот плавает, пляшет между золотых рогов, искорками время от времени постреливая.

Красота.

- Зато сразу видно, что маг, а не хрен собачий, - доверительно произнесла я. И подвинула этого, оторопевшего, вцепившегося в посох

обеими руками. – Ключ у кого?

- Вы... вы...

- Я еще один шарик сделать могу, - сказала я второму. – И не один. У меня вообще проблемы с контролем. Большие. Поэтому если вдруг что, то я не виноватая.

Ключ, как ни странно, нашелся.

Глава 26 В которой читают лекцию, а еще объясняют возможности невозможного

Глава 26 В которой читают лекцию, а еще объясняют возможности невозможного

А в аудитории было пусто.

И Эва смогла снова дышать. Вот просто дышать. Кто бы знал, до чего это сложно, просто дышать. Но в аудитории было пусто и у нее получилось.

Не расплакаться.

Не упасть в обморок. Руки вот дрожали. А Тори окутывала тьма, плотным таким коконом.

- Что ж, - леди Элизабет осмотрелась. – Теперь мне определенно будет, о чем рассказать брату.

- И мне мужу, - матушка стянула перчатки, бросив их на стол.

Аудитория была большой и полукруглой. От двери начиналась лесенка, которая и спускалась мимо столов и лавок, к небольшому пятачку, где уместились кафедра, доска и стол.

Имелась тут пара шкафов. И еще одна дверь, правда, белая, почти неотличимая от стены.

- Милли, твой этот... не получится ли так, что он... вдруг взорвется? – осведомилась леди Элизабет, осторожно опускаясь на лавку.

- Не должен. Если ронять не станут.

Милисента расстроенной не выглядела. И оглядывалась весьма бодро. Она и вниз спустилась, прошла вдоль доски, потрогав её пальцем. А потом уточнила.

- Дальше нам что делать?

- Не знаю, - леди Элизабет потерла виски. – Но выходить пока не хочется.

Не ей одной.

Эва только представила обратный путь, как стало тошно. Она не справится. Она просто-напросто не справится. Она ведь слабая и всегда такой была. Неуверенная. Рассеянная.

А они там...

Эва опустила на лавку.

- Я тут думаю, - Милисента залезла на стол и помотала ногами. – В общем, это долгехонько готовили. Не день и не два. А приехали мы только вчера. И да, совсем втайную такое представление не устроишь.

- Верно, - согласилась Элизабет.

- А... где преподаватели? – собственный голос показался Эве на диво жалобным. Она даже ущипнула себя и разозлилась. Подумаешь, люди.

Подумаешь, стучали.

- Тоже очень интересный вопрос. Думаю, где-то там, - Милисента махнула на стену. – Прячутся. А потом, вот увидишь, скажут, что знать не знали и ведать не ведали. И вообще ничего-то тут не было.

- Как не было? – Тори от возмущения даже рот раскрыла.

- А вот так. Примерещилось нам. Женщинам же ж часто мерещится. Или это... - Милисента щелкнула пальцами. – Мы преувеличиваем. Наш мэр, сволочуга, тоже постоянно мне втирал, что я преувеличиваю, и вовсе он на мою задницу не пялится.

- Милисента! – леди Элизабет поглядела в потолок.

И Эва тоже.

Потолок был выпуклым и расписанным звездами. Меж звезд уместились латинские фразы, смысл которых оставался неясен.

- Элизабет! – дверь распахнулась, да едва не вылетела, а на пороге появился вчерашний профессор. Правда, ныне вид у него был несколько... странным?

Всклоченные волосы. Пятно сажки на щеке. И на белой рубашке тоже. А кроме рубашки ничего. То есть, штаны были, но ни жилета, ни сюртука... и халат, что с плеч съехал, он ведь не в счет, так?

- П-простите, леди, - он сразу вдруг спохватился и смутился. – Я просто... случайно кое-что услышал. И...

Он махнул рукой.

- Ты вовремя, - леди Элизабет указала на кафедру. – Нам обещали лекции, но вот беда, все преподаватели куда-то подевались.

- Сволочи, - добавила Милисента.

А Эва промолчала, хотя была совершенно согласна со сказанным.

- А... да... простите за неподобающий вид, леди, - поклон отвесили и им. Эва сделала ответный реверанс. – Могу я узнать, что произошло?

- А что вам сказали? – леди Элизабет смотрела холодно.

И он смутился, этот мужчина.

От взгляда.

- Меня вызвали. С утра. Особое распоряжение ректора... следственная комиссия. По вчерашнему инциденту. Им показалось, что выброс силы был слишком велик. И что я превысил полномочия.

Милисента чуть нахмурилась.

- Правда, уже на месте выяснилось, что оказывается, это я изменил результаты, что имел место мой собственный выброс. Впрочем, не суть важно. Мы... спорили. Я пытался доказать, что не способен создать конструктор подобной энергетической насыщенности.

Он потер щеку.

- Спор вышел... жарким. А потом кто-то обмолвился, что пора уже возвращаться, что наверняка все уже завершено и...

- Вот и ответ, - это леди Элизабет произнесла в сторону. – Теперь они с честным видом заявят, что понятия не имеют о происходившем.

- А могу я...

- Нам ясно дали понять, что не рады, - леди Элизабет вздохнула. – И признаться, я начинаю думать, что вся эта затея напрочь лишена смысла. Ты ведь сможешь позаниматься с Милисентой в частном порядке?

- Сочту за честь, но...

- Но?

- Сила, - он все-таки подошел к столу. – Юная леди, не будете ли вы столь любезны освободить это место?

Милисента, как ни странно, слезла. И направилась к ближайшему столу.

- Слушайте, - она остановилась. – А может, раз уж вы тут, вы нам лекцию прочитаете? Ну, чтоб не вышло, что мы зря ходили и вот это вот все.

- Думаю, я мог бы, если мой вид вас не смутит.

- Ай, успокойтесь. Вы еще прилично выглядите, - отмахнулась Милисента. – Эва. Садись.

И рядом с собой похлопала, а еще подвинулась. Но так, что места хватило только одному. Тори хмыкнула и демонстративно уселась рядом выше.

Леди Элизабет и весьма задумчивая матушка – наверняка потребует, чтобы они сегодня же домой отправились – поднялись на

третий ряд.

- Итак, - а вот профессор занял место у кафедры. И тряпку взял, отер руки, которые были черны то ли от земли, то ли от сажи. – О том, что есть магия, я рассказывать не стану?

- Чарли говорил, - подтвердила Эва.

- Вот и хорошо... - он задумался, явно пытаясь сообразить, с чего начать. – Обычно я как-то больше по частным вопросам... что касается стихийных сил. Так вот, основным мерилom силы мага является его резерв. То есть способность физического тела принимать и концентрировать в себе энергию с тем, чтобы в дальнейшем использовать её. Это понятно?

Эва кивнула.

- Чем выше резерв, тем сильнее маг. Рост резерва начинается в раннем детстве, но сперва он едва заметен. Более того, существует мнение, что в первые годы жизни он вовсе не меняется, хотя я доказал, что это не так. Просто чем больше изначальный резерв, тем стремительней он растет. Причем скачками.

Он взял в руки мел и нарисовал линию.

- Все происходит в несколько этапов. Сперва вот... - линия и крохотная ступенька. И снова линия, чуть направленная вверх. – Мы имеем своеобразное плато покоя, во время которого происходит накопление силы, и, когда пределы достигнуты, сила все одно собирается и как бы растягивает внутреннее вместилище. Оно и тянется, но в какой-то момент наступает предел, и мы получаем выброс силы. Детские выбросы столь малы, что просто-напросто остаются незамеченными. Главное, впрочем, не это. Чем больше резерв, тем большее количество энергии он поглощает, тем сильнее растягивается.

- И тем больше будет рост, - задумчиво произнесла леди Элизабет.

- Рост. И выброс, - подтвердил профессор. – Как правило, рост резерва завершается годам к двадцати. Само тело словно осознает пределы своих возможностей. И сила стабилизируется.

Милисента кивнула.

- Вы – в своем роде уникальный случай. Но по тому, что я вчера видел, могу сказать, что ваш резерв очень велик. Настолько велик, что...

- Выброс будет соответствующим?

- Именно.

- И... это небезопасно? – уточнила Милисента. – Для окружающих?

- И для вас в том числе. Если вы не сладите с силой.

- И где-то... кроме этого заведения? – она скривилась, явно выказывая свое отношение. – В той же пустыне...

- До нее ещё добраться надо, - сказала леди Элизабет. – Верно?

- Боюсь, что так. Но... можно потребовать особых условий. Ввиду нынешнего инцидента. Скажем, я буду приходить. Читать лекции. И вы, чувствуя напряжение силы, сбрасывайте её. Те же шары...

Договорить ему не дали.

Дверь распахнулась и с таким грохотом, что у Эвы голова заболела. Вот вроде воспитанные люди, ученые все, а грохочут так, что... сил никаких нет.

- Что здесь происходит? – поинтересовался благообразный господин в зеленом сюртуке.

И огляделся.

- Лекция, - любезно ответила леди Элизабет. – Согласно расписанию, верно? Тому, которое мне вчера передали. Правда, мне казалось, что лекция будет общей, но ваши студенты куда-то все подевались.

Господин слегка покраснел.

- Это... - он обвел взглядом аудиторию.

Невысокий.

Полноватый. Пышные бакенбарды.

Узкая бородка.

Очки на массивном носу. И взгляд по-над стеклами, такой недовольный-недовольный. В общем, Эве он сразу не понравился.

- Вы ошиблись, - наконец, выдавил он. – Лекция идет в другой аудитории. И ваше отсутствие заставляет меня думать, что вся эта затея...

Он махнул рукой, обернувшись.

За господином в зеленом сюртуке стояли еще двое.

- Но мне хотелось бы, чтобы вы объяснили вот это! – он подал руку и в нее вложили уже знакомый Эве посох из темного дерева. – Что это такое?!

- Посох, - отозвалась Милисента. – Из кости. Думаю, что дракона, хотя не уверена. С драконами вообще нельзя ни в чем быть уверенной. Еще те засранцы. Извините. Я помню, что леди так не говорят, но они засранцы и есть.

Господин несколько покраснел.

Довольно густо.

- Это... это реликвия! – сказал он и пошевелил бровями. Брови у него были крупными и пышными, а в левой виднелось черное пятнышко. – Она принадлежала основателю университета! А вы... что вы с ней сделали?

- Ничего. Целая же, - Милисента оперлась локтями на стол. – И вообще, я не люблю, когда в меня всякой пакостью тычут. Даже если она реликвия.

- Позвольте, - леди Элизабет поднялась. – Узнать, в чем конкретно вы нас обвиняете?

И голос её был столь холоден, что даже Эва поежилась. А вот господин с посохом, на вершине которого по-прежнему плясал огненный шарик, и отступил.

На шаг.

Потом вспомнил, наверное, что это он тут главный и живот выпятил.

- Вы... применили силу!

- Я? – леди Элизабет явно удивилась. – Боюсь, вас ввели в заблуждение. Мой дар спящий. И применить силу я не могла при всем желании. Хотя признаюсь, желание было. Вы ведь знаете, что здесь произошло?

- Вы о чем?

- О встрече, которую нам устроили ваши, с позволения сказать, студенты...

- Простите, я... - глаза господина забегали. И он обернулся. – Мы были заняты.

- Да, я слышала... комиссия, верно? Которой срочно понадобилось осмотреть горелую землю на полигоне.

Он покраснел и снова обернулся.

- Дело не в земле, - пришел на помощь сопровождающий. Он был высок, статен и красив. Пожалуй, настолько красив, что мог бы стать героем какого-нибудь романа, такого вот, про печального одинокого

лорда с глубокой душевной травмой и прекрасную гувернантку, которая бы взялась травму залечить.

Вот же дурь у Эвы в голове.

- А в чем же?

- В выбросе силы. Он... чрезмерен. И нам нужно было понять, что именно произошло.

- Я шарик запустила, - сказала Милисента Диксон. – Такой от... вы только посох покрепче держите, а то уроните и громыхнет.

Господин в сюртуке побелел и немедля сунул посох в руки сопровождающему. А тот передал второму. Второй вышел за дверь и вернулся уже без посоха.

- То есть вы, леди, не отрицаете, что испортили реликвию?

- Испортила? – Милисента явно возмутилась. – Да я её вам починила. Разве не понятно?

- Нет, - без посоха господин вытянулся и руки за спину заложил. – Вы... внедрили нестандартный конструкт, причем потенциально опасный...

- Чего?

- И тем самым нарушили тонкую внутреннюю структуру древнего артефакта, приведя его в негодность.

- Извините, - подал голос профессор, до того молчавший. – Но этот, с позволения сказать, артефакт и прежде не работал.

- Вас не спрашивают!

- Можно позвать Мака, - профессор явно не собирался замолкать. – Кажется, именно вы поручили ему возглавить инвентаризационную комиссию в позапрошлом году. Ту, что оценивала работоспособность старых артефактов. И по заключению которой именно этот был признан утратившим функциональность. А после переведен в разряд «предметов исторического значения».

Ого, а он совсем-совсем покраснел, тот, что в сюртуке.

- Это еще не значит...

- Мне другое интересно, - продолжил профессор, и Эва поежилась, до чего злым стал этот голос. – Каким образом данный предмет, чье место было определено в музее, а тот, как вы помните, находится на нижнем уровне, оказался в руках студентов. Студентов, чья возмутительная выходка...

- Будет разобрана ученым советом. И мы, безусловно, строго накажем виновных! – быстро пообещал господин в сюртуке. И Эва ему не поверила.

Ни на мгновенье.

- Но...

- Конструкт стабилен, - перебил его профессор, чем заработал уничижающий взгляд. – В этом вы должны были убедиться. Структура его уравновешена и в целом непротиворечива. Связь с посохом крепка. Более того, я согласен с девушкой. Именно этот элемент и дополняет артефакт, хотя, конечно...

- Ваше поведение тоже будет разобрано ученым советом.

- Не сомневаюсь. К слову, Маккинсон пришел к выводу, что утрата работоспособности связана именно с исчезновением источника силы, который крепился в наверхии. Вам его поставили. И да, ронять все-таки не советую. Девушка очень неопытна. Может получиться неудобно.

Все поглядели на Милисенту.

А та пожала плечами.

- Но оружие, - восторженно воскликнул господин в сюртуке. – Она угрожала револьвером?

- Да неужели? Хрупкая леди, оказавшаяся в окружении хулиганов, схватилась за револьвер? В жизни не поверю... ведь не пристрелила же никого.

Профессор сделал паузу и весьма выразительно добавил:

- Во всяком случае, пока еще не пристрелила.

- Вы...

- Передайте, пожалуйста, совету. И остальным. У леди тонкая душевная организация, слабый контроль за силой и период активного роста источника. А следовательно, эмоциональные потрясения будут провоцировать выбросы энергии. Неконтролируемые...

Леди виновато потупилась.

А эти трое... отступили? Переглянулись. И...

- В таком случае, - очень сладко произнес тот, в сюртуке. – Не смею вам мешать. Но после лекции, господин Шелтон загляните, пожалуйста, ко мне.

Почему-то почудилась угроза.

- Может, и его проклясть? – задумчиво произнесла Тори.

- Проклятья – это ненаучно, если речь идет о ведьминских...

- Вот и замечательно... - Тори даже облизнулась. – Если их нет, то и обвинить в том, что они вдруг есть не выйдет. Правда ведь?

И посмотрела так, что Эве стало неуютно.

- Гм... - профессор тоже смутился. – Думаю... это не относится к теме нашей лекции. Итак, стоит начать с самого начала. И определить в принципе, что такое дар.

Глава 27 О делах очень и очень важных

Глава 27 О делах очень и очень важных

Клуб.

И запах сигар, что пробивается через дверь курительной комнаты. Она приоткрыта и слышны голоса. Холл же почти пуст, разве что господин в черном костюме увлечен газетой.

И где Эдвин?

- Чарльз? – Чарли окликнули. – Рад, что вы отыскивали возможность прибыть так скоро.

Господин сложил газету вдвое. Затем вчетверо.

- Прошу прощения?

- Мы лично не были знакомы, - Чарли протянули руку, которую он весьма осторожно пожал.

Белая перчатка.

Белый манжет.

- Но мне весьма настойчиво рекомендовали пообщаться с вами... так сказать, близко.

- И кто?

- Наш общий друг, - не моргнув глазом солгал господин. – Эдвин... весьма и весьма перспективный молодой человек, но как по мне – излишне... суетливый. И опять же, нельзя скидывать со счетов его работу.

- Простите...

- Марк, - представился господин.

Средних лет.

И среднего телосложения. Крепкий. Коренастый. Шея короткая и складочка кожи нависает над воротничком. Шейный платок завязан двойным узлом, мода на который давно прошла, но господину, кажется, плевать на моду.

Чарльз отметил крупные изумруды в запонках. И темный камень в булавке для галстука.

Сам костюм скроен по фигуре.

- Марк Скирби...

- Простите, но как-то не доводилось встречаться прежде.

И ни о каком Марке Скирби Эдвин не говорил.

- Может, продолжим беседу в более... уединенном месте?

- Несомненно, - сердце билось ровно.

Если не Эдвин стоит за этим человеком, а Эдвин не настолько глуп, чтобы посылать вместо себя кого-то, то кто?

Вариантов немного. И... не случилось ли то, чего Чарльз ждал?

- Вы бывали внизу?

- Боюсь, что нет. А тут есть... что это я, в этом городе в каждом доме есть подвал, - получилось несколько нервозно. – Давече вот писали, что в одном нашли... хотя вы, наверное, и сами знаете.

- О да. Это происшествие до сих пор мусолят все, кому не лень. Никакого понимания момента. Чернь на это просто-напросто не способна. Слышал, что ваш родич имел отношение... к случившемуся?

- Скорее ему повезло их найти. Если можно так выразиться.

Кивок.

И молчаливый служитель, которого Чарльз в упор не помнил, возник, чтобы подать знак.

Стало быть, вниз.

Сколько он лет в клубе? Много. Считай, как еще в университете приняли, так и числится, время от времени заглядывая. Раньше вот и частенько бывал. И представлялось, что он о клубе все-то знает.

Неприметная дверь за бархатным пологом, от которого слегка пахнет пылью и еще травами.

- К слову, поздравляю с женитьбой. Как здоровье вашей супруги?

- Отлично.

Надо бросить и возвращаться, но...

Там Орвуды. И Эдди.

И если это и вправду приглашение, то уходить как раз нельзя. Второго можно и не получить.

- Замечательно. Моя вот жена, достойнейшая женщина, постоянно жалуется на здоровье. Сколько себя помню, она все жалуется. И дочери... три дочери – это сложно. Кстати, вы пока...

- Нет.

Легкий кивок.

Одобрение?

О таком вовсе не принято спрашивать.

Лестница. Узкая. И темноватая. Газовые рожки горят еле-еле. А ступеньки высокие, неровные. Стены такие же неровные и влажноватые слегка.

- Когда-то в этих катакомбах скрывались первые поселенцы. Так говорят. Но признаться, я не слишком верю. Точнее верю, что прятались, но чтобы их создали... если у них был маг земли, который смог проложить путь в скалах, то что ему стоило просто-напросто поднять стены? Нет, это что-то иное, что возникло давно... очень давно.

Провожатый останавливается.

Снова дверь. И дерево поблескивает лаком. Изогнутая ручка. И магическая завеса.

- Прошу, - Марк касается ручки, и та беззвучно поворачивается, а следом и дверь скользит по красному-красному ковру. – Господа, а вот и мы... полагаю, вы изрядно заждались...

Чарльз переступил порог.

Почудилось, что теперь-то ему не позволят просто уйти. Но... и сейчас, если вдруг он захочет, все одно не позволят. Он уже увидел то, чего не должен был.

- Чарльз, позволь представить тебе наших братьев. И присаживайся, - Марк сам развернул стул.

Комната.

Большая. Пожалуй, если не смотреть на неровный потолок, оплывающий, словно камень плавили, можно поверить, что комната эта – самая обычная.

Стены укрыты панелями красного дерева.

На полу – ковер.

Мебель добротная, явно старая, но из тех, что воистину на века. Стол, накрытый зеленым сукном. Стопка карт на серебряном подносе. Фишки, брошенные небрежно, но в этом видится скрытый смысл.

Еще один стол. Бутылки. Бокалы.

Огромный глобус, на который набросили плащ, но тот наполовину съехал. Съехал бы и вовсе, но зацепился за серебряный рог, что торчал из полярной шапки.

Шкапы.

Стулья.

Люди.

Чарльз поклонился.

- Доброго дня, - сказал он.

- Вежливый, - заметил тот, что сидел ближе всех к выходу. Худой. Болезненно худой. С запавшими щеками, с костистым каким-то неровным носом. А вот губы бледные и столь тонкие, что кажется, будто их вовсе нет. – Авель.

- Каин, - произнес второй. Этот крепкий, полноватый даже. И костюм не скрывает его полноты. Он расстегнул и пиджак, и шелковый жилет яркого розового оттенка. Пухлые руки его легли на животе, а сам он выгнулся так, что было не понятно, как он вообще сидит. – А с ним вы, полагаю, знакомы.

- Знаком, хотя... не имел чести быть представленным.

Чарльз узнал этого человека сразу. Сложно было не узнать того, кто единственный не прятался за маской.

- Джон, - произнес он. – Можете звать меня так.

А имена ненастоящие. Лица? Возможно, тоже. Чарльз не ощущает тока силы, но это ничего не значит.

- Вот и ладненько, - воскликнул Марк, хлопнув в ладоши. – Итак, господа, мы собрались здесь по вопросу весьма важному, можно сказать, не терпящему отлагательств. Чарльз, обычно мы присматриваемся к претендентам... испытываем их. Мы ведь должны понимать, с кем нас свели боги.

Чарльз осторожно опустил на стул.

- Но сейчас, боюсь, времени нет.

- Меньше трепы, - Авель поморщился. Зубы у него желтые и длинные. – И не пугай мальчишку, а то он уже решил, что мы его тут...

Он провел пальцем по тонкому, изрезанному морщинами, горлу.

- Подумал ведь?

- Скажем так... я надеюсь, что мне простят эту слабость. Все же я понимаю, что речь пойдет о вещах серьезных...

- Что вы делали на пожарище? – Каин не шелохнулся, только пальцы большие коснулись один другого.

- Сопровождал Орвуда. По его просьбе. Почуял силу. И остановил.

- И остановил, - хохотнул Марк. – Надо же... взял и остановил. Так просто.

- Просто не было, - сухо огрызнулся Чарльз. – Прежде я не сталкивался ни с чем подобным. И мне пришлось действовать наугад.

- О да, это было интересно... очень интересно, - кивнул Каин. – Мы так и не поняли, что произошло, но смеем надеяться, вы продемонстрируете ваши умения в частном, так сказать, порядке.

- Если выйдет. Все же экспромт...

- Вы уж постарайтесь.

- Конечно.

- Стало быть, сопровождали Орвуда? Он не успокоился?

- Его можно понять, - примиряюще произнес Чарльз. – Я передал, что должно, и лорд Орвуд согласился с моими доводами.

- Всегда был осторожным засранцем. А сынок, стало быть, не послушал...

- Ниточка оборвалась.

- Так уж и оборвалась? А с чего тогда милый парень Эдвин зачастил к Орвудам? – поинтересовался Каин. – И этот ваш... родственничек.

- В доме нашли тела. В том числе и близкого друга Эдвина, - Чарльз старался говорить спокойно. И пусть вновь же не ощущал ничего, но ответы проверяют.

Его самого проверяют.

Менталист?

Где?

Кто-то из этой четверки? Или он рядом где-то, скрывается, скажем, вот за той панелью? Не важно. Главное, что нужно держаться как можно спокойнее. И уверенней.

- Он надеялся, что Орвуды смогут помочь. Поднять. Допросить.

- Смогли?

- Нет.

Орвуды – нет, а остальное знать не нужно. Содержимое банковских ячеек скоро будет изъято. Как только Эдвин убедится, что за банками не следят. А еще поклялся, что лично проследит, чтобы те, кто упомянут в записях, получили по заслугам. Суд там или нет... плевать.

Главное, чтобы получили.

- Печально, весьма печально... - в голосе Авеля ни тени печали. И взгляд внимательный. Может, он менталист? – Неудачи случаются у всех, но не все готовы с ними мириться. Вы с ним говорили?

- С Орвудом?

- Чарльз, не притворяйтесь глупым. Вам оно не идет... с Эдвином. Он ведь зацепил вас, верно? Что вы ему обещали?

- Помощь, - врать не имеет смысла. Слишком уж внимательно они смотрят. – Все-таки... подобные дела... довольно мерзки. И все красивые слова не способны оправдать эту мерзость.

- Это он про что? – Каин повернулся к Джону.

- Аукцион.

- А... чистоплюй, стало быть?

- Какой уж есть, - Чарльз ощутил раздражение.

- Спокойней, господа... - Марк тотчас вскинул руки. – Ну не с руки нам ссориться из-за такой ерунды...

- Ерунда? От таких чистоплюев одни проблемы! – проворчал Каин и наклонился за бутылкой. – Небось, еще и не пьет.

- Смотри что. От иных... напитков случаются проблемы.

- Это он...

- Попробовал Дарреловское зелье, - отозвался Авель. – Весьма своеобразная штука. Помните, проводили эксперименты?

Стало быть, все то, что было в клубе – всего-навсего эксперимент.

- Да, да, Чарльз... иногда вот приходится... но никто не пострадал.

Кроме славного парня, с которым случился мозговой удар. И Чарльз отправил цветы с пожеланием скорейшего выздоровления. А потом напрочь забыл. Надо бы спросить, как у него дела.

- Дело не в зелье, - поспешил объяснить Авель. – Дело в сочетании. Наш дорогой... младший брат был весьма неводержан. И жаден до удовольствий. Ко всему имел пагубную привычку смешивать. А кокаин, коньяк и зелье... не самое удачное сочетание.

- Зачем это?

- Хотелось проверить, как оно на магов подействует. Вы же согласитесь, что порой дар – в тягость.

Отвечать Чарльз не стал.

Этого от него не требовалось.

- К слову, сколь знаю, он пошел на поправку. Эффект от зелья временный, и вашими стараниями удалось предотвратить самое страшное.

- Так получилось, - сухо отозвался Чарльз.

- Да, да, несомненно... нам сказали... ваши решительные действия произвели тогда впечатление. А при знакомстве более близком, мы убедились, что вы именно тот человек, который нам нужен.

Ложь.

И не Чарльз им нужен. Но он чуть склоняет голову, принимая похвалу.

- А что до знакомств, то иные могут и во благо... держи друзей близко...

- Полагаете Эдвина врагом?

- Отнюдь, это просто выражение, - отмахнулся Авель. – Какой он враг. Еще один мальчишка, который ищет справедливости.

- В ваших устах это звучит как-то... не слишком хорошо.

- Он мог бы составить нам компанию...

- Еще один чистоплюй.

- Но пока чересчур идеалистичен. Излишний идеализм, Чарльз, весьма вредит делу.

- О делах пока мне не сказали ни слова.

- Конечно, конечно... знаете, вы будете не против одной... прогулки?

- Меня супруга ждет.

- Да, да, несомненно, - закивал Джон и поднялся. – Удивительная женщина... потрясающая. Я вам завидую. И не только я... но, видите ли, с ней ничего не случится. За ней найдется, кому присмотреть.

Это заставило напрячься сильнее.

- Дело в том, что... так уж вышло, но нам нужно ваше решение. И сегодня. А убедить вас на словах, чувствуется, не выйдет. Поэтому, - Каин поднялся первым. – Прошу. И не стоит опасаться... обещаю, что вы вернетесь целым и невредимым.

Чарльз молча поднялся. Кажется, выбор у него небольшой.

Глава 28 О сомнительного рода приглашениях

Глава 28 О сомнительного рода приглашениях

Записку передал Патти. Заявился с самого утра, еще более мятый и взъерошенный, чем накануне. И с глазом подбитым.

- Вот, - сказал, протягивая Эдди конверт из черной бумаги. И носом шмыгнул, и вытер рукавом, а потом спохватился. – Тебе. Передать велено.

- Кем?

- Да... - Патти оглянулся влево.

Вправо.

И шепотом сказал:

- Иди! Ты что! Такое... я вон сколько тут, а даже не заметили. Ну да, я-то для клуба рожей не вышел. А вот ты... - и глаза закатил.

Эдди хмыкнул и конверт вскрыл.

Бумага тоже была черной и гладкой, что шелк.

«Клуб Истинных Джентльменов имеет честь пригласить Вас...»

Буквы вот белые, изящные до отвращения. У Эдди они вечно кривыми получались.

- Что за клуб? – бумагу он понюхал. И поморщился. Воняло близкими неприятностями, а точнее чужой туалетной водой. Причем знакомой.

- Да ты что... - глаза Патти сделались круглыми. – Ты... ты не слышал?

- Откуда? – Эдди поскреб пузо. – Жрать дадут?

- Н-не знаю.

- Значит, не дадут. Ну и на хрен, - он широко зевнул. Спать и вправду хотелось. Сперва ведьму нес. Потом... потом Эву, которая умудрилась уснуть и так крепко, что не проснулась, когда Эдди её переносил. И почему-то от этого было обидно.

А Матушка Мо ворчала, что он девочку бедную довел.

Будто он виноват, что бедной девочке не спалось. И у него, если и вышло, то часиков пару. А с недосыпу Эдди становился раздраженным.

- погоди! – всполошился Патти и настолько, что за руку схватил. – Ты... ты не понимаешь! Это же честь! Это... это самый закрытый

клуб!

- И?

- И там собираются... лучшие из лучших! В смысле, самые знатные, родовитые...

Ну да, а для полного счастья им только Эдди в составе и не хватает. С его-то удивительною родовитостью.

- Зачем?

- Кто знает, но... но говорят, если кто даже гостем побывает и... глянется Старшим, то все. Жизнь, считай, удалась.

- Она у меня и так удалась, - Эдди пожал плечами.

Идти, конечно, придется, потому как это то, что нужно, но соглашаться слишком быстро? Нет уж. Пусть поугovarивают. Интересно, что Патти обещали? Ведь обещали же. Иначе не пытался бы сейчас из шкуры вон.

- Да, но... перед тобой откроются самые... самые дома.

Вот уж не было печали.

- И... можно будет карьеру сделать. Хотя, конечно, тебе...

- Заходи, - Эдди сгреб бедолагу за шкирку и втащил в дом. – И толком давай рассказывать. Что за клуб, мать его... за ногу.

Патти втянул голову в плечи.

Снова оглянулся.

И замотал головой. А потом сказал:

- Прогуляемся?

Не нравится говорить в доме? Эдди хмыкнул.

- Прогуляемся. Только недалече. Я еще не завтракал, а не пожравши как-то не особо гуляется.

В животе весьма своевременно заурчало.

На улице было свежо, все же осень близка. И там, в прериях, наверняка пахнет осенними ветрами. Скоро дожди зарядят, и трава проклюнется, сменяя серость обилием зелени. Правда, продлится это неделю от силы. Следом придут морозы, недолгие, но злые.

Здесь же...

- Это... на самом деле странно, - Патти потер шею.

- Фингал откуда?

- А? Да так... вчера... не имеет значения. Я ему тоже... вот, но... за тобой приглядывают. Кто – не скажу. На самом деле это тайна, и

нельзя точно сказать, кто там, а кто нет. Говорят, этот клуб, его еще отцы-основатели основали. Вот... чтоб традиции хранить. И тайны.

- Тайны да, их хранить надо. Они без хранения портятся.

- Издеваешься? – Патти потрогал глаз. – Когда-то в него входили самые-самые... сильные. Одаренные. Способные. И задача была – помочь. Поднять тех, кто этого достоин.

Благие, чтоб их, намерения.

- А потом как-то получилось, что самые сильные и одаренные – это самые родовитые?

- Вроде того... ну, они и да, сильные. И еще умные.

Конечно, ежели с малых лет учителей нанимать, любой, если ума не наберется, то хотя бы слов умных нахватается.

- Достоверно никто не знает, кто там... всегда двенадцать. Так говорят. Младших. А потом они становятся старшими. Уходят. Если место освобождается, то могут кого-то пригласить.

- Кандидата?

- Да... и нет. Не только, - Патти снова оглянулся.

- Нет тут никого.

- Я просто...

- Ты их боишься?

- А то, - он снова глаз потрогал. – Они же все могут... Старшие – это ведь не так. Не там. А... из профессоров кто-то наверняка. И другие профессора не станут связываться. Перейдешь дорогу, разом отсюда выкинут.

Ну это вряд ли.

- Если чего похуже.

- Чего?

- Ну... - Патти замялся. – Точно никто не знает... и доказательств нету.

Это их просто никто не искал.

- Но года два тому... в общем, был один... я его знал. Вместе пришли. Очень... умный парень. Джейми. Джейми Оливер Кингсли. Из простых, но... он такой вот. Одаренный. Совсем. Не скажу, что сильно были рады, но оценили. И даже... понимаешь, если ты не из правильного рода, то тебя будут терпеть, но вперед родовитых лезть не след. А он вроде и не пытался, но как-то само выходило, что отметки лучшими стали. Ему раз сказано было, другой... оно-то, может, и

обошлось бы еще. Но тут он с девицей одной познакомился. Гулять начали. Я-то её никогда не видел... и... с ней вдруг несчастье случилось, - Патти говорил тихо, едва ли не шепотом. – То, которое... ну... с девицами... её умыкнули, а потом... долго не было. Вернули. Опозоренной.

Сволочи.

Эдди остановился, переводя дыхание.

Вот ведь... сволочи.

- Она свихнулась... шептались, что это ему наука, чтобы не высовывался. А она... он... мы не то, чтобы дружили...

С отверженными не дружат. От них стараются держаться подальше.

- Но он сказал, что она все твердила про маски. И про боль. И... и потом он пытался вызвать на дуэль. Сент-Ортон. Очень... знатный род. А тот отказался. Заявил прилюдно, что не будет драться с чернью. И тогда Джейми его просто на месте приложил... там сбежались профессора. Уняли. И Джейми отправили в лазарет. Вроде как он умом с горя повредился. А только из лазарета не вышел. Вот. Скончался.

- Отчего?

- Сказали, что сердце не выдержало. С горя, - Патти развел руками. – Я не знаю, что им от тебя надо. Но... сходи.

А то вдруг еще сердце не выдержит.

- Спасибо.

- За что?

- За то, что не промолчал.

- А... ну... это... я – не Джейми. И не храбрец нисколько. Я... я обычный парень. Понимаешь? У меня вот дар нашли. Шанс. Стипендию дали. Учусь. Я хочу доучиться и поехать... куда Император укажет. Буду себе жить. Работать. У меня вон сестры есть. Три. Замуж надо отдавать, а кто их возьмет без приданого? Маги же неплохо живут. Вот. И мне на хрен не нужны все эти игры. И неприятности тоже. И...

- Я понял, - тихо произнес Эдди. – Тогда тем более спасибо.

- Джейми был хорошим парнем. А я... я вот трус.

Плечи поникли.

- Зато живой.

- И что?

- У живого всегда есть шанс добраться до горла врага. А вот покойники того не могут.

- Это как-то дико звучит.

- Как уж есть. Так когда идти-то?

- Прямо сейчас.

Мда, пожрать все-таки не выйдет.

- Куда?

- Я провожу.

- Недалеко хоть?

- Тут... - Патти дернул шеей. – Есть... одно место. В общем, самых талантливых... особых... короче, их тут погребают.

- Кладбище?

- Не совсем.

Не кладбище.

Это был дом из красного кирпича. Весьма невзрачный. Ни колонн тебе, ни портиков, ни даже статуй, которые бы глаз радовали. Окна есть, но узкие и где-то под самой крышей. А крыша крыта темной черепицей. И выглядит дом этот мрачным донельзя.

Дверь дубовая.

На ней молоток.

- Все. Мне дальше нельзя. Тут... встречаются. И провожают, - Патти переминался с ноги на ногу и не уходил. – Может, того... сказать кому? Не знаю... профессору?

- И что он сделает?

Патти тяжело вздохнул, явно осознавая, что толку с профессора будет немного.

- А сказать скажи. Найти Чарльза Диксона. Знаешь такого? Вот ему и скажи. И... заодно приглянь, чтоб девочек не обижали.

Патти чуть дернулся и попятился, но был остановлен.

- Что?

- Я не уверен... пойми, я не то, что в этом клубе... я... ну, как бы оно... в общем, я вовсе тут... держусь...

- Да говори уже, - Эдди испытывал преогромное желание просто поднять недотепу за шкуру и тряхнуть хорошенько.

- Было бы, что сказать, - Патти сник. – Толком-то и не знаю. Знаю, что вчера в «Молоте и ведьме» сидели... там каждый день сиживают,

но не так, что... Сент-Ортон кинул, что, мол, есть разговор. А меня не пустили.

Это он откровенно пожаловался.

- Пришли старшие курсы. Из тех, которые благородные. А такое отребье, как я...

- Его много?

- Есть. Дюжины две, и то большей частью среди первогодок, потому как милостью Императора и все такое... их даже принимают. Как... сапоги чистить кому-то надо, а прислуги вроде как невозможно.

Понятно.

Эдди смотрел. А Патти говорил тише и тише.

- И... долго говорили, а значит, какую-то пакость придумали.

- Какую?

- Да откуда ж мне знать! Я не из тех, кому доверяют. Но вернулись довольные. И... и еще вечером Йогансон, он из старших, был пьяноват. Сказал, что, мол, завтра будет весело. То есть сегодня...

Эдди молча развернулся.

- погоди! Они, может, и дураки, но не совсем же! Нападать точно никто не станет, - Патти вцепился в руку. – Так, может, посвистят... и еще чего... кальсоны вот вывесят.

- Зачем?

- Ну... презрение показать.

- Кальсонами?

Патти моргнул и совсем съежился.

- Когда... как-то... они вывешивали... много...

Ничего не понятно, но...

Эдди вздохнул. И поглядел на дверь. Вернуться? Тогда позовут ли его снова? Или сочтут себя оскорбленными? Остаться? И бросить Милли?

Там вроде Чарльз быть должен.

И...

И его позовут. Или все-таки...

- Ты должен, - Патти указал на дверь. – Если не пойдешь, то... то я не знаю, что они сделают. С тобой. Со... мной.

- Ты-то каким боком?

- Я не выполнил задание, а значит не достоин, - улыбка была кривой. – Недостойным не место в этом... месте. По-дурацки звучит,

но как оно есть. Если хочешь, я предупрежу твою сестру. Могу сказать, чтобы вообще никуда не выходила. И...

И это будет правильно.

- Скажи. И Орвудов найди.

Патти передернуло.

- Орвудов лучше иметь в друзьях, - Эдди похлопал мальчишку по плечу. И повернулся к двери. – Неплохие мужики. Даром, что некроманты.

Тук-тук...

Дверной молоток касался дерева и звук получался на диво глухим. Мерзким. И... ничего. Надо же, так ждали, а в итоге... и что дальше? Самое время уйти. Он приходил, но никого не оказалось дома, так не Эдди в том виноват.

Он снова потянулся к молотку, а потом, повинуясь порыву, просто толкнул дверь. И та отворилась с печальным скрипом, словно приглашая.

Эдди вытащил револьвер.

Как-то не настраивали на дружелюбный лад такие вот приглашения.

Холл.

Пустой и темный. Оконца где-то высоко и свет, сквозь них пробивающийся, рассеивается меж колонн. Колонны все же есть, целых четыре. Уходят наверх, поддерживая мраморный купол потолка.

Пол тоже мраморный.

И чистый.

Пожалуй, именно это и бросилось в глаза – чистота. Ни паутины, ни пыли, которая должна бы появиться, а стало быть, убирают.

Кто?

Какая разница.

- Эй, - голос Эдди утонул в тишине. И где-то там, впереди, позвало эхо.

Интересное дело.

- Есть тут кто живой?

- Ой, ой, ой, - эхо заныло на разные голоса. Ну и что дальше-то?

- Ну как знаете, - Эдди развернулся и толкнул дверь. Вот только та не шелохнулась. Заперли? Кто? Он бы услышал. Но... не услышал. И стало быть, дело в магии.

Ловушка?

А он, как последний придурок, храбро сунулся? Сам виноват. Хотя... нет, опасности Эдди не ощущал. И дверь, если подумать, не так уж крепка. Высадит.

Он погладил пояс. И вот кто бы что говорил, а как чуялось, что пригодятся алхимические шашки.

- Ну и дальше что? – Эдди повернулся. Появилось чувство, что за ним наблюдают. Откуда? Он сосредоточился. Сверху. Там, где в сумраке терялся купол. А тоже странное сооружение, словно крышку мраморную на колонны воздвигли. И явно за куполом что-то да есть.

Тишина.

Говорить с ним не желают?

Что ж...

Он поднял револьвер и нажал на спусковой крючок. Выстрел громыхнул так, что уши заложило. А сверху посыпалась мелкая крошка.

- Еще? – поинтересовался Эдди.

- Прекратите! – голос донесся сверху. И был глухим, раздраженным. – Вы ведете себя, как...

- Дикарь?

- Именно.

- Я и есть дикарь, - Эдди вытащил второй револьвер.

- Кто вам разрешил притащить сюда оружие?!

- Никто. Я сам. По личной инициативе, - сложно ориентироваться, не видя собеседника. Но Эдди закрыл глаза и видеть стало не нужно. Теперь он чувствовал того, кто скрывался в тенях. И не только его.

Трое?

Пока трое. С тремя Эдди справится.

- Спускайся, - предложил Эдди. – Поговорим?

- Ты... ищущий... - заголосили наверху, но как-то вот без должного пафоса. – Ты должен пройти путь!

- Кому должен?

- Прекрати!

- Не собираюсь, - там, наверху, кто бы он ни был, явно злился. И это доставляло изрядное удовольствие. – Сначала зовете, потом балаган устраиваете. А я с детства балаганы не люблю.

Смешок.

И одна из теней приходит в движение.

- Прошу простить моих братьев, - она обретает плоть, а Эдди с неудовольствием отмечает, что именно эту тень он не ощущал. Вот никак. – Они привыкли к тому, что здесь оказываются куда более подготовленные личности. Ожидающие даже.

- Чего ожидающие?

Фигура в плаще.

На лице маска. И плащ скрывает очертания тела. Маска черная. Плащ тоже.

- Принятия. В клуб многие стремятся... Эдуард?

- Эдди, - осклабился Эдди так широко, как мог. – Лучше просто Эдди. Мне эти ваши Эдуарды вот здесь.

И рукой по горлу провел.

Глаза скрыты за круглыми алхимическими очками. На голове цилиндр, и это выглядело бы смешно, но смешным не кажется.

- Я не стремлюсь, если что, - сказал Эдди. Человек в маске разглядывал его столь же пристально. И видел... что? Костюмчик, конечно, матушкиными стараниями изрядный. И рубашка белая. Даже чистая. А вот в остальном он мало изменился.

И рожа по-прежнему нечеловеческая.

- Братья хотели бы познакомиться с личностью столь выдающейся, - человек отвесил поклон, а Эдди кивнул.

- Зачем?

- Скажем так... наше общество хранит традиции. Прошу за мной...

- Эй, - окликнул Эдди. – Называть тебя как?

- Первый брат, - тень откликнулась. – Можно просто Первый.

Ага.

Ни хрена не понятно, но револьверы убирать далеко не стоит. Эдди и не стал. Он держался шагах в трех, не выпуская из вида этого вот высокого цилиндра.

За колоннами обнаружился узкий коридор, закончившийся дверью, точной копией той, что вела в этот дом. А за нею уже и лестница.

И еще коридор.

И снова лестница.

- И долго мы так гулять будем? – осведомился Эдди, оглядываясь. Газовые рожки имелись, пусть и редкие, и светили тускло.

Старое место.

Очень старое.

А главное... что-то такое он уже встречал и не так давно. Эдди провел пальцами по стене, убеждаясь, что не ошибся. Тот же камень, темный, в красноту. Выходит, что и тут подземелья?

Это ж...

- Почти пришли... на самом деле ищущий должен сам отыскать путь. На то он и ищущий.

- Логично. А если заблудится на хрен?

- О, ну что вы... тот, кто нам нужен, путь отыщет. Ему оставят подсказки. Каждый брат имеет право на одну... ложную или правдивую.

- Игра, стало быть?

- Вроде того. Учеба порой невыносимо скучна, вот и тянет попробовать чего-то эдакого, - Первый толкнул очередную дверь. – Это многим нравится... все рано или поздно просят об участии. А там... если большая часть братьев решает помочь, да и кандидат что-то соображает, он приходит именно туда, куда нужно.

- А если нет?

- Здесь хватает... прелюбопытных мест. Это очень древние подземелья.

В которых легко потеряться так, что и маги не сыщут.

- Как-то, помнится, один весьма самоуверенный юноша, полагавший, что состояние его отца дает ему право чего-то требовать, проплутал три дня.

- Но вышел?

- Несомненно. Хотя, конечно, самоуверенности у него убавилось. Да и вовсе он счел нужным прекратить обучение. Так сказать, по состоянию здоровья.

Это предупреждение? Несомненно. Вежливое весьма.

- Я к вам не стремился, - заметил Эдди, прикидывая, отыщет ли дорогу. По всему выходило, что да, не так уж далеко его завели. Если, конечно, дорогу не перекроют.

Алхимических шашек у него всего пара штук.

Хватит?

- Несомненно, - Первый открыл еще одну дверь. – Мы сами редко проявляем инициативу, но... случай уникальный. И братья пожелали воочию увидеть того, кто, быть может, в скором времени примерит корону.

- Типун тебе на язык, - не сдержался Эдди.

- Простите?

- Не приведите боги, говорю.

- Вы настолько... нечестобливы? – весьма осторожно осведомился Первый.

- Да на хрен оно мне надо?

Зал.

И на сей раз освещен ярко. Настолько, что Эдди почти слепнет от этого света. Здесь жарко и душно. Горят факелы, закрепленные на стенах. Пылает огонь в высоких золоченых чашах. Оплывают от жара свечи на огромном тележном колесе. И в пламени их цепи, колесо удерживающие, кажутся красными, будто того и гляди металл потечет.

Сам зал не сказать, чтобы велик.

Круглый. Форма правильная. Пол гладкий. На нем белым мрамором выложен круг, шагов десяти в поперечнике, а дальше – камень черный. И снова же выскобленный до зеркального блеска.

Стены...

Укрыты полотнищами. Словно стяги свисают. Или не словно? Так и есть, старые стяги... с драконами?

- Приветствуем взыскующего! – стоило Эдди переступить порог, как люди поднялись с мест своих.

Черные балахоны.

Маски.

И... так и тянет перестрелять всех к этакой-то матери.

Эдди застыл.

Интересно.

Страсть до чего интересно.

- Проходи, - Первый указал в круг. – И ничего не бойся. Тебе не причинят вреда.

Ну да, а Эдди настолько наивен, что вот просто взял и поверил.

Но, хмыкнув, он демонстративно убрал револьвер. Что-то подсказывало, что не поможет. С одним магом Эдди справился бы. Но вот с дюжиной... и дюжина магов – это несколько чересчур.

Шаг.

И камень белый отзывается. Что-то в нем, в этом камне, не то... неправильно. И главное, нельзя сказать, что именно. Эдди опустился на корточки и коснулся. Теплый, словно и не камень вовсе.

- Эй, - окликнули его. – Чего ты...

Эдди разогнулся. Сложил руки за спину. Медленно повернулся, обведя взглядом всех собравшихся. Детишки... такие большие, такие важные в собственных глазах. А все одно детишки, вряд ли понимающие, в какую игру ввязались.

- А чего он? – донеслось от стены и такое вот, обиженное донельзя. – Не, ну в самом деле...

- Взыскующий! – возопил кто-то достаточно громко. И на край круга шагнул человек. Снова балахон. Маска. Цилиндр. Снова представление, за которым следили многие.

- Взыскующий! – тот же голос звучал строго. – Вам будут заданы вопросы. Отвечайте на них максимально честно. Ложь будет наказана.

Ну да...

Эдди снова опустился и оперся на камень обеими руками.

Нет, не камень. И близко не камень. Тогда... что?

- Имя! – тот, который встал на черной части, старался говорить громко и уверенно, только все одно голос подвел, дрогнул.

- Чье? – уточнил Эдди.

- Ваше!

- Эдди, - Эдди гладил камень-не камень, и тот отзывался, как если бы... да, некогда, что бы это ни было, оно было живым.

- Полное имя!

- Обойдешься.

- Он издевается? – раздалось тихое, но не настолько тихое, чтобы не услышать.

- Чего ты хочешь от дикаря...

- Послушайте, - Эдди решил не вставать, наоборот, сел, скрестив ноги. – Детишки...

Молчание. И сопение.

- Я сюда не стремился. Вы меня позвали. Я пришел. Потратил время. И что взамен? Игра? На хрен она мне упала? Как и ваше общество, уж извините, нужное лишь вам.

- Что он себе...

- Наказание! – возопил тот, кто стоял по другую сторону черты. И руки воздел к потолку. А белый камень вспыхнул, но... ничего не произошло, разве что острее стала ощущаться его суть.

- И? – Эдди выждал несколько секунд, чувствуя скрестившиеся на нем взгляды. – Дальше-то что?

Тот, который стоял напротив, растерянно оглянулся.

И рядом появилась еще одна фигура.

- Вы... что чувствуете? – осведомился Первый. Его Эдди по голосу узнал.

- Ничего, - честно ответил он. Подумал и признался. – Пятка чешется. Это в счет?

- Точно издевается...

- Кстати, слух у меня отличный. Я и пуму слышу. Вы когда-нибудь слышали, как пума ступает?

- Не доводилось, признаться...

- Очень тихо, - произнес Эдди доверительно. – Так что, может, если эта хрень все, чего вы хотели, то давайте заканчивать. Или хоть пожрать дайте...

- Вы сейчас можете...

- Жрать я могу всегда, - заверил Эдди. И добавил. – Жизнь... скажем так, быстро учишься, что на пожравши оно как-то всегда легче.

- Дикарь...

Он хмыкнул и по животу хлопнул.

- Что ж... в таком случае, думаю, никто не станет возражать, если мы продолжим беседу в другом месте, - Первый отступил. – Прошу вас. И... господа, в самом деле получилось неловко. Мы пригласили уважаемого... Эдди...

Он все же споткнулся, потому как «уважаемый Эдди» звучало явно хуже, чем «уважаемый Эдуард», но как уж вышло.

- И было бы крайне невежливо не компенсировать причиненные неудобства завтраком... вы что предпочитаете?

Эдди поглядел в стекла очков и честно ответил:

- На завтрак я предпочитаю еду.

Глава 29 Где занятия продолжаются, а у леди появляется поклонник

Глава 29 Где занятия продолжаются, а у леди появляется поклонник

Типчика, который ошивался подле университета, бодро помахивая букетом, первую заметила матушка.

- Никак поклонник, Милли, - сказала она с насмешечкой, которая от профессора не скрылась. Тот нахмурился, повернулся и, смерив несчастного взглядом, отчего поник и типчик, и букет, заявил.

- Вам, Грегор, сейчас не о цветах надо думать, а о пересдаче.

- Я о ней думаю, профессор! – заверил типчик, вперившись в меня взглядом. Даже глаза выпучил.

- Это он чего? – шепотом поинтересовалась я.

- Страсть изображает, - уверенно ответила ведьма. – Неземную.

- А... с земной бы его так не пучило.

Профессор посмотрел на меня.

На типчика.

И хмыкнул.

- Что ж, - произнес он. – В таком случае, не смею вас задерживать. Кстати, до чего знакомые цветы... помнится, профессор Кингсли жаловался, что кто-то повадился вредить университетским клумбам.

- Не я! – Грегор поспешно сунул букет за спину. Потом спохватился. – Я... я слышал о неприятном инциденте...

Только слышал? Или и поучаствовать успел?

- И мне очень печально... несказанно печально... от того, что мои... сокрусники повели себя подобным образом.

- Настолько печально, что вы готовы назвать имена? – профессор, который чем дальше, тем больше мне нравился, и главное, чую, что не только мне, приподнял бровь.

- Что вы... вы... вы же понимаете, я не могу... это будет против законов чести.

Ага, стало быть, травить слабых женщин, которым просто захотелось поучиться, это не против законов чести.

- Я лишь хотел... хочу... принести извинения за всех. Мои братья заблуждаются, и я уверен, что весьма скоро они отринут

заблуждения... и проникнуться... проникнуться любовью и пониманием. А пока вот...

Он сделал шаг вперед и протянул букет.

Мне.

Только маменька, вот не знаю, как у нее выходит, вдруг оказалась перед этой бестолочью и букетик перехватил.

- Благодарю, - сказала она, одарив Грегора очаровательной улыбкой, которая заставила профессора нахмуриться. Вот чувствую, не заладится у парня с пересдачей.

Тот тоже сообразил, что что-то пошло не так.

- И... если позволите проводить вас...

- Я и сам справлюсь, - взгляд профессора заставил Грегора слегка побледнеть. – Прошу, дамы... вам, мне кажется, стоит подкрепиться. И затем практика... теория, несомненно, важна, но и практика...

- Профессор! – Грегор очень быстро справился с растерянностью. – Профессор, вы не откажетесь проконсультировать меня?

- В установленные часы буду только рад.

- Просто... я решил написать работу по вашей тематике!

- Несказанно рад слышать, - оскалу профессора позавидовала бы иная нежить. – В вас вдруг тяга к знаниям проснулась?

- Несомненно! – он даже подпрыгнул. И попытался приблизиться.

- Какой милый юноша! – восхитилась леди Орвуд, оглядывая Грегора с макушки до пяток и обратно. – Девочки будут так рады знакомству...

- Несомненно! – Виктория сделала шагок. – Я так... взволнована! И совершенно нет сил...

Ей тотчас предложили руку.

Правда как-то без бывшего энтузиазма, а в глазах профессора появилось что-то такое... предвкушающее?

- Что ж, - сказал он. – И о чем же вы хотели спросить?

- О... о науке!

- Она такая научная, да?

Шелтон явно издевался. И получал от того немалое удовольствие. А я что? Я иду вот. Смотрю. Любуюсь окрестностями, как оно и положено.

- Конечно! И... и я подумал, а что если в плоскостной щит добавить не плоскость?

И снова на меня уставился, причем левый глаз от напряжения стал слегка косить.

- А что у вас с глазами? – поинтересовалась я. – Левый, кажется, косит.

Он моргнул.

- Вам... показалось.

- Не думаю. Точно косит. У нас, в Последнем пути, Маки был. Погонщик скота. Так-то он хороший, особенно, когда подопьет слегка, так вообще душа-человек. А поскольку он почти всегда подпивший, то милее не было...

Чувствую, леди говорить надо не о том. Но профессор хмыкнул, а у этого, Грегора, глаз дернулся. Снова же левый.

- Так однажды лошадь его по лбу лягнула. Кто другой, тот бы и откинулся. Лошадь – это же ж не шутки.

И все закивали. Кроме Грегора, который косился на меня с немалым подозрением.

- А он ничего. Только глаз дергаться стал. Ну аккуратно, как у вас. Вас лошадь не лягала, часом?

- Нет, - сухо ответил Грегор.

Матушка улыбнулась.

- И хорошо. А то ж глаз ладно, но можно и мозгами повредиться.

- О, для этого лошади не нужны, - подхватил профессор. К слову, он так и остался в рубашке, слегка грязной, мятой, но какая уж есть. Еще и мелом слегка испачкался. – Некоторые от рождения почти, считайте, поврежденные...

Грегор поджал губы.

- А что до вашего вопроса, то попробуйте сформулировать его точнее. Какой именно из плоскостных щитов вы хотите взять за основу? И что именно вы подразумеваете под термином «не плоскость»? Объемный конструкт? Верно?

- Д-да...

- Но какого типа? И главное, зачем?

- Я... пока не знаю. Но мне кажется... кажется...

- Ой, - перебила Виктория. – Мне тоже иногда казаться начинает. Так начинает, что прямо ах! А матушка утверждает, что это всего-навсего воображение. Но какое воображение, когда оно действительно кажется? Маменька говорит, что мне просто муж нужен хороший.

И ресницами хлопнула.

И тоже уставилась, правда, у нее глаза как раз не косили, а что черными сделались, так оно бывает. Особенно у ведьм.

- А у вас есть невеста? – подхватила Эванора Орвуд. – Вы не подумайте, что мы так... бесцеремонно, но понимаете, грешно не воспользоваться ситуацией.

- К-какой?

- Подходящей, - леди Орвуд поглядела на девочек и клянусь, еще немного и она в голос рассмеется. А главное, не только она. – Где еще можно встретить такое количество чудесных юношей. И большею частью свободных от обязательств. Так вы из какого рода будете?

Грегор сглотнул.

Огляделся.

- Щит, - вспомнил он. – Щит Маккинтоша! Если добавить в него полусферу классической конструкции, то... то не приведет ли это к экспонентальному росту энергии?

- Надо же, - профессор искренне восхитился. – Всегда знал, что общество дам благотворно влияет на мужской разум, но чтобы настолько... впрочем, идея, конечно, любопытная. Здесь в конечном итоге многое зависит не от входящей энергии, но от устойчивости конструкции. А с ней явно будут вопросы. Чем хорош щит Маккинтоша?

- Ну, он это... - Грегор покосился на леди Орвуд, которая шла рядом и мило улыбалась. – Он... прост в исполнении.

- А недостатки?

- Малый коэффициент сопротивляемости.

- Это что значит? – уточнила Эва.

- Что, допустим, слабый удар он выдержит, а вот если совокупная кинетическая энергия снаряда будет выше коэффициента...

Так мы и дошли.

И завидев домики, Грегор вздохнул с немалым облегчением. Кажется, он несколько устал говорить, тем паче профессор отчего-то выбрал весьма окольный путь.

- Вот видите, - профессор даже улыбнуться соизволил. – Можете ведь, когда захотите... будем считать, что экзамен вы сдали.

- Я?

Столько удивления. Правда, возражать Грегор не стал, только опять на меня выпучился, хотя и без прежнего усердия.

- И да, - профессор словно спохватился. – Для пущей наглядности. Жду вас через... дамы, двух часов вам хватит? Отлично. Через два часа на полигоне. Посмотрим, что вы на практике сможете.

Парень сглотнул.

И кивнул.

- И да... если есть еще желающие, пусть приходят. Леди нужна будет практика...

Что-то мне это не нравится.

- Идите уже.

И послушаться Грегор не посмел.

- А теперь, - профессор поклонился, глядя на матушку. – Прошу простить меня за... неподобающий внешний вид. И... я вернусь через два часа. Леди... если будет желание, присоединяйтесь. Хотя честно, не случилось мне еще работать с... нестандартными дарами.

И ушел.

А я тихо спросила у матушки:

- Ты его знаешь?

- Милли.

- Знала, - я поправилась. – Раньше...

- Немного, - она тихонько вздохнула. – У моей подруги были братья. И они учились здесь. Что-то у них там не получалось, вот отец и нанял наставника. Он был таким... забавным. Казался. Старше нас, и еще очки носил. Для солидности. Над ним подшучивали и теперь я понимаю, что многие шутки были злыми. Но... Надеюсь, он нас, глупых простил.

Профессор ничего не ответил.

Конечно, простил.

Ну, или простит. Куда ему деваться-то?

Под строгим взглядом матушки Эваноре тотчас стало стыдно. Очень и очень стыдно. И кажется, не ей одной.

- Я не буду спрашивать, чем вы занимались ночью, - матушка сняла перчатки и осмотрелась. – И говорить о том, что леди должна помнить о репутации...

- Ты уже говоришь, - буркнула Тори.

- Я убеждаю себя в том, что все происходящее имеет хоть какой-то смысл.

- Мы... просто гуляли, - пискнула Эва, вжимая голову в плечи. – Не спалось и...

- И так гуляли, что возвращали вас... я даже сказать этого не могу!

Эва вжала голову сильнее.

Откуда матушка...

- Это счастье, что все произошедшее... произошло тут! – матушка сама запнулась. – И мы можем верить... мы...

Она махнула рукой, явно не находя нужных слов.

- Приведите себя в порядок. Нас ждут.

Вздых.

И руки дрожат.

- Прости, - Тори покраснела и сделала шаг. – Прости, пожалуйста... Эва, она не виновата. Это все я! Я её потянула и... и она пошла. А я потом... потом случилось. Я плохо помню, опять это все... голова просто раскалывается порой!

Матушка вздохнула.

- То есть, я помню, что было. Все помню. Но от этого только хуже... и я не уверена, что меня опять туда не потянет! Ночью! И... и может, мне действительно стоит вернуться? Домой?

- А если тебя из дому потянет? – возразила Эва, потому что, может, они с Тори и не слишком друг с другом ладят, но оставаться тут одной... нет уж.

- Что ж... - произнесла матушка задумчиво, - этого тоже нельзя исключать. Вот куда они запропастились, когда так нужны? Вечно с этими мужчинами... сегодня же я переселюсь сюда.

Тори вздохнула, тяжело так.

- И спорить не стоит.

- Никто ведь и не собирается.

Матушка фыркнула и спокойно сказала:

- Вы же видите, что здесь происходит... и этот вот молодой человек. Он появился неслучайно. И я думаю, что он – лишь первый из...

- Поклонников?

- Если бы... вчера мы беседовали с леди... Элизабет, - матушка встала. – И разговор во многом получился интересный.

Она чуть сморщила носик.

- Вас определенно постараются дискредитировать. Вернее сделать так, что ваша репутация пострадает. Возможно... сильно.

Еще сильнее?

Куда уж больше-то?

- Почему? – Эва и вправду этого не понимала. Пыталась. Честно. И... и если поступок Стефано она хоть как-то могла, нет, не оправдать, но объяснить. И даже Мамашу... Китти... тех, кто в зале. Все искали своей выгоды.

А здесь?

Какая выгода в том, чтобы дискредитировать её и Тори? Заманить вот в тот лабиринт? Бросить? Или вот сегодня... сегодня они собрались и стучали.

Громко.

От этого было совсем даже не по себе, но... но если отвлечься, то какой в этом смысл?

- Сложно сказать, - матушка выглядела усталой. Тоже ночь не спала? И... и что она знает? Что Эву принесли? И гадать нечего, кто именно нес. А Тори?

Конечно. Она же... она же прямо и намекнула. То есть сказала.

Уши стали горячими.

И не только они.

- Университет всегда был привилегией мужчин. Женщины... женщинам здесь не место, и нам ясно дают это понять. А мужчины... жестоки.

Эва переглянулась с сестрой.

Не все ведь?

Или...

- Даже в свете некоторые... молодые люди позволяют себе вольности. Недопустимые. Для них это своего рода игра. Увлечь юную особу, затуманить ей разум. Не обещать ничего прямо, но намеками дать понять о серьезности намерений. А затем взять и бросить. Недостойное поведение, но... мир несправедлив, девочки. И в случае, если произойдет... двусмысленная ситуация, то обвинят женщину. Всегда – женщину.

- Да, мама, - тихо ответила Тори, правда, явно думала она о чем-то своем. Вряд ли о репутации.

- Поэтому, прошу вас, будьте осторожны. И эти юноши... вы ведь не думаете, что он не знал о происходящем? Или вовсе не принимал участия? Если и не принимал, то знал определенно. А потом явился просто так...

Кажется, матушку это весьма возмущало.

Эва вздохнула.

- Маски, - сказала она. – У них у всех маски.

- Вот и не забывайте об этом, - матушка чуть пригладила волосы.

– И раз уж все так получается, то дамам лучше держаться вместе.

Глава 30 О тайных тайнах тайного сообщества

Глава 30 О тайных тайнах тайного сообщества

Что скрывается в подземельях?

Подземелья.

Наверное, во времена иные Чарльз бы проникся. Но после древнего города нынешние подземелья не производили должного впечатления. Коридоры, вырубленные в скалах, сменялись другими.

Третьими.

Порой случались ступени, что вниз, что вверх. И главное, в этом всем имелась некая система, которая и позволяла провожатому ориентироваться. Каин шел впереди, за ним следовал Авель, а вот прочие остались в клубе.

Не стоит привлекать внимание, так Чарльзу сказали. А он сделал вид, будто поверил, что дело именно во внимании.

- И долго нам еще? – раздражение накатывало волнами.

- О нет, уже нет... - Авель обернулся и в сумраке, который огонь факела разгонял лишь немного, лицо его показалось очередной маской.

Маской оно и было.

- Эти коридоры пронизывают весь город. Кем они были созданы, не известно. Один из братьев полагает, что нелюдью во времена незапамятные...

- В те, когда живы были драконы?

Факела Чарльзу не досталось.

Правильно. Тьма заставляет человека держаться ближе к свету. Не отставать. Это ведь так легко, потеряться во мраке. Сбиться с пути. И остаться здесь, внизу, в лабиринте коридоров.

- Вы весьма осведомлены... - Каин произнес это с неудовольствием. – Даже слишком.

- Довелось побывать в... подобном месте. Там, за пустыней, тоже есть город. А под ним – еще один.

- Об этом вы не говорили.

- Как-то вот не довелось.

Отблески пламени скользят по камню, иногда выхватывая черные пятна то ли рисунков, то ли просто сажи. А ведь водят его кругами.

Раньше Чарльз, может, и не понял бы, но теперь в голове четко выстраивался путь. Прямо. Поворот налево. И снова прямо. Поворот направо. Потом налево. И опять вниз.

Вверх.

Его ведут вокруг чего-то, создавая иллюзию, что путь долог, а на самом деле, куда бы они ни шли, это место находится рядом.

- В этом городе жили люди. И потомки тех существ, которые город построили. Назвать их людьми было бы крайне неосмотрительно. Впрочем, к известным расам я их тоже не отнес бы. Подземники...

Чарльза передернуло, стоило вспомнить.

- И тот город был построен под землей именно для того, чтобы укрыть их от гнева драконов.

- Стало быть, вы верите в существование драконов, - с убежденностью произнес Авель.

А Каин промолчал.

Стоило обернуться и... да, его нет. Внизу и вправду легко потеряться. Особенно, если ты этого хочешь.

- Где он? – Чарльз разыграл испуг. – Он...

- У него свои дела, брат, - мягко произнес Авель, перекладывая факел в другую руку. – Не стоит отвлекаться по пустякам. Драконы... что ты знаешь о драконах?

Чарльз прикусил язык, чтобы не ляпнуть лишнего.

- Немного. Мы... были в их городе. И они умели оборачиваться людьми.

- Слышал подобную легенду, но она напрочь ненаучна, - Авель позволил себе быть снисходительным. – Скажем так, подумайте, как огромный ящер может стать человеком? Или наоборот? Закон сохранения массы, закон сохранения энергии. Законы физики незыблемы.

Чарли хотел было ответить, что физика тоже разной бывает. Но промолчал.

- Скорее уж, если размышлять так, то мы имеем дело с двумя элементами одного явления. Скажем, если допустить, что землю населяли огромные летающие твари, а допустить это легко, благо, современная палеонтология в огромных количествах предоставляет доказательства. Вы ведь не будете с этим спорить?

Спорить Чарльз не стал.

Спорить, когда ты находишься хрен знает где и зависишь от своего провожатого, в целом глупо.

- Так что вероятнее всего мы имеем дело с некой разновидностью динозавров, которые умели летать и обладали каким-никаким подобием разума. Животного, само собой.

Интересно, что ему бы Милисента сказала.

- Змеиный разум или разум ящерицы слишком примитивен, чтобы им управлять, - пояснил Авель, чуть замедлив шаг. А ведь поворот знакомый. И коридор этот. Лишь кажется, что один коридор копия другого. На самом деле и камень бывает разным.

А вот рисунок, весьма примитивный, Чарльз определенно запомнил.

Несколько черточек, так дети изображают людей. И еще один человечек выше. А ниже – палочки-тело, палочки-ноги.

Палочки-рога.

Олень?

- А вот с животными более высокого порядка все много проще. Так что мы имеем дело с людьми, которые обладали ярко выраженными ментальными способностями. Настолько, что могли управлять огромными тварями. И это давало им несомненное преимущество.

- А остальные? – поинтересовался Чарльз. – Орки, сиу... и люди тоже?

- Логично, что если у кого-то есть преимущество, он это использует. Скажем, чтобы покорить окрестные народы. Тех же орков и сиу... вы читали работы Лессара? Он раскопал в Африке останки древних людей, утверждает, что им сотни тысяч лет. И кости их очень отличаются от современных.

- Не довелось.

- Ознакомитесь. Братство старается быть в курсе последних новостей в науке. И если взять за отправную точку факт, что в древние времена древние люди разошлись по разным землям, а после изменялись сообразно эволюционной гипотезе... вы о ней-то слышали?

- Слышал, - признался Чарльз.

А ведь Авель не идет дальше.

Ждет.

Чего? Разговор так интересен? Или тянет время? Готовят очередную сцену.

- Вот... таким образом можно объяснить появление разных рас. И то, что существуют полукровки, лишь подтверждает эту теорию. Правда, в прочих частях мира люди вытеснили орков и сиу, и иных, если таковые были, что ясно свидетельствует о превосходстве нашей расы над прочими[1].

- Полагаете?

- Уверен. И думаю, что вы сами это знаете... идемте. Вы должны увидеть это. Уже недалеко.

Недалеко.

Глубоко.

Поворот, который до того скрывался в глубокой тени. И лестница. Ровные ступени. Подобие перил, которое приделали к камню. Стало быть, ею пользуются часто. Скобы в стене. Факелы. И свет их яркий, ровный.

Душно.

Огонь пожирает воздух, и дышать становится тяжело. Не спасают и черные окна воздухопроводов, которые открываются над факелами. Чарльзу приходится дышать ртом. Кожа покрывается потом, и он, крупный, бисерный, катится за воротничок.

Воротник сразу пропитывается этой влагой.

И рубашка тоже.

Ниже.

Еще ниже.

Лестница винтовая. И кажется, совсем скоро она проберется до самого центра земли.

- Чарльз, - перед очередной дверью Авель останавливается. – В ином случае ваш путь сюда занял бы годы, но сейчас... сейчас нам нужно спешить. И потому вам оказана небывалая честь.

Вот без этой чести Чарльз бы неплохо обошелся. Но он лишь кивает.

- Вы либо станете одним из нас, - теперь он не скрывает угрозы. – Сердцем и душой. Либо... останетесь здесь.

- Надеюсь, выбор будет несложным, - Чарльз очаровательно улыбнулся.

Все же иногда воспитание – это хорошо.

Дверь отворяется беззвучно. И Авель отступает, предоставив Чарльзу сделать шаг. Ёкает сердце. И страшно становится. Страх иррациональный, Чарльз справляется с ним легко, но он есть.

Что там?

Очередная зала?

Балахоны? Маски? Продолжение игры? Очередная тайная тайна? Это как... как подарок распаковывать, когда под слоем бумаги второй, потом третий и четвертый. И появляется мыслишка, что до сути ты точно не доберешься.

Не в этой жизни.

Чарльз переступил порог и прищурился.

Ярко. Надо же, до чего яркий свет... и вовсе не факелы. Факелы остались за дверью, что захлопнулась за его спиной. А здесь электрические лампы. Висят переспелыми грушами.

Дышать тоже легче.

Что-то там, сверху, гудит, но света много и за щитом его не разглядеть, что именно.

Зал?

Несомненно. Один из нескольких. Неправильная форма. Тот же камень, но вычищенный, выскобленный докрасна. Кое-где его прикрывают полки. И на полках уже стоят камни причудливых форм.

Люди?

В первое мгновение показалось, что никого-то нет. Но затем Чарльз ощутил взгляд. Такой холодный. Внимательный. Оценивающий?

Пожалуй.

И оценивать будут его.

Проклятье, а ведь он и вправду может не вернуться. Вот Милисента расстроится-то... и сам дурак. Как есть. Но что уж теперь переживать? Поздно.

- Эй, - Чарльз оглянулся, чтобы убедиться, что дверь заперта. И Авель, кем бы он там ни был на самом деле, входить не стал. – Есть тут кто?

Он сделал шаг.

Что еще?

Столы. Длинные столы из тех, которым место в госпитале. Стоят, поблескивают металлом. Меж ними – столики, снова из госпиталя. Инструмент прикрыт, но Чарльз знает, он там есть.

И тело на столе.

На самом дальнем. Оно лежит под простыней, которая лишь обрисовывает очертания. Что это? Проверка? Глупая шутка?

- Эй... - голос тает и теряется. Пещера велика и формы неправильной. Она изгибается, уходя куда-то дальше, но пока не рассмотреть, куда именно. – Есть тут...

Еще шаг. Теперь становятся видны шкафы, высокие, в потолок. Со стеклянными дверцами, за которыми выстроились черепа. Они пьются на Чарльза темными провалами глазниц.

И скалятся.

Человеческие? Он не настолько хорошо знает анатомию, чтобы утверждать со всей определенностью. А тело на столе неподвижно. И... тянет убрать простыню.

Рука сама к ней тянется. И замирает.

Старая студенческая шутка? За такие и зубы выбить можно, но...

Простынь съезжает. И нет, не шутка. Девушка мертва. Какое смутно знакомое лицо. Чарльз её видел? Определенно. Бледненькое. И румянца нет. Косметики. Голова обрита, поэтому и черты искажаются. Это та, которая... смирная такая.

- За что её? – вопрос Чарльз задал в никуда, но его услышали.

- Эксперимент, - спокойно ответили ему. И затем из сумрака пещеры, того, что начинался за шкафами, выглянул человек. – Всего-навсего эксперимент.

- Над людьми?

Шея у девушки тонкая. И синяки на ней, которые кажутся яркими, словно кто-то испачкал руку в варенье, прежде чем схватиться за эту вот шею.

Кто?

Синяки есть и на плечах.

На ребрах.

- Если хочешь изменить мир для людей, то и опыты надо ставить над ними, - человек приближался медленно. Он шел, то и дело останавливаясь, чтобы перевести дух.

Болен?

Чарльз прищурился.

- Кто вы?

- Разве имя имеет значение?

- Пожалуй, нет, - он прикрыл девушку, которая осталась также безразлична. – Но надо же мне как-то вас называть. Брат... братом, простите, не могу.

- Мне говорили, что вы весьма... как бы это выразиться... щепетильны?

- Чистоплюй?

- Именно.

- У всех есть недостатки, - Чарльз повернулся к шкапам. – Это черепа ваших жертв?

- Что? Жертв? Тогда уж не моих, - человек засмеялся хриплым дребезжающим смехом. – Это скорее жертвы науки. Еще то чудовище.

- Больше, чем люди?

- От людей она неотделима. Люди... они всегда желали знать. Почему солнце садится и восходит. Почему идет дождь. Почему земля родит. Почему случаются болезни. Тысячи, тысячи тысяч вопросов, которые породили науку, а уж она в свою очередь – новые вопросы. Процесс познания неотделим от разума, - человек коснулся пальцем лба.

И наконец-то подошел достаточно близко, чтобы можно было его разглядеть.

- Кто вы?

Невысокий. Сутуловатый. И сутулость эта какая-то странная. Складки плаща, в который человек кутается, не скрывают её, наоборот даже, подчеркивают, что левое плечо у него выше правого. Что руку он поджимает к груди, а сама грудь будто утоплена в тело. Правая рука стискивает рукоять трости, простую, без фигур и серебра. И она нужна не для красоты – для опоры.

- Тот, кто должен был умереть.

- При пожаре? Много лет тому?

Лицо у него ровное, с кожей гладкой, которая бывает лишь у людей юных. И это тоже кажется неестественным. Даже не маска – хуже.

Это лицо притворялось настоящим.

- Вы и о том знаете? Орвуд? – губа человека дернулась. – Конечно, больше некому... предатель.

- Почему?

- Вы ведь вхожи в его дом, верно? И с младшим вас связывают отношения весьма дружеские.

- Это обвинение?

- Отнюдь, отнюдь... некроманты – весьма редки. Дар у них уж больно специфический. Разрушительный. И чаще всего первым делом он уничтожает владельца. А потому, если и просыпается вдруг у кого, то чаще всего сводит с ума...

Он подходил неспешно.

Кто все-таки? Хотя... Чарльз не знал тех людей.

- Вот и остаются древние рода, знающие, как сдержать эту силу... вас заинтересовали черепа?

- Откуда они?

Человек подошел совсем близко, и Чарльз ощутил острый химический запах, окутывавший его. Тот был столь неприятен, что Чарльз с трудом удержался.

- Это... эти с побережья. Там есть одно закрытое поселение. Старое весьма. Точнее было. Люди долгое время жили в изоляции, брали в жены родственников и вот... обратите внимание, какие неправильные формы, - он открыл дверцу шкафа и взял в руки череп. – Тяжелые надбровные дуги. Кость очень толстая. Выпирающие челюсти. Но это еще образец без дефектов. Там рождалось много уродцев. К сожалению, детские кости слишком хрупки и часто не получается сохранить. А вот это с южных островов. Тоже малая народность. И вновь же – отличия. Размер черепной коробки меньше... Африка.

Он брал один череп за другим. Доставал их бережно, разве что без трепета. Крутил.

Показывал.

Рассказывал.

А Чарльз слушал, не понимая... пока еще не понимая.

- Вот череп сиу... - на стол лег вытянутый желтоватый череп с острыми клыками. – Орка. И белого человека. Обратите внимание...

На что?

Пустые глазницы. Кость. Они ведь принадлежали кому-то.

- ...емкость черепной коробки сиу даже визуально много меньше, чем у человеческого черепа. Большой частью за счет вытянутой формы и низкого купола. А следовательно, те части мозга, которые отвечают за интеллект, развиты у них куда слабее.

Палец скользнул по кости.

- Череп орка кажется больше, но и сами орки больше людей. И если принять во внимание пропорции, то увидим, что и их мозг относительно тела меньше.

- И что?

- Как что?! – возмущился человек. – Это наглядно доказывает их эволюционное несовершенство![2] И преимущество, которым обладает белый человек! И не просто человек! Оглянитесь!

Чарльз оглянулся.

Шкафы с черепами уходили во тьму.

- Я потратил годы... многие годы на то, чтобы доказать, что люди и только люди достойны зваться венцом творения!

- Рад за вас.

- Не верите? О да... это сложно. Невероятно сложно! Взгляните на эту девушку снова. Вам её жаль?

- А может быть иначе?

- Жалость – на диво глупое чувство. Эволюционный рудимент, если хотите знать. Она напрочь лишена функциональности. И если вы найдете в себе силы отринуть её, то увидите чуть больше. Шея.

- На ней следы рук того, кто её задушил.

- Она укорочена! Укороченная шея, как я заметил, свидетельствует о дурной крови. Покатые плечи. Плохо развитая грудная клетка. Чересчур длинные верхние конечности. А запястья? Её запястья слишком широки. Да, если глаз не наметан, это сложно заметить. Но я видел множество таких!

Чарльз сдержался.

- В ней явно присутствует иная кровь.

- И что?

- И отсутствует дар, как высшее проявление эволюции! Маги... вы взгляните на себя! Правильные черты лица. Легкая кость. Тело ваше словно создано, чтобы принять силу. Воспринять силу. В такие вот, - он мотнул головой на лежащую девушку. – Не способны удержать и капли. Вы же... другое дело.

- Все равно не понимаю.

- О да... для понимания нужно время. Время, которого у нас нет. И плохо, очень плохо... любой разум с годами застывает. А вы уже... уже почти не способны видеть. Я попытаюсь. Ради вас. Ради дела... итак, маги – высшая ступень эволюции, но нас мало. Очень, очень мало. И это несправедливо. И главное, с каждым годом становится все меньше. Почему?

- Почему?

- Потому что все вот это... вольности, права... во времена прежние маги брали в жены одаренных женщин. И те рождали магов. Теперь же? Что теперь? Теперь они женятся на любой, кто имеет титул, не обращая внимания, что зачастую кровь давно уже испорчена. Капля иной, всего-навсего капля, и дар умирает! Не только в ребенке, но и во всех потомках порченной женщины! Вы можете не верить, но...

- В моей жене дар жив. Хотя её нельзя назвать в полной мере человеком...

- Именно поэтому она и нужна!

- Кому?

Что-то этот разговор совсем перестал нравиться.

- Идемте, - человек вцепился в руку Чарльза и потащил за собой. – Вы должны это увидеть... я работал... я годы потратил. Годы ушли, чтобы от идеи к гипотезе! К стройной гипотезе, которая изменит мир.

Стало даже немного обидно. Выходит, все вот это, все эти тайны, секреты и клубы – результат выдумки одного насквозь больного человека?

Заговоры.

Теории.

И бред. Явный устойчивый бред, который, конечно, может казаться убедительным. Но... все равно Чарльз испытал огромное разочарование.

Впрочем, справился с ним и даже сумел сказать:

- Внимательно вас слушаю.

[1] На самом деле эволюционно существовало несколько разных ветвей, как человекоподобных обезьян, так и рода Номо, которые в последствии исчезли. Самые известные вымершие конкуренты нашего вида – неандертальцы и денисовцы.

[2] Увы, были в истории человечества социальные дарвинисты, желавшие доказать расовое превосходство европеоидов над прочими. И черепа они сравнивали, и расчеты делали. Кому интересно, сам поищет. Идея в свое время очень популярная. Задолго до нацистов возникла.

Глава 31 В которой находится место завтраку и заговору

Глава 31 В которой находится место завтраку и заговору
Нашлась в подземельях и трапезная.

Эдди крепко подозревал, что в этих подземельях, если поискать хорошенько, много чего отыщется. Правда, отнюдь не столь мирного, как эта вот комната в светлых тонах. Полуколонны. Лепнина. Фреска во всю стену. С драконом.

Тварь расправила крылья, и тень их легла на город, что с высоты казался почти игрушечным. Правда, несмотря на эту игрушечность, выписали его с любовью. Крохотные дома с красными крышами, люди, совсем уж маленькие, вышли на улицы и стояли, глядя на зубастую пасть.

На волнах покачивались кораблики.

- Интересно, - сказал Эдди. – Такого я не видел.

- О, работа одного из братьев. Фантазия, так сказать, о временах давних, когда на земле жили драконы. И наездники.

Ну-ну.

Эдди хмыкнул.

- Не верите? Меж тем у нас есть доказательства, но мы не о том. Завтрак. И вправду, говорить лучше на полный желудок. Это располагает.

Если только не траванут.

Стол накрывали. И главное, Эдди готов был поклясться, что уже видел этого вот, в куделькастом парике и черном старинном костюме. И остальных тоже.

- Это кто? – поинтересовался он, глядя, как чинно и в то же время сноровисто двигаются они. – Тут и слуги есть?

- Не совсем, чтобы слуги... скорее уж доверенные лица. Особо доверенные, - Первый явно смутился и замялся. – Они... опекают нас.

Ага.

- И присматривают за порядком. Все же братья порой ведут себя так, что это ставит под угрозу само существование клуба. Присаживайся.

- Маску не снимешь?

- Пожалуй, что, - он снял и цилиндр, и балахон, оставшись в темном сюртуке. Эдди отметил и цветок в петлице, и булавку для галстука с крупным изумрудом.

Маска легла на стол последней.

- Как-то... привыкаешь их носить.

Юноша.

Незнакомый. Из тех ли, что вчера шептались за спиной Эдди? Он не знал наверняка. Выглядит милым. Дружелюбным. Только это еще одна маска, снять которую куда как сложнее.

- К слову, готовят отменно. Говорят, повар столь опытен, что по запаху способен определить, готов ли соус. И служит клубу уже сотню лет.

- Столько не живут.

- Вот об этом и хотели бы поговорить... с тобой, - юноша опустился на стул, впрочем, сразу и поднялся. – Доброго дня, господин... Созидатель.

Созидатель?

Выдуманное имя. И с претензией. А сам господин в возрасте. На висках седина, на лбу проступили залысины. Еще пара лет и редкие волосы отступят, обнажая макушку.

Пухлые щеки.

Складочки под подбородком. Оттопыренная нижняя губа, из-за которой лицо кажется капризным. Набрякшие веки опустились так, что глаз почти не видать.

И одет с претензией.

Костюм из той же эпохи, что и черные камзолы слуг. Правда, ткань роскошная – темно-зеленая парча, расшитая мелким жемчугом и золотой нитью. Кружевной воротник обнимает короткую шею. Узкие штаны подчеркивают полноту ног. И банты над коленями смотрятся презабавно, как и трость с золотым навершием.

Гость ступает медленно, красиво выбрасывая эту трость, оттягивая руку так, чтобы все-то могли разглядеть. И трость, и золото, и его такого, распрекрасного.

А вот Первый кланяется. И на Эдди смотрит так, выразительно. И вправду ждет, что и Эдди согнется? Перед этим вот... Созидателем?

- Иди, - слово сопровождалось ленивым взмахом руки, которую затем Эдди протянули. Тонкие пальчики, кольца на них одного

богаче.

Эдди руку пожал.

Аккуратно.

И этот вот... Созидатель слегка поморщился, явно выказывая неудовольствие подобным обхождением. Эдди широко осклабился и сильнее затряс ручонку.

А что с дикаря взять-то?

Потом отпустил.

Плюхнулся на стул и подвинул к себе ближайшее блюдо. Что-то на нем было этакое, до боли изысканное, в салатных листьях и с каплями соуса.

Созидатель огляделся.

И тоже сел.

Есть вот не стал. Уставился на Эдди глубоко запавшими глазенками. Кто другой, может, и аппетит бы утратил вовсе, но на Эдди взгляды давно не действовали.

- Вкусно, - сказал он, демонстративно вытирая пальцы о белоснежную скатерть. – Только мало. Вы не подвинете? Он там... мясо? Я мясо люблю. Только вы тут кладете его едва-едва, словно жалеючи...

- Когда мне сказали, кого он... породил на свет, - эти слова Созидающий почти выплюнул. – Я сперва решил, что уши мои меня обманывают. Ибо невозможно, чтобы человек священной крови связался... связался...

- С кем? – любопытствовал Эдди.

- С низшими расами!

- Это вы про кого?

- И вот он не только пал в глазах моих, но и теперь тащит своего выродка на трон?!

- Кто?

Эдди даже оглянулся.

- Вы лучше ешьте, - посоветовал он. – С голодухи вечно какая-то херня мерещится.

- И предсказано ведь было... было предсказано, - бледные пальчики вцепились в навершие трости. – Что наступит час, когда кровь ослабеет... он недостойн, недостойн зваться Императором!

- Да?

- Я, силой своей, волей своей, отрекаю его от трона!

- А так можно? – Эдди подвинул тарелку к себе и принялся.

Место-то странное, еще и потравят ненароком.

- Я! Я имею право!

- Та кто ж спорит-то! Налить?

Эдди потянулся к графину и плеснул чего-то темного, то ли вина, то ли сока. И стол обошел, сунул кубок в белые ручки этого блаженного.

- Вот, выпейте. Легче станет.

- Полагаете? – он моргнул, уставившись на Эдди.

- Знаю. Оно всегда, когда выпьешь, легчает.

Спорить сумасшедший не стал, но кубок осушил одним глотком.

И крякнул.

- И вправду... я не сумасшедший.

Еще бы. Кто ж сам-то признается.

- Конечно, - заверил Эдди. – Вы просто гость тут...

- Я тут живу, между прочим! Вот уже триста лет!

- Долгехонько.

- Я основал это заведение, - он выпятил грудь. – А потом, преисполнившись...

Созидатель запнулся, наверное, позабыв, чего он там преисполнился, махнул рукой.

- Я оставил их, ибо мудрый Создатель не будет мешать своему творению развиваться. А я мудр!

- Несомненно!

- Я поселился в тиши, дабы никто не отвлекал меня от важных мыслей. И окружил себя слугами! – он взмахнул рукой и добавил. – Верными.

- Это и вправду мудро с вашей стороны.

Интересно, какой смысл показывать этого ненормального Эдди. Или Эдди этому ненормальному? Впрочем, в каждую игру можно сыграть вдвоем.

И Эдди поклонился.

- Могу я узнать настоящее ваше имя? Если вы и вправду основали...

- Ты мне не веришь?! – почти возмутился Созидатель.

- Отчего же... просто никогда не слышал, чтобы люди жили столько!

- Идем! – Созидатель вскочил, едва не заехав своей тростью по носу Эдди. – Я тебе докажу, неверящий! Что за люди...

Эдди не стал спорить, только понадеялся, что идти недалеко. Что-то эти все хождения по подземельям утомлять начали.

Благо, и вправду недалеко оказалось.

Пара дверей.

Лестница. И еще двери. Снова лестница. Этак он точно заблудится.

- Вот! – Созидатель распахнул дверь. – Видишь?!

- Что? – Эдди осторожно переступил порог. – А... это ваш портрет?

Похож. Тот же одутловатый мужчина с легкими залысинами. И в зеленом костюме. Наверное, если бы не костюм этот, Эдди мог бы поверить, что видит перед собой именно того, с портрета. Но нет, человек, глядишь, сотню лет и продержится, а то и больше – мало ли чудес на белом свете – а вот одежда – навряд ли.

- Это я! – Созидатель стал боком и шею вытянул так, что острый подбородок его прорезался меж пухлых щек. – Я! Его Императорское Величество Георг Первый! Освободитель! И Вершитель судеб!

Эдди перевел взгляд с человека на портрет.

С портрета на человека.

И поклонился.

Низко. И очень, очень вежливо.

- Прошу простить меня. Я и вправду не узнал... я ведь не видал раньше портретов.

- В парадном зале есть! – возмутился Георг.

- Увы, меня туда не пустили.

- Верно. Кто пустит дикаря в парадную залу, но ты, я погляжу, пытаешься быть учтивым. Конечно, дурная кровь во многом мешает, но в том нет твоей вины. Не всем рождаться благородными, - он хихикнул и милостиво дозволил. – Встань. Разрешаю обращаться ко мне по-простому, Ваше Императорское Величество.

- Да, Ваше Императорское Величество.

- Соображаешь... иные так тупы. Думают, что я не вижу. Что я сумасшедший! А я не сумасшедший, нет! Я просто открыл секрет

вечной жизни!

- Бывает, Ваше Императорское Величество. Примитивным умам не понять.

- Именно! Именно! – обрадовался Георг. – И я о том же... пусть улыбаются, пусть корчат рожи за моей спиной. Но я все вижу. Все помню. И когда я снова займу трон, принадлежащий мне по праву, они все, все узнают, что такое настоящая власть!

Он выкрикнул это и кулачок сжал.

- Несомненно, Ваше Императорское Величество, - Эдди предложил руку, на которую Георг оперся. Он отер кружевным платочком лоб. – Мой разум, конечно, примитивен, но даже я вижу свет истинной власти, от вас исходящий.

- Вот... порой чем ниже уровень развития личности, тем выше природная её чувствительность. Я же говорил! Всем говорил... хочешь, я покажу тебе что-то?

Еще?

Ему уже столько всего показали, что скоро голова треснет.

- Это недалеко, - Император погляддел заискивающе и в какой-то момент стал похож на ребенка, пусть старого, лысеющего, но все еще жаждущего внимания. – Ты когда-нибудь видел драконов?

- Нет, - честно признался Эдди.

- Мои предки! Достоверно известно, что род наш идет от драконов. От них мы получили и силу, и дар. Преумножили его. Но кровь слабеет. Взгляни на моего потомка, твоего отца... чтобы спутаться с орками...

Эдди промолчал.

Его отец отношения к драконам не имел совершенно точно. Но к чему разочаровывать хорошего человека. А тот уже ковылял к двери, громко пыхтя. Костюм явно был не слишком удобен, а может, туфли с огромными пряжками натирали.

- Ваше Величество, - перед Георгом возник один из тех, в черных костюмах. – Вам пора обедать.

- Да, да, я знаю...

- Вы должны соблюдать режим, - с нажимом повторил он. – Это ли не залог вечной жизни?

- Конечно! Режим! Режим – это залог вечной жизни. И еще обтирания. Холодной водой. Вы практикуете обтирания холодной

водой?

- Боюсь, что нет, - покачал головой Эдди.

- Зря. Очень и очень зря. Еще очень важно добавлять в воду лимонный сок и три крупинки черного перца. Но качества наилучшего... так вот, я вернусь, только покажу моему новому верному вассалу дракона!

- Я не думаю...

- С дороги! – рявкнул Георг и попытался тростью дотянуться до того, в парике, но человек уклонился. И поглядел на Эдди.

- Думаю, что ваше здоровье важнее, - сказал Эдди очень мягко. – Дракон ведь никуда не денется, так? А вот режим стоит соблюдать. Вы не имеете права рисковать собой. Вы нужны своим подданным.

- Да? Да! Несомненно! Видишь, какое тонкое чувство! Понимание! Не то, что у этих остолопов... выродились, все выродились... вот помню в мои времена...

Интересно, на кой им этот шут, если с ним так возьтятся?

- Идемте! Скорее же! Паштет из соловьиных язычков не может ждать... вы понимаете, сколь он полезен? Говорят, что брокколи куда полезнее. Но поверьте моему опыту, а я прожил без малого три сотни лет, нет ничего в мире полезнее паштета из соловьиных язычков.

Он заторопился, и Эдди не осталось ничего, как следовать за Его императорским Величеством. Впрочем, через пару шагов тот остановился, обернулся и нахмурился.

- Нет, - его лицо исказила раздраженная гримаса. – Нет, нет и нет... это невозможно! Вы не поймите превратно, но я не могу открыть вам секрет просто так!

- Конечно, - согласился Эдди. – Это было бы неправильно.

- Вот! – Император поднял палец. – Вы понимаете... я должен удалиться и подумать! Хорошенько подумать. Я возведу вас в рыцари. И подарю титул. Герцога! Хотите?

- Как я могу отказать.

- Чудесно... просто чудесно... и не отказывайтесь! Вы будете моим верным герцогом! И вместе мы изменим этот мир! А теперь подите прочь! Я буду думать! Над будущим!

Эдди отступил, а Георг горделиво удалился. Только трость постукивала по камню.

Интересно.

И... не понятно. Совершенно. Как-то оно не укладывается в голове. Он же действительно ненормальный. Пусть безобидный, но неужели кто-то в здравом уме способен поверить, что этот шут прожил три сотни лет? Что он и вправду император?

Скорее уж Эдди поверит, что несчастному внушили, будто он – император, проживший эти сотни лет. Но чего ради?

- И как вам? – Первый вышел из тени. – Наш Император?

- Он болен, - Эдди повернулся, отметив, что этот поганец умеет ступать очень тихо. – Он в это верит, но...

- Не вы.

- Не я.

- Рад.

- А что, возможно иначе?

- Вы не представляете, как часто бывает иначе, - Первый развел руками. – Желаете продолжить завтрак?

- Желая вернуться. Это возможно?

- Несомненно. Вы ведь гость. Пока, - Первый чуть склонил голову, разглядывая Эдди. – Вы бы знали, сколько прошедших первые испытания, столкнувшись с нашим Георгом, вдруг начинали верить, что он и вправду Император. Причем совершенно искренне. Один из братьев полагает, что это результат своего рода... душевного парадокса? Те, кто желают вступить в братство, получив шанс, преисполняются надежды.

- И на что надеются?

- На тайну. На какую-нибудь страшную тайну. Или не страшную, но такую, которая будет достойна их усилий. И это тоже забавно.

- Для кого?

- Для нас. Смотреть, как человек, до того проявлявший немалую стойкость, вдруг меняется. Некоторые падали на колени, целовали ему руки... Георгу это очень льстит.

- Он...

- Он и в самом деле благословенной крови. Но не император, конечно, а его прямой потомок. У Георга был... роман, скажем так. Возможно, даже больше, чем роман. Но с женщиной не настолько знатной, чтобы можно было взять её в жены, не опасаясь последствий... ситуация в стране была неоднозначной. Война.

Недовольство. Народу требовалась сильная власть, а Георгу – сильные союзники. Брак их дал. Прошу...

- Куда? – уточнил Эдди.

- Наверх. Не знаю, как вас, а меня подземелья изрядно притомили.

С этим Эдди не стал спорить.

- Так вот... есть мнение, что отчасти и Университет был основан, чтобы укрыть возлюбленную императора. Глупо, конечно. Имелись способы и попроще. Да и основан он был задолго до встречи с той женщиной. Просто легенда. А университет был нужен, как и маги. Да... она тоже была магом. И родила дитя, которое укрыла от мира. Это разумно, потому как от официальной жены тоже имелись дети. И от них пошла нынешняя династия.

Как же это все утомляет.

Династии. Императоры. Игры эти в политику. Вот все-таки раньше проще было. Есть листовка, есть награда. Есть охота. И голову если ломать, то только над тем, где отыскать очередного поганца.

Тяжкий вздох Эдди был истолкован по-своему.

- А вот клуб как таковой и был создан Георгом именно для опеки над сыном. Он, пусть и не имея возможности передать ему трон, Георг желал, чтобы сын вырос, ни в чем не нуждаясь. Он выбрал лучших из лучших, которые учили. Советовали. Помогали... да, его сын получил титул, благо, тогда многие получали титулы, и потому никого особо не заинтересовала этакая милость. Тем паче, что проявляли её вроде бы как к сыну ближайшего... друга Георга.

Интересно, как они сами во всем этом не путаются-то?

Первый шагал бодро, явно прекрасно ориентируясь в паутине коридоров.

- Клуб сохранился, хотя во многом и утратил свое прежнее значение. Но...

- Этот Георг. Нынешний. Он откуда?

- Старшие братья привели... скажем так, наш клуб – это малая часть большого сообщества. Мы ищем достойных, приводим их, а братья уже принимают решение. Да, кто-то не сможет подняться выше начальных ступеней посвящения, но и этих братьев мы не оставим без помощи. А делать карьеру всегда легче с поддержкой...

Тем паче, что об этой поддержке всегда можно напомнить позже.

И попросить об услуге. Маленькой. Или не очень маленькой. Дерьмо... сколько они существуют? Это вот братство, чтоб его? И главное, как широко они расползлись?

- Есть и другие... посвященные. Братство давно занимается вопросами, которые должны бы улучшить жизнь людей.

- Только людей?

- Скажем так... в империи все же проживают именно люди, - и легкая нервозность. Кажется, Первый, сам того не желая, затронул до крайности неудобную тему. – Но... это сложные вопросы. Усилиями братства создана сеть госпиталей по всей стране. Проводится бесплатная вакцинация от оспы. И не только. Написан свод правил, к примеру, теперь та же вакцина от бешенства обязана быть в каждом госпитале. Стабилизация климата. Во многом – водного баланса... братья проводили осушение болот на южном побережье. Разрабатываются программы освоения пустыни, хотя, конечно, это задача не на годы – на десятилетия... это только то, о чем я знаю!

И глаза горят.

Благородный юноша, из тех, которые свято верят в то, что добро всенепременно победит. И их усилиями. И возразить ведь нечего.

Разве что осторожно поинтересоваться ценой этой победы.

- Да, пока братьев мало. Мы не можем принимать всех желающих, хотя и ищем... и даже здесь, в университете, каждый из братства знает, что от его усилий зависит многое. И старается...

- А если нет?

- Если нет... что ж, иногда нужны и те, кто просто стоит на своем месте. Многие решения приходится проводить через Совет, а уж там никогда нет единства. Это все политика, - Первый махнул рукой и остановился перед лестницей. – Знаете, я не слишком рад был, когда нас попросили... приглядеться к вам.

Интересно, кто попросил.

Но задавать вопросы рано.

- Все-таки... что ни говори, но предубеждения существуют. Да и эти сплетни... в них сложно было поверить. Чтобы Император и... связался с оркой? Ваша мать была...

- Из племени, - Эдди улыбнулся широко-широко, чтобы сомнений не осталось. – Она была дочерью шамана. Хорошего шамана. Сильного.

- Ну да... конечно. Наверное, они использовали магию.

Вот все-таки странно. Еще недавно он удивлялся тем, кто начинал верить безумному Георгу, а теперь сам вот убеждает себя в том, что Эдди – сын Императора.

- Мы мало знаем об их магии... может, этим вы и интересны? Хотя... с другой стороны... благословенная кровь...

Он покачал головой и первым ступил на лестницу.

- Тут довольно высоко, не самый удобный путь, но коридорами было бы дольше. Вы уж простите. Я сомневался до последнего... но когда вы ступили на кость дракона. И дракон не причинил вам вреда... это ли не доказательство?!

Чего?

Эдди порадовался, что идет сзади и лица его не видать.

- Только тот, в чьих жилах течет благословенная кровь, не подвластен силе дракона...

От же... хрень.

Глава 32 Где леди пробуют свои силы с весьма необычным результатом

Глава 32 Где леди пробуют свои силы с весьма необычным результатом

Матушка готовилась к выходу на полигон столь тщательно, что даже Мо не выдержала и хмыкнула.

- От ты еще в кружево завернись, чтоб наверняка...

Сказала и удалилась, ступая медленно и важно. А я... я проводила её взглядом. И на матушку посмотрела. Она вздохнула.

Потом еще раз, громче.

Окинула взглядом гостиную, в которой, как мне кажется, прибавилось чего-то эдакого, то ли вышитых салфеточек, то ли еще какой ерунды.

Орвуды, разделив обед, вежливо удалились к себе, под предлогом того, что нужно переодеться к прогулке. И вернутся скоро. Времени осталось не так и много, а опаздывать нехорошо.

- Когда-то... нам это казалось забавным, - призналась матушка, проведя руками по подолу платья. На ней было вроде бы простенькое, светло-зеленое в тонкую золотистую полосочку. Но ей очень шло. – Он был влюблен. В меня. Мы... мы все знали, что это глупость на самом деле.

- Почему?

- Потому что он был всего-навсего магом. Даже не из родовитой семьи, а просто магом... вот. Я же – пусть и не наследница, но императорского рода.

Ага, только что-то папеньку эти непреодолимые обстоятельства не остановили. Да и её от побега не удержали.

- Знаешь, теперь, оглядываясь, я понимаю, какой глупой была... хотя, наверное, так и должно быть. Когда еще совершать глупости? Только когда ты уверен, что все-то знаешь лучше остальных. И... и лучше, до того, как повзрослеешь. Со взрослых спрос другой.

Это она на что намекает?

Я взрослая. Ну и глупостей не совершаю. Ну таких, чтоб совсем уж глупые.

- Но тогда... он смотрел на меня. И начинал заикаться. Так-то не заикался совершенно. Я же знаю. Мы... мы подслушивали, как он учит... и как разговаривает с... не с нами. А меня видел. Краснел. И заикался. Это безумно льстило. Я сразу начинала чувствовать себя роковой женщиной. И вести начинала... - матушка покраснела густо-густо. – Теперь и вспомнить стыдно.

- Тогда не вспоминай.

- Хочется, - тихо сказала она. – Я... понимаешь, потом ведь я думала о нем. И о других. Поклонники у меня имелись, пусть бы даже держались так, в стороне, чтобы не злить отца и брата. Но я ведь все-таки принцесса. Находили способы... письма там, цветы. И я долго перебирала их, гадая, как бы сложилась жизнь, если бы я не сбежала.

- И как?

- Кто ж теперь знает? – она улыбнулась и встала. – Главное, что в той жизни не было бы тебя. И Эдди...

Эдди, который куда-то пропал.

Как пропал мой дорогой супруг. И Орвуды. И все-то разом вот взяли и запропали, что мне категорически не нравилось.

- Вернутся, - матушка обладала той чудесной способностью, если не мысли читать, то всяко выражение моего лица. – Скорее всего их сознательно отвлекли.

- И ты так спокойно говоришь!

- А как еще? - она надела перчатки. Повернулась к зеркалу, поправив шляпку. – Может, другую...

- Прекрати, эта тоже хорошая.

- У нее полы чуть великоваты. Для прогулок это неплохо, защищает от солнца, но вот...

- Все хорошо.

Не из-за шляпки она волнуется. Совсем не из-за шляпки. Равно как и я.

- Кто отвлек?

- Понятия не имею, - матушка еще раз посмотрела на себя в зеркало. – Тот, кто не хотел, чтобы нас сегодня сопровождали.

Это, допустим, я и сама поняла.

- Но всех и...

- Скорее всего получилось так, что Эдди понадеялся на Чарльза и Орвудов.

Чарли – на моего брата и тех же Орвудов. А Орвуды... в общем, права была Матушка Мо, когда говорила, что у семи нянек дитя без глаза.

Ничего. Вернется муженек, я ему все выскажу. И Эдди тоже выскажу. Вперли нас сюда, а сами сгнули. А если б у меня нервы были послабже? Если б я и вправду взволновалась? Им что, Университета не жаль? Ладно, эти придурки с тросточками. Они если вдруг, то сами виноваты, не стоит волновать девушку. Но сам-то Университет, здание историческое и все такое...

- Я думаю, - мягко сказала матушка. – Они все осознают.

Конечно, осознают.

А я помогу.

- Что ж... нам пора, я думаю. И... постарайся никого не убить. Даже если очень хочется. Иногда это сложно...

- Ага.

Я посмотрела в зеркало.

- И эта шляпка тебе очень идет...

Матушка ничего не ответила. Но и не надо. Я и так все понимаю.

На полигоне, где со вчерашнего дня осталась глубокая ямина зловещего черного цвета, собралось изрядно народу. Столько, что Эва испытала преогромное желание изобразить обморок. Или там мигрень. Мигрень – это всегда отличный предлог удалиться.

Но Тори подхватила под руку и шепнула.

- Не смей!

- Я и не думаю.

- Думаешь. По лицу вижу. И они тоже видят. Пришли сюда посмеяться... только ничего, мы еще посмотрим, кто из нас посмеется, - губы Тори сжались в ниточку, а глаза сделались черными-черными. И внутри у нее тоже стало черно.

- Ты на них злишься.

Юноши... благородные, несомненно. И без масок. Это хорошо, что без масок. Их обилие начало Эву утомлять. Но тут хотя бы лица. Красивые, наверное. Если так, отвлечься, то да... вон тот блондин с зачесанными назад волосами.

У него правильные черты лица.

И выражение надменного превосходства нисколько не портит их. Он стоит чуть в стороне, окруженный то ли приятелями, то ли теми,

кто наивно полагает себя приятелями. Что-то говорит, тихо, но слушают его с готовностью. И каждое слово вызывает приступ хохота.

- Мне он тоже особенно не понравился, - Тори щурится, и тьма внутри приходит в движение. А вот матушка поворачивается и долго, слишком уж долго, разглядывает этого красавчика.

Все равно Эдди лучше.

То есть, он безусловно лучше всех, тут собравшихся, сколь бы красивы они ни были.

- Это Найджел Сент-Ортон, - произнесла она тихо. – Единственный сын и наследник герцога Сент-Ортона... весьма, по слухам, своеобразный молодой человек.

Он, почувствовав взгляд, повернулся.

Поклонился.

И легким шагом направился к ним, а все остальные потянулись следом. И... да, знакомые лица. Надо же. Как их? Невилл... и второго... Джейми? Джеймсон, кажется. Точно, Джеймсон Вандербильд. И главное, кланяются, улыбаются так, словно ничего-то вчера и не было.

Милы.

Только что-то как-то бледноваты. Сероваты даже.

- Доброго дня, - а этот Сент-Ортон вообще сияет, словно не было в его жизни желаний иного, кроме как познакомиться с Эвой. И с остальными тоже. – Прошу простить мою вынужденную бестактность, леди Орвуд. Оправдания ей нет, но мы не были представлены. И исправить сие недоразумение некому, а я просто не способен отказать себе в удовольствии познакомиться ближе с вами и вашими прелестными дочерьми. Я слышал много о их красоте, но теперь вижу, что слухи лишь преуменьшали очарование всех леди Орвуд. И я не прошу себе...

Много говорит.

Слишком много. и значит, верить ему нельзя. Впрочем, о чем это Эва? Тут никому нельзя верить.

Ну, кроме Эдди.

Матушка что-то там ответила. Эва присела. И еще Тори тоже. Им поцеловали руки, уверили, что теперь-то всецело счастливы и...

- Знаешь, - очень тихо произнесла Тори, не спуская взгляда с этого вот типа, что соловьем заливался. – А от него пахнет так же, как... ну

там, в доме. Только очень и очень слабо.

И наверное, сказала она это вовремя. А еще, может, потому что Эва волновалась и сильно, она сумела посмотреть на Найджела Сент-Ортона иначе.

Словно... словно там, на изнанке.

И удивилась тому, какой он... страшный? Пожалуй. Нет, он будто и не изменился, только теперь эти правильные черты лица, само лицо казалось маской, за которой пряталось нечто столь отвратительное, что Эву замутило.

И она, сиюсь справиться с этой вот мутью, застыла.

И все-то вокруг проходило словно мимо её. Вот Сент-Ортон что-то произнес, улыбаясь во все зубы. Матушка ответила. Он засмеялся... и остальные тоже, поддерживая смехом.

Будто ничего не было.

Утром.

И вчера вот. Будто... все так, как должно быть.

А у тех двух, старых знакомых, которые старательно делали вид, будто все-то чудесно, тьма внутри проросла. Пока не сказать, чтобы сильно, но должно быть неприятно вот так, с тьмой внутри.

- Рад, - резкий голос профессора принес облегчение и помог Эве справиться с мутью внутри себя. И еще все вернулось в реальный мир, где не было места теням иным, кроме рожденных солнцем. – Что столь много юношей сочли возможным помочь нам.

Он переоделся.

И костюм его пусть и сшит по фигуре, но как-то вот все равно бросалось в глаза, что он хуже тех, других, студенческих.

- Мы всегда готовы помочь прекрасным леди, - Найджел поклонился, не сводя с Виктории взгляда. Такого выразительного, что матушка слегка нахмурилась. – И сделаем все, что в наших силах.

- Чудесно, - профессор довольным не выглядел.

А... где тот, которых встречал их? С букетом? Грегор? Эва огляделась и хмыкнула. Про себя. Грегор тоже был, но стоял в отдалении, даже будто бы прятался за плечами других студентов.

- В таком случае... начнем, пожалуй. Леди Диксон?

Милисента вздохнула и, разгладив и без того идеальную юбку, сделала шаг.

- Начнем, пожалуй, с вас... вас не смущает эта компания? Если вдруг, я могу попросить их удалиться...

- Нисколько, - буркнула Милисента Диксон и плечом повела. – Что делать-то?

- Мы сегодня говорили о воплощении энергии дара в некую сущность. Вы их прекрасно умеете создавать. В этом я имел честь убедиться вчера.

Смотрят.

Как, должно быть, неловко, когда на тебя устремлено столько взглядов. А главное, Найджел Сент-Ортон кривит губы. И выражение лица делается таким... таким раздраженным.

Правда, раздражение это держится лишь долю мгновенья, а потом исчезает, сменяясь дружелюбной улыбкой.

Зря Эва понадеялась, что маски сняты.

- Сегодня попробуем с малого... кто поставит щит? Леди Диксон попробует его разрушить. Грегор? Вы весьма много говорили о щитах. Давайте классический конструкт.

- Я... - Грегор почему-то посмотрел на Найджела, а тот едва заметно кивнул. Разрешая? Он ему... и вправду? Этот тип нравился Эве все меньше.

Хотя, казалось бы, куда уже меньше.

- Так... давайте вы воздвигните щит на поле. И сделайте его видимым.

- А уровень?

- Максимальный, - профессор прищурился. – Леди, а вы попробуйте направить ваш конструкт на щит. Цель – разрушить его.

- А не зашибу? – Милисента с сомнением поглядела на студента, который подошел к краю и застыл, простерев руки над полем. Вид у него был слегка глуповатый.

- Не думаю. Хотя... будет неплохо, если вы не станете тратить слишком много энергии. Попробуйте ограничить её... скажем, треть от вчерашней.

Кивок.

И огненный шар поднимается над ладонью, а потом медленно, словно красуясь, летит к щиту. Тот проступает слабым мерцанием.

- Держим, Грегор, держим... в твои годы это должно быть легко.

Столкновение.

И... шар просто летит дальше.

Описывает полукруг. И возвращается к Милисенте.

- Греги? – кто-то восклицает. – Ты что... да он не остановился даже!

- Сам попробуй, если такой умный!

- Неплохая идея, - согласился профессор. - Итон, к черте. И давайте посерьезней. К слову, сейчас вы имеете отличную возможность убедиться, что стихийно созданные конструкты вполне себе управляемы. Вы же контролируете его, леди?

- Ну... вроде того, - несколько неуверенно сказала Милисента и в шарик пальцем ткнула. – Может, еще поубавить?

- Не стоит, - профессор оскалился так, что стало ясно – этого момента он ждал, возможно, всю жизнь. Или около того. – В конце концов, у нас тут боевые маги. Выпускники.

Маги слегка зашумели.

- Помнится, на последнем практическом занятии вы мне говорили, что полностью готовы. Что обучение ваше завершено и ничего-то нового вы не узнаете, - профессор хлопнул в ладоши. – В таком случае, прошу... Итон, щит!

И шарик поплыл, чтобы снова описать полукруг. Правда, на сей раз у щита он задержался, правда, щит пошел рябью и...

- Он его просто поглотил! – воскликнул кто-то. И студенты загомонили все разом, силясь перекрикнуть друг друга. А шарик вернулся к Милисенте, чтобы застыть над ладонью.

- Тихо! – голос профессора заставил студентов замолчать. – Кто еще хочет?

- Позвольте? – Найджел Сент-Ортон встряхнул руки. – Мне было бы до крайности... любопытно. Леди? Вы еще не устали? Если...

- Ничуть.

- В таком случае...

Его щит возник на том же месте, где и первые два. Только был... был иным? Пожалуй, что иным. Совершенно. Плотный такой и...

Милисента поглядела на будущего герцога.

На щит.

Прищурилась. И осторожно толкнула шарик. Он летел, пожалуй, еще более медленно, чем прежде, будто опасался чересчур

приближаться. А достигнув щита, крутанулся и попытался подняться выше.

Отступил.

И...

- Не пройдет! – выкрикнул кто-то. – Вот тебе! Выкуси!

- Прекратите балаган, - профессор обернулся. – Он не должен был и раньше пройти. И если бы вы давали себе труд больше заниматься, то и ваши щиты вполне бы устояли. Запас энергии там не так и велик. Милисента?

- Я могу добавить, но... - она покачала головой. – Смысл?

- А поглотить? – неожиданно поинтересовался Найджел. – Если ваш... конструктор поглотил щит Итона, возможно, что и с моим получится? Если, конечно, вас не затруднит, леди...

Милисента молча подняла руку и растопырила пальцы. И шарик, качнувшись в воздухе, коснулся щита. Первое мгновение ничего не происходило. То есть, казалось, что ничего-то не происходит, только пламя размазалось по щиту. А потом он затрещал, прогнулся.

- На землю! – рявкнул профессор и выбросил руки за мгновение до того, как щит ли, шарик ли, но рванули. И Эву оглушило. Не только её. Выплеснуло землей, и мелкие камни застучали по щиту профессора. И... и кажется, все упали на землю.

Почти все.

- Это не я! – воскликнула Милисента Диксон.

- И не я, - Найджел не отрываясь смотрел на черную дымящуюся яму. – Это...

- Конфликт энергий, - профессор смутился. – Весьма... весьма редкое явление. Я только читал о подобном.

Глава 33 В которой леди переживают

Глава 33 В которой леди переживают

Я не могла отделаться от ощущения, что ко мне привязался запашок. Вот такой донельзя мерзкий, тухловатый, который и не уловить-то. Но он есть. Я сперва даже решила, что в падаль где-то вляпалась, ну, когда упала. Оно-то, конечно, дело глубоко житейское, но вот...

Нет, на юбках была земля.

Трава.

И никакой падали. А главное, что даже когда я приняла ванну и переоделась, запашок никуда не исчез. Правда, тоже странно. Я нюхала руки.

От рук пахло лавандовым мылом.

От волос – корицей.

От платьев – цветами и немного зельем, которое матушка Мо от моли мешает. А вот так, чтобы... и ведь есть он, этот запах тухлятины? Или нет? Или это я просто с ума схожу?

От избытка знаний.

Слабый женский разум не справляется.

Чтоб его...

- Милисента? – матушка заглянула ко мне. – Ты как?

- Нормально, - я еще раз обнюхала руки и протянула ладони к матушке. – Чем пахнут?

- Мылом, - спорить она не стала и понюхала тоже.

- Эдди не появлялся?

- Нет. А Чарльз?

- Тоже, - я вытерла ладони о юбки. Чтоб их всех... и Орвуды, надо полагать, тоже не вернулись, что начинает напрягать. А когда я напрягаюсь, я нервничаю. – Тебе ничем не воняет?

Матушка закрыла глаза и принялась.

- Немного если пылью, завтра потребуую, чтобы пустили прислугу.

И пусть только откажут.

Пыль – не то.

- А твой этот... профессор...

- Не мой.

И покраснела слегка. Не знала бы я матушку, не заметила бы.

- Да ладно... только не говори, что он все еще обычный маг, а ты родственница Императора...

Матушка вздохнула.

- Я все еще родственница императора. И... боюсь, теперь завишу от него больше, чем когда бы то ни было.

- Из-за меня?

Могла бы и не спрашивать. И из-за Эдди, которого дорогой дядюшка в свою аферу втравил. Ничего. Разберемся.

- Ну... - я глянула на матушку с сомнением. – Опыт побега у тебя уже есть. А в городе Мастеров хорошему магу будут только рады.

- Это... об этом пока говорить рано.

Ага. Как бы потом поздно не было. Ну да молчу. В принципе же не отказывается.

- Ужин, да?

- Еще рановато, но некий молодой человек пожелал засвидетельствовать свое почтение.

- Мне?

- Мне, - поправила матушка. – И леди Орвуд. Её чудесным дочерям... и тебе в том числе.

- Это этот... - я вдруг поняла, с чем у меня ассоциируется этот запах. С любезным Найджелом Сент-Ортоном. – Который там?

- Который там.

- Прямо сейчас?

- Нет. Но скоро. Я взяла на себя смелость пригласить его на чай.

- Зачем?

Матушка подошла к окну и выглянула. Я тоже выглянула. Ничего. Никого. Кусты вот. Разве что в кустах кто спрячется. Я представила лощеного Сент-Ортона, затаившегося в зарослях в надежде нас подслушать. И хмыкнула.

- Не знаю, но мне не нравится...

- Он?

- И он в том числе. Скажем так... Сент-Ортоны – не просто древний род. Это род, в жилах которого течет высокая кровь. Мало кто знает сейчас, что у первого императора был брат.

Вот... вот жопа.

- Младший. Официально считается, что он героически погиб, пожертвовав собой во имя обретения свободы.

Ага.

Два раза. Или три.

- А на самом деле?

- Он и вправду погиб, хотя... не важно, главное, что он оставил наследника. Тот получил титул герцога Сент-Ортон.

- И?

- Сент-Ортоны о том помнят.

Ну да, по роже видно. Благородная кровь так и прет.

- И в случае, если вдруг с моим братом случится несчастье... и с его сыном, то весьма многие предпочтут видеть на троне человека высокого рода и правильного происхождения, а не...

- Эдди.

- Верно.

- Стало быть... слушай, а могли они...

- Ввязываться в заговор напрямую Сент-Ортоны не стали бы. Все же за ними приглядывают. Но вот воспользоваться случаем? Почему бы и нет.

То есть, устроить так, что Змееныш свергает императора, а потом уже свергнуть самого Змееныша, чтобы по праву героических спасителей занять освободившееся местечко?

Да...

- Слушай...

Матушка провела пальцем по подоконнику. Пыль? Ну... пыль. У нас тут заговор на заговоре зреет. А она про пыль беспокоится.

- А ведь если покопаться, то найдутся и другие? – продолжила я. - Взять того же Странника, помнишь? Он ведь тоже императорской крови...

- Ну да, рожден где-то там не понятно от кого, воспитан тоже в весьма сомнительных условиях... нет, если бы выбор был он или Эдди, то да, шансы были бы... но если он, Эдди или Сент-Ортон?

Матушка покачала головой.

- У Сент-Ортонов безупречная репутация. Состояние. Влияние... брат даже сейчас вынужден считаться с ними.

И подозреваю, дядюшке это не слишком нравится. А потому он только рад, если вдруг Сент-Ортонов не станет.

- К слову, под их патронажем находятся многие приюты и работные дома.

По спине пополз холодок. Я повернулась и посмотрела на матушку.

- И что ему от меня надо?

- Посмотреть? – предположила матушка. – Убедиться воочию, что ты...

- Дика и дурно воспитана?

В том, что я еще и сильна, он уже убедился.

- Пожалуй... они умеют быть любезными. Очаровательными. Говорить красивые слова и... - матушка запнулась. – Такие, в которые хочется поверить.

- Мам, я поглядела на нее снисходительно и руки понюхала. – Говорить он может, что душе угодно. Но вонять от этого меньше не станет.

Кажется, мне не слишком поверили.

Найджел Сент-Ортон сиял, как фальшивый золотой. И был столь же идеален.

Прическа.

Костюм. Не слишком темный, не очень светлый. Ботинки, в которых смотреться можно. И букеты цветов. Никаких драных клумб. Изысканные соответствующие моменту композиции.

Матушке.

И леди Орвуд, которая просто удивительно хороша.

И другим ледям в том числе.

Конфеты. Пирожные в коробке размером с башню. И улыбка. Такая искренняя, такая... что сразу появилось желание свернуть ему нос набок. Ну, чтобы совершенства поубавить. Как-то оно слишком уж подавляет.

- Леди... - он поцеловал мне руку, отчего вонь усилилась. Стало быть, не ошиблась я, от него несет. – Вам не передать всю глубину...

И что-то там принялся вещать.

Я гляжу.

И киваю.

И не выдерживаю-таки.

- А вы отлично ботинки чистите! – сказала я.

А что! Комплимент!

- В нашем городке таких даже у мэра не было, а у него собственный чистильщик обуви имелся. Ну, так поговаривали...

- Ботинки? – идеальный лоб прорезала морщина.

- Ага... тут же прислуги нельзя. Нам так сказали. Все сами, сами... вот и удивляюсь. Я, честно, сперва подумала, что вы просто еще один знатный зас...ланец, - вовремя спохватилась я. – А теперь вижу, что ошибалась. Ботинки-то вон как чистите! Не каждому дано!

Кажется, он несколько растерялся.

А я ручку-то забрала. Будут тут всякие вонючие её лобызать. Еще не хватало.

- Кстати, а приятели ваши где?

Грегор вон тоже испарился.

- Они неважно себя чувствуют... верно, отравились чем-то. Уверен, целители помогут. Но сейчас они категорически не способны... - и запнулся, но добавил. – Не готовы предстать пред вашим взором.

Ага.

И угу.

Ну а дальше мы пошли пить чай. Муторное это мероприятие. Сидишь, улыбаешься во все зубы, и слушаешь, как тебе про твою красоту нечеловеческую вещают.

Или вот про погоду.

Или про красоту, но не твою... я даже в какой-то момент потеряла нить беседы, задумавшись о своем.

- ...вы ведь будете?

- Что? – я моргнула. – Простите, задумалась.

- О чем?

- О своем, о женском... - не говорить же ему, что жрать опять хочется. Причем не пирожных, а мяса. Чтоб нормальный такой кусок. Можно даже не сильно выжаривать. – А вы о чем?

- Интересовался, будете ли вы на балу у Эстервудов?

- А куда я денусь? – я бы честно отказалась от высокой чести, но раз уж не положено, то буду.

- Очень... рад.

И опять на меня выпялился. Тоже страсть изображает? Или тут что-то другое.

- Смею ли я надеяться, что прекрасные дамы позволят мне воспользоваться ситуацией... пусть это не совсем красиво по отношению к другим, но я...

Вот еще бы покороче говорить научился, вообще б ему цены не было.

-...умоляю оставить для меня танец. Любой... я согласен на что угодно, лишь бы...

Матушка и леди Орвуд переглянулись.

Чуть прищурилась Виктория. А Эва едва слышно вздохнула и в очередной раз покосилась на окно. Вернется братец, я самолично ему уши оторву.

Но танец пообещать пришлось.

Всем нам.

И даже поспорить недолго, кому какой. Главное, до бала на забыть, чего я там ему наобещалась, а то же ж неудобственно получится.

Хотя... может, больно сказать?

Или еще как?

А самое интересно, что получив обещание, Найджел Сент-Ортон поспешно откланялся. Как-то даже чересчур поспешно, что ли?

- Сбег? – грозно поинтересовалась Матушка Мо, выглянув из кухоньки. А еще мне скалкой погрозила, хотя я тут при чем-то. – Иродище...

- Почему? – уточнила презадумчивая матушка.

- Морда больно лощеная. У настоящего мужика такой не бывает.

Спорить с аргументом столь весомым никто не решился.

Зато поесть дали. Мяса. Ломти холодной говядины на листьях салата, припорошенные молотыми кедровыми орешками несколько примирили меня с жизнью, Сент-Ортоном и грядущим балом.

Чарли появился ближе к вечеру.

И принес коробку конфет, огромную, к слову, а еще парочку махоньких револьверов, таких, что прямо сами в руки просятся.

Я и взяла.

Пахли они пречудесно. Даже эта вонь, от которой все никак не получалось избавиться, отступила. А с нею и желание устроить скандал.

- Пожалуйста, носи их при себе, - попросил Чарльз.

А я крутанула револьверы.

Проверила, убеждаясь, что мягко работают. Пристрелять бы еще где, но это позже, после ужина. И успокоилась.

- Рассказывай, - велела я мужу, а конфет не дала.

Не заслужил.

Он замялся. Смутился. И вид сделался еще более виноватым. Но конфет я все одно не дала.

- Да как-то... такое вот... странное. Мне предложили отдать тебя во торжество науки.

- Чего?

- На самом деле уверен, что все это – спектакль, разыгранный для... для чего? Вот не понимаю. Или меня считают настолько наивным?

Он с отвращением стащил сюртук.

- Я, конечно, никогда не отличался... но наивный и тупой – это ведь разные вещи! А тупым я никогда не был!

- Не был, не был, - поспешила я успокоить мужа.

- На первый взгляд все казалось таким... подземелья, путь тайный. Избранные... а потом какой-то бред о превосходстве белого человека над всеми прочими. И главное, не только над орками и сиу, это ладно, к подобному я уже и привык, если подумать, но ведь и над другими людьми!

- Не белыми?

- Не белыми. И не одаренными. Мне три часа... Милли, три гребаных часа мне втирали, что место в мире заканчивается, что магия исчезает, потому что слишком много тех, кто тянет из мира силы, что количество неодаренных должно быть строго ограничено... - он потряс головой. – И главное, с аргументами, с доводами... с планом по расчистке мира! Представляешь, у них и план уже есть!

- Толковый хоть?

- Как по мне – бред полнейший. Устроить резервации, куда отправить всех неодаренных, а потом заразить их болезнью... ну, чумой, например. Это же...

Он обнял голову руками.

- И главное, приходилось слушать. Спорить. Гуманизм свой показывать...

- Главное, чтоб не прилюдно.

Чарльз хмыкнул и вдруг сгреб меня, уткнулся лицом в волосы.

- Хорошо, что ты есть.

- Мне тоже нравится. Так до чего договорились?

- Мне дали время подумать. Я или приведу тебя в лоно братства, позволив изучить... во благо будущего мира. Я ведь должен чем-то пожертвовать...

- Или?

- Или умру.

- Чего?! – леди не орут, но случай-то исключительный.

- Мне... точнее на меня наложили проклятье.

- А ты позволил?

Подзатыльник бы ему отвесила, но держал меня Чарли крепко.

- Меня не особо спрашивали, вообще-то... на самом деле в какой-то момент я словно застыл. Он говорил, говорил, этот тип... от этого монотонного голоса заболела голова. И я отключился. Всего на мгновенье.

Но мгновенья хватило.

Вот... сволочи.

Сила во мне шелохнулась, совершенно с определением согласная. Сволочи. Редкостные.

- А потом я очнулся и дальше вроде слушаю. Он договорил... ну и про проклятье. Признаться, не поверил сразу, но он что-то сделал, - Чарльз поморщился. – И стало плохо. Так, что думал, не выживу... а он потом раз и убрал. Ненормальный...

- И сколько сроку?

- Две недели. До... бала.

- У Эстервудов?

Кивок.

Эстервуды... чтоб их. Эстервуды, Сент-Ортоны. Все они. Сила закипала и...

- Идем, - я схватила Чарльза за руку. А он не стал сопротивляться, пошел. Побежал даже... из домика, к... к полигону недалеко.

И мы успели.

Сила выплеснулась снопом белого пламени, который достиг, казалось, самого небосвода. И отразившись от луны, согнулся, упал обратно наземь.

Пламя гудело.

И жар долетал до нас. Чарли даже щит поставил. А потом... потом я вдруг поняла, что так оно вполне даже правильно. Арка получилась.

Огненная.

Красивая по-своему.

- Слушай, - спросила я у мужа, окончательно успокаиваясь. Проклятье проклятьем, но разберемся... в конце концов, схожу я к этим исследователям.

Помогу науке, чем смогу.

А глядя на арку, которая не думала угасать, наоборот будто ярче стала, подумала, что не всякая наука такую помощь выдержит.

Ничего. Сами виноваты.

Нечего мужа трогать.

Вдруг части арки оторвались от земли, складываясь в огненные крыла... драконьи?

Я узнала.

И пусть видение длилось доли секунды, но все одно узнала. А дракон, так и не обретя плоть, пролился пламенем на опаленную землю.

- Справимся, - сказала я мужу. – Я еще слишком молода, чтобы вдовой становиться.

Потом подумала и добавила:

- Надо Орвудов найти. Они ж некроманты. В проклятьях должны разбираться...

...вот только вряд ли те, кто решил тронуть Чарльза, этого не учел.

- И ведьма опять же.

Сумела же она как-то вытащить тьму из того, другого, который, правда, так и не очнулся, но надежда-то есть? Должна быть надежда или... или я и вправду сравняю их долбаный университет с землей.

Глава 34 Где джентльмены держат совет

Глава 34 Где джентльмены держат совет

Чарльз чувствовал себя... да как есть.

Дураком.

Самый умный. Самый ловкий. А теперь вот...

Пальцы старшего Орвуда сдавили шею, даже показалось, что еще немного и та хрустнет.

- Рубашку снимай, - велел некромант сухо.

Выглядел Орвуд уставшим.

И раздраженным. Настолько, что сила его то и дело выплескивалась, заставляя Чарльза ежится. Темная, она ощущалась чем-то недобрым, опасным даже.

Бертрам взял за руку.

Развернул.

И надавил на середину ладони. На запястье тотчас темными змеями проступили вены. Так должно быть? Или это что-то да значит?

- Присядь, - Орвуд-старший развернул Чарльза к креслу. – Будет... неприятно. Возможно, больно. Я постараюсь аккуратно, но мне нужно понять, что за проклятье. И есть ли оно вообще.

Милисента молчала.

Стояла у стены. Смотрела. И никто не заикнулся о том, что леди не подобает присутствовать. Впрочем, у нее на лице все написано.

Благо, леди Элизабет и леди Орвуд проявили понимание.

Эдди...

Сказал, что позже вернется. И вообще поговорить надо будет. Всем. Чарльз даже знал, о чем, и за это снова мучила совесть.

Нельзя было уходить. Просто нельзя.

- Закрой глаза. Леди... будьте добры. Дайте ему руку. А ты возьми. И постарайся сосредоточиться на вашей связи, раз уж она есть.

С закрытыми глазами Чарльз почувствовал себя еще большим дураком, который во тьме пытается нащупать что-то, причем это что-то точно существует, но нащупать его не получается.

- Не спеши, - голос Орвуда глух и кажется равнодушным. – Дыши ровно. Если боль станет невыносимой...

Этот голос уплывал. А темная сила окутала Чарльза облаком. Едким. Ядовитым. Она прикоснулась к коже, и показалось, что кожу эту пробили раскаленные иглы. Он сдержал стон.

Первый – сдержал.

- Спокойно... постарайтесь направить вашу силу. Проклятье...

Тьма вползает внутрь. Она едкая. Тяжелая. Чарльз чувствует её, каждую гребаную частицу, которая разлетается по крови. Становится кровью. И дыхание обрывается, потому как эта кровь слишком тяжела, чтобы нести кислород.

Он... он все одно живет.

И тьма пронизывает кости.

Она оплетает сердце. прорастает в легких и мышцах, уродуя их. Чарльз... кем он станет? Нежитью? Или мертвецом вроде тех, что никак не могут упокоиться в той, забытой уже, пустыне. Нельзя верить некромантам... никому нельзя...

Страх накатывает.

И отступает. Чарльз сильнее его. А паника... паника никого не доводила до добра.

Поэтому...

Вдох, пусть даже такой вот, болезненный, разрывающий грудную клетку. И выдох... и в какой-то момент Чарльз сам становится тьмой, а потом она сосредотачивается. Она сползается с тела, собираясь где-то за сердцем, а оттуда протягивает жгуты вверх и вниз.

Вдоль позвоночника.

И тонкие отростки её оплетают позвонки, а потом, соединяясь вместе, устремляются выше, к голове. И вся эта структура, вполне изящная даже – не будь она в Чарльзе, полюбовался бы – живет. Она пульсирует в такт биению сердца, и ловит эхо его силы. И...

И тает.

Медленно так.

Тьма.

А то, чем она стала, то никуда не уходит.

Когда Чарльз сумел-таки открыть глаза, он увидел жену. Бледную. С закушенной губой. Потом Орвудов, тоже мрачных донельзя.

И значит, проклятье все-таки есть.

Хотя... Чарльз его сам видел.

- Это, - сорванный голос его звучал сипло. – Это... было... д-даже красиво.

- Воды? – Бертрам поднес стакан. Но чтобы взять его, Чарльзу пришлось разжать руку. Оказывается, он стискивал запястье Милисенты и с такой силой, что чудом не сломал.

А синяки останутся.

В последнее время ему слишком часто становится стыдно за себя.

- Нормально все, - она потерла запястье и стакан взяла. – На мне все, как на собаке... а ты... если вздумаешь сдохнуть, то знай! Я тебя с того света достану! У меня, между прочим, брат – шаман...

И заморгала часто-часто, так, что Чарльз понял, что еще немного и расплачется. А это совсем уж невероятно.

- Я живой. Пока, - он все-таки сумел удержать стакан, пусть и обеими руками. – Что это... там, внутри?

- Проклятье, - Орвуд-старший задумчиво оттирал руки. – Думаю... нам стоит выпить чаю.

Ну да, что еще делать, когда внутри человека обнаруживается смертельное проклятье, мир стоит на пороге великих свершений, а жену твою хотят забрать на опыты.

Чай...

Чай – это именно то, что нужно.

- Я бы и пожрал чего, - признался Чарльз.

А что, помирать ему еще когда, а есть хочется уже сейчас. Причем крепко так.

- Да и я бы... - призналась Милисента. – Дома... наверняка у Матушки Мо что-то да есть, только... приличные леди ночью не едят.

И вздохнула.

Горестно.

Впрочем, как выяснилось, горевала она зря. Не прошло и четверти часа, как все оказались за накрытым столом. Чарльз и сам не понял, как оно случилось.

Вот... истинная женская магия.

И спорить с нею, а уж тем паче с её обладательницей, женщиной серьезных габаритов и характера, себе дороже.

- Ночь на дворе, - ворчала Матушка Мо, разливая по мискам густую похлебку. – Спят нормальные все люди, а вам нейметя... нехромантите и не нанехромантитесь никак.

От похлебки пахло чесноком и приправами.

И на вкус она оказалась обжигающе острой, и этот огонь немного примирял с действительностью.

- И главное, мужиков полный дом, а как надобно, так и нету никогошеньки... - она развернулась и удалилась. – Девочки страдают... а еще этие... поклонники вокруг так и шмыгают, так и шмыгают.

- Чьи? – уточнил Орвуд-старший с весьма выразительной интонацией.

- Всехние, - отозвалась Матушка Мо, уперев руки в бока. – Чего зыркаешь? Меня не спужать. Я что, нехромантов не видала...

И половник половчей перехватила.

- От поглядишь, уведут...

- Кого? – уточнил уже Эдди.

- Всех... этот, нынешний, с рожею благообразной, сразу видать – мошенник. У приличных людей не может быть настолько благообразной рожи, вокруг девочек так и вьется, словеса выплетает... тьфу. А вы шляетесь, не пойми где! Помяни мои слова, Элайя Годдард! Будешь и дальше шляться, точно не женишься...

Эдди покраснел и уткнулся взглядом в тарелку.

- Это она про Сент-Ортона, - заметила Милисента и поморщилась. – Рожа у него и вправду на диво благообразная. Сразу видать, что родовитый.

Чарльз стиснул зубы.

- С цветочками приперся... только он это все затеял. Ну, сегодня... утром.

Зубы откровенно заскрипели.

- Доказать-то, конечно, не выйдет, что замазан, но он там был, - Милисента подвинула миску с похлебкой. – А вы больше так не делайте.

Сказала она это тихо. И добавила еще тише.

- А то ж и вправду зашибу еще кого от нервов.

- Нервов... - нервно повторил Орвуд-старший и тоже в миску поглядел. – Все беды от нервов...

- Ага... наш док тоже так говаривал, просто добавлял еще, что...

- Я знаю, - поспешил заверить Орвуд-старший. – Не стоит, право слово... но да, сегодняшняя ситуация наглядно показала...

И запнулся, покосившись на Милисенту.

- Что мы идиоты, - Эдди подобными политесами не страдал. – Раз, два, три... и четыре, уж извините, идиота, которых обвели, как... как не знаю, кого.

Желающих возразить не нашлось. Более того, Чарльз чувствовал, что совершенно согласен со сказанным. Идиот и есть.

Поманили.

Он и побежал, тайны с заговорами раскрывать. А ведь не шестнадцать лет. И даже не восемнадцать, когда все это было бы простительно.

- И главное, смысла-то немного, - Эдди осторожно опустил в похлебку кусок лепешки. – То, что показали... это же хрень полная! Подземелья? Мы и так знали, что они есть. Большие? А то, еще какие... думаю, они и больше, и глубже. Нас краешком провели. Если и вернемся с полицией, то хрен чего отыщем.

Чарльз подумал и согласился.

- Показали чего-то... то, чего выеденного яйца не стоит, - заключил Эдди. – И тебя еще вон... прокляли.

Это да.

Только...

- Откуда? – озвучил Чарльз. – Откуда они узнали...

- Что именно? – Орвуд-старший мял в пальцах хлебный мякиш. – Не стоит считать их дураками. Отнюдь... сперва ты старательно пытаешься попасть на аукцион. И попадаешь. Беседуешь с нашим общим другом, семья которого славится верностью короне. Общаешься с нами...

Да.

Наверное.

Если так.

- Полагаю, - Орвуд-старший откинулся на спинку кресла. – В любом ином случае нам бы и дальше позволили блуждать в темноте. Это ведь проще всего, не приближаться.

- Но?

- Но им для чего-то очень нужна ваша супруга. Настолько, что они не поленились устроить эту... с позволения сказать, экскурсию. Да и ваш... родственник тоже интересен.

Все замолчали.

А Чарльз подумал, что нужно было оставаться в городе Мастеров. Там как-то все просто и понятно. Так нет же, не сиделось... влез. Вляпался, можно сказать.

- Думаете, им нужно было просто заморочить голову? Чтобы проклятье навесить?

- Страх за свою жизнь – хороший стимул. Куда лучше, нежели идеи, которыми нормальный человек вот так сходу вряд ли проникнется. А еще они спешат... очень спешат. Этот срок... две недели. Что будет через две недели?

- Бал у Эстервудов, - подала голос Милисента.

- Бал... на котором собирается присутствовать Его Императорское Величество. Впрочем, он всегда присутствует. У него весьма... дружеские отношения сложились с леди Эстервуд.

Милисента фыркнула, но как-то в сторону и с недоверием.

- Но... почему именно этот бал? Его императорское величество присутствует на весьма многих, да и... нет, тут что-то другое. Не бал, а... - Орвуд-старший задумался.

Чарльз тоже задумался, пытаясь понять, приходится ли этот пресловутый бал на полнолуние.

Хотя нет, полнолуние вот как сейчас.

А через две недели что? Новолуние? Или что-то вообще к луне отношения не имеющее? Главное, что в голову не приходило ровным счетом ничего.

- А что я? – Милисента пожала плечами. – Я вообще в этом всем ни черта не смыслю. И...

Она подавила зевок.

- Может, я спать пойду? Ну если вам не надо...

- Я провожу, - Чарльз поднялся.

Оно, конечно, тут недалеко, но сегодня он чувствовал себя на редкость беспокойно. И Милисента кивнула.

- Спать и вправду... зверски. Странно. Я раньше как-то сутками могла и ничего, а тут поела и вот... будто снотворного плеснули. Кто бы другой, я бы так и решила, но Матушка... она не станет. Она вообще считает, что бессонница – это от безделья. Ну или от того, что молился мало и совесть нечиста.

Ночь была тихой.

Странно, что никто не пришел, не заинтересовался выбросом силы на полигоне. Оно, конечно, не сказать, чтобы вовсе явление редкое, но ведь выброс был серьезным.

Более чем.

А никого.

Леди Элизабет, Орвуды... Эдди вот. А студенты? Вечно любопытствующие? Профессура, которая должна была бы засечь колебания такого уровня? Где они все?

- Ты, - Милисента опять широко зевнула. – Ты только не вздумай умирать, Чарльз Диксон... иначе я за себя не ручаюсь.

И встряхнулась.

А потом добавила:

- Маме пока не говори...

- Чьей?

- Ничьей. А то ж распереживаются... ты... иди... обсудите там чего, а я... я чувствую, что еще немного и стоя усну. Слушай... а это может? Ну... как с едой? И если так, то выходит, я теперь все время спать буду? Нет, я когда-то мечтала выспаться, но чтобы вот так...

Она отряхнулась.

- Иди уже.

- Иду.

- И возвращайся.

- Обязательно.

- Дверь закрой... и вообще... я же сказала, давай, иди, а то спать передумаю и подслушивать стану...

Губы её пахли приправами. И еще сдобой с ванилью, а самую малость – огнем, тем ярким, белым.

Драконьим.

Орвуд устроился в кресле с трубкой, он положил её в ладонь и осторожно баюкал. В сторону Чарльза он повернулся и чуть склонил голову.

- Ваша супруга – весьма деликатная женщина.

- Просто действительно спать хочет, - Чарльз потер шею. – Снять не получится, верно?

- Боюсь... в любом ином случае я бы попробовал. Или сам, или с помощью вашей жены. Порой проклятье можно просто выжечь. А судя по всему сил у нее хватит.

- Но? – уточнил Эдди.

- Но нынешнее весьма... специфично. Оно пронизывает сердце, спинной мозг и головной. И боюсь, что при попытке выжечь, сгорят и ткани. А сколь велики будут повреждения и сможет ли Чарльз выжить... и если сможет, то восстановится ли? Точнее, насколько восстановится?

Хреновая перспектива. Уж лучше сдохнуть, чем превратиться в овощ.

- Признаюсь, нечто подобное я встречал лишь в старых книгах. Очень старых... - Орвуд замолчал ненадолго. – Из числа тех, которые ныне запрещены и... вспоминая увиденное в том доме, могу сказать, что все несколько сложнее, чем нам представлялось.

Пожалуй теперь Чарльз чувствовал проклятье. Там, за сердцем. И выше. И шея чесалась от него, не иначе.

Чтоб их.

- И раз уж зашла речь о нервах. Помнится, вы передали мне некое... успокоительное. Подобное же я получил от своей супруги, которой оно весьма настойчиво советовала приятельница... - Орвуд отложил трубку и сцепил пальцы.

- Тоже проклятье?

- Не совсем. Скорее уж весьма... своеобразное зелье, которое с одной стороны несомненно успокаивает, причем весьма неплохо, а с другой... скажем так, в состав его входят вытяжка из мертвой земли, кое-какие травы, большей частью ядовитые. Опиум, пусть и в малых количествах. И магия. Темная, запретная и, как мне казалось, хорошо забытая магия.

Пальцы хрустнули.

- И... что?

- Подобные капли, как оказалась, принимали Её императорское высочество...

- Погодите...

- Младшая. Утром девочке стало плохо. Очень. Дар ушел, а появились некоторые... специфического рода симптомы. Нас и... пригласили. В срочном порядке, - Орвуд чуть поморщился. – И нет, сомневаюсь, что это совпадение. В её флаконе был тот же состав, что и в вашем, но более концентрированный. Собственно, это и показало всю опасность зелья. Ведь на первый взгляд в том слабом разведении,

которое было изначально, капли особого вреда не причиняют. Успокаивают, как я уже сказал. Улучшают сон, точнее делают его глубоким и лишенным сновидений. Еще могут сгладить перепады настроения, что важно для некоторых особ, склонных к истерии...

- Но? – Чарльз подобрался.

- Но... всегда есть это вот «но». Травы и магия. Опасное сочетание. И то, и другое имеет обыкновение накапливаться. Я все же поневоле стал разбираться в целительстве. Так вот... магия смерти способна серьезно изменить организм человека, изначально не приспособленного к поглощению этого типа силы. Мы... сегодня мы осмотрели сколько?

- Я - девятых, - проворчал Бертрам.

- Я - семерых юных девиц из числа ближнего круга её императорского высочества. И у всех есть симптомы регрессии источника, а также его преобразования. Пока – на начальной стадии.

- В смысле... они становятся некромантками? – Эдди перевел взгляд с одного Орвуда на другой. – И... как? Это же ж дворец. Императорский. А не бордель в пригороде. Там же ж... должны быть какие-то... целители? Или охрана. Или...

- Ни одна охрана не способна справиться с простой девичьей дурью, - признался Орвуд. – Кто-то пустил слух, что есть чудо-капли, которые ну очень хорошо успокаивают.

- А они там что, нервные?

- Вы не представляете, насколько, - Орвуд мягко усмехнулся. – Это же высшее общество. Интриги. Сплетни. Страсти... да и девицы на выданье, а подходящих женихов всегда меньше, чем девиц на выданье. Так вот... следом заговорили, что сон они дарят крепкий. Цвет лица улучшается... кстати, чистая правда. В некромантии сходный состав использовался для создания полной иллюзии смерти. Жизненные процессы в организме замедляются, ну а сугубо внешне это проявляется в обесцвечивании кожных покровов.

- Погодите... - Чарльз попытался поймать нужную мысль. – Эта иллюзия смерти...

- Первый этап превращения человека в... нечеловека. Нежить.

- Твою ж... - Эдди добавил пару слов покрепче. – А... а они что, не чувствовали ничего?

- Сложно сказать. Должны были, но... может, значения не придали. Дар девочек не развивают. Они могли сами не понимать, что происходит. Да и сами изменения очень постепенные в таком вот этапе... одна притащила зелье, другая, там и третья.

- Кто их делал?

- О... один весьма модный доктор. Целитель высшей категории. Старый Свет, старая школа...

- И что он говорит?

- Уже ничего. Его... от него мало что осталось. Нам там точно работать не с чем, но останки завтра доставят.

- Зачем?

- Затем, что некоторых наглых молодых людей нужно учить... сперва на чужих останках. А там уж как пойдет, - это Орвуд произнес с легкой толикой меланхолии.

- Душу? – предложил Эдди.

- Стоит попробовать, хотя... подозреваю, что его тоже использовали вслепую. Дипломы у него поддельные, как и документы. А так... смазливый молодчик с хорошо подвешенным языком. Нет... состав сложный, на коленке такой не сварить. Умения должны быть.

- И сила?

- И сила... подозреваю, что проблемы старшей дочери имеют сходные причины.

- Император?

- Возможно, но здесь многое зависит от собственного источника. Вашу вот супругу, Чарльз, травить такой гадостью бесполезно. Источник её сразу выжжет. Он защищает хозяина. А вот мои девочки... если бы я был уверен, что где-то есть безопасное место...

Чарльз тоже не отказался бы от такого.

- Итак, что мы имеем, - Орвуд встал. – Зелья, приготовленные с использованием темной силы. Алтарь, на котором приносили жертвы. Проклятье из того же забытого прошлого... и да, чтобы создать такое, Чарльз, даже истинному урожденному некроманту потребовалась бы принести в жертву трех-четырёх человек.

- А не истинному?

- Сложно сказать... обычно они сходили с ума задолго до того, как всерьез начинали практиковать магию.

- То есть...

- Тайное общество, - добавил Эдди. – И эксперименты... свихнувшийся император, ну, в смысле, тип, себя императором считающий. Тварь неведомая, которая почти проснулась или даже проснулась. Ничего не забыл?

- Бал, - Орвуд перекатился с носка на пятку. – Бал у леди Эстервуд.

- Действительно...

- Что именно вам приказано, Чарльз?

- В том и дело, что ничего конкретно. Сказали, что будут ждать ответа...

- И каким образом его дадите?

Чарльз развел руками.

- Ясно...

Ни хрена вот не ясно.

- Тогда зайдем с другой стороны. Нет человека, нет проблемы. На этого вашего некроманта, - в руках Эдди появился револьвер. – Серебряной пули на него хватит? Или как?

Глава 35 О том, что некроманты бывают разными

Глава 35 О том, что некроманты бывают разными

Две. Две серебряных пули.

Эдди сам их отольет.

И начинит. Есть травы. И есть мальчишка-сиу, который в травах получше Эдди разбирается. И подскажет, ежели спросить. К слову, мальчишка вел себя на диво тихо, хотя, когда Эдди сегодня вернулся, не удержался:

- Шаман большой. Но дурак.

- Сам дурак, - Эдди тогда даже не обиделся.

Слишком устал.

Его ведь так быстро не отпустили, хотя и вывели из подземелий. Ну да, как иначе-то... избранный... постоявший на черепахе дракона. Встретившийся с Самим.

Про Самого дорогие новоявленные братья говорили, закатывая очи к потолку и весело перемигиваясь, мол, вон какая тайна тайная доверена. Тайнее некуда. А что попахивает слегка, так с тайнами оно такое постоянно приключается.

Потом общее собрание.

И знакомство.

Имена. Лица. Одинаковые такие. Ухмыляющиеся. Донельзя довольные, хотя понять сложно, чем именно довольны. Руки жмут. Трясут. И думают, что Эдди, таким вниманием осчастливленный, не замечает, как эти руки за спину прячутся-то.

Или потом уже, в стороночке, брезгливо отираются платочком. Но то в стороночке. А так некоторые даже приобнять пытались или вон по плечу похлопать.

Знакомство переросло в посиделки.

Чай с коньяком, точнее коньяк, в который для приличия плеснули чуть чаю. Стол. Застольные беседы. Шуточки. Игра в карты...

На интерес, исключительно.

Или вот на мелочь. И главное, кружком, со смехом, с подначками, мол, неужто Эдди сыграть побоится. И конечно, куда ему, варвару да дикарю, против цивилизованных людей?

Играл.

Выигрывал что-то по мелочи. Проигрывал тоже по мелочи. Кто бы ни руководил этим спектаклем, он хорошо знал свое дело.

Коньяк с чаем незаметно стал просто коньяком. Там же добавились виски и что-то еще, на диво мерзкого вкуса.

Одни рожи уступили место другим, разве что пару человек из старых держатся...

- О, вы простите моего товарища, - у изящного блондина даже улыбка выходит такой, что впору поверить, будто Эдди – не просто так себе тут, а лучший друг и приятель. – На редкость неудачно в город сходил...

Его приятель, мрачноватый и хмурый, кивает.

- Мучается теперь животом...

- Я тебе говорю, что ничего я не жрал, - он кривится от боли. – Это эта тварь прокляла...

И осекается под строгим взглядом.

- А вы верите в проклятья? – уточняет кто-то.

- А то! – радостно заверяет Эдди. – Была у нас в городке одна ведьма, умела проклинать. Но есть верный способ снять проклятье! Надо три вороньих пера сжечь, смешать с паленым волосом того, кто проклял, с солью и содой, а после размешать и выпить...

- И как? Случалось применять?

- Неа... меня ж не проклинали. А ежели он проклятый, то пусть попробует. Только перья надо хорошие. Ну и волосы...

Его слова подхватывают.

И мешают с выпивкой, которой куда больше, чем закуски. И главное, пьет большей частью Эдди. Его кружке – а пьют из изящных фарфоровых кружек – не позволяют оставаться пустой.

И ведь приходится.

Соответствовать.

В общем, вырваться из теплых дружеских объятий удалось ближе к вечеру. А там этот... ушастый. Глядит укоризненно. И дураком обозвал.

Самое обидное, что по делу же.

Главное же сразу и Матушка Мо явилась, поглядела на Эдди, покачала головой и ушла. А вернулась с кружкой горячего варева. И хрен его знает, из чего оно было варено, Эдди не удивился бы ни перьям, ни чему похуже, но стоило сделать глоток, и полегчало.

- Что... тут... было? – варево было не только горячим, но и острым настолько, что слезу выбивало.

Ему и рассказали.

Матушка Мо.

Присовокупив к рассказу хорошую такую затрещину.

- Болваны! – сказала она. – Один приличный человек, и тот профессор... а ты, Элайя Диксон, смотри у меня! Только попробуй пойти по скользкой дорожке...

И кулаком погрозила.

За дело.

Нет, точно за дело...

С этими уродами Эдди разберется. И пули отольет. Наверное, лучше, если сразу дюжину. Или две. Серебра-то он теперь прикупить способен.

Икнулось.

И отрыгнулось, что тем варевом, что нынешним супом, который мало от варева отличался.

Кол тоже надо бы подготовить. Пули пулями, но кол в сердце не помешает...

- Слушайте, - Эдди прервал затянувшееся молчание. – А осина тут где-нибудь растет? Ну, чтобы поблизости.

- Боюсь, - Орвуд-старший печально улыбнулся. – Все несколько сложнее... что вы вообще о некромантах знаете?

Чарльз поскреб шею, на которой уже красное пятно появилось.

- Только то, что вы рассказывали, - признался он. – Ну и так... немного. Мы же факультативно проходили, и больше по видам нежити. А нежить сейчас довольно редка...

- Это да. Как и некроманты. Некромантия использует в качестве источника силы – энергию смерти. Некоторые именуют её темной или же еще силой хаоса. Для сути это не так и важно. Некроманты способны на многое... способны были. В родовых хрониках есть описания деяний моих предков. Но вот я лично вряд ли сумею поднять армию мертвецов.

Радость-то какая.

- А вот упокоить – вполне... во времена давние некроманты встречались куда чаще. Есть мнение, что причина тому – большее количество смертей. Люди жили мало. Войны шли почти постоянно.

Да кроме них хватало. Те же эпидемии или вот голод, случавшийся время от времени. Они и порождали всплески силы. А та в свою очередь влияла на живых. Или неживых. Одни становились нежитью, другие – теми, кто способен был упокоить нежить. Первые некроманты, если верить легендам, возникли в смутные времена.

Он ненадолго прервался.

- Позже... всякое было. Если обычному магу нужен источник силы, то и некроманту, но... поскольку второй черпает силу из смерти, то... соответственно... скажем так, нас не зря не любили и откровенно боялись.

И сказки эти страшные, которые до сих пор гуляют по миру, они тоже не на пустом месте возникли.

Надо думать.

Нет, пули Эдди отольет. Помогут или нет, это со временем ясно станет. Но серебряную пулю всегда лучше иметь, чем нет.

- Постепенно мы учились... в том числе жить с людьми. Кто не сумел... людей все одно больше, как и магов. Некроманты легко теряют разум, да и в нежить превращаются частенько. Так что... крестовые походы во избавление от тьмы – тоже не вымысел. Но со временем смертей становилось меньше. И нежити.

- Некромантов? – уточнил Чарльз.

- С десяток старых родов осталось. Во всем мире... трое самых древних еще в прошлом столетии перебрались куда-то в дебри Африки. Полагаю... в общем, там сложно с законом и законностью.

Зато смертей, надо думать, хватает.

- Еще двое где-то в испанских колониях... четверо – Старый свет.

- И вы?

- Именно.

- То есть... хорошо. В смысле, извините, что перебил, - Чарльз смутился. – Мне казалось... а Вербены, разве они не...

- Я говорил о старых родах. Тех, чья родословная восходит к смутным временам. Но да, есть и куда более молодые. Правда, тут тоже имеются нюансы. Некроманты никогда не отличались плодовитостью. У меня трое детей... это очень много. Я был единственным сыном в роду. Как и мой отец. И его отец... чем дальше, тем больше силы. Она передается плоду и часто... случается, что... - он поморщился. – Не всякая женщина способна выносить некроманта.

В старых родах знают об этой особенности и давно уже есть... артефакты, которые помогают.

- Вроде того кольца?

- Именно. Так вот... молодые рода, конечно, обладают силой. Но эта сила несравнима... если я или Бертрам можем упокоить средних размеров кладбище, то того же Вербена хватит на три-четыре могилы. Если я, принеся жертву, заберу всю её силу. И использую, то Вервен...

Надо будет поглядеть на этого Вербена...

- ...сумеет принять и использовать от силы четверть.

- Но со временем... они ведь тоже станут сильнее? – уточнил Чарльз.

- Сложно сказать, - Орвуд задумался. – Говоря по правде не было нужды думать над подобными. Со временем многое начинаешь принимать, как данность. Скажем так... в теории – да. Сила передается по наследству и преобразует дитя еще в утробе матери. И каждое последующее поколение будет более приспособлено к принятию подобной силы. Но... как уже говорил, сам я слабее моего прадеда и прапрадеда...

Снова пауза.

И явно думает, что можно сказать. Вот вроде и приличный человек, а туда же, все недомолвками.

- Ни я, ни мой отец... ни Бертрам, конечно. Мы не используем заемную силу.

- Жертвы, - нарушил молчание Бертрам. – Мои предки приносили жертвы... и начинали довольно рано. Чем раньше, тем легче принимать силу. Сперва животных. Потом...

- Людей? – тихо спросил Чарльз.

- Именно. Или не людей, но существ разумных, - Орвуд-старший склонил голову. – Но это путь... опасный. Чем больше сила, тем сложнее справиться с нею. И тем больше её хочется. Сила меняет разум. И сила меняет тело. Особенно, если это тело изначально не было приспособлено к силе.

Орвуд поднялся и прошелся.

Домик махонький. И как-то особо это чувствуется. Ног вот не вытянешь.

- То, что Бертрам видел в том доме, явно говорит, что кто-то решил повторить путь Седрика Аркнейского... был в средние века

такой юноша, решивший, что, если боги не наделили его силой, то её можно получить иным путем. Он и разработал то, что позже было названо темным путем. Суть проста. Он уверял, что любой человек способен принять темную силу. Надобно лишь развить чувствительность и сродство. Он создал ряд эликсиров, которые подавляли течение иной энергии. Это... весьма болезненно, если верить описаниям. Но действительно.

- Забрать свет, чтобы освободить место для тьмы? – сказал Эдди.

Серебряных пуль будет мало.

И кола, чувствуется, тоже не хватит.

- Именно. Грубовато, но верно. Сам путь описан Сердриком довольно верно. И да, первые эксперименты он ставил отнюдь не на себе. Лишь когда убедился, что методика работает, рискнул её использовать... и развить. Проблема в том, что, как я сказал, там, где урожденный некромант использует всю силу, урожденный, но молодой, - четверть её, то сделанный – лишь десятую часть. Хорошо, если десятую. А потому приносить в жертву животных для него бессмысленно.

- Людей?

- Разумных существ, - поправил Орвуд. – Любых. Но лучше – одаренных. Чем выше их уровень, тем больше получит некромант.

- То есть... этот ублюдок...

- Седрик в конечном итоге сошел с ума. В свое время. Это не сразу заметно, ибо не всякое безумие бросается в глаза. У него появилась идея... одержимость даже. Вечная жизнь. Душа ведь бессмертна, а тело слабо. Но если его изменить, то и тело тоже станет, если не бессмертно, то близко к тому.

Опасная идея.

Опасно привлекательная.

- Он и начал менять, подробно описывая каждый шаг... а каждый шаг требовал жертв. Больше и больше. Настолько больше, что даже в те времена, когда полагалось, что в дела магов лезть не след, люди не выдержали. И объединившись, сумели одолеть того, во что превратился Сердрик... в общем, тогда его изыскания попали под запрет. Да и в целом многое переменилось. В том числе и для магов.

- Думаете...

- Почти уверен. Записи Седрика... некогда попали в королевскую сокровищницу.

- Их не сожгли? – Эдди даже удивился.

Сперва.

А потом понял. Вечная жизнь... и сила. Сила и жизнь. Кто не захочет? И ведь наверняка находились те, кто полагал, что этот вот свихнувшийся Седрик в целом выбрал правильное направление.

Но ошибся.

Где-то. В чем-то. И надо лишь ошибку отыскать.

- Были те, кто требовал... замок Седрика был уничтожен, как и все его обитатели. Даже те, что казались людьми... во избежание, так сказать, - Орвуд слегка задумался. – А знаете... вы описывали тех слуг. И девочки рассказывали... люди, которые не совсем люди. Или уже не люди. Ненастоящие. Так вот, в записях... Седрик научился создавать помощников. Идеальных. Поднятые мертвецы, конечно, исполняют любой приказ некроманта, но весьма дословно. Да и постоянно требуют силы на поддержание. И в целом... мертвечина в доме – так себе идея. А он что-то делал с людьми. И они оставались живыми, были способны думать, во всяком случае, им не нужно было оставлять подробную инструкцию по завариванию чая. Но при всем том эти слуги были связаны с Седриком. Подчинены ему абсолютно... и да, это тоже привлекало. Однако про слуг в записях сказано мало, он все-таки больше вечной жизнью одержим был, а это так... рабочий момент.

Надо же, сколько полезного может быть в логове безумного некроманта.

- То есть...

- Сокровищница. Императорская. Старого света. К тем свиткам не было открытого доступа...

- Но вы о них знаете, - Чарльз смотрел на Орвуда, но тот нисколько не смутился.

- Мой род весьма... стар. И мои предки воевали с Седриком. А еще помогали разобраться с его наследством. Там в целом весьма богатый материал собран по влиянию магии тьмы на живое. Именно тогда было признано, что излишняя склонность к жертвоприношениям... вредна для некроманта. Да... так вот, пусть не полноценные копии, но кое-какие записи остались.

А затем переехали с Орвудами в Старый свет.

- У кого еще могут быть записи? – поинтересовался Чарльз. – Его Императорское величество?

- Не знаю, но... вряд ли. Его предка отправляли наводить порядок, зачем ему старые и, честно говоря, изрядно забытые архивы? Его самого интересовали скорее тайны стихийных магов, нежели некромантия...

- Забытые?

- Вряд ли кто-то из простых магов знает, кем был Сердрик. В университете его не изучают. Ни в одном из университетов...

- Тогда... вы? – Чарльз приподнялся.

- Увы... в свое время я искренне верил, что должен изменить мир. И для этого готов был отдать все. Что уж о копиях старых бумаг...

- То есть... вы когда-то... принесли в братство... в прошлый раз вы об этом не говорили!

Орвуд несколько не смутился.

- В прошлый раз не было нужды. На самом деле мы тогда... в общем, у каждого рода свои тайны. А тайны тормозят прогресс. Вот мы и создали общую библиотеку.

Чудесно.

Просто... чтоб их всех.

И пулю придется отлить много. Очень много. Ничего, Эдди как-нибудь справится.

- И да, - взгляд Орвуда остановился на нем. – Серебряная пуля его тоже не возьмет. Если он прошел по пути Седрика, то... тот был почти неуязвим. Только совместная сила круга и Его императорского Величества сумела преодолеть щиты Седрика. Ну а тело потом сожгли. Долго жгли. Пока не осталось даже праха.

Охренеть, какая радость.

- Ну... - Эдди поскреб себя за ухом. – Император, если чего, думаю, подсобит...

Куда ему деваться-то?

Глава 36 В которой снова появляются драконы

Глава 36 В которой снова появляются драконы

Эва не собиралась спать.

Вот ни на мгновенье.

Как уснешь, когда такое вот... сперва цветы доставили. В корзинах. Сразу с полдюжины и это только Эве. И во всех-то записки с извинениями.

А еще Тори цветы получила.

И матушка.

Наверное, раньше Эва пришла бы в восторг. Нет, точно пришла бы. И вообразила бы, что те, кто цветы прислал, они в глубине души прекрасны, просто вот... ступили не на тот путь.

Ошиблись.

Во всех романах герои ошибаются, а потом вымаливают прощение. И цветы тоже шлют. А героини их отвергают. Цветы в смысле.

Ерунда какая...

Эва потрогала восковые лепестки. Цветы красивые. И композиции составлены идеально, стало быть, из хорошего магазина, может, индивидуальный заказ, хотя вряд ли. Уж больно одна корзина на другую похоже. И на третью. И на те, которые Тори...

Тори, к слову, была тиха и задумчива.

И цветы тоже потрогала. А вот записки все сняла, чтобы разодрать на мелкие клочки. И выражение лица у нее было таким злым, что Эва не выдержала и обняла сестру.

- Мы можем отсюда уехать, - сказала она тихо. – Попросить маму... скажем, что у меня от науки голова болит. И вообще я слишком глупая для этого.

- Ты?

- Почему нет?

Тори ведь сама в жизни не скажет, что глупая или голова болит, даже если та и вправду будет болеть. А Эве не сложно.

- Этот твой...

- Не мой.

- Он цветов не прислал.

- И что?

- Ничего, наверное... - Тори вытащила из корзины веточку гипсофилы, хрупкую донельзя. – Когда-то я мечтала, что мною будут восхищаться. Влюбляться. Цветы вот слать... и чтобы толпы поклонников...

- То есть, остаемся?

- Да ты сама уезжать не хочешь, - Тори протянула веточку. – Обидно просто... я ведь красивая?

- Красивая.

- И ты.

- Мы двойняшки.

- Ну да... а они вот... это все... - она провела ладонью над корзиной и цветы вдруг почернели. А Тори отряхнула руку. – Что-то в них... не так. Погоди.

Она коснулась второй корзины, прислушиваясь к чему-то.

Третьей.

Четвертая... а в пятой снова цветы почернели. И в одной из тех, которые Эве достались.

- Что ты делаешь? – цветы было немного жаль, самую малость, ведь живые они как-никак. Да и темные куски пепла рассыпались по полу.

А горничной тут нет. И радоваться надо, что эта странная женщина, приехавшая с леди Элизабет, взяла на себя труд готовить. Пепел убирать она точно не станет.

- Понятия не имею... тут какая-то магия.

- Может, просто от увядания зачаровали?

- Может, - Тори быстро потеряла интерес. – А может, приворот какой. Кто их знает... сволочи.

- Ты из-за того, что было утром, да? Расстроилась?

- Да, - Тори подняла то, что осталось от цветов. – Потому что... понимаешь, как такое возможно? Они сперва вон там пытались нас прогнать. И за что? Мы ведь ничего плохого не сделали. Мы... мы ничего у них не отбирали. И разве стало бы у них меньше знаний, если бы мы учились? А они вот... и потом в лицо же улыбаются. Воркуют. Этот вот, любезный, который чай хлебал после, это же он с жезлом стоял.

- Ты уверена?

- Почти... запах от него. Как там... ты сможешь меня опять вывести? На ту сторону?

- Нет, - Эва покачала головой, а когда сестра капризно надула губки, сказала. – Не из вредности, Тори. Это и вправду слишком опасно. В прошлый раз мы едва прорвались, я и... там существо. Какое-то. И я не уверена, что смогу выбраться.

- Ясно.

Как ни странно, капризное выражение лица Тори сменилось задумчивым.

- Ты ведь не полезешь сама? – осторожно уточнила Эва.

- Не получится.

Значит... пробовала?

- Мне надо... - Тори подняла лепесток пепла и растерла в пальцах.

- Зачем?

- Не знаю. Тот... алтарь. И запах. Человек... и еще, которого мы спасли. Почему он никак не очнется? А вдруг мы что-то не доделали? Я не доделала? Вдруг надо еще к алтарю?

- Ну... - Эва подумала. – А попроси Берта? Пусть он тебя к нему сводит?

- Что?

- Наяву. Он, конечно, будет отказываться...

Глаза Тори заблестели. И ясно, что отказать у Берта не выйдет. Точнее это будет крайне неразумно с его стороны, отказывать сестре в такой малости.

- Там ведь довольно безопасно... - с сомнением продолжила Эва, кажется, не стоило давать Тори подобную идею. – Безопасней, чем за гранью. И если ритуал был, то, может, наяву ты лучше его следы ощутишь?

Осторожный кивок.

Задумчивость.

И...

Мир вздрагивает. Граница его вдруг истончается до крайности, и Эва ощущает на себе внимательный взгляд... чей?

Все длится мгновенье.

Меньше мгновенья.

Но взгляд реален.

А потом все опять изменилось, но из-за взгляда Эва не поняла, как именно.

- Что там... - пальцы Тори, обхватившие запястье, привязывают к реальности. – Там что-то происходит! Давай, скорее...

И она дергает, тянет Эву за собой, не давая сосредоточиться.

Над полигоном разливался поток белого пламени, яркого, будто сама луна спустилась с небес полноводной рекою. А потом пламя сложилось и стало драконом.

И это одновременно пугало, а еще завораживало.

Эву.

Тори.

И матушку, что появилась на полигоне. Леди Элизабет, которая смотрела долго и почему-то печально... а когда все закончилась, сказала:

- Все-таки место здесь странное...

И все с нею согласились. Место. Именно оно во всем виновато. Странное.

Эва молчала.

И позволила увести себя. И даже снова пила чай, хотя, конечно, в этом не было никакого смысла. Но все пили и она тоже... взгляд.

Он не отпускал.

Теперь он пробивался сквозь границу миров. Это пугало. Очень. И нельзя было спать.

Нельзя.

А Эва уснула. Матушка велела отправляться к себе. И сказала, что ей нужно дождаться отца, чтобы серьезно с ним поговорить... и тут спрашивать нет нужды, о чем именно. О том, куда он уходил и почему бросил. И взгляд её нее предвещал ничего хорошего.

В общем, даже Тори не рискнула послушаться. Да и как? Темень за окном. И устали они все. Но Эва твердо решила, что спать не будет.

Она умылась.

Расчесала волосы. Заплела их. Легла в кровать, убедившись, что Тори свою заняла. И даже, кажется, спит. Улыбается во сне... и совсем не похожа она на ведьму.

Нисколько.

Она хорошая, пусть и кажется вредной. Это только кажется.

Эва подумала так и уснула.

А во сне провалилась.

Она... она не хотела. Совершенно точно не хотела и даже не собиралась. Само как-то. Вот мир привычно лопается, беззвучно, как огромный мыльный пузырь.

Уходят краски.

Цвета.

Все становится серым и как бы размытым. Причем чем больше смотришь, тем сильнее это вот чувство, размытости, неправильности.

Комната.

Тори.

Здесь она особенно красива. И совсем-совсем не похожа на Эву. Точеные черты лица. Кожа белая, что мрамор, а вот волосы черны.

Тори спит.

Эва коснулась лица её. Если она захочет, то сможет подсмотреть сны. Но хочет ли она? Эва не знала. И отступила.

Надо...

Вернуться.

Как?

Или... луна за окном яркая. И взгляд этот.

- Ты... меня видишь? – Эва попыталась понять, откуда на нее смотрят. Не выходит. В доме слишком тесно. Надо... да, надо выйти.

На улицу.

К полной луне. К небу, которое здесь – всех оттенков графита. Трава почти черная. И сама Эва, словно фигурка, наспех нарисованная тушью.

Надо...

Позвать на помощь?

Или... Эва прислушалась к себе. Нет. Опасности она не ощущает. А вот зов... кажется, Эва начинает понимать, что чувствовала Тори.

- Я... я ведь заблужусь! – робко сказала она в темноту. – И... и куда мне идти?

Туман сочился из земли, поднимаясь над травой. А из него уже вылепились вороны. Два. Один сел на левое плечо, другой – на правое. Вороны были огромными. Наверное даже больше Эдди. Только цвета белого.

- Кар, - сказали они и одновременно поднялись в воздух. И Эва с ними. – Кар, кар, кар...

Она могла бы и сама.

Она уже превращалась в зимородка. Но зимородок – маленькая пташка, вороны же – хищны по природе. Как бы не заклевали ненароком.

А главное, Эве не страшно.

Вот ни капельку.

Сверху мир такой вот... молочно-туманный, будто в скорлупе, за которой ничегошеньки толком и не рассмотришь. Хотя она все одно пытается.

И...

Дом?

Университет, да... только немного иной. Не такой большой? Не такой роскошный? И парка нет, зато лес имеется. Речушка. Камни.

На берег её и поставили. Аккуратно так. Бережно даже.

Эва огляделась.

Вода... темно-серая, с булатным узором. Камни такие же. Холодные еще вот. Здесь, на изнанке, холод ощущается по-особенному. Она положила руку на один.

На другой.

Теплее... и еще... и тропинка из этих камней сама сложилась. Оно во снах бывает. И пещера возникла. Огромная. И дракон в ней тоже огромный. Хотя Эва его не сразу заметила. С ней случается. Выходит, что права матушка, Эва совершенно рассеянная и невнимательная, если не способна сразу заметить огромного дракона.

- Здравствуйте, - сказала она его голове, нависавшей из тьмы пещеры. Еще была видна по-змеиному длинная шея, немного – лапы с огромными когтями и кончик хвоста. Хвост и сам дракон были белыми, льдистыми. – Извините, я не хотела вас тревожить.

А голова размером с Эву.

Или даже больше?

Может, к слову, и больше. Но все одно не страшно.

- Мы не хотели... Эдди, он меня спасал. Большею частью. А я вот просто... просто невезучая.

Дракон вздохнул и Эву окутало горячее облако его дыхания. К счастью, не гнилостного. Скорее уж пахло камином, дровами и ночной грозой почему-то.

Голова склонилась ниже.

А глаза у него хрустальные.

И смотрят так... так смотрят. Эва застыла, не способная сдвинуться с места. Только сердце колотилось-колотилось. Но взгляда она не отвела.

- Во всех сказках драконы похищают принцесс, - выдавила она. – Но вы ошиблись. Наверное. Мне, конечно, безумно лестно, но... я не принцесса. Совершенно не принцесса. Увы.

Дракон улыбнулся.

И ответил:

- Может, ты просто чего-то о себе не знаешь?

Как у него получается говорить с такой-то пастью? Хотя, голос звучит в голове Эвы.

- Думаю, если бы я была принцессой, я бы заметила, - возразила она осторожно. – А еще у меня сестра есть. Ведьма. Разве у принцесс бывают сестры-ведьмы?

Дракон рассмеялся.

А потом превратился.

Оказывается, они и вправду превращались в людей. А Эва не то, чтобы не верила совсем... она старалась верить. Но как-то это сложно, когда дракон и вдруг в человека.

Дракон большой.

Человек маленький.

В общем, как говорит Берт, это совершенно ненаучно.

Но здесь, на изнанке мира, превращение выглядело вполне естественным. И человек... высокий. Почти как Эдди. Красивый. Куда красивей этого напыщенного Сент-Ортона. Черты лица такие, что взгляд отвести сложно. А вот влюбиться, наоборот, легко.

Эва вздохнула.

И призналась. Может, когда-то и легко, и влюбилась бы даже, а теперь вот не получается.

- Это ты смотрел?

- Я, - сказал он.

- Как тебя зовут? – Эва спохватилась, что и сама не представлена. И представить её, если разобраться, совершенно некому. Но здесь, может, правила не так уж и важны. – Простите. Эванора Орвуд.

И присела.

Как её учили. Хотя, конечно, простоволосая и в ночной рубашке... или... как там Тори говорила? Не в ночной, а в платье, которое шили для их общего первого бала. И с прической. Такой вот, чтобы завитушки и белые цветы в волосах.

Или нет.

- Смешная девочка. Эхтанон. Можешь звать меня так. Присаживайся.

Эва хотела спросить, куда, но тотчас пещера преобразилась. На полу возник ковер. На ковре – низкие странного вида кресла, без спинки, но с высокими подлокотниками, что слева, что справа.

Столик.

Блюда.

Фрукты какие-то... музыка заиграла.

- Это ты сделал?

- Я, - признался дракон, опускаясь на вытянутую то ли кушетку, то ли кровать. – Вы меня разбудили.

- Мне... очень жаль.

- Ничего страшного. Иногда я и так просыпаюсь. Все одно здесь больше нечего делать.

- А зачем ты послал тех птиц?

И одежды на нем... тоже будто платье женское, только короткое. Причем видны голые ноги. А это неприлично, выставлять перед всеми голые ноги.

Даже в призрачном мире.

- Из любопытства. Сюда давно никто не заглядывал. Так... духи, призраки. Мелкая суета.

Наверное, стоило чувствовать себя польщенной, если за крупную суету приняли.

Эва присела.

А вот от блюда отказалась. Вдруг да...

- Это просто сила, - дракон провел ладонью над тарелкой, и та стала туманом. – Сила может принимать любую форму.

Туман превратился в ворона.

А ворон – в персик.

- То есть... этого ничего нет?

- И есть. И нет, - дракон съел персик. И ни капли сока не вытекло на пальцы. Это потому что персик не настоящий? Или просто драконы

аккуратнее людей? – Но тебе не стоит опасаться. Я не причину вреда.

Почему-то не поверилось.

Совсем.

И дракон понял.

- Люди... недоверчивые создания. Мелкие. Суетливые... наглые безмерно. И ставшие хозяевами мира. Я просыпался... порой. И видел, как он меняется. Раз за разом...

Его глаза стали желты.

Как...

- Наше время ушло. И это, пожалуй, было закономерно... он все правильно сделал. Он дал нам свободу. Хотя мы и не оценили сполна этот дар... немногие хотели умирать. Это страшно. Чем дольше живешь, тем страшнее.

- А вы умерли?

- Умер, - дракон создал из ничего цветок и протянул Эве. Но брать она не стала. На всякий случай. Принцесса там или нет, но выглядел этот тип слишком уж подозрительно. Дракон усмехнулся.

И цветок исчез.

- А... а почему вы тогда здесь?

- Потому что не могу уйти.

- Но... вы хотите?

- Не знаю. Раньше – да. Но постепенно ко всему привыкаешь. Да и спал я большей частью... иногда мои дети приходили, чтобы позвать меня. А потом их не стало. И я уснул. Надолго.

Наверное, надо бы извиниться, что разбудили. Или нет? Эва ведь уже извинялась.

- Тот, кто был с тобой. Передай, что я хочу свободы.

- А... как?

Человек снова стал драконом, огромным и ужасным. Наверное. Потому что вживую Эва точно испугалась бы подобного существа и обязательно упала бы в обморок. А тут не испугалась. И даже захотелось потрогать его. Она и руку протянула, но тут же спохватилась.

Может, драконам не слишком по вкусу, когда их трогают всякие там малознакомые девицы.

Но ондохнул, и снова стало тепло. Вдруг появилось такое вот чувство, такое сложноописуемое, как будто ты дома. У камина. И

теплый плед на коленях. А на столике – чай да апельсиновые булочки.

Книга.

Кошка.

И все-то хорошо. Эва даже зажмурилась.

- Хочешь, - спросил дракон, - я покажу тебе, как это было?

Конечно!

Но... стоило бы отказаться. А Эва кивнула. И когда дракон лег на землю, она почти без страха вскарабкалась ему на спину. Чешуя, к слову, оказалась теплой, а между чешуйками на хребте даже перышки прорастали, длинные такие и мягонькие.

Эва в них руки спрятала.

Дракон взмахнул крылами, и пещеры не стало. Зато появилось небо. Далекое. Высокое. И такое... такое... она не сдержала крика, не от страха, нет. Эву переполняло счастье.

Дракон засмеялся.

- Дитя... - он встряхнулся прямо на лету, но Эва не упала. А он, сложив крылья, рухнул вниз, к земле, которая где-то там, за облаками. И рядом с драконом даже мир стал иным.

Более цветным.

Живым.

Берег.

Море.

И призрак змея, который бьет крылами, силясь дотянуть до берега. И дотягивает, падает на самой границе, ломая крылья и хребет. А море накрывает его с головой, чтобы утянуть в темные глубины. Море и драконы никогда-то не были союзниками. Но в последнее мгновенье оно вдруг меняет решение, и темной шелестящей волной подталкивает дракона ближе к берегу.

И еще ближе.

А потом вовсе накрывает и выносит уже человека. К которому бегут другие люди.

Или не совсем люди.

- Когда все рухнуло, я... я был далеко от дома, - голос звучит в голове и в нем печаль. – Я... был стар даже тогда.

Надо же, а старым он не выглядел.

- И я помнил еще мир иным, более... справедливым. И нас, пытавшихся эту справедливость удержать. Потому мне было сложно,

когда все снова изменилось.

Тоже странность. Они высоко, но Эве видно.

Все-все.

Человек, распростертый на камнях, и даже то, что камни эти потемнели от крови. Другие люди... нет, не совсем люди. Они больше. Тяжелее. Уродливей.

Орки?

Они бегут, спешат и, добравшись до берега, останавливаются. Первый, с копьём, заносит руку для удара, но второй перехватывает.

Спорят.

Яростно.

Едва ли не дерутся.

- Тогда оборвалась нить, связывавшая меня с городом, - дракон говорил спокойно. – И я готов был умереть.

Но вот спор утихает. И лежащего на кромке берега человека поднимают. Несут... куда?

Стойбище.

Прямо как в одном из романов. С домами из шкур и палочек. Сверху они кажутся смешными. С волокушами. Огромными косматыми бизонами, что паслись рядом. С кострами, орками, оркскими женщинами и детишками.

- Я долго пребывал на грани... и чувствовал, как они умирают. Все они. Те, кого я знал. И те, с кем связан был кровными узами. Я слышал их боль. Отчаянье. Я видел оковы города, закрывшего им путь. И я хотел помочь, но был бессилён. Я сам стал пленником.

- Орков? Как они... ты же дракон!

- Дракон, утративший суть, - поправили Эву. – Я ослабел. И оказалось, что вернуть прежнее обличье не способен. Да и не только... на многое не способен. И вдруг оказалось, что все те, кого я полагал... слабыми.

- Ничтожными?

- И это тоже. Что они сильнее меня. Меня...

Кормили.

И выводили из этого вот странного домика. Усаживали. Укутывали в шкуры. Странно опять же. Зачем он это показывает Эве?

И старика с длинной трубкой. Эва откуда-то знает, что пахнет от старика травами, что лицо его изрезали морщины столь глубокие, что

само это лицо казалось сложенным из кусочков. Старик приносил горшочки со снадобьями.

Примитивными.

Но иных вдруг не стало. И он, великий могучий змей, терпел. И снадобья. И молчание это, выматывавшее душу. И то, что у него, оказывается, тоже есть душа.

- Ты жил с ними.

- Долго. Кости мои срослись, но как-то... когда города умирали, силы их ушли. И мои собственные не вернулись. Точнее возвращались, но медленно и по крупицам. Это племя называло себя детьми Медведя. Они не стояли на одном месте, ибо бизоны выедали траву и шли дальше, а они шли за бизонами. Я... привык. Не сразу. Не знаю, сколько времени прошло, но я вдруг стал говорить. Был там один... мальчишка. Его родители погибли. Племя не бросило его, но и дома у него не было. Как и у меня. Он присматривал за мной. Я... стал говорить с ним.

Эва молчала.

Что тут скажешь.

- День за днем. Год за годом...

И тот, кто сидел, закутавшись в грязные шкуры, решился встать. Пусть не сам, пусть опираясь на руку подростка-орка.

Сделать шаг.

Другой.

- Он, тот мальчик, был мал и слаб. Еще и хром. Из него не вышло бы охотника. В нашем городе его не стали бы мучить жизнью. Но он оказался сметлив. И я стал его учить. Эти их снадобья... они были совершенно бестолковы. Я же кое-что помнил. Из прежней жизни.

Там внизу меняется.

Время течет. И рисует узоры рек и озер. Красит земли то зеленью, то снегами. Красиво. Очень даже. Эва запомнит. И нарисует что-то похожее.

- После оказалось, что у него дар, пусть и слабый. И я поделился кровью.

- Зачем?

- Драконы, каковы бы они ни были, первые дети творца. И в их крови звучит эхо его первоначальной силы. Кровь дракона исцеляет.

Болезни так точно... избавит от ядов, проклятий... от многого. Я проверял.

В этом Эва не усомнилась.

- Даже при том, что у меня не осталось сил, она действовала. И искра его дара стала пламенем. Правда, дар вышел таким... своеобразным весьма.

- А потом?

- А потом я все-таки умер.

Какой-то не слишком радующий финал. Эва нахмурилась.

- Не печалься, дитя. Я устал жить. Когда ты один, когда ты последний в своем роду. Когда каждую ночь ты слышишь голоса своих братьев и сестер, которые умерли, но не обрели свободы... когда день за днем мир меняется, и ты понимаешь, что в нем не осталось места, смерть начинает казаться избавлением. Я научил того, кого, пожалуй, мог бы назвать сыном всему, что знал.

- И умер.

- Да... на берегу.

- Но все одно остался? И умер ты человеком? Или...

- Он хорошо распорядился моим даром, тот мальчик. Да, для него время шло быстрее. И я видел, как он нашел женщину, которая не посмотрела, что он хром и слаб. Она вошла в его дом и родила ему детей. И мне тоже, ибо в крови их была часть моей... я дал им еще. Почему-то это показалось важным... я видел, как они растут. И как появляются на свет их дети. И снова учил... долго. А потом все-таки устал. И когда решение было принято, мы пришли на берег. Мой сын, чей срок тоже давно вышел, и я. Я... уже набрал достаточно силы, чтобы ненадолго вернуть себе истинное обличье.

- Ты...

- Поднялся в небо. Тебе не рассказать, дитя, какое это счастье, подняться в небо. Я взял его с собой. Как обещал когда-то. Так что да, мы умерли счастливыми.

- Но ты не ушел.

- Нет. Выяснилось, что с клятвами нужно быть аккуратней... я пообещал своему сыну, что буду присматривать за его детьми. Вот и...

- дракон поднялся выше.

И выше.

И еще выше.

Интересно, а сможет ли дракон долететь до солнца?

- Старший из потомков его... и моих, он умел видеть сокрытые пути. Мы говорили. Он искал способ отпустить, однако не находил... я подарил ему кость. А он сделал дудочку.

По спине Эвы поползли ручейки пота.

- Потом... они возвращались. И играли мне. Дети моих детей. Они почти забыли, зачем это делают. Но я отзывался. И приходил. Помогал, чем мог, но мертвецы на многое не способны... совет вот дать разве что. В последний раз музыка играла давно.

Туман внизу.

И поле.

Или нет? Берег? Река, да, река... и Эва понимает, что это место, из которого вырос город, он и сейчас есть, только совсем другой. Дома и домишки, спутанные улицы. Корабли какие-то.

Люди в красных мундирах.

Их много. И пушки есть. И... война? Нет.

- Тот, в ком жива была моя кровь, пришел за советом. На самом деле совет ему не был нужен.

А с другой стороны долины – волокуши и шатры.

Костры.

Племена... не только орки.

- Он желал мира. Он верил, что мир возможен. Что земли вдоволь для всех... их никогда не было много, детей моей крови. И крови моих братьев... Не я один был таким щедрым, как выяснилось.

- Их убили, да?

Эдди ведь рассказывал ту историю, из прошлого.

- Я услышал, как оборвалась нить его жизни. И песня смолкла... надолго.

- Ты...

- Будь я жив, я бы поднялся в небеса и... - дракондохнул пламенем, вот только то было белым, как туман. Он падал вниз не яростным огнем небес, а белым пухом снега, укрывая тот, давно не существовавший город. – Но я мертв, девочка. И что я мог?

- Но ты не получил свободу.

- Именно, - туман укрыл все. И стер. И снова появился берег, то ли давний, то ли нынешний. – Стало быть, нить моей крови не оборвалась. Я знал. И ждал.

- И дождался? Да? – безумная догадка, но... как иначе.

- Да, дитя. Дождался, - дракон опустился на берег и стал человеком. Точнее кем-то, очень на человека похожим. – Я слышу свою кровь. Но он не слышит меня.

- А я, выходит...

- Ты – просто маленькая птичка, - дракон протянул руку и дыхнул огнем, и Эва снова стала птицей. – Та, которой даровано пересекать границу... беспечная, не способная защититься. К счастью.

Стало быть, Эва сама виновата.

- До тебя я дотянулся. А ты приведешь его.

- А... - странно говорить, когда ты птица. – А если он откажется?

Дракон рассмеялся. И смех его был хриплым.

А еще теплым.

- Скажи... скажи, что этот совет ему пригодится. И что в мире, куда хочет попасть проклятый, мертвый дракон – вполне себе сила...

Особенно, если живых у тебя нету.

- Лети, - Эву подкинули. – Лети и скажи, что бояться нечего... не здесь.

Наверное, это было хорошо.

Но додумать Эва не успела, короткие крылышки подбросили её вверх. И вернули в тело...

Глава 37 В которой леди изволят болеть, выздоравливать и гулять

Глава 37 В которой леди изволят болеть, выздоравливать и гулять
Проснулась я с трудом. Да и как... скорее глаза открыла, а состояние такое вот, препоганое, кости ломит, ноги крутит и убить охота хоть кого-нибудь.

Ну и жрать.

Но это уже традиционно.

- Как ты? – Чарльз, что характерно, был рядом. Целый. И пока вполне живой. А вот рука его легла на лоб. – Да у тебя жар...

Жар.

И жрать.

И пить еще. Стакан воды я осушила одним глотком. И второй. И третий влез. Потом вода сменилась характерным вонючим травяным отваром, который матушка Мо в меня залила, а я не больно-то сопротивлялась, поскольку пить хотелось все еще зверски.

Чарльз куда-то исчез.

А матушка Мо и моя – появились.

Потом еще профессор Шелтон.

Давешний целитель, выгядевший отчего-то донельзя довольным. И еще подумала, что если и убивать, то с него надо. Он это все придумал.

Я хотела сказать, но из горла вырвалось лишь рычание.

И мне сунули кусок хлеба с маслом в одну руку, а в другую – булку, щедро намазанную повидлом. Матушка Мо еще пальцем погрозила, мол, вижу я твои мысли, Милисента Диксон.

- Что вы творите! – подскочил целитель и попытался булку отобрать. – Это недопустимо!

Хрена. Я даже Эдди не позволяла забирать у себя еду.

И от души, почти даже без угрызений совести, целителя пнула. Ну, чтоб не лез под руку.

- Милисента! – произнесла матушка.

- У нее жар! – Чарли был тут же.

- И жор, - поправила я, вцепившись в булку зубами.

- Ей нужен покой! И диета! Строжайшая... ничего сладкого.

Чего?

Я посмотрела на целителя. Он в своем уме?

- Вы видите, что творится с её энергетическими потоками... - это он уже к Шелтону. – Леди необходимо...

- Никуда я не поеду, - как ни странно, но чувствовала себя я много лучше. То ли травы матушки Мо помогли – всегда хотелось знать, чего она туда мешала, то ли булка с повидлом. Лично я ставила на булку.

- Постоянное наблюдение... и сон, - целитель очутился перед самым моим носом. Вот уж бесстрашный. Или идиот? Еще и пальцем ткнул. – Леди перевозбуждена!

- А в прошлый раз говорил, что нельзя в еде ограничивать, - сказала я.

- Нельзя! Но... это же не значит, что есть нужно булки!

- Почему?

- Потому что... - он запнулся. – Вы должны питаться мясной пищей.

Я и питаюсь. Но и булками тоже. И вообще сейчас мне их хочется куда больше, чем мяса. Я облизала пальцы. А целитель уставился на меня круглыми своими глазенками.

- Разве вам не хочется мяса? – вкрадчиво поинтересовался он.

- Нет.

- И кровь... кровь животных...

- По-моему, вы несете какой-то бред, - заметил профессор Шелтон, хмурясь. – Легкая лихорадка – вполне обычное дело при формировании силовых узлов. Меняется энергетический контур тела...

- Не в таком возрасте!

- Случается, что и в таком. История знает...

- Именно! Что только по слухам, по описаниям... а тут такие удивительные возможности.

- Это моя жена, - спокойно заметил Чарльз и руки скрестил так, превратно. – А не удивительные возможности.

- Именно. И я заявляю, что вы просто-напросто обязаны создать ей наилучшие условия для реализации потенциала...

Я прислушалась к себе. Нет, точно лучше. И намного. Жара не испытываю. А вот желание убить кого-нибудь осталось. И главное,

даже окрепло. Обрело, так сказать, плоть и лицо. Одно такое вот, нависающее авторитетом.

- Правильное питание. Режим. И покой. Полный покой...

- Полный покой в гробу бывает, - я спустила ноги с кровати. – А вообще мне лучше. Намного...

- Вы... - целитель посмотрел на меня с искренним возмущением.

– Вам не может быть лучше!

- Почему?

- Потому что вам плохо!

- Кто сказал?

- Я!

- Думаю, - Шелтон подхватил этого вот суетливого господина под руку, - нам самим стоит немного успокоиться... да, вы переволновались за пациентку, но даже я вижу, что ей намного лучше.

А то.

Вообще похорошело, только в животе опять урчит.

- Не стоит смущать юную леди присутствием... - и главное, говорит и за локоток так к двери тянет. Причем держит крепко. Я вижу, что целитель этот пару раз вырваться пытался, но профессор у нас цепкий.

Хорошо.

Очень хорошо.

- ...и причин для волнения нет, согласитесь. Жар отступил...

Я потрогала лоб.

И матушка потрогала лоб.

- Это все от безделья! – матушка Мо тоже потрогала мой лоб. – Приличная девица была, а теперь он в кровати до полудня. Стыдоба! Будешь так разлеживаться, муженек твой мигом к какой-нибудь ведьме свинтит.

- Это к какой?

- А вон... крутилась подле. Будто я не вижу! Так и скажу этому нехроманту... где это видано, чтобы приличные девки чужих мужиков обихаживали?

И удалилась.

Чарли тоже вышел, еще с целителем, наверняка проследить, чтобы тот убрался и подальше вместе со своими ценными советами.

А матушка помогла мне рубашку стянуть, от пота насквозь промокшую. И белье вон тоже. И одеяло. Надо будет вынести на просушку, хотя, конечно... смешно будет? Если тут, рядом с домиком, рубашки вывесить?

Или нет?

- Думаю, там какое-то... дело, - осторожно заметила матушка. – Юную леди Орвуд сопровождал её брат.

Аж полегчало.

Не то, чтобы девица так уж мне нравилась, наоборот даже, но если вдруг пришибу, то и у Эдди с сестрицею ведьминской разладится.

- Это... она проклятье смотрела, выходит.

А я все проспала.

Эх...

- погоди, - матушка ушла, чтобы вернуться с кувшином и полотенцем. Ну да, от испарины отереться не помешает. – Что за проклятье?

И ведь не промолчишь.

Да и толку... я и рассказала. Про проклятье. Про... племянниц её. Зелье это...

- А ведь и мне предлагали, - задумчиво произнесла матушка. – Одна старинная приятельница... как-то на чай пригласила. Она в благотворительном комитете. И очень настойчиво эти капли пихала. Мол, весьма полезны для нервов.

- Но ты же не пила?

- Нет, конечно. Выкинула... решила, что просто очередная глупость, хотя вот... сплетни. Просто сплетни...

- Мама!

Я натянула рубашку. Как-то жар спал, но тепло осталось. И силы внутри вроде как больше, но она спокойная, сытая какая-то.

- Сплетни всегда есть, - отмахнулась матушка. – Разные... и я ведь надолго выпала их жизни. А потому во всем этом сложно разобраться. Фамилии вроде бы те же, а имена другие. Мелисса Хартвуд слегла, а у Эммы Тоттенхауэр – то ли чахотка, то ли что похуже... просто имена. Молодых девушек. Кажет, она посетовала еще, что до зимы далеко, а они болеют. Именно. Что здоровье у нынешнего поколения слабое. Может, это и не связано...

Чарли проверит.

Или этот дружок его вежливый, который и втянул моего мужа в эти игрища.

- Но чтобы и девочек... - матушка покачала головой. – Как брат допустил такое? Впрочем... в мое время модно было пить уксус. И еще в глаза закапывали что-то такое, чтоб блестели. От этого голова кружилась.

Матушка помогла надеть платье.

- Занятия, как понимаю, я проспала?

- О... лекция была весьма познавательной, но я тебе перескажу, - матушка лукаво улыбнулась. И сразу же смутилась, потому как тут творится не понятно что. – А вечером Орвуд пригласил на открытое занятие, но я, пожалуй, опущу. Все же некромантия – дело... специфическое.

Она поднялась.

- Чарльза не ругай... если мужчина не будет делать то, что должен, ты сама перестанешь его уважать.

- Как... ты?

- Да, - она не стала увиливать. – Знаешь... Змей ведь намекал и не раз. Он готов был... помочь.

И помог в конце концов.

- И принял бы. Меня. Тебя. И Эдди его бы не смутил. Он и позаботился бы.

- Но ты не согласилась?

- Нет. Гордость... глупая. Или нет? Или... просто гордость.

Ну да, у Змея было много жен. И детей еще больше. И... и все равно я ему, засранцу старому, благодарна. По-своему.

Пусть ему там, на свете ином, зачтется.

- Обед готов. Думаю, вам с мужем есть, что обсудить... и я отправлюсь в город.

- Зачем?

- Бал. К балу следует подготовиться. А заодно навестить моего дорогого брата, - как-то она так это произнесла, что у меня мурашки по спине побежали. – Который обещал, что моя семья во всей этой игре не пострадает.

Ну да.

Может, он даже верил в эти обещания. Искренне.

Чарльз выглядел обеспокоенным.

И норовил подсунуть то одно, то другое блюдо. А я ела. Я опять ела, как не в себя. И главное, влезало же. Еда проваливалась в желудок, отчего становилось тепло и спокойно, но ненадолго. В желудке снова возникала дыра, требовавшая заполнить её.

Казалось, это никогда не закончится.

Но в какой-то момент я четко осознала, что все, не впихну больше ни кусочка. Я икнула. И сыто прищурилась. И даже выдержала очередное, десятое, прощупывание лба.

- Все хорошо, - сказала я мужу. – Во всяком случае, пока...

Кивок. Вздых.

- Ты меня напугала.

Кто бы говорил. Между прочим, у меня просто лихорадка. А у него вон проклятье. Смертельное.

- Я не специально.

- Знаю, - он накрыл мою руку своей. – Это... и вправду случается. Обычно, когда дар полностью или почти полностью раскрылся. Идет формирование потоков, стабилизация энергетических линий. Ядра... твоё похоже на огромное солнце. Так сказал Шелтон.

- А этот... целитель?

- Скорее всего из братства. Очень настаивал на том, что тебя следует изолировать. Что ты можешь быть опасна. Выброс энергии и все такое...

- Изолировать и кормить кровью, - к горлу подкатила тошнота.

- Мне тоже это показалось странным, но, когда попробовал надавить, он заюлил.

Ага.

Понятно. То есть не совсем. Стало быть, этот тип знает явно больше, чем говорит.

- И Шелтону угрожал. Весьма завуалированно, но все же... боюсь, его постараются отослать куда-нибудь. Или просто выгнать.

- Ты же не позволишь?

- Думаю, что не позволю не я, - усмехнулся Чарльз. – Он весьма толковый мужик... правда, не скажу, чтобы состоятелен.

Когда это имело значение.

- Но это же ерунда. У меня состояния...

И осекся, сам же себе ответив:

- Не примет.

- Ну... я уже говорила матушке, в городе Мастеров толковый маг всегда себе дело найдет.

- Точно, - Чарльз потер лоб. – Не надо было уезжать... или вообще оставить бы тебя там.

Ага, а я бы взяла и осталась. Наивный.

- Отвез бы Августу...

- Как она?

- Письма пишет. Каждый день. Мне и матушке. Вроде как все хорошо. И всем довольна... за городом, тут недалеко... целители... - щека у Чарльза дернулась. – Говорят, что недолго осталось. И может, ей вправду там лучше.

А мне лучше, когда она там, без всяких «может».

- До чего договорились? Ну, вчера?

- До того, что больше вы одни не останетесь. Даже если... плевать на заговоры, императора и все остальное... - Чарльз произнес это тихо, но весьма решительно. – Рядом с вами кто-то да будет... Орвуд-старший сейчас сопроводит твою матушку во дворец. У него там еще... пациентка. Надо проверить. Он надеется, что девочкам стало легче. И мальчишку берет. Сиу. Пойдет как воспитанник твоей матушки...

И на меня поглядел так, явно ожидая, что скажу.

А что тут скажешь?

Один братец у меня имеется, будет и другой. Надеюсь, что будет не только братец... ну да тут как оно боги дадут. А сиу? Что сиу. Орка вон как-то матушка воспитала. И с этим справится.

- Берт с леди Орвуд остался. И сестрами... сестрой. Эдди, кажется, взялся сопроводить их на прогулку...

Даже так?

Офигеть, сколько интересного я проспала.

- Ну а ты со мной?

Чарльз кивнул.

- Я пригласил профессора. Как-то... целитель этот у меня доверия вот совсем не вызывает. А вот если Шелтон глянет... ты же не против?

Нет, конечно.

Только икнулось что-то. И во рту появился привкус мяса с дымком. Или дымка.

- Главное, чтоб я опять не заснула. А что там матушка про занятие говорила? Ну, Орвуда...

- А... лорд весьма оскорбился тем, как вас встретили.

Не только он, надо полагать, вон выражение лица у Чарльза такое... специфическое.

- И потому вызвался провести лекцию. Не совсем лекцию... полагаю, будет что-то более прикладное... узкой направленности. И не уверен, что...

Чтобы я пропустила да прикладное занятие у некроманта? И Чарли понял.

- Милли, там будут мертвецы!

Если он думал, что меня отговорит, то это зря!

- Вот именно! – сказала я. – Даже мертвецы там будут! А я некромантов за работой только раз и видела! И... и вообще! Я же учиться сюда приехала.

Чарльз тихо вздохнул.

И больше отговаривать не стал. И как-то от этого сделалось грустно-грустно, настолько, что я подошла к нему сзади, обняла и положила голову на плечо.

- А давай и мы погуляем, а?

- Подсматривать нехорошо!

Сама знаю.

И не собираюсь. Ну... не подсматривать, а так, убедиться, что Эдди на самом деле... ну и просто погулять.

- Просто, - я повторила это слово. – Просто погуляем. Вдвоем... мы же никогда, чтобы вдвоем... чтобы ни от кого не убегать, не догонять, не... выживать, а так вот, чинно и по дорожке? Без цели и особого смысла.

- Я понял, - Чарльз вздохнул громче. – Я отвратительный муж.

- Почему?

- Потому что нормальные мужья и вправду выводят жен на прогулку. Или там в оперу.

- В оперу не надо!

- Или еще куда...

- Ты меня тоже выводил.

- В подпольный бордель?

- Не думаю, что в опере нам было бы также интересно.

- Это да, - согласился Чарльз и поднялся. И руку подал. – Леди Диксон, буду безмерно счастлив, если не откажете мне в удовольствии...

Я не отказала.

Только шляпку взяла, раз уж я и вправду леди.

- Слушай, - я прищурилась, до того ярким показалось солнце. – А почему тут так говорят?

- Как «так»?

- Ну... длинно. С завитушками. Пока договорят, уже забудешь, чего там вначале было...

- Принято так.

- Это я понимаю.

Солнце светит. Травка зеленеет. Даже бабочки вон порхают с цветка на цветок. А в саду тень и прохлада. И главное, никого-то нет, особенно, если с дорожки сойти. А то целоваться на дорожке как-то неудобно, вдруг да увидят.

Пусть даже целовалась я с собственным мужем.

А что?

Ну не по дорожкам же нам бродить-то в самом деле?

- Знаешь... - задумчиво произнес Чарльз, поправляя сбившуюся мою шляпку. – А матушка говорила, что стоит садом заняться...

- Стоит, - согласилась я. – Определенно...

Мы посмотрели друг на друга и рассмеялись. Одновременно. И в этот вот конкретный момент стало вдруг неважно, что там было ли, будет.

Потому что есть здесь.

Сейчас.

И... и надо ли что-то еще. Разве что, чтобы никто не пытался отнять у меня мое счастье. Но об этом я как-нибудь да позабочусь.

Глава 38 Где есть место драконам и девицам

Глава 38 Где есть место драконам и девицам

Это было сложно.

Безумно сложно. И просто безумно. Потому что леди не должна, не может, не положено ей... и еще тысяча разных «не». Вот подойти и...

Сказать.

Позвать.

Пригласить. Как это еще... выразиться?

- Если будешь так пялиться, дырку протрешь, - заметила Виктория, с трудом подавив зевок. – Кстати, мне тут такое приснилось...

И вовсе Эва не пялится.

А что до снов...

- Не поверишь, мне тоже, - сказала она, поежившись. – Как думаешь... он решит, что я совсем... падшая, если я попрошу его... сопроводить меня.

Да, пожалуй, так будет прилично.

Сопроводить.

- Куда?

- В сад. Прогуляться...

Виктория поглядела с сомнением на Эву. На Эдди, который о чем-то мило беседовал с матушкой. Вздохнула. И сказала.

- Ладно... только чур потом расскажешь.

- О чем?

- О сне.

- Я дракона видела. И говорила... и он со мной тоже. И наверное даже это не совсем и сон был. Он тут где-то... в смысле, дракон. Умер. Давно. И его дети тоже умерли. Но не все. Это звучит бредом, да?

- Да, - не стала спорить Виктория. – Но любопытным. Так что ты потом все равно расскажешь... идем.

И за руку схватила, потянув за собой. Эва даже испугаться не успела. Хотя это потому что она с утра самого такая вот, отошедшая.

Нет, проснулась она почти сразу.

И еще лежала в кровати, думая обо всем и сразу. А внутри тепло пряталось, будто Эве чудом удалось ухватить частицу того мира.

И драконьего огня.

Но додумать она не додумала, потому что встала Виктория. А потом и матушка заглянула, проверить и поторопить, потому что завтрак.

И лекции.

И на лекции их с Тори сопровождали, что Эдди, что Бертрам, который мог бы конечно и не быть... саму лекцию Эва тоже слушала. Внимательно. И профессор рассказывал интересно, но мысли то и дело соскальзывали на сон.

Или не сон.

Дракона.

Туманы. Еще желание было закрыть глаза. Вернуться. Это ведь несложно... теперь и не опасно совсем. Но Эва справилась.

И с лекцией. И с желанием. Еще бы с робостью своей справиться.

- Мистер Годдард, - а вот у Виктории никакой робости. – Прошу прощения, что перебиваю... матушка, мы с Эвой собирались прогуляться, но как-то вот теперь одним боязно, после случившегося вчера...

- Буду рад помочь, - Эдди кажется с трудом сдержал улыбку.

И Эва поняла, что краснеет.

Нельзя же вот так... или можно? Она ведь не хочет ничего плохого. Просто... просто поговорить. Рассказать. Это ведь важно.

А главное, Бертрам возражать не стал. И на маменьку только глянул. И та кивнула.

- Это было бы просто чудесно... - сказала она несколько неуверенно, потому как да, Эва с Тори, но с ними ни горничной, ни компаньонки.

- Матушка, а вы, кажется, собирались в город, и тут уже я буду счастлив проводить вас, - Берт слегка прищурился.

Хороший он.

И жаль, что так с невестой получилось.

- Тогда мы сейчас... - Тори опять потянула за собой. – Зонтики возьмем...

И уже в доме сказала:

- Одну бы она тебя точно не пустила, а я мешать не стану. Отойду в стороночку...

- Да ладно, - отмахнулась Эва. – Все равно тебе рассказывать. И ему тоже... это важно.

Правда, сперва они все равно гуляли.

По парку.

Неспешно. По дорожке. И Тори что-то спросила, Эдди ответил. А она спросила снова, отчего появилось желание огреть излишне любопытную сестрицу зонтиком по макушке. Но Эва поймала насмешливый взгляд её и разом успокоилась.

Дразнится.

Ведьма.

И Эдди смотрит не на нее. Нет, отвечать отвечает, но как-то не слишком охотно. А отходят они дальше и дальше...

- Я провалилась сегодня ночью, - сказала Эва, когда впереди показалась беседка. Вид она имела мрачноватый. Столпы-опоры, низкая чешуйчатая крыша и плющ, свисающий с нее зелеными патлами. Внутри сыро и прохладно, и пахнет плесенью.

- Почему не позвала? – Эдди нахмурился и посмотрел на Викторию.

- А я что? Я, между прочим, спала... и тоже видела. Странное такое... - она губу прикусила. – Но давай сперва ты. Рассказывай уже.

Если бы это было так просто!

Вот как рассказать, какой из себя дракон? Что он огромен? И великолепен. И ужасен тоже. Ужасно великолепен. И про небо. Крылья. Землю внизу. Про людей и не только... Эва сама не заметила, как увлеклась, и даже руками махать стала, за что матушка всегда выговаривала, но теперь матушки не было.

Зато был Эдди.

И еще Виктория, которая устроилась на не слишком чистой лавке и тоже слушала.

- Вот так... он хочет с тобой встретиться, - сказала Эва.

А Эдди вздохнул так, тягостно.

- Драконы... опять драконы, а?

- У меня нет, - Тори качнула ногой, и из-под юбки выглянула не только туфелька, но и щиколотка показалась. – Я бал видела. И платье. То, которое мы выбрали... то есть была бальная зала. А потом другая,

под ней. Такая вот... как пещера. И я там. И ты тоже. И все мы. А еще я играю... на дудке. Той, которую ты мне подарил. Я играю для человека из сна... того, который был в доме. Играю, потому что он попросил. И все умирают.

Эва открыла рот.

И закрыла.

- Я вот и подумала, - Тори разжала ладонь, на которой лежало что-то маленькое и уродливое, черного цвета. – Может, ты заберешь её? Я не хочу, чтобы все умирали.

- А ты сможешь отдать?

- Я... попытаюсь.

Эдди покачал головой. И сказал:

- Так судьбу не обманешь.

- А как обманешь? И это ведь может быть просто сном? Матушка говорит, что от нервов случаются дурные сны. А нервов было много. и вот...

- Сама-то веришь?

- Нет, - Тори сжала кулак. – Это было до того реально, что я... я слышала музыку. И хотела остановиться. Честно. Но не могла. Что мне теперь делать?

- Не знаю, - Эдди огляделся. А потом предложил. – Может, и вправду спросить мудрого совета? Только сперва вас отведу...

- Мы с тобой, - Эва поняла, что не отступить. А для убедительности добавила. – Не возьмешь, сами найдем...

Пусть это совсем неблагоприятно. И неправильно, наверное. Но она совершенно точно не собирается отпускать его к дракону одного.

В конце концов, они ведь даже не представлены!

И...

Эдди усмехнулся. Вытащил дудочку и сказал:

- Тогда чего тянуть...

От этого низкого вибрирующего звука сердце в груди забило сильнее. А потом мир качнулся. И Эва только и успела, что схватить сестру за руку.

Дернуть.

И выдернуть.

На ту сторону. На ней тоже была беседка, точнее в первое мгновение она показалась именно беседкой, и уже потом Эва поняла,

что это совершенно иное что-то.

Столпы не из дерева, но из камня. И каменные же плиты лежат наверху. А потолка нет, зато есть черное-черное небо с белыми звездами. При этом вокруг светло.

Трава вот тоже черная.

А по ней стелются туманы. И Виктория ежится.

- Как-то здесь неуютно, что ли... ты вообще уверена, что этому дракону можно верить?

Нет.

Эва прикусила губу. Она не уверена. Вот совсем-совсем не уверена. А если и вправду? Если её заманили сюда, обманули, чтобы привела остальных? А теперь возьмут и сожрут? Или чего похуже. Хотя чего уж хуже-то?

Эдди озирался.

Здесь он другой какой-то... еще выше? Шире? Нет, это вряд ли возможно. Скорее даже в этом мире он настоящий. А что одет в какую-то потертую куртку, так ему и к лицу.

Ветер...

И нет, не холодно. Скорее тянет крылья распахнуть. Эва и распахивает, превращаясь в птицу. А потом садится на плечо Эдди.

- Да уж, - у Тори в этом мире волосы черны. Ветер растягивает их, разбирает на пряди, и пряди шевелятся, словно змеи.

Лицо у нее узкое.

Губы алые.

Она красива и страшна одновременно. Но Эва не боится. А еще она видит. И её видят. И мир вздрагивает, а туман поднимается, сплетаясь в белоснежного зверя.

Дракона.

Милисента, конечно, о драконах рассказывала. Но все одно Эдди представлял их немного иными, что ли? Не такими... внушающими.

Зверюга.

Белоснежная чешуя отликает перламутром. А глаза вот змеиные, желтые. И это – единственный яркий цвет здесь и сейчас. Башка... башка наклоняется. Медленно. И Эдди обдает горячим дыханием.

- Здравствуй, что ли, - Эдди заставляет себя удержаться на месте, хотя больше всего тянет убраться.

Сбежать.

Он не трус. Это не трусость, а благоразумие. А стоять вот, пялится на зверя, как раз признак величайшей дури. И выходит, что Эдди – дурак редкостный, если стоит и пялится.

Дракон засмеялся.

И стал человеком.

Невозможно, стало быть? Ну-ну... ладно, это пусть всякого рода умники определяются, чего там возможно с точки зрения науки, а чего нет. Эдди же... просто разглядывает человека.

Нечеловека.

Слишком уж он собою хорош. Куда там Сент-Орону, который тоже весьма неплох и тем бесит, но тут... тут иное.

- Здравствуй, правнук, - сказал дракон.

- Здравствуй... - Эдди слегка замялся. – Прадедушка?

- Много раз «пра».

- Это да... но я как бы не уверен.

Дракон рассмеялся.

- Я уверен. Я слышу свою кровь. Здесь она звучит яснее. И слышу свою плоть... но не у тебя.

И к Виктории Орвуд повернулся. Она же со вздохом вытащила дудочку, которую протянула дракону.

- Ваше?

Пальцы дрожат. И над ней клубиться тьма, как и над дудкой.

- Уже нет. Дары не отнимают.

- Я... не уверена, что по праву.

Дракон склонился над её ладонью и сделал глубокий вдох. Он закрыл глаза и протянул руку.

- Позволишь?

Тори кивнула, проворчав:

- Как будто могу отказать...

- Можешь, дитя... можешь... когда-то большой кровью и болью вы получили право отказывать. Кому бы то ни было. А потом забыли о том. Но ты помни.

Дудочка тоже была настоящей. В этом мире тумана легко было отличить настоящее от ненастоящего. Дракон провел по ней кончиками пальцев и поднес к губам.

Дунул.

Звук пролетел по-над миром, и туманы всколыхнулись, оживая. И одна за другой подниматься стали призрачные фигуры...

Люди?

И не только. Но людей больше. Усталые. С изможденными лицами. В грязных потрепанных одеждах, они просто стояли, рядом, но не видя друг друга.

Кто-то в мундире.

Кто-то...

Как мертвецы? Ну да, конечно, те, из Мертвой пустыни.

Сиу.

Выше нынешних. И такие же худые. И лица резкие, чуждые... темная кожа, разукрашенная шрамами, которые складываются в узор.

В один на всех.

Орки.

Их тоже много, почти как людей... и дракон улыбается. А потом взмахом руки стирает всех. И возвращает дудочку Виктории.

- Теперь она будет звучать легче, дитя моего брата.

- Что? Вы... нет, глупость это, мы люди...

Дракон склонил голову.

- Конечно, вы люди. Но и не только. Я чую в тебе эхо его силы, как и в тебе, маленькая птичка. Но нельзя надолго прятаться в чужом теле. Так можно и забыть, кто ты на самом деле.

Он взмахнул рукой, и зимородок, до того тихо сидевший на плече Эдди, вновь превратился в Эванору Орвуд. Растрепанную и, кажется, возмущенную.

- Вы когда-нибудь видели бурю на море?

- Ты позвал нас за этим? – Эдди посмотрел, как Виктория держит дудочку. Аккуратно. Осторожно даже. Будто та, черная, побывав в чужих руках сделалась хрупка.

- Не только. Но я давно не видел бурь.

И мир меняется. Мир здесь, на изнанке, текуч, подобен зыбучим пескам, и оттого опасен. Эдди успевает взять за руку Эву, и они оказываются на берегу.

Втроем.

- А где... - Эва оборачивается. – Виктория...

- Не мешай ей, - сказал дракон.

- Но... она же заблудится?

- Ей надо научиться. Возвращаться в том числе.

- Но...

- Сядь, - дракон велел это, но Эва насупилась и скрестила руки на груди.

- Я не собираюсь... вы должны вернуть мою сестру! Вы ведь обещали, что... что здесь безопасно!

- Здесь безопасно, - дракон посмотрел на Эдди. А потом снова на Эву. И поднял ладонь, поднес к губам и дунул. Ветер, сорвавшийся с руки, смял человека, превращая в пташку, а ту закрутил и...

- Что за...

- Спокойно. Она хотела к сестре? Пускай. С ними ничего не случится. Слово.

Слово мертвеца многого ли стоит? Но нынешнее упало. И Эдди понял, что оно нерушимо.

- Если в них тоже кровь...

- Она во всех вас, - дракон повернулся к берегу. Здесь скалы выдавались из моря, вырастали утесом, с края которого раскрывалась кипящая бездна. И ярились волны, спешили, летели, чтобы рассечь себя о камень, чтобы снова стать пеной.

Раз за разом.

- Мы – дети творца, сами решившие, что можем творить. И создавшие тех, кого называли детьми. Да только родители из нас вышли хреновые... - дракон поднял руки, пытаясь поймать ветер. – Но основного это не отменит. В каждом из вас есть частица дракона. В ком-то больше, в ком-то меньше.

И чего он ждет?

Что Эдди придет в восторг? Обрадуется? Хрена... от этих драконов ничего, кроме неприятностей.

- Не все из нас были... чудовищами. Кто-то искренне желал помочь. И помогал... или думаешь, что я один поделился своей кровью и силой?

- То есть, - Эдди опустился на край утеса. – Маги – это... кто? Потомки драконов? Или потомки тех людей, которым повезло потом получить силу и кровь дракона?

- Именно.

- И кровь тоже разная, да?

- Верно.

- Отсюда и разные маги... моя сестра огневик.

- Пока еще да.

- В смысле?

Дракон сдержал улыбку.

- Увидишь. Недолго осталось... кровь драконов к крови стремиться. Пусть не сразу, постепенно. Они собираются... есть звездное серебро, металл, который жидок.

- Ртуть?

- Может, и она. Видел ли ты когда-нибудь, как она рассыпается на шарики? А после те устремляются, чтобы слиться друг с другом? И становится больше...

- Дар растет. Я понял.

И все-таки не покидало беспокойство. Мудрые беседы мудрыми беседами, но Эва-то где?

- С твоей женщиной ничего не случится, - произнес дракон с легким раздражением. Ну да, ты тут спал пару сотен лет, проснулся, а потомки вместо того, чтобы внимать с почтением, о бабах думают.

Эдди тоже, наверное, обиделся бы.

- Она вечно во что-то влипает, - сказал он.

- С женщинами такое постоянно происходит.

- Так что с моей сестрой? И при чем тут ртуть... хотя да, я понял. У нее как раз собралась большая капля? Так? А потом еще и город, и... в общем, то, что с ней сейчас происходит, это нормально?

- Для человека – не совсем.

- Ей не повредит?

- Зависит от того, сумеет ли она справиться, - спокойно ответил дракон.

Твою ж мать... вот и ищи мудрых советов. Только еще больше запутают.

- Хорошо. У нее дар огня. У меня? Хотя... я могу пересекать границу мира... кстати, изнанка – это же...

- Память. Мира. О том, каким он был.

- То есть, ты сейчас только в памяти существуешь?

- И в ней тоже. Все... довольно сложно.

Когда оно было просто.

Море внизу кипело, норовя дотянуться до ног Эдди, но скала была высока, а ветер зол.

- Еще это место для тех, перед кем закрыт путь дальше.

- Вроде тебя?

- Вроде меня.

- И тех людей...

- Мой пра...внук сыграл им свою песню. Когда понял, что произошло... он пытался дозваться до меня, но мертвые мало что могут в мире живых.

- Погоди... я знаю одного призрака, который вполне может показываться.

- И что еще?

Эдди задумался.

- А ты... ты мог бы показаться? Просто...

Если бы тогда в небесах возник дракон... это ровным счетом ничего не изменило бы.

- Ты поэтому не стал?

- Я открыл им путь. И ушли они свободными... кто захотел.

- А те кто нет, остались, да?

- Души многих желали отмщения. И я не властен над ними. Но за столько лет они могли бы и передумать. Потому и пришли... возможно, у нее получится отпустить.

- Я бы мог...

- Нет. Позволишь? – он протянул руку, в которую Эдди вложил дудку. – Кость... и сила. Чувствуется. Но... кое-чего не хватает. Там я не способен на многое. Но здесь...

Все-таки человек может превратиться в дракона. И происходит это столь стремительно, что Эдди не успевает глазом моргнуть.

Зверь склоняется над ним.

И выдыхает.

Его дыхание окутывает Эдди тяжелым облаком огня, а огонь собирается в ладони, чтобы пропитать кость. И дудка меняется. Нет, она не становится хрупкой, хотя силы этого пламени хватило бы, чтобы сжечь и её, и Эдди. Но оно не враждебно.

И Эдди снова дышит.

- Вот так-то лучше, - голос дракона раздается в голове. – У каждого свой путь. И свой выбор.

- Это все, что ты хотел сказать?

- Нет... после того, как дети мои ушли, а я остался, я спал. Долго. Иногда я позволял себе выглянуть, но это тоже было сродни сну. Но не так давно я ощутил иную силу. Сперва её было немного, но чем дальше, тем больше становилось. И эта сила тянулась ко мне.

- Погоди...

- Эта сила взывает... кто-то там, в мире яви, настолько безумен, что пытается оживить дракона.

Вот... придурок.

Глава 39 О том, что не все прогулки одинаково полезны

Глава 39 О том, что не все прогулки одинаково полезны

Обед с Шелтоном прошел столь спокойно и буднично, что это само по себе внушало подозрения. И даже Матушка Мо помалкивала, только буравила затылок профессора тяжелым взглядом, в котором Чарльзу мерещилось то ли сомнение, то ли наоборот, одобрение.

Мерещилось.

Точно.

- Отрадно, что ваше самочувствие настолько улучшилось, - Шелтон на матушку Мо косился с явной опаской. И не зря. Этой женщины определенно стоило опасаться.

- То есть, запирать меня не надо? – уточнила Милисента.

- Признаться, сам немало удивлен. Я давно знаю господина Верстона, и нынешнее его поведение несколько... странно, скажем так.

Это Шелтон произнес задумчиво.

- Очень странно...

И встрепенулся.

- Извините.

- Ничего, - сказала Милисента. – Я уже и привыкать начинаю, что все вокруг странно и с каждым днем все страньше и страньше.

Шелтон улыбнулся.

А Чарльз спросил:

- Он вам угрожал?

- Что? А... нет... точнее не он. И не уверен, что стоит считать это угрозой...

И снова замолчал, прислушиваясь. А потом встал и предложил:

- Если вы себя действительно неплохо чувствуете, может, пройдем на полигон?

- Куда? – голос матушки Мо донесся с кухни. – Какие полигоны... этак на ней никогда мяса не прирастет, ежели сразу после обеда на полигоны.

- Это просто прогулка, - отозвался Чарльз. – Небольшая... для аппетита. Мы вернемся.

Дело было отнюдь не в полигоне.

Скорее уж в этих вот стенах.

- Благодарю за понимание, - Шелтон нацепил котелок и тросточкой вооружился. – И очень надеюсь на вашу помощь... или хотя бы подсказку.

- К ректору вызывали? А там, в доме прослушка?

- Не уверен. Но также не уверен, что её нет. А потому говорить предпочитаю на свежем воздухе... к слову, заодно можно попрактиковаться... к примеру, вы, Чарльз, когда-нибудь пробовали объемное искажение? С малым замедлением?

Тянуло оглянуться.

И убедиться, что в кустах сидит злодей, внемлющий каждому слову. Но Чарльз щелкнул пальцами.

- Насколько малым? Кстати, бытует мнение, что чем меньше разрыв между двумя сферами, тем надежнее щит.

- Ничего не понимаю, - проворчала Милисента.

- Искажение на самом деле двойной щит, векторы силы во внешнем и внутреннем имеют разное направление. Допустим, по внутреннему сила движется по часовой стрелке.

- А по внешнему против? – Милисента коснулась указательным пальцем левой руки указательного пальца правой.

- Примерно так, но редко когда получается добиться такой разницы. Как правило искажение идет с небольшим, градусов десять-пятнадцать, отклонением. Кстати, хватит и пары градусов, но, что довольно парадоксально, малое искажение в исполнении сложнее...

- И надежней.

- Нас могут подслушивать... - Милисента сделала свой вывод.

- Могут. Искажение хорошо еще тем, что отсекает не только внешние сигналы, направленные внутрь. Но и внутренние, ежели такие имеются, направленные вовне, - вполне светским тоном произнес Шелтон. – А теперь, будьте добры... мне бы хотелось узнать, что произошло такого, что мне весьма недвусмысленно намекнули...

- На увольнение?

- Скорее на скоропостижную кончину, - Шелтон потер щеку. – И это было довольно... неожиданно. Одно дело, когда граница, рубеж и постоянные стычки. А тут вроде бы все тихо и мирно... и ректор, пусть во многом мы не сходились во взглядах, но чтобы вот так?

- И вы полагаете, что это связано со мной? – уточнила Милисента премрачным тоном.

- Сперва мне выговаривают за то, что вмешался в дела целительские, в которых я ничего не смыслю. И спустя полчаса следует вызов... разговор... очень странный, полный намеков.

- И на что намекали?

- На то, что я лезу не в свои дела, что опасно для здоровья и жизни. И что если я рассчитываю на заступничество Его императорского Величества, - губа у Шелтона дернулась, да и выражение лица стало характерно-упертым. – То мне следует вспомнить, что династия переживает не лучшие времена...

- Они совсем страх потеряли, - сказала Милисента.

- Именно. Это... и настораживает.

А вот на полигоне было весьма людно.

- Я бы сказал, что подобная наглость говорит или о безумии, или о безумной уверенности в собственных силах. Что мне не нравится.

Пара студентов пытались сотворить сложную конструкцию, суть которой от Чарльза ускользала. Еще пятерка помогала мудрыми советами, как правило, весьма противоречившими друг другу.

Кто-то бродил по полю.

Кто-то перекидывался огненным мячиком.

- Как-то тут... многовато народу, - Милисента поежилась.

- Практическое занятие, если не ошибаюсь, - профессор чуть прищурился. – Идемте. Не будем мешать коллеге.

Кто именно вел это занятие, Чарльз и не понял. У него вообще появилось ощущение, что тот самый коллега, упомянутый профессором, если где-то и есть, то не на полигоне.

Впрочем, особо раздумывать было некогда.

Шелтон ускорил шаг.

И Милисента потянула за ним.

- Подозреваю, что уже сегодня меня выставят... попытаются.

- Мне жаль...

- Бросьте, Чарльз. Все к тому шло. Я слишком неудобен. Как и Большой Мак, но на его счастье, он всецело погружен в науку, а потому не обращает внимания на то, что происходит вокруг. Я же... имел неосторожность заметить некоторые... неправильные с моей точки зрения вещи, о которых и доложил.

И это не обрадовало.

Определенно.

- Ректору?

- Сперва декану. Затем ректору... в Совет тоже подавал докладные. После чего мне прямо заявили, что по истечении срока контракта я могу считать себя свободным от обязательств перед университетом.

На полигоне что-то гроыхнуло, но оборачиваться Чарльз не стал.

- В принципе, я уже в достаточной мере разочаровался, чтобы не сопротивляться. Когда-то... было время, я мечтал, что вернусь сюда. Займусь наукой. Открою ли... создам ли... сделаю что-то, что поможет человечеству стать лучше. Ну хоть что-то полезное, да сделаю.

Шелтон свернул на боковую дорожку.

- И получив приглашение, преисполнился самых радужных надежд.

- А на деле?

- А на деле... на деле наука мало кому интересна. Большой Мак вот... но он сродни безобидному сумасшедшему, правда, дедушка у него герцогского рода и в отличие от Мака весьма... как бы это выразиться, чувствителен ко всему, что можно счесть оскорблением.

Надо же.

Большой Мак герцогского рода? Это какого же?

- В остальном же... места заняты. Распределены. Наука? Да, наука есть... такая вот камерная и безопасная. Темы, которые изучены вдоль и поперек, но потому и писать по ним работу легко, ненапряжно. А защита... если у тебя правильные связи, то не так и важно, что там написано.

Кажется, Шелтон долго терпел.

- Что до меня, то... вы же видели. Кому-то приходится вести практикумы. Или вывозить студентов в поле. Это суета, хлопоты... всегда приятно скинуть свои хлопоты на кого-нибудь. Ради этого можно и звание выдать этому кому-нибудь...

- Странно, что вас вовсе допустили до Милисенты.

- Странно, - согласился Шелтон. – Вероятно... сочли, что я вызову раздражение у юной леди.

- С чего бы? – удивилась Милисента.

- В большинстве своем леди хрупки и...

- Изнеженны?

- Не совсем так, скорее уж далеки от всего этого... а я... боюсь, я известен своим не слишком трепетным отношением к студентам. Многие ленятся, и у нас случаются... разногласия. Тем паче, что перед первой встречей я имел весьма... своеобразную, как теперь понимаю, беседу. От меня настойчиво требовали мягкости, понимания и еще чего-то... думаю, что словами не обошлось. Полноценное воздействие я бы заметил, но... у старых родов свои секреты. Да и... в общем-то, может и не было воздействия. Я слишком прямолинеен, а потому управляем. Особенно теми, кто привык управлять.

Опять игра. Чарльз основательно устал и от игр, и от этого города.

- И если бы у нас случились разногласия, - сделала вывод Милисента. – Я бы... я бы что, согласилась... отдохнуть? Где?

- Здесь и свое отделение имеется. Целительское. Думаю, многие юные дамы предпочли бы отдых в компании понимающего и тонко чувствующего человека, нежели вот это вот...

Тропинка вывела к еще одному пустырю.

- Что-то я его здесь не помню, - Чарльз осмотрелся. От первого полигона нынешний был отделен высокой стеной кустарника.

Странное место. Неприятное.

Темная земля, словно спекшаяся. Трещины змеятся. И сквозь них торчат кривые ветки...

Руки?

Камни опаленные. И запах такой вот характерный...

- Когда-то здесь обучали некромантов, но их год от года становится меньше. Или даже не в этом дело... некроманты предпочитают учить некромантов, вот и остаются нам те, в ком дар только проклюнулся. А их – единицы. Полигон не закрыт, для этого требуется нейтрализация, но мне показалось, что использовать его вполне можно...

- Профессор! – радостный вопль заставил профессора поморщиться. – Вот вы где! И вы... доброго дня! Мы так надеялись, что...

С другой стороны кустов, напрочь игнорируя тропу, радостно и вдохновенно ломались студенты.

С Найджелом Сент-Ортоном во главе. Он, правда, не ломился, а торжественно шествовал, держась за спинами верных то ли слуг, то ли подельников.

Не хватало.

Чарли почесал руку.

- А тут правда мертвяки имеются? – поинтересовался один, выбравшись на чистое пространство. И поежился.

- Имеются, - профессор снял купол. – Могу я узнать, что привело сюда столь достойных молодых людей?

- Так это... - пухлый студент покосился на Сент-Ортона. – Мы... того.

- Очень содержательно.

- Мой дорогой... брат несколько теряется в присутствии очаровательной леди, - вот сам Сент-Ортон явно теряться не собирался. – Ко всему до нас дошли печальные слухи, что леди нездоровиться. И потому, узрев её, мы преисполнились радости. А заодно уж вознамерились засвидетельствовать свое почтение и выразить надежду...

- Короче, - перебил профессор. И щека у него дернулась.

- А заодно уж прошлый визит леди Диксон на полигон оставил в моем сердце неизгладимое впечатление. И посмел понадеяться, что сегодня...

Земля чуть дрогнула.

Едва-едва.

Чарльз раньше, может, и не заметил бы. Найджел Сент-Ортон вот точно не заметил.

- ...мы получим счастливейшую возможность и далее...

Второй то ли стон, то ли вздох не заметить было сложно. И по черной-черной пелене, прикрывавшей траву, прокатилась волна ряби. Будто не земля это, но вода, в которую камень бросили.

- ...совершенствовать свои умения благодаря...

- Заткнись, - рявкнул профессор.

- Что? – Сент-Ортон явно не привык к тому, чтобы его перебивали, тем паче вот так.

А где-то недалеко, буквально под ногами, раздался тяжелый пронизывающий душу хруст.

- Заткнись, - повторил просьбу профессора Чарльз. – Все назад!

По черной зыби поползла трещина, тонкая, она с каждым мгновением ширилась.

- Это не я! – сказала Милисента, не сводя взгляда с трещины. – Честное слово, это...

- Щиты! – профессор выбросил руки.

- Что тут...

- Орвудов найдите! – голос Шелтона перекрыл чей-то тонкий почти девичий визг. – Срочно!

- Мамочки...

- Да твою ж... надо уходить! Мертвяки! – вопль пронесся над полем, и ветер подхватил его, раздирая на клочья. А они, падая, порождали шепоток. Характерный такой шепоток, вползающий в уши, заставляющий давиться слюной и страхом. Холод пополз по спине.

- Стоять! – жесткий окрик профессора вырвал из странного оцепенения. – Никто не уходит. Держим щиты...

- Но...

- Ортон, берешь справа. Чарльз?

- Слева.

- Остальные ждут. И поддерживают, если нужда будет. Вспоминаем правила работы в сцепке. Леди, вы как раз-то...

- Хрен вам, - мрачно отозвалась леди. – Что я, мертвяков оживших не видала?

Кажется, кто-то сзади тоненько пискнул. И Чарльз обернулся.

Сент-Ортон, поджав губы, все же сделал шаг вперед. А вот свита его поредела. И тот, кто был первым, исчез. Побежал за помощью? Или просто... ладно, Орвуды все одно почуют неладное.

Главное, чтобы тут были.

Старший-то отбыл, а вот Берти... твою ж мать, он тоже кажется куда-то собирался. Уехал? Куда? И успеет ли вернуться? Или пока найдут, пока... А значит...

- Попробуем поставить купол, - профессор встряхнул руки. – Костей здесь много, но...

- Надо уходить! Уходить надо...

- Заткнись, - Сент-Ортон сам отвесил вопящему подзатыльник. – Сопли подбери. Некуда уходить.

Некуда.

И незачем.

Тут ведь люди... ладно, старшие курсы, но есть ведь те, кто только-только поступил, совсем дети. И те, кто вовсе не боевые маги.

Целителей вон целый корпус. И... просто нельзя.

Не по совести.

Черная земля вспухала нарываами, и те разрывались, пропуская... когда-то это было людьми. Или не совсем, чтобы людьми. Или совсем даже не людьми. Но давно. Сейчас остались кости. Ошметки плоти. И следует признать, что те мертвецы в пустыне, они выглядели куда приличней. Здесь же... змеєю поползла оторванная рука, спеша вцепиться в вяло подергивающуюся ногу. И выросло из земли уродливое дерево из сплетенных хребтов, на ветвях которого суетливо подергивались пальцы.

- Меня... с-сейчас... с-стошнит...

И кого-то действительно вырвало.

- Хреново, - а вот Милисента смотрела слегка брезгливо. –
Мертвяшник...

- Кто может сказать, что такое, как изволила выразиться леди, мертвяшник? И почему его появление... - профессор был бледен.

И все же пальцы его двигались.

Руки тоже.

И нити будущего купола вращались в землю. Сент-Ортон не отставал, да и сам Чарльз работал, как ни странно, без особого волнения.

- ...столь не обрадовало леди?

Леди хмыкнула.

- Он... уродливый? – предположил кто-то.

- А если отвлечься от эстетической составляющей?

- Ну...

- Мы имеем дело с некротическим конструктом третьего уровня, - заговорил Сент-Ортон. – Из числа децентрализованных, сиречь, не имеющих унифицированного центра псевдожизни. И вследствие чего данный конструкт уничтожить довольно... сложно...

Руки и ноги подползали к дереву, карабкаясь по ветвям его, обвивая, приликая, и те, удлиняясь, гнулись под собственной тяжестью. Еще немного и создание окончательно утратит сходство с деревом, превратившись в огромное существо.

- Именно так... отлично, Сент-Ортон.

- Благодарю, профессор...

- Мать же ж вашу! Как его... того...

И с чьей-то ладони сорвался огненный шар, ударивший в сплетение ветвей, чтобы зашипеть и погаснуть.

- Это следующий вопрос... итак, что может уничтожить конструкт третьего порядка? Кроме, естественно, некроманта, которого здесь нет.

- Нет? – жалобно переспросил кто-то.

- Нет, - подтвердил профессор. – Площадь щита можно сузить, это увеличит его прочность. И почему нужен именно некромант?

- Некромант поглотит энергию, питающую существо. А мы... мы не сможем.

- Стрелять в него тоже смысла нету, - добавил Милисента, разглядывая некротический конструкт с живым интересом. – Пули просто сожрет. И не подавится.

- А... что тогда делать?

- Палить. Ну, поднести пару возов хворосту, маслица... и палить. Хотя...

- Погодите, - профессор принялся сплести нити. – Еще рано.

- Рано?! Да пусть она шибанет... как на полигоне!

- Идиот, - не выдержал Сент-Ортон, который несколько побледнел. – Идет процесс формирования, и если разрушить сейчас, эта тварь восстановится... или появится еще одна. Надо... дождаться, когда она вытянет все. И свободную некротическую энергию, и материю... и тогда уже, на завершающей стадии шибать. Правда... сила удара должна превышать суммарную силу накопленной энергии, что, в свою очередь, создает некоторые затруднения. Но, сколь могу судить, сил у леди хватит.

- Хватит, - мрачно подтвердила Милисента, погладив кулачок.

Жаль, что Сент-Ортон все одно Чарльзу не нравится.

Толковый же парень. И как его угораздило-то?

- Именно... - профессор кивнул. – Следовательно, ждем...

- Может...

- Тот, кто уйдет, ныне же будет отчислен. За профессиональную непригодность, - Шелтон даже не обернулся.

- И изгнан из клуба. За трусость, - добавил Сент-Ортон.

Чарльз просто кивнул.

И ничего говорить не стал. И так все понятно. Интересно только, кто и зачем тварь разбудил.

Глава 40 В которой леди борется со злом и одерживает сокрушительную победу

Глава 40 В которой леди борется со злом и одерживает сокрушительную победу

Страшно не было.

Противно тоже.

Интересно скорее, потому как этакой жути я даже в наших краях не видывала. А кости все тянулись и тянулись из земли. Сплетались диковинными корнями ребра, обрастая космами полуразложившихся волос. И время от времени древо вздрагивало.

А с ним вздрагивала и земля, чтобы после выплюнуть еще одну порцию костей.

Были среди них и звериные. Вот точно, я разглядела массивный бизоний череп с рогами, и волчьи тоже были. Останки устремлялись к древу... ну оно уже не совсем, чтобы и дерево, такая костяная монстра, в которую из револьвера палить смысла никакого. А она стоит, шевелит то ли ветвями, то ли щупальцами, будто обшаривает все вокруг. И главное, что все больше этих щупалец в нашу сторону поворачиваются.

Ишь ты...

- А уровень уже не третий... - сдавленно заметил Сент-Ортон.

Слегка побелел.

Даже посерел, но стоит себе горделиво, видом всем показывая, что не боится.

Это зря. Человек благоразумный диковинных тварей бояться будет. Потому как благоразумный.

Но пускай себе. Может, занят он. Купол строит.

Купол вижу. Профессор его вытягивает, а Чарли с герцогом помогают. Вижу, что тварюка купол чует, как и нас за ним. Вот нагнулась, почти легла, спеша подобрать костистые ветви в кучу, а те переплелись друг с другом.

- Она... перестраивается?

- Конструкты высшего порядка условно разумны, - спокойно ответил профессор. - И вполне способны самопроизвольно изменять внешнюю форму, реагируя на условия.

Тварюка выгнулась, вытаскивая из земли костяные корни.

Змея!

Точно! Змеею стать решила. Вон, и поднялась.

- Правда, наука расходится во мнении относительно того, являются ли перемены контролируемыми или же самопроизвольными. Мне кажется...

Змея заскрипела, поднимаясь.

- Купол не выдержит!

- Сакстон, если вы будете так орать, он точно не выдержит... но изменение формы о чем говорит?

Молчание.

- Ну же, господа, включаем голову...

Издевается? Не, точно издевается.

- О том, - просипел Сент-Ортон, - что процесс трансформации достиг заключительной части. Структура поглотила максимум... доступного материала и энергии, вследствие...

Змея поднялась и купол затрещал. Клянусь, даже я услышала. А еще полыхнул, заставив тварюку присесть. Костяной хвост лупанул по земле, и та загудела.

- А это о чем говорит?

- О том, что... поглощенная энергия использована... и... переработана, - Сент-Ортон запнулся. – Тварь можно уничтожить?

- Именно, господа... если у вас хватит сил. Кто желает попробовать?

Отчего-то желающих не нашлось.

- Купол же ж... - робко заметил кто-то. – А вдруг она его поломает?

Я покачала головой.

- Вы правы в том, что удар должен быть такой, чтобы тварь, даже проломив купол... а возможность такая у нее имеется, - спокойно продолжил профессор. – Не смогла добраться до нас с вами.

- Э...

- Леди? Вы можете сделать шарик побольше?

Я кивнула.

Побольше? Можно и побольше. И покрепше. Я выпустила нить, которая спешно закручивалась, создавая знакомый клубочек. Причем

сама нить вроде как потолще стала, и ложилась ровнее. И... и что-то еще в ней переменялось.

Главное, клубочек мотался.

А тварь под куполом, словно почувявши что-то этакое, вдруг пригнулась, а после распрямилась сжатою пружиной.

- Леди... я вас не хочу торопить... силу! Создаем классическую цепь, подпитывая нас. Вспоминаем работу в группе. Следим за сопряженностью... леди отдельно!

Спорить с профессором не стали.

Клубок крутился.

И крутился.

И... тварь снова ударила. Треклятый купол явственно затрещал... нет, ну где некроманты, когда они нужны-то? А главное... надо поспешить. Студенты выстроились, сцепившись за руки. И я сама ощутила волну силы, прокатившуюся от человека к человеку.

Не только я.

Змея крутанулась и замерла. Она поднялась на хвосте и застыла, слегка покачиваясь влево и вправо. Медленно и с тихим шелестом расправлялся костяной капюшон. А под ним будто туман... или нет, облако, темно-зеленое, такого нехорошего вот цвета облако...

- Леди, если вы готовы...

Не совсем, но боюсь, что времени не хватит. И вообще могла бы сообразить, раньше шарик создать, а то стояла, рот раззявивши, ворона этакая...

Шарик поднялся на моей ладони и медленно, повинувшись приказу, поплыл к щиту.

Щит чуть дрогнул.

И пропустил шарик.

Тварь застыла.

Ближе.

И еще ближе.

- Кидай уже! – возопили за спиной. Будь у меня нервы послабже точно кинула бы. Но нет, держу. Веду... и тварь смотрит этак, недоверчиво.

А потом разевает пасть и одним быстрым движением шарик мой проглатывает.

- А... дальше что? – растерянно интересуется кто-то из студентов.

Я же чую... знакомое вот такое чувство, которое заставляет тело упасть раньше, чем до головы доходит. И вопль профессора:

- Ложись!

Он уже не для меня.

Рядом падает Чарли. Кажется, сам профессор... и не успеваю понять, слушают ли его. Не важно. Главное, что я гложу от грохота. И сверху по щиту Чарли что-то тарабанит. Кто-то орет, громко и протяжно. Пахнет... дерьмом, гарью и на губах песок, который я сплевываю.

И встаю.

Твою же ж... в голове гудит. И жарко так... понятно почему. Из земли хлещет белый столп пламени, воняет горелыми костями. Они-то и плавятся, кружась в потоке горячего воздуха пеплом. Рядом, медленно, тяжело, поднимается Чарли.

Профессора ищу взглядом.

Живой.

И герцог наш будущий тоже. Стоит, замороженно уставившись на огонь, дышать и то перестал. А потом он словно почуял мой взгляд и медленно так повернулся.

Чуть склонил голову.

А потом этот поганец послал мне воздушный поцелуй?

- Я ему руку сломаю, - проворчал Чарли.

- Божечки, божечки мой миленький... - сквозь рев огня доносились голоса. И люди вставали. Не все. Кто-то так и остался сидеть, сжимая голову руками.

Мда.

Сдается мне, с шариком я все же переборщила слегка.

- А оно теперь не вернется? – на всякий случай я пинком отправила какую-то кость в огонь.

- Нет... теперь точно... вы тут хорошо... почистили, - профессор поморщился и вытер рукавом нос. – На границе вам бы цены не было, да...

Так мы и стояли, задумчиво глядя на пламя, в котором догорали останки некротического конструкта третьего уровня. Или уже второго? И настрой, говоря по правде, был вполне себе мирным, с легкой толикой меланхолии. Я взяла Чарльза под руку и положила голову на плечо.

Сент-Ортон слегка нахмурился... и отвернулся.

Демонстративно.

Профессор расхаживал вдоль выжженной кромки – щит все-таки рассыпался, хоть и не сразу – и что-то там себе под нос бормотал.

Сколько это длилось, не скажу, да только всему конец приходит. Вот и тут.

- Что здесь происходит! – возмущенный голос уже знакомого мне господина перекрыл и гудение огня, и разговоры студентов. Последние, к слову, спастись бегством передумали и теперь спорили, можно ли стащить косточку-другую в доказательство совершенного подвига.

И не возродится ли с того нежить.

В общем, все при деле, а тут этот.

И не один.

Следом за ректором, козликом подскакивая на кочках, спешил целитель. И еще какие-то люди того солидного вида, который сразу настораживал. Вот еще со времени знакомства с нашим мэром я усвоила, что чем солидней вид, тем прохиндеистей его обладатель.

Эти были ну очень солидными.

- Боги! Это... это просто невероятно! – воскликнул господин, оглянувшись на прочих. – Что... вы уволены!

- Прошу прощения? – Чарльз осторожно высвободил руку.

- Не вмешивайтесь, Диксон! А вы, господин Шелтон... вам было оказано высочайшее доверие... мы приняли вас... мы... - он взмахнул руками и едва не оступился. – Мы терпели ваш скверный характер. Ваше упрямство. Вопиющую несговорчивость...

- Это вы о том, что я не ставил отметки идиотам за их родовитость? – поинтересовался профессор, слегка щурясь.

- Но ныне... мое терпение иссякло! Вы поставили под угрозу само существование университета. Так что... будьте любезны... покиньте территорию университета! Сегодня же!

- Простите, - Чарли смотрел на этого типа с прищуром. И легкой улыбочкой. – Но мне казалось, что мы с супругой сюда прибыли, чтобы профессор учил её.

- Мы найдем кого-нибудь другого, - отмахнулся господин. – Тем паче, как утверждает целитель, вашей жене необходима не учеба, а полный покой...

- Хрен вам, - я не выдержала.

- Что, простите?

- Я скорее вас упокою. С целителем вместе.

Как-то мое предложение их не вдохновило.

- Ваша жена ведет себя весьма... своеобразно. Будьте добры, Чарльз, объясните ей, что следует выполнять рекомендации...

Спокойно, Милисента.

Пристрелить человека без веского на то повода – плохая идея. Тем более, когда свидетелей вокруг хватает.

- Профессор нас спас, - подал голос Сент-Ортон. – Мы стали случайными свидетелями прорыва... и стихийного выброса некротической энергии. Верно?

И те, кто стоял рядом, поспешили заверить, что именно так все и было.

- И только благодаря самоотверженным действиям профессора все обошлось без жертв, - Сент-Ортон и поклон изобразил. – И леди, несомненно... леди весьма... сильна. А что до целителей, то моя матушка, испытывая сомнения в квалификации одного...

Целитель пошел красными пятнами.

- Обычно приглашает другого. Или двух-трех... и тогда уж принимает решение. Я готов предоставить леди имена доверенных...

- Думаю, обойдемся, - ректор глянул на Сент-Ортона с искренним недоумением. И раздражением. И хмурился. И бровями шевелил, работу мысли изображая. – В любом случае... будет создана комиссия... и вы, профессор, отстранены... за превышение полномочий. Вы обязаны были отослать студентов. И тем более леди... мы не допустим... пока до окончания разбирательств я...

- Чарли, - я потянула мужа за рукав. – Слушай, а мы же можем так договориться? Ну... в частном порядке? Чтобы профессор меня учил без всего этого...

И ресницами хлопнула раз-другой.

Главное, не перебарщивать.

- Оно ж еще лучше! Все одно нам лекции только он читает... и тут нас не любят! – и губу оттопырить, как будто я вдруг взяла и на всех разом разобиделась. И снова ресничками дрыг-дрыг. – Домой вернемся... дома лучше...

- Чем? – ректор, кажется, растерялся.

- Всем! – заявила я. – Там кровать мягче. И готовят лучше. А то в ваших домишках кухни такие, что приличной женщине в бедрах жмут. И вообще... у меня еще платье недошито! А тут то нежить, то студенты, то еще какая ерунда...

- Но... - по лицу господина промелькнуло что-то такое... но целитель, склонившись к нему, зашептал. – Однако... мы не можем... вы не стабильны, леди! У вас ведь выброс не так давно случился...

- Не думаю, что это будет проблемой, - подал голос Шелтон. – Выброс был вчера, а сегодня леди избавилась от излишков силы...

И все молча посмотрели на остатки твари.

- Нет, нет и нет... - ректор покачал головой. – Это... это противоречит воле императора! И породит слухи...

Он запнулся.

- С дядей я как-нибудь договорюсь, - отмахнулась я. – А слухи... ну сами с ними разберетесь.

Кажется предложение не понравилось. Совершенно не понравилось.

- Хорошо... мы... все-таки и вправду... я поспешил... ситуация уж больно неоднозначно... но если все так, как вы говорите... вы и господин Сент-Ортон, то приношу свои искренние извинения. Вы, профессор... проявили недюжинный героизм... я доложу всенепременно.

Вот же. Человечище. Нашему мэру у цивилизованных господ еще учиться и учиться.

- Тем более леди... и вправду я не подумал, что леди дурно воспринимают перемены. А вы, кажется, сумели найти общий язык... и в этом случае... занимайтесь. Оставайтесь... потом... подойдете, решим, что с вашим контрактом. Пока же займитесь леди.

Профессор вздохнул.

Я тоже.

И глядя вслед удаляющемуся ректору, заметила:

- А вот Орвуды будут недовольны... такая нежить и без них.

- Не думаю, что стоит переживать, - Чарли взял меня за руку. – Насколько я успел понять, у них собственной нежити хватает.

- Да?

К счастью, Сент-Ортон меня за руку брать не стал, хотя нахмурился. И откуда такое от недовольство-то? Можно подумать, я

ему чегой-то обещала, а потом не выполнила. Ну-ну...

- Вечером, - Чарльз одарил этого типчика дружелюбнейшей улыбкой. – Увидите.

И оглянулся на прочих.

- К слову. Господин Орвуд просил передать, что, если вдруг у кого появятся неотложные дела или паче того желание пропустить занятие, то отрабатывать его придется. И в личных лабораториях Орвуда. В качестве кого, признаться, не уточнял...

Я глянула на студентов.

И да, получилось не заржать.

Глава 41 Где леди узнает страшную тайну

Глава 41 Где леди узнает страшную тайну

Эва вновь оказалась в доме.

В том самом доме, который должен был бы сниться ей в кошмарах. Может, это и есть кошмар? Затянувшийся? А она до сих пор там, внутри, в ловушке? И не может выбраться, вот и придумала себе историю про спасение. Бывает ведь?

Нет уж.

Она поспешно опустилась на старый фонарь и отряхнулась. Надо было бы вернуть человеческое обличье.

Или нет?

Дом был... раньше?

Да, теперь она четко улавливала этот момент. Но насколько «раньше»?

Окна мутные. Камень. И в фонарях напротив едва-едва теплится пламя. Света мало, и человек, который выбирается из экипажа, что остановился напротив дома, наступает в лужу.

Злится.

Ругается.

Эва замирает. Этот человек не способен увидеть её. Все, что случилось с ней, было уже потом. Но ей все равно страшно. А еще не понятно, где Тори.

Человек быстрым шагом поднимается по ступеням. И крылья его плаща распахиваются за спиной, и сам он становится похож на чудовище. Но двери открываются. И Эва успевает проскользнуть внутрь. С человеком. Она даже, набравшись смелости, садится на его шляпу.

Потом, когда шляпу передают слуге, и вовсе на плечо. К слуге, кстати, отправляется и плащ. Под ним обнаруживается сюртук строгого покроя.

- Что у нас тут? – а вот лицо человека все еще скрыто маской.

- Доставили новую партию, - слуга кланяется.

- И как? Есть что-то интересное?

- Не могу знать наверняка, но по косвенным признакам у трех девушек есть дар.

- Хорошо... позже... что-то еще?

- Брат настаивает на продолжении работ. Он уверен, что почти сумел разгадать точные признаки дурной крови...

- Это я слышу в последние лет десять, - он отмахнулся. – Из важного что?

- Наш партнер перестал выходить на связь, - слуга небрежно отряхивает капли с плаща. – Как и иное доверенное лицо...

Он остановился, этот господин в черном.

- Что произошло?

- Нельзя сказать точно, но мне кажется, план провалился.

- Дерьмо, - человек выразился еще крепче. – А я ведь предупреждал, что этому пройдохе нельзя верить... с другой стороны его кровь... кровь не врет. Ну и где нам взять другую? Нет, вот... дерьмо!

В стену полетела вазочка, подхваченная со стола.

Впрочем, он довольно быстро справился с собой. Хотя Эва и чувствовала гнев, в нем кипящий. А потом все исчезло.

Раз и вот.

И опять туман. Белый-белый. Пушистый, как первые облака. А она в тумане заблудилась... нет. Не заблудилась.

Она немного потерялась, но обязательно найдется.

Надо успокоиться.

Сосредоточиться.

И отыскать Тори. Именно. Представить её... если в Эве есть кровь драконов, то она справится. Именно так. Взмах крыльев.

Она... не хрупкая птичка.

И не слабая.

Нисколько.

Она – потомок огромных ящеров и приказывает этому миру, этому туману подчиниться... показалось, даже крылья будто больше стали.

Показалось.

Зато туман взял и рассыпался.

Снова... дом?

И дом. И Тори. Подземелье. Пещера. И в ней алтарь, на котором лежит девушка.

- Тори? – Эва все же меняет обличье, потому что разговаривать, пока ты зимородок, не слишком удобно. И сестра оборачивается.

Какие страшные у нее глаза.

- Я думала, что все уже, - сказала Тори, выдыхая. А потом разжала руку. – Ненавижу музыку.

- Неправда.

- Правда... просто... леди должна уметь играть на клавесине. Или скрипке. Или арфе, на худой конец. А у меня дудка есть.

Черная, словно обуглившаяся.

- Все хорошо, - соврала Эва.

А Тори кивнула и вздохнула:

- Наверное. И для кого-то точно хорошо...

- Ты давно здесь?

- Давно. Я... играла. И ко мне приходили. А потом уходили. Я отпустила их. Кого смогла. Ушли не все. Но те, кто остались, привели сюда. Видишь?

- Кого?

- Ты не видишь? Посмотри, - взмах руки и все неуловимо меняется. Та же пещера. Только теперь факелы на стенах горят ярко. Отблески их ложатся на смуглую кожу девушки, растянутой на алтаре. Руки и ноги её схвачены цепями, но девушка все равно ерзает. Она пытается кричать, да только и рот её завязан.

- Это...

- Он приносит жертву... он приносит их в жертву... и это красиво,
- Тори смотрит, замороженная происходящим. А Эве страшно.

Очень-очень.

Потому что темный клинок в руках человека, что спрятал лицо за маской, касается кожи. И выпускает красные ручьи.

Один.

Другой.

Их становится больше и больше, а девушка бьется...

- Прекрати! – крик Эвы заставляет картину рассыпаться. Она даже может снова дышать.

- Их много... красивых и не очень. Я сначала думала, что он выбирает красивых, но ему без разницы. У одной лицо было изуродовано, другая и вовсе рябая, да еще и толстая... но он всех их.

- Ты... давно здесь?

- Вечность, - серьезно сказала Тори. – Но зато я знаю теперь, что это за запах. Рассказать?

Эва прикусила губу.

Ей надо ли знать?

- Так иногда пахло от отца... помнишь? Он уезжал, когда мы были маленькими. А потом возвращался. И пахло от него вот так же. Смертью...

В черных глазах Тори оживает безумие.

- погоди, - Эва схватила её за руку. – Если ты здесь давно, ты должна была видеть! Его лицо... или хоть что-то! Что-то, что поможет его найти.

- Дракон, - ответила Тори, не сводя взгляда с алтаря, на котором снова кто-то умирал. – У него на руке перстень с драконом. А еще шрам есть. И поэтому он очень редко снимает перчатки.

- Хорошо, - Эва сжала руку крепче. Нельзя её отпускать. – А еще что? Ну же, вспоминай...

Она и сама пытается. Честно.

Карета... экипаж без гербов, да и вида затрапезного. Таких в городе тысячи. Кучера Эва вовсе не разглядела. Плащ модный, а потому снова же таких множество.

Маска?

Руки?

Руки в перчатках. Черных. Черные-черные перчатки...

- Он иногда приходит сверху, но уходит всегда через подземелья, - Тори задумалась. А потом подняла дудочку. – Знаешь, а ведь мы можем спросить.

- Нет!

Это опасно.

Она не умеет играть. Да и мир вокруг, он такой... такой... неправильный.

Но Тори уже не слушает. Она выводит свою мелодию, от которой хочется закричать и, зажав уши руками, рухнуть, покатиться по полу. Но Эва держится.

А дудочка...

Стонет. Рыдает.

Всхлипывает обиженно, по-детски. И в нервных переборах её слышатся голоса. А мир меняется. Больше. Сильнее.

Серость.

Размытость.

Тени... они опять провалились. Куда? Куда-то ниже изнанки, хотя разве подобное возможно? Но выходит, что да, что...

Темень.

Туман. Серый с переливами. И люди в нем. Девушки. Они выходят одна за другой. И встают перед Тори. Одна за другой.

Одна...

А она продолжает играть. И теперь в музыке звучит просьба.

Её слушают.

Просто.

- Покажите, - требует Эва, взмахивая крыльями. Здесь, внизу, они невероятно тяжелы.

- А ты? – девушка с коротко стриженными волосами непонятого цвета поворачивается к Эве. – Ты нам покажешь?

- Путь?

- Путь, путь, путь... - подхватывают они.

- На свободу? – уточняет Эва.

Смех ей ответом. И страшный до того, что она опять с трудом удерживается, чтобы не убежать.

- К нему, - говоря души. – К нему путь... путь, путь, путь... к нему... покажешь?

- Я не знаю его имени, но если узнаю, то... как?

- Перо, - просит та, с короткими волосами. – Оставь свое перо... и ему подари.

Это наверняка небезопасно. Точнее наверняка это очень и очень опасно, но Эва выдирает перышко. Как можно отказать умершим. И то, лазурно-синее, ложится на ладонь.

- Хорошо, - девушка прячет перо в волосах, а прочие исчезают. – Я... ему понравилась. Ему редко кто нравится. Но мой дар был силен. И он решил, что я смогу сделать то, что не сумели остальные.

- Что?

- Подарить ему наследника.

Только теперь Эва видит, что живот девушки выдается вперед.

- Я тоже была счастлива. Я ведь и вправду поверила, что теперь-то все будет иначе. Что... и таким как я может повезти. Понимаешь?

- Как тебя зовут?

- Доротея. Моя мать назвала меня так.

- Что... случилось?

- Целитель. Сказал, что плод вот-вот погибнет. Что... он не жизнеспособен. Он думал, что я сплю. Но я выплюнула его капли... из-за них все. Сперва ведь было хорошо. Меня и не тошнило. И голова не кружилась. И я слышала его, моего ребенка. А целитель, он солгал. Про болезнь. Про пороки. Усыпил меня... сказал, что если тот, кого я любила, хочет, то можно рискнуть, но смысла немного. Мой дар слишком слаб, чтобы я могла выносить дитя Повелителя Мертвых. Что если промедлить, то наш сын умрет. И это будет зряшняя смерть...

Боль её так сильна, что Эва чувствует её.

- Что он сделал?

Надо ли знать ответ? Эва ведь может уйти. Забыть. Сказать себе, что ничего-то этого не было, что все-то привиделось, примерещилось.

- Он принес нас в жертву. Он сказал, что есть обряд, который наделит нас силой, что целитель врет... есть обряд... только надо, чтобы я верила.

И она поверила.

Женщины издревле верят мужчинам. И в мужчин тоже. Так уж повелось.

- Я найду его, если ты покажешь. Ты видела его, правда?

Кивок.

- И...

И протянутая рука.

- Я хорошо его запомнила, - говорит Доротей. – Не бойся.

Нельзя ничего брать у мертвых.

И трогать их не стоит. Но Эва касается протянутой руки. И... как же это... больно. И странно. Она... не она. Доротей.

И Эванора.

И сразу обе.

- Ты красива, - чужие пальцы скользят по лицу. – Ты почти совершенство.

- Почти?

Пальцы перехватывают её... не её руку.

- Запястье. Видишь, толстовато. И большой палец короткий уродливый.

Он не хочет обидеть, он просто объясняет, но внутри все одно закипает злость.

- Но это право-слово мелочи. У нас все получится.

Ей отчаянно хочется верить.

- Ты родишь мне сына, - его рука накрывает живот. –
Наследника...

- У тебя есть наследник! – вырывается у нее прежде, чем она успевает спохватиться. Ему не нравятся подобные разговоры. И он хмурится. – Прости... прости... я волнуюсь... ты говоришь, что возьмешь меня в жены. Как можно? Я ведь... ты же знаешь, что я не знатная и... и у тебя уже есть жена. А твой наследник, он будет ревновать к нашему сыну.

- Не будет.

- Почему?

Человек наклоняется.

- Мертвые не способны на ревность.

- Но... - укол страха удается скрыть. – Ты уверен? Я... прости, я не следила, он как-то... пришел... однажды.

Руку перехватили и сжали.

- Почему ты молчала?

Больно.

- Я... я хотела... честно... но мне стало дурно, а потом это зелье. Я от него все время сплю. Можно, я не буду его пить?

- Нет.

- Но...

- Так надо, - пальцы разжимаются, чтобы вновь коснуться лица. – Ты же знаешь, что я не обычный человек. Во мне сила... особая сила.

Она осторожно кивает. Она старается не думать об этой силе.

- И мой сын не способен принять её. Поэтому мне нужен другой наследник. Особый... такой, который будет отличаться от прочих даже в утробе матери. А с мальчишкой я поговорю, не думай о нем. Он тебе грубил?

- Н-нет... то есть... он хотел, но мне стало дурно. И он... помог. Добраться. До туалета. И... не ругай его. Он славный. Ты говорил просто, что... он умрет, но он не выглядит больным.

- Он и не болен.

- Тогда... почему ты говоришь, что... - Доротей вовремя осеклась.

- Умная девочка... он ни на что не годится, но в то же время является старшим. И зачем нам в будущем такие... неприятности? Тем более, что их можно легко избежать. Выпей.

Появился пузырек с зельем.

И его вложили в руку.

- погоди, - она перехватила эту руку. – Прости... я... я лишь хочу... могу ли я... твое лицо? Твой сын очень красив, и... и если он похож на тебя, то зачем ты прячешь свое лицо?

- Действительно, - руки в руках дрогнули. – Сейчас в этом нет никакого смысла. Привычка... просто привычка.

Он сам снимает маску, чтобы пристроить её на низенький столик, инкрустированный аметистами. Рядом со шкатулкой, в которой лежат её, Доротеи, драгоценности.

Много драгоценностей.

И даже если с ребенком не выйдет, она останется очень и очень обеспеченной дамой.

- Пожалуйста, - она сама помогает ему повернуться. И пальцы тянутся, трогают щеки. Скользят по ним, по высоким скулам. По носу с характерною горбинкой. – Ты такой... красивый...

А Эва кричит.

Кричит и крик возвращает ей крылья, а еще выбрасывает на ту, другую, сторону, где Тори все еще играет, взывая к душам, а над городом раскинув крылья парит давно умерший дракон.

- Хватит! – крик Эвы разрывает мелодию.

Она превращается в птицу. Она не хочет, не хочет... она устала! И вообще это все – не для хрупкой леди. Это все...

Крылья поднимают её выше.

И вышел.

И... и когда сил не остается, они подламываются, и Эва падает.

Почти.

Её успевают подхватить на лету когтистые лапы. А черные крылья надежно отсекают драконью тень. Сердце колотится часто-часто, но уже не от боли или волнения. Скорее потому что теперь ей нечего бояться.

И не о чем беспокоиться.

Потому что...

Ворон опустился на самый край утеса. И там, внизу, кипело море. Оно было именно таким, как в книгах, диким, злым и готовым обрушить берег. Но скала держалась. И Эва, обернувшись человеком, подошла к самому краю, раскинув руки. Даже здесь, на изнанке,

воздух был ледяным. И Эва вдохнула его полной грудью, чувствуя, как холод проникает внутрь, очищая и обжигая.

- Я была там, в доме, - сказала она. – И Тори тоже. Тори взяла дудку...

- Мы слышали. И боюсь, что не только мы, - Эдди тоже стал собой. – Она сильная.

- Это плохо?

- От нее зависит. И только от нее. Но нам пора возвращаться.

- Я... - возвращаться не хотелось совершенно. – Я видела его лицо. Человека в маске.

Она всхлипнула и поспешно смахнула ладонью слезинки.

- Он... он очень похож. Точнее сын на него так похож. А он его убить собирается... почему?

- Кто знает, - Эдди протянул руку. – Расскажешь?

Конечно.

Как иначе.

- А... ты?

- И я расскажу. Но там. Нам пора возвращаться.

- Тори...

- Также вернется, никуда не денется.

А рука его была теплой даже в этом безумном сером мире. Эва с благодарностью оперлась на неё. И все-таки обернулась. Почему-то именно сейчас уходить не хотелось. Совершенно. Там... там беседка и Тори будет. И матушка появится...

Отец. Брат.

Милисента... нет, против нее Эва не имеет ничего плохого, но...

- Мы вернемся, - странно, что он понял, хотя Эва ничего-то вслух не сказала. – И я покажу тебе одно место... тебе понравится. Надеюсь.

Конечно, понравится. Эва в этом всецело уверена.

А потом все-таки сделала шаг.

Из мира.

И нисколько не удивилась, обнаружив, что Тори уже там. Сидит на грязной лавочке, причем сунула ногу под зад, а второй покачивает и дудочку гладит свою.

- Долго вы, - сказала она недовольно.

Болела голова.

И тело все. Особенно плечи. Будто Эва на самом деле летала. И спина тоже. И горло. И снова голова. Кружилась. Именно поэтому Эва и оперлась на руку Эдди.

- Спасибо.

- А там, между прочим, случилось чего-то, - меланхолично продолжила Тори, все так же покачивая ногой.

- Что?

- Понятия не имею... громыхнуло. И огонь до небес. А потом все засуетились, забегали.

- Ты... тут давно?

- Минут пять как, - она убрала дудочку и проворчала. – Кстати, рожи у вас слишком уж довольные... бесит!

Эве бы усовестится, но почему-то не выходило. Вместо этого улыбка еще шире расплзлась.

Глава 42 В которой джентльмену поступает сомнительного свойства предложение

Глава 42 В которой джентльмену поступает сомнительного свойства предложение

- Милисента, ты уверена? – Чарли мучили сомнения. И еще у него болела голова. То ли от проклятья, то ли от перенапряжения, потому как там, на поле, он выложился прилично.

Может, оно как-то и повлияло?

В общем, он, конечно, не жаловался, но я все равно чувствовала и боль его, и эту вот усталость. И раздражение, которое Чарли давил.

- Уверена. Но если хочешь, останемся, - я взяла мужа за руку.

А если и вправду что-то там нарушилось?

От силы. От твари той... от... от того, что проклятье древнее, а накладывали его теперь, и как знать, правильно ли все сделали?

Вдруг там чего не дочитали или недопоняли? Буковки перепутали. Слова. Мало ли.

- Все хорошо, - соврал муж.

- Врешь, - я посмотрела в глаза. – Тут заговор зреет... нечисть восстает. Тайное братство проводит тайные обряды, того и гляди некромант поднимет армию мертвых. Ну и тебя прокляли, а меня хотят разобрать на части во благо науки. А ты про хорошо...

- От того, что я буду говорить, что все плохо, легче не станет. А голова... пройдет.

- Я могу с Эдди...

Чарльз посмотрел скептически.

Целителя вызывать тоже смысла нет. Да и...

- А ты просто полежи, поспи... хочешь, матушку Мо позову?

Он вздрогнул.

- Отвары у неё, конечно, гадостные, но и мертвого подымут.

- К счастью, я пока еще жив. Да и... на лекции многие будут. Если мне и захотят передать послание, то удобнее места не найти.

Да.

Наверное. Если только так...

- Прошу?

Университет.

Все то же здание. Красный кирпич в сумерках гляделся каким-то особенно темным, будто кровью здание это полили. В окнах теплился свет, в холле огоньки отражались в натертом до блеска полу.

Пахло...

Чем-то пахло, то ли травами, то ли воском, то ли еще чем, но неприятно.

- Доброго вечера, - Чарли кому-то улыбался и столь светло, что если бы я не чувствовала его боль, в жизни не догадалась бы. Он раскланивался.

Раскланивались и с ним.

Надо же, сколько тут народу собралось. И ведь не студенты. Студенты тоже были, но держались у стеночки, а холл заполнили весьма солидные люди.

Господа.

И снова господа... под взглядами их, равнодушными ли, любопытствующими и жадными даже, ощупывающими с ног до головы, мне стало беспокойно.

Даже замутило.

- Чарльз, - а вот и эта лощеная сволочь Эдвин, виконт он там или кто, но я ему выскажу все, что думаю о его заговорах и прочем. – Давно не виделись. Ты совсем нас забросил. Леди Диксон.

Эдвин поклонился и вручил мне букетик цветов.

Охренеть.

И что я с ним делать буду? Лучше бы конфет принес, их хотя бы в процессе жевать можно.

- Леди Орвуд и... леди Орвуд... - Эдвин протянул по букетику и сестрам Орвуд. Всем. Запасливый, гад. Но ничего, цветочки не спасут. Он, верно, что-то такое понял по моему лицу, если поспешил отступить, между прочим, этак, по-светски, прихватив моего супруга под локоток.

Прихватил и уволок.

В уголок.

- Милли, - Эдди тоже обнаружился, причем при Орвудах. – Нельзя его бить. Не при людях.

Это да. При людях не буду.

- Здесь так... неудобно, - первой заговорила Эванора Орвуд. А вот сестра её, казалось, вовсе не замечала ничего. – Не думала, что будет

столько... столько всех.

- Но решили пойти? – уточнила я, подвигаясь чуть ближе.

В компании веселее.

- Мама была против, но отец сказал, что мы, в отличие от остальных... более готовы.

Это она произнесла тихо, словно оправдываясь.

- Мама и сама... ей случалось помогать отцу. Это, конечно, не очень принято. Но иногда... Да и мы... на самом деле он ничего действительно страшного не покажет.

- А где ваша матушка?

- О, она с вашей что-то обсуждает. Про платья, кажется... бал ведь скоро, - Эванора произнесла это с такою тоской, что мне захотелось пнуть дорогого братца, который стоял и крутил башкой, будто выглядывал кого-то. Не туда он смотрит. Категорически не туда.

- Это да... я танцевать не умею, - призналась я.

Вот интересно, все эти люди и дальше будут так бродить туда-сюда, будто собрались специально, чтобы пообщаться?

- Я тоже... не очень хорошо.

- И на балах не бывала, если честно...

Ну не считать же тот вечер, Змеенышем устроенный, настоящим балом?

- И я... - теперь уж с Эвой мы вздохнули одновременно. А я покосилась на её сестрицу и спросила. – А что это с ней? Она в себе?

- Вполне. Мы... - Эва перешла на шепот. – Были на той стороне... там... столько всего. Я дракона видела!

- Да? Говорил?

- Говорил.

- Не спеши ему верить. Еще те засранцы... - я икнула и прикрыла рот рукой. – Извини...

- А еще видела того... того... Эдди полагает, что некроманта. Того, который все затеял... - шепот стал тише.

- Это хорошо...

Всегда легче, когда знаешь, кого тебе извести надо.

Содержательный наш разговор был прерван появлением профессора, с которым пришлось здороваться. И потом еще с кем-то... и еще... и людей прибавлялось и прибавлялось.

- Откуда их столько? – не выдержала я в какой-то момент. Ощущение, что на вокзале и то народу поменьше будет.

- Орвуды весьма известный род, - высказался профессор. - Но публичных лекций они не читали... да никогда не читали.

- Все-таки лекция?

- Насколько знаю, планировалось кулуарное занятие, но господин ректор был весьма убедителен.

Ага, а Орвуд – у нас тот человек, которого можно взять и убедить.

- И потому было решено, что Орвуд-старший проведет обзорную лекцию для ученого совета и всех желающих. И ответит на вопросы...

Вот зря я дома не осталась. И Чарльза вытянула.

- А вот Бертрам займется уже студентами. И вы, как полагаю...

- Мы – к студентам! – поспешно ответила я.

Профессор хмыкнул и тихо произнес:

- Нисколько не сомневаюсь. Я провожу.

Ага.

Он и еще Эдди...

- Чарльз...

- Думаю, присоединится. Или нет. Я видел его в компании Манфреда... что-то весьма горячо обсуждали. И он просил не оставлять вас одну.

А я чего?

Я не против...

- Тогда прошу? – профессор указал куда-то в сторону. – Мест в лаборатории не так и много, стоит поискать те, которые будут удобны.

Ну про лабораторию он это поспешил. Располагалась та в подвале, но помещение занимала просторное. Сюда сотни две человек поместятся, студентов же хорошо, если пара дюжин будет.

Но рожки знакомые.

Особенно Найджела Сент-Ортона, занявшего место в первом ряду. При нашем появлении он вскочил и поклонился, весьма себе низко. А главное, насмешки за этим поклоном не чувствовалось.

- Леди? Если вам будет удобно...

И показывает на место рядышком. А вот Эва как-то побледнела, что ли. И губу прикусила. И посмотрела на Сент-Ортона... с жалостью?

Нет, в самом деле, с жалостью?

А Эдди взгляд заметил и нахмурился. То-то же, будет и дальше щелкать, точно уведут. От такой вот, герцог будущий.

- Сидите уж, - ответил профессор. – А где ваши приятели?

- К сожалению, они неважно себя чувствуют, - Найджел чуть нахмурился. – Целители не могут понять, в чем дело... но мы все надеемся на лучшее.

- Надежда – это хорошо, - пробормотала Виктория Орвуд, опускаясь на скамью возле Сент-Ортона. – Но хорошее воспитание – и того лучше. Так моя матушка говорит...

Устроились мы тут же.

Не оставлять же Викторию одну. Ведьма там или нет, но все одно своя. А своих не бросают. Правда, лавка оказалась тесноватой, и потому Эдди занял место в следующем ряду, прямо над Сент-Ортоном. Того соседство не обрадовало, он даже сказать-то собирался, но...

Только спина прямее стала. А то, взгляд у Эдди тяжелый.

Напомнить ему что ли, что бить людей не стоит. Прилюдно во всяком случае.

- Доброго всем вечера, - Бертрам Орвуд появился в сопровождении...

Вот спорю на лекции не так интересно!

А поднятых покойников мне видеть не случалось, ну, таких, чтобы цивилизные, чтобы в одежде и еще сундук тащили. Сундук был внушительных размеров, но главное, что внутри его явно что-то было. Что-то такое, что шубуршало, поскрипывало и порой начинало бормотать.

- Пусть сегодня все пошло немного не по плану, но хочется верить, что наше занятие будет столь же познавательным, как лекция моего отца... приступим. Итак, что вы знаете о некромантии?

И взглядом всех обвел.

Таким... многообещающим.

Я даже поерзала от нетерпения.

Манфред подхватил Чарльза под руку. Появился словно из ниоткуда и, наклонившись к самому уху, произнес:

- Братья просят передать привет...

- Передавай, - Чарльз раскланялся с седовласым господином, чье лицо показалось знакомым. Правда, что за он, вспомнить не выходило.

- Шутишь?

- А что остается?

Голова болела. И чем дальше, тем сильнее. И главное, что боль эта порождала только здоровую злость, а с нею желание набить кому-нибудь морду.

Хоть кому-нибудь.

Можно старому другу Манфреду.

- Как насчет побеседовать в тихом месте? А то здесь людновато... не волнуйся, за твоей дорогой женой найдется, кому присмотреть...

- Погоди.

Это Чарльз уже проходил. А потому высвободил руку и велел:

- Жди. Если и вправду хочешь поговорить.

- Кажется...

Договаривал он уже в спину. Наверное, раньше Чарльз и вправду испугался бы. Все-таки проклятье. Смерть. Кому хочется умирать в его-то годы? Да и в другие тоже.

Но раньше.

А сейчас у него голова болела. И еще он злился.

Отыскать в толпе нужного человека не так просто. Но Чарльзу попался сперва Эдвин, игравший светского идиота, причем весьма талантливо, а потом и профессор. Оба выслушали.

Кивнули.

И Эдвин произнес тихо:

- Извини... потом... поговорим, - а еще голову потер. Стало быть, не только Чарльз проклят? Или не стоит за каждой мигренью проклятье искать?

А вот профессор добавил:

- Если вам нужна помощь...

Нужна, но вряд ли Шелтон что-то сможет сделать. За Милли приглядит и довольно.

Недовольный до крайности Манфред ждал там, где Чарльз его оставил.

- Мне кажется, ты не совсем осознаешь, - прошептал он, кивая кому-то знакомому. – Всю серьезность положения.

- Дай подумать... меня пригласили, наградили смертельным проклятьем и потребовали сдать жену на опыты? Чтобы от него избавиться? Ничего не забыл?

Раздражение выплескивалось.

И проклятье ожило.

Черный паук за сердцем, а нити паутины протянулись и к голове, проросли в голову.

- Правда, я пока не согласился, а потому нужен. Убивать ты меня не станешь. Остальное... как-нибудь переживу.

- Идем, - Манфред указал в боковой коридор. Именно тогда-то загудел рог, призывая собравшихся занять места в зале. – Там пока ректор выступит с приветственной речью. Да и остальное смысла лишено.

- Не скажи, - Чарльз посмотрел на вереницу людей, потянувшихся к лестнице. – Смысл есть во всем.

Даже в том, что Чарльз не станет сворачивать шею старому другу.

Идти пришлось недалеко. Все та же курительная комната, пропахшая табаком. Правда, ныне в ней пусто. Но Манфред обходит и задергивает шторы на окнах. Под столы заглядывает. И кресла сдвигает.

Наблюдать за его действиями даже интересно.

- Так-то лучше... студенты весьма любопытны, - он стряхивает с ладоней невидимую пыль. Стало быть, искал не людей, а маячки или подслушивающие контуры. – Нам ни к чему излишнее внимание, верно?

И ждет, что Чарльз согласится?

Почему нет. Ему не сложно.

- Братство надеется, что ты хорошо все обдумал... был ведь у Орвудов?

- Был, - не стал спорить Чарльз, усаживаясь в кресло. Манфреду указал на второе. – Да сядь ты, не маячь. В ногах, как говорится...

Тот хмыкнул, но сел.

- И каково твое решение?

- Что именно вы собираетесь делать? – уточнил Чарльз. – С моей женой? Вам и вправду нужна пара капель крови? Сомневаюсь. Вы... не стали бы затевать все это ради пары капель. Их можно получить иначе. Кстати, целитель... он из ваших?

- Братьев много.

- А как же дюжина?

- Избранных – дюжина, - Манфред чуть поморщился, стало быть, в число избранных не входит. Но очень хочет. И ради этого из шкуры

выпрыгнуть готов. Или Чарльза вытрясти.

Старый... друг?

Приятель.

- Но братство огромно. И мы преданы друг другу...

- И как давно? Ты, лично?

- Еще со времен учебы.

- А я? Я ведь тоже состоял в братстве? Почему тогда узнаю обо всем только сейчас?

- Ты, уж не обижайся, слишком... чистоплюист. Был. И как я погляжу, остался... даже сейчас вон до конца не решил. Все сомневаешься... любой другой на твоём месте воспользовался бы шансом.

- Сдохнуть в муках?

- Преувеличиваешь. Никто бы не стал тратить на тебя ценное... проклятье, если бы не твое упрямство. Сделали бы предложение. Выгодное... скажем, виконтесса Сасшах обошлась братству в сорок тысяч золотых, проигранных её супругом. И в закладные его фамильного поместья. А старшую дочь он выменял на состоятельную невесту, приданое которое позволило погасить новые долги.

- Мне всегда он казался скотиной. Рад, что не ошибся.

Вот как... выходит.

- Зачем вам женщины?

- Зачем женщины мужчинам?

Не знает? То есть, не всю правду...

- Можно ведь обойтись кем попроще. Подешевле. Да и мне тут который день кряду вещают о миссии братства, избранности и прочем. А все сводится к постели с чужой женой? Или дочкой? Это как-то... уж извини, не серьезно.

- Умный... не был бы ты таким чистоплюем.

- Так зачем вам Милисента?

- А есть ли разница?

- Есть, - спокойно ответил Чарльз. - Если что, то умереть я не слишком боюсь... так уж вышло.

Старый приятель смотрит. Долго. Внимательно. Пытается понять, не врет ли Чарльз? Не врет. Ему незачем. Он и вправду не боится.

- Но её это расстроит. Очень. А ты видел, думаю, на что она способна... так зачем она нужна?

- Успокойся, - Манфред сам встает и наполняет стаканы виски. Льда, правда, нет. И пить не хочется. – Никто не собирается... скажем так, в этом и дело. В её силе. В её одаренности. Здесь никто не помнит, когда у женщины был такой яркий дар.

Это да. И глупо в такой ситуации гордиться, тем более что сам Чарльз к этому дару отношения не имеет.

- А сам знаешь, что чем сильнее дар, тем выше вероятность, что женщина родит одаренного... особенно от мужчины, который испытывает... некоторые сложности.

Он это серьезно?

Хотя... серьезно.

- Та же виконтесса была неплохим водником. Сама из бедного рода, потому отец сам и учил дочерей. Развивал... глупость, конечно. Но надежда имелась. А дочь её и вовсе была сильнее матери.

- И что с ними случилось?

- Дар... старшего брата своеобразен, - расплывчато ответил Манфред.

И вспомнилась та пещера, в подземельях. Белые саваны, словно куколки, из которых никогда не вылупятся бабочки.

Спокойно.

И смысла вымещать злость на стакане никакого. Дышать надо ровнее. Сидеть спокойнее.

Слушать.

Запоминать.

Все.

- Он просто предлагает тебе уступить жену. Поверь, никто не собирается обижать... твою ненаглядную, - а теперь в голосе проскользнула откровенная насмешка. – У нее будет дом. И лучшие целители...

- Из числа тех, что норовят запереть?

- Для её же блага. Дар оформляется, и нужен покой. В конце концов, будь ты хорошим мужем, прислушался бы к совету. Но ты слишком мягкотел, вот и потакаешь женским капризам.

Ну да, дело исключительно в этом.

- А с ней как планируете договориться?

Хмыканье.

И поднятый бокал.

- Предложим... что-нибудь ценное.

- Что именно?

- Не знаю... это не мое дело. Но она просто женщина, а значит, ничего особого... золото там, побрякушки какие. Что там еще им надо?

Главное, не рассмеяться.

Не поймут.

Решат еще, что Чарльз умом повредился.

- Она племянница императора, - напомнил он. – У нее хватает и золота... и побрякушек.

Вспомнился вдруг тот город, потерянный в песках, и то, как шла она, не особо обращая внимание ни на золото, ни на как Манфред выразился, побрякушки.

- Пока – да, но... все ведь может измениться. Да и... он болен. Император. И сын его не здоров. И дочери, кажется, тоже слегли... божественное проклятье, не иначе. А стало быть, пришло время перемен.

Он и вправду верит? В божественное нет, а в то, что время пришло – вполне. Он и ждет это время, ведь перемены, они для всех.

- Будете менять мир к лучшему?

- Будем, Чарли... будем. И ты или с нами, или... - щелчок пальцами. – В конце концов, вдову тоже можно утешить. Вдова, если подумать, это даже выгоднее... заодно и состояние новому мужу принесет. Так что не упрямясь. Целее будешь. Мы и вправду готовы принять тебя.

Ну да, он почти даже поверил.

- Хорошо, - Чарльз откинулся в кресле. – А если она не захочет? Она меня любит...

- Просто до тебя она нормальных людей не встречала, - отмахнулся Манфред. – Кого она там видела в своих прериях? Уродов, вроде братца...

Зря он так.

Милисента брата любит. Но... пускай говорит. Кстати, и голова болеть стала меньше. Случайность?

- Так что поверь, наш брат умеет находить общий язык с женщинами.

- Пусть и находит... я-то тут при чем?

Не так все у них просто.

- При том, Чарльз, что времени почти не осталось... время... это важно... отсюда и спешка. И все остальное... дитя скоро родится.

- Какое дитя? – Чарльз совсем запутался. – Если что, то Милисента...

- Её время придет. Я сейчас о другом... твоя сестра, Чарльз. Скоро уже... - он Манфред в явное возбуждение. – Все говорит о том, что её сын появится в Час Дракона!

- И что?

Получилось почти спокойно. Кровь застучала в висках. Вот не надо было Августу отпускать. Не надо было...

- Он принесет с собой силу и кровь дракона... - он загнулся и чуть нахмурился. – Что-то я...

- Где моя сестра?

- Там, где и должна быть. Среди друзей, которым она доверяет. И клянусь всем, что знаю, никто не причинит ей вреда. Её окружают самые лучшие целители...

Вот только не из-за беспокойства о состоянии.

- Я...

- Ты напишешь ей письмо. Доброе, поддерживающее... ты ведь так и не нашел времени ответить на её послания? Чтобы не отписки эти по пару слов, а нормальные письма. Девочка ведь переживает... вот матушка твоя весьма разумная женщина. И дочь поддерживает. Пусть так все и остается...

Стакан Чарльз поставил на столик.

- Что-то я... разоткровенничался. погоди! - Манфред выставил руки вперед. – Да погоди ты... ненормальный!

Сила кипела внутри.

- Я не знаю, что ты вообразил себе, но мы все... слышишь, все мы ждем появления этого ребенка на свет! С нетерпением, с... с радостью! С предвкушением! Если знаки верны, то он изменит мир!

- После того, как вы принесете его в жертву?

- В жертву? - Манфред весьма удивился. – Что за бред в твоей голове, Чарли? Кто приносит детей в жертву... да и ладно, может, кто-то и... не важно! Но это особое дитя! Его ценность такова, что ты и вообразить себе не способен! Мы... мы хотим воспитать его!

Представь! В нем кровь древней расы, ушедшей расы... той, что некогда повелевала драконами.

- Ты говорил про драконью!

- Это образно, Чарли! Образно! Ну... ну ты что, решил, что твоя сестра в самом деле родит дракона?! – Манфред осторожно пятился. – Нет! В древности драконами именовали тех, кто управлял этими тварями! И твой племянник будет из их числа! Его отец проявлял определенные способности, а уж дитя... дети всегда и во всем превосходят своих родителей! Так что успокойся, ничего им не угрожает... мы просто ждем. И поможем ему появиться на свет. Мы окружим их заботой. Воспитаем...

Правильно.

В верности братству и друзьям дорогой матушки.

Это ведь и вправду, ценно иметь того, кто мог управлять драконами. Раз драконами мог, стало быть, и людьми получится.

- Ясно... а Милисента при чем? Она рожать не собирается.

- Знаем, но... наш брат полагает, что это лучший день для зачатия. И потому на балу... просто не вмешивайся, ладно? И тогда все будет хорошо.

Ага.

Осталось выяснить, у кого.

Глава 43 О сложностях некромантского бытия

Глава 43 О сложностях некромантского бытия

- ...таким образом первичная подготовка материала включает... - голос Бертрама был спокоен, да и сам он, заложивши руки за спину, прохаживался вдоль первого ряда. - ...ряд мероприятий, как-то очистку грубую...

Студенты слушали.

Мы тоже. Хотя от я, честно, больше глазела на мертвяков и ящик, пытаюсь угадать, что же там шубуршится.

И главное, шубуршание это не только я слышала. Эва вон тоже нет-нет да на ящик посматривает.

- ...важно оценить степень повреждения, поскольку не всякий материал годится для использования...

Не скажу, что скучно, но вот ожидала я чего-то более впечатляющего. Вон, и Найджел Сент-Ортон глаза прикрыл. Утомился? Или это ему не вновинку?

Прочие сосредоточенно пишут, поскрипывают перьями. Кто-то даже язык от усердия высунул.

- Впрочем, все это давным-давно описано и подробнейшим образом, - Бертрам остановился напротив нашего стола. И глядел он именно на Сент-Ортона, которого подобное внимание нисколько не смутило. - Хотя сомневаюсь, что вам нужно знать, как изготовить нежить...

- Зачем, - раздался робкий голос. - Вообще изготавливать нежить?

Действительно.

Оно, конечно, говорят, что в хозяйстве все пригодится. Но вот нежить...

- Изначально это были просто эксперименты. Воздействие некротической энергии на живую материю всегда интересовало магов. Впрочем, как и в целом воздействие энергии.

Ну да, знала я одного такого, очень интересовавшегося, которого этот интерес до плахи довел.

- Просто некротические эффекты более явны. И описывать их легче, да и изменения... первая нежить возникла случайно, но

показала себя... - Бертрам щелкнул пальцами. – Весьма агрессивной. И почти неуязвимой. Хорошие качества, верно?

- Для нежити?

- Для бойцов, - не поворачивая головы, отозвался Сент-Ортон. – Темные времена. И войны некромантов. Так?

- Именно. В них участвовал мой далекий... очень далекий предок. На заре времен был такой Сиграх Косматый, который объявил себя королем и попытался захватить все окрестные земли... в том числе и рода Орвуд. Так вот, он привел большое войско. А мой предок выпустил против него... впрочем...

Он махнул рукой.

И мертвец, стоявший при ящике, наклонился. Щелкнули стальные закрепки и крышка поднялась. А тяжеленная с виду, но мертвецу-то что?

- Иногда лучше увидеть.

Тварь, голова которой показалась по-над крышкой ящика, была... тварью и была. Но даже я икнула, увидев узкую длинную морду.

Костяная?

Или это чешуя? Или... что еще? Будто кость поплавилась, потекла и застыла мелкими каплями. Нос горбатый, башка узкая, змеиная. Зубы... зубы впечатляют. И количеством. И размером.

Глаза красным горят.

- Это так называемая гончая смерти, - Бертрам коротко свистнул, и тварь прыжком выбралась из короба. А здоровая какая! Ему едва ли не до пояса будет, на четырех лапах если. Лапы сами длинные, будто из тонких жгутов сплетенные. Тело такое же.

- Настоящая? – Сент-Ортон даже вперед подался.

- Можешь проверить.

- Воздержусь.

На спине та же то ли чешуя, то ли оплавленная кость, сквозь которую торчат острые шипы. А на них будто капельки поблескивают.

- На самом деле это весьма современное обличье. Да и специализированное. На поиск. Она способна взять след. Мага, - Бертрам легонько подтолкнул тварь и та затрусила к столу. Поднялась на задние лапы, передними в столешницу упираясь. И пасть приоткрыла.

Кто-то на задних рядах охнул.

А вот Сент-Ортон не шелохнулся, только спина прямее стала. Сидит, вперившись взглядом в красные очи твари, она же, стало быть, в него глядится с широкою недоброю улыбкой.

- Первые же псы были покрупнее и пошире. Основой служили собаки бойцовских пород, которых меняли, укрепляли... на тот берег мой далекий предок привел сотню умертвий и этого хватило, чтобы Сиграх Косматый отступил. Остатки его войска чуть позже сожрала чума, как и самого Сиграха, но уже к этому мой предок отношения не имеет.

Ага. Я почти и поверила.

Тварь втянула воздух, а Сент-Ортон вдруг взял и выставил руку, будто желая погладить. Вот... ненормальный.

И главное, улыбка эта.

Даже уважать начинаю. Самую малость.

- Как бы там ни было, именно тогда люди поняли, что с некромантами лучше... находится в добрых отношениях.

Тварь оскалилась.

И оглянулась на хозяина.

- Нежить в отличие от существ живых вынослива. Живуча, если можно так сказать. Темная сила меняет плоть, делая её куда более крепкой. К примеру, срок жизни подобного пса около пятидесяти лет. А обыкновенной собаки?

- К-какой жизни? Это же... это же нежить!

- Нежить, - согласился Орвуд. А Сент-Ортон-таки не рискнул погладить чужое чудовище. – Но нежить, если вы помните основы некромантии, которые вам должны были читать в прошлом году, это собирательное название для многих измененных тварей. И если изначально материалом служила мертвая плоть, то постепенно её стали использовать много меньше, ограничиваясь, скажем, созданием големов. Вроде тех, которых вы имеете возможность видеть Почему?

Тварь сама потянулась к руке, осторожно принюхиваясь к пальцам Сент-Ортона.

- Ну... она того... гниет?

- Разлагается, - поправил Бертрам. – Мертвая плоть, даже подвергшаяся обработке, все одно разлагается. Кроме того нервная ткань подвержена быстрому распаду, который начинается сразу с наступления момента смерти. Соответственно, это влечет за собой ряд

неудобств. Не секрет, что поднятые не отличаются умом и сообразительностью.

Для кого как.

Я вот не то, чтобы с ними в картишки играла, но...

Тварь меж тем осторожно обнюхивала пальцы Найджела Сент-Ортона, а я не могла отделаться от чувства, что того и гляди она эти пальцы отхватит.

- Со временем проблема усугубляется...

- Но ведь её решали? – поинтересовался Сент-Ортон.

И зверюка, коротко твякнув, вскочила на стол.

- Не бойся, на самом деле она милая, - поспешила заверить Эванора Орвуд.

Меня.

У Сент-Ортона, полагаю, о милом были собственные представления.

- Её Лапочка зовут...

Лапочка?

Она серьезно? И кто...

- Берти её сам сделал, - Эванора говорила шепотом. – Давно... и давал с ней играть. Ну, когда еще гувернанток не было. Мы с Тори на ней даже катались.

Да уж... детство в доме некромантов было, подозреваю, ну очень специфическим. Хотя... в детстве я бы тоже не отказалась прокатиться на такой зверюге.

Я бы и сейчас...

Тварь повернулась ко мне. Нет, не прокачусь. Все же не такая она и большая, еще раздавлю ненароком. Лапочка, стало быть...

- Решали, - согласился Бертрам, опершись на стол. – И можно сказать, что даже решили, пусть и довольно своеобразно... были разработаны составы на основе бальзамирующих, естественно, измененных темной силой. Они заменяют кровь и происходит это медленно, так, чтобы мельчайшие сосуды не схлопнулись. Состав естественным образом пропитывает тело. И меняет его.

- П-погодите... но как если... сосуды...

- Сердце, - ответил Сент-Ортон, не оборачиваясь. – Эти составы, они ведь живым вводились, верно? Медленно. Пока сердце билось...

- Не пока. Сердце продолжало биться. Процесс весьма длительный и начинается с подготовки. Порой он занимает несколько недель, а если речь о существах разумных, то и месяцев. Чем сложнее материал, тем осторожнее с ним следует обращаться. Впрочем, мы все знаем, что в последние сто лет эксперименты над разумными существами запрещены. А создание нежити ограничено.

Ага.

Радует. Несказанно.

Тварь наклонилась над Сент-Ортоном и приоткрыла пасть. Дохнула даже... мда, зубы она давненько не чистила. Да и в целом пахло от нее очень специфически. Травами какими-то, спиртом будто бы или еще чем-то.

А к чести Сент-Ортона он не дрогнул.

- Более того, создать полноценную... как бы парадоксально ни звучало, жизнеспособную нежить...

Нынешняя казалась ну очень жизнеспособной. Оставив Сент-Ортона в покое, она повернулась ко мне и, пригнувшись, робко махнуло хвостом. Чешуйчатый таким, костяным, с кисточкой шипов на конце.

А я что...

Животинка не виновата, что уродливою вышла. Если подумать, я и сама далеко не красавица.

И руку протянула.

И погладила, когда теплая кость – все-таки кость, - коснулась кожи. Хорошая... Лапочка и есть.

- ...непросто. И сил требует немалых. Но мы с вами попробуем...

Стало тихо.

Очень-очень.

- Начнем, правда, с малого. С живой плотью заставлять вас работать неэтично, как мне сказали. Но и ладно. Прошу, господа, в соседней лаборатории вы найдете кроликов...

...которые были мертвы, причем судя по запаху, вырвавшимся из открытых дверей, мертвы давно.

- Знаешь... - Эва чуть поморщилась. – Смысла идти туда нет.

- Почему? – я вытянув шею, попыталась разглядеть хоть что-то. Столы. Подносы... и да, грязные тушки на них.

- Да ничего там интересного не будет. Сперва он заставит их вычесывать...

- Кроликов?

- Мертвых кроликов, - отозвалась Виктория. – На мертвых тушках куча всяких паразитов, а это... негигиенично.

Ага.

Чудесно.

Я глядела на студентов, которые не слишком радостно, но входили в лабораторию. И думала. Оно, конечно, любопытно... но вычесывать блох из дохлого кролика я не готова.

- А зная Берта, кролики умерли уже пару дней как. То есть, там и опарыши будут, и вообще... - Эву передернуло. – Мне всегда было тошно, когда он потрошить начинал...

Я задумалась.

Червяков я не боюсь. Потрошить кроликов тоже умею... и уходить? Куда? Чарльз вот так и не объявился. Профессор тоже. Эдди задумчиво смотрит в спину студентам.

И иногда взгляд его останавливается на Эве.

- Я... все-таки погляжу, ладно?

Не знаю, зачем оно мне.

- Или поучаствую...

Учиться – так учиться.

- А вы... - я мысленно отвесила братцу подзатыльника, но он и не дернулся даже. Ничего. Родичам надо помогать. Хотя бы в малом. – Идите. Домой. Или там погулять... вечер ныне хороший. И парк тут ничего...

Эва почему-то слегка покраснела.

А Тори хмыкнула.

- А я Чарльзу обещала без него не уходить.

Стол мне нашелся.

И кролик на нем тоже. Причем не сказать, чтобы совсем тухлый.

- Леди, вы уверены? – поинтересовался Бертрам осторожно.

- А то... с чего начать?

Вычесывать не хотелось, но... дело – есть дело. Это я еще когда усвоила.

- Возможно, я помогу? – Сент-Ортон тотчас оказался рядом. Нейметса же ему. Ну... пускай. В конце концов, матушка говорила, что

леди должна уметь принимать комплименты.

Интересно, чесание дохлых кроликов можно таким счесть?

Бертнам чуть нахмурился, но я покачала головой. Пусть...

С блохами будущий герцог управился быстро, да и выражение лица у него было светски-невозмутимым.

- Отлично... теперь нужно снять шкуру...

Сент-Ортон чуть побледнел.

- Тут я смогу, - я вытащила из-под юбок нож. – Что? Там, где я жила, без ножа не ходят... вот так, если правильно поддеть, то она сама слезет. Как чулок.

- Я... никогда не жаловал охоту, - нейтрально отозвался Сент-Ортон.

- Бывает.

Не жаловал... когда жрать нечего, тут уже жалуй или нет, а извернешься. Но шкура с кролика сошла легко.

- Теперь возьмем раствор номер три и пять, смешать...

С растворами Сент-Ортон управился сам, правда, на кролика старался не глядеть. Надо же, какой нежный... и куда ему с такой-то нежностью в злодеи?

- Покрываем тушку, стараясь наносить раствор равномерно.

Сент-Ортон сглотнул.

- Давай уже, - я забрала колбу.

Помнится, учила меня матушка Мо индейку готовить, ну, когда случалось у нас такое счастье. Так все твердила, что мазать маринадом надобно аккуратненько, так, чтоб не лился, но чтобы и непромазанного не осталось. А раствор этот – один в один медово-горчичный соус, такой же густоватый, тягучий, только потемнее и медом не пахнет.

- Мне становится совестно, - заметил Сент-Ортон.

- Только теперь?

Надо же, покраснел чутка.

И дальше раствор, следующий уже, мешает. А что, ничего так... признаться, думала, будет пострашнее. Тут вон Бертрам чего-то говорит, ценного и важного. Сент-Ортон слушает и баночки перебирает, что-то куда-то доливая. Это он правильно. Вспоминая, как я пыталась приготовить пирог под руководством матушки... в общем, пусть лучше растворами занимается герцог.

Целее будем.

Потому как нежить – это, чай, посложнее пирога.

- ...удаляем внутренние органы...

Кого-то, кажется, вырвало.

- Тоже к охоте не приспособлены? – уточнила я, повернув голову.

Бледный юноша сидел на полу, обхвативши голову руками. – Это ж просто кролик... подумаешь,дохлый.

- Именно, - Бертрам ослабился. – Пока это просто дохлый кролик...

И выразительно так поглядел, отчего несчастный побледнел еще больше.

А кролика я выпотрошила с легкостью, если знать, как, то ничего в том сложного нет. Я знала. Да и опыт имелся.

- Мой отец говорит, что нынешнее поколение... измельчало, - как-то в сторону произнес Сент-Ортон, кажется, пытаюсь справиться с тошнотой. – Что... даже на охоте многие бьют дичь, а все остальное предоставляют слугам... порой и добивают не сами.

И сглотнул.

- Ртом дыши, - посоветовала я. – И не думай... лучше думай, что вон ваша кухарка этих кроликов через день потрошит. И гусей. И уток...

- То есть, некромант из нее получится лучше, чем из меня?

Он еще и шутить пытается.

- Из хорошей кухарки кто только не получится.

Для кроличей требухи нашелся таз. А вот изнутри пришлось мазать вдвоем. Сент-Ортон держал и почти не кривился.

- Твой отец охоту любит?

- Еще как, - у него уголок рта дернулся. – И некромантов...

Потом, когда выковыривали остатки кроличьего мозга длинной штуковиной, кто-то таки упал в обморок. И опять стошнило. Другого уже... что заставило Бертрама высказаться.

В общем, юмор у некромантов черный.

А мы справились. И ветошь, пропитанную очередным зельем, в несчастного кроля Сент-Ортон запикивал сам. Почти не бледнея. И пальцы, что характерно, не дрожали.

А я зашивала, стараясь аккуратненько.

Притомилась даже...

- Леди... - Сент-Ортон придержал нашего кролика, вышедшего несколько кривоватым и почему-то почерневшего с одной стороны. Да уж, в жизни не думала, что так тяжело быть некромантом. – Мне... необходимо с вами поговорить...

Он покосился на Бертрама, что прохаживался вдоль столов. Над нашим он остановился, оглядел несчастное животное и сказал:

- Неплохо для начала. У вас определенно есть способности.

Ага, знать бы, к чему.

Но вот жопой чую, некромантия – это не мое.

- Клянусь, я не причиню вам вреда. И... и это касается вас. И вашего мужа, - Сент-Ортон убрал руки. – Точнее даже вас...

- И?

Начал, так пусть продолжает, а то право слово...

- Подержите? Мне кажется, здесь расходится шов... - это Сент-Ортон произнес довольно громко. И я наклонилась. И он наклонился, подсовывая иглу. – Бегите. Уезжайте. Сегодня же. Забирайте вашего брата... матушку...

Он запнулся и скривился, и задышал вдруг быстро и часто.

- Я...

- Заткнись, идиот, - я увидела тьму там, внутри тела. Проклятье? – Я поняла.

- Но... не уедете?

Нет, конечно.

Как их бросить? Матушку. И Чарли... Чарли, который точно возражать не станет, даже обрадуется, изъяви я желание свалить. И поможет. Но... но я ж себя уважать перестану.

Как потом в зеркало смотреться?

Как вообще жить.

И не в совести дело, но... я не смогу без него. Просто не смогу.

И я покачала головой.

- Держите крепче, кажись, набили слишком плотно...

Сент-Ортон молча сделал вид, что держит.

- Клятва? Проклятье?

- Не знаю. Но... это не важно. Он не оставит меня в живых. Теперь – точно...

Ага.

Еще одна хрень.

- Теперь последний этап, - Бертрам Орвуд не позволил додумать. – Убираем руки. И пытаемся влить в ваше создание силу. Но действуем медленно...

И взгляд у него такой спокойный-спокойный. Сразу вот и заподозрилось неладное.

- Я... - я посмотрела на кролика. – Пожалуй, воздержусь... что-то...

Громкий хлопок за спиной заставил меня вздрогнуть и обернуться. Потом еще один и... и о щит, выставленный Сент-Ортоном ударились ошметки чего-то темного и на редкость вонючего.

- Твою ж... - кто-то тряс руками, пытаясь сбросить остатки гнилой плоти, что покрывала студентов... почти всех студентов. – Что за...

Кого-то снова вырвало.

А очередной бледный юноша растянулся на полу. Вот не знаю, что там у Сент-Ортона с папашей, но в одном тот прав: измельчали маги ныне.

Забрезгливели.

- Это... - Сент-Ортон поглядел на кролика. – Это ведь...

- Вот, что происходит, когда обычный одаренный пытается подражать некроманту, - Бертрам Орвуд наблюдал за произошедшим с явным удовольствием. – Конфликт энергий... и в результате – неконтролируемый выброс...

Кролики.

Мать его, взрывающиеся кролики, это... это как-то чересчур, что ли?

Я поглядела на герцога.

Тот на кролика.

- Знаешь... ты не будешь против, - дрогнувшим голосом спросил он. – Если я его просто сожгу?

Против? Да я сама предложить собиралась.

Сент-Ортон щелкнул пальцами и кролик осыпался кучкой пепла. Надо же... а я так не умею. Обидно.

- Слушай, - не то, чтобы я разом преисполнилась к нему любви или хотя бы сочувствия, но... - А ты не хочешь с Орвудами ближе... пообщаться?

- Не помогут.

Интересненько.

Очень интересненько. Я вот даже прямо так чувствую, что занятие прошло с превеликою пользой.

- На самом деле я привык, - он вытащил платок и протянул мне. – Не стоит опасаться, он не отравлен.

Да? А так можно?

То есть, верно, можно, но... я скорее заляпать опасалась. Руки-то не самые чистые.

- Я давно уже живу в долг, - теперь он говорил не сказать, чтобы шепотом, но спокойно, с этакой уверенной обреченностью. – А вот вам...

Губа дернулась.

- Леди Диксон... - голос тоже изменился, и не только он. Лицо Найджела Сент-Ортона исказила судорога. На долю мгновенья. – Занятие закончено. И если позволите, я проводил бы вас... к мужу.

И совсем тихо добавил:

- Пожалуйста...

А потом еще тише, так, что я едва расслышала:

- Найдите повод... отказаться.

И губу закусил.

Я поглядела на Бертрама. Тот чуть нахмурился. И кивнул... разрешая?

- Думаю, нынешняя работа многому вас научила, - заметил Орвуд. – Кстати, на следующей работе возьмем проект посложнее. Леди Диксон, позволите вас проводить? Тем паче, мне все одно наверх надо. Полагаю, отец также завершил свое... выступление.

Так мы и пошли.

Я. Справа – Орвуд с Лапочкой. Слева – Сент-Ортон. Шли мы, шли... ну и пришли. Тот же холл. Те же люди... ага, Чарльза вижу в компании светловолосого господина с физией донельзя знакомой.

Я перевела взгляд на Найджела.

Ишь ты, как его корежит-то...

- Леди, - и голос деревянный-деревянный. – П-позвольте представить вам моего отца... лорд Алистер, герцог Сент-Ортон.

И поклонился.

А я... я только вдохнула... мать моя женщина, как же воняет-то. Да несчастные погибшие во имя науки кролики и в подметки этому

герцогу не годятся.

- Премного счастлива знакомству, - сказала я с легким чувством сожаления. Главным образом о том, что вонь – это вряд ли веская причина, чтобы пристрелить человека.

- И я, леди... несказанно счастлив, - пропел Алистер Сент-Ортон, кланяясь низко. – Давно мечтал встретиться с особой столь... выдающейся.

И руку протянул.

Такую донельзя изящную руку с тонкими пальцами да перстнем в виде дракона.

Глава 44 Где, если подумать, ничего не происходит

Глава 44 Где, если подумать, ничего не происходит

Виктория, забравшись на подоконник, - вот что у нее за манеры-то? – меланхолично обрывала лепестки. Лепестки падали на юбки, на подоконник, прилипали к влажному стеклу. И что-то было такое во всем этом, донельзя тоскливое, что слезы на глаза наворачивались.

Вообще они наворачивались сами собой и с утра Эва даже всплакнула.

Слегка.

Совершенно без причины, что явно было не нормально. И главное, чувство непонятное. То ли бежать куда-то тянет, то ли упасть без сил.

А цветы раздражают.

И университет тоже раздражает, потому что... потому. А цветы сильнее. Несут и несут. Каждый день... в домике уже места нет, а их все тащат.

Прекраснейшей.

И у Тори такие же записочки. Тоже, стало быть, прекраснейшей. Самой очаровательной. Пленившей душу... никакой, в общем, фантазии. Хотя когда-то мечталось, чтобы так... а Эдди ничего не прислал. И вообще он появляется, да, но словно бы скорее для порядку, чем по делу.

И на ту сторону пройти не выходит.

Эва пыталась.

И Тори пыталась. Дудку вот брала, гладила, баюкала, но дунуть так и не рискнула. Наверное, из-за того, что на полигоне случилось. Хотя, конечно, не факт, что тут Тори виновата. Или Эва. Или вообще кто-нибудь виноват. Может, оно само восстало. И вообще, справились же.

С нежитью.

А с остальным? Спросить, что происходит, не у кого. Берг на вопросы лишь головой покачал и сказал, что все сложно и нужно потерпеть. Немного. До бала у Эстервудов, потому как что-то там на этом балу произойдет. Тут и ежу понятно, но вот что?

Отец и вовсе появляется редко.

Чарльз Диксон мрачен.

Милисента тоже... кажется, они вообще поссорились. Или... нет?

- Бесишь, - сказала Тори, не открывая глаз.

- Чем?

- Сопением своим. И возмущением.

- Я не возмущаюсь!

- Ага...

- Я просто... просто вот опять! Как всегда! Что-то же произошло, ну... тогда, на лекции. Или после?

- Когда ты сбежала в парке погулять?

Щеки вспыхнули. И... и ведь не одна она гуляла, а втроем, что совершенно точно прилично и допустимо. И говорили они о важном.

О драконах.

И еще о прериях... о Мертвом городе, в котором Эдди побывал, но тоже странно, почему тогда только Милисенту город принял? Если Эдди тоже дракон? Или тогда он еще не был совсем драконом?

Не это важно, главное, что они говорили.

Как-то сразу и обо всем... и вернулись домой поздно, правда, матушка ничего не сказала, только вздохнула, то ли печально, то ли мечтательно. Вот... а потом, утром уже, Эдди проводил их на занятия и отговорился занятостью.

Мол... дела.

У всех дела. Только они с Тори снова сами по себе.

- И молчат, - Эва тоже забралась на подоконник и сестру локтем пихнула. – Подвинься.

Как ни странно, та подвинулась.

- И ты тоже молчишь.

- Просто... - лепестки сорвались с пальцев. – Я опять вижу тот сон. С самого начала... теперь как мы собираемся... у тебя с прической еще не ладилось, и ты злилась.

- Можно подумать, ты никогда не злишься.

- Злюсь, - в последнее время Тори и вправду стала будто тише. Спокойней. – Ты... извини, пожалуйста.

- За что?

- За все.

- Тебе плохо?

- Очень... я ведь вижу. Хочу все увидеть, полностью, но получается только отрывками... как танцую с Сент-Ортоном, с младшим. И ты. Потом... Милисента. А затем раз и мы в пещере. В той, в которой я убиваю всех вас.

Эва обняла сестру.

- Я... не хочу, - та всхлипнула.

- Значит, не убьешь.

- Ты... ты не понимаешь... у него такая сила. Такая... власть. Он приказывает, и я не могу... не могу послушаться!

- Можешь, - уверенно говорит Эва. – Конечно, можешь. Помнишь, что дракон сказал?

- Слова...

- И пусть!

- Но я пыталась...

- Это сон. Это... - мысль была довольно неожиданной. – Послушай... а может, потому ты и видишь его, что тебя заставляют?

- То есть?

- Тебе внушают, что ты всех убьешь, чтобы потом, когда... когда такое что-то случится, ты не усомнилась. Чтобы сделала, что сказано. Чтобы...

Тори закусила губу.

- Он... такой яркий. Настоящий.

- Алистен Сент-Ортон, да?

- Да, - не стала спорить Тори. – Он... я слышу его голос.

- Во сне?

- К счастью, да...

- Хорошо. Сны – они же не всегда сны... слушай, а если я... - эта мысль тоже была неожиданной и напрочь безумной. Эва прикусила губу. И мысленно повторила, что она – человек глубоко разумный, что не станет рисковать попусту. Что... что есть отец, Бертрам и прочие. И они, несомненно, решат проблему... - Что если я попробую его поймать?

Благоразумия не хватило.

- Как?

- Смотри, - Эва поерзала. – На ту сторону нас не пускают, так?

- Так.

- Но сны ты все равно видишь?

- И что?

- И то, что... значит, у него, у того, кто эти сны отправляет, получается... ну обойти запрет. Или как-то вовсе его не заметить. Он затягивает в сон тебя. А ты сможешь вытянуть меня.

Тори поглядела с удивлением.

И...

- А потом?

- Потом посмотрим, - Эва пожала плечами. - Там... я все равно буду не частью сна. Может, и у тебя получится... или просто посмотрим. Найдем его... и...

И что-нибудь придумаем.

- Даже для меня это все звучит странно, но я, пожалуй, соглашусь, - Тори спрыгнула с подоконника. - Если бы ты знала, как это тяжело... раз за разом, раз за разом... я уже почти решилась целителю какому рассказать, пусть бы выписал капель для сна.

- Нельзя.

- Почему?

- Сейчас ты просыпаешься. А с каплями не сможешь. И как знать, что тогда?

- Действительно... это... - Тори прижала руку к голове. - Просто... думать ни о чем другом не могу, глаза закрываю и... уставшая невероятно. Даже когда я заблудилась, и то было легче.

- Мы справимся, - Эва надеялась, что голос её звучит в достаточной степени уверенно.

В конце концов, что им еще остается.

- Или умрем, - Виктория достала дудочку.

- Ты не пробовала... играть?

- Страшно. А если и вправду... если я заиграю, и все умрут? Или... или еще что-нибудь случится. Та же тварь проснулась! Из-за меня! Когда играла на той стороне!

Эва фыркнула и сказала, надеясь, что звучит убедительно:

- Отец уверен, что ты тут не при чем. Просто на соседнем полигоне выбросы энергии были... и что это спровоцировало движение некротической. Помнишь, там еще рвануло, когда Милисента...

- А еще я играла на дудочке для потерянных душ.

Виктория погладила эту самую дудочку.

- Вдруг... опять?

- Раньше ты как-то не сомневалась, - было странно и непривычно видеть сестру такой вот. Потерянной. И растерянной. – Идем.

Эва решительно спрыгнула с подоконника.

- Куда?

- Гулять. В конце концов, это... это не нормально, прятаться ото всех!

- Но... отца нет.

Как и Берта, который утром проводил на лекции, а потом обратно. Чарльз с Милисентой тоже отбыли.

- Ничего, мы как-нибудь сами.

- Нам запрещено.

- Тори! – Эве захотелось тряхнуть сестрицу. И выходит, вот что сама Тори чувствовала, раньше, когда предлагала что-то Эве, а Эве было страшно. – Мы... мы заглянем к Эдди. И если его нет, то просто никуда дальше не пойдём. Пожалуйста.

Кивок.

И снова взгляд рассеянный, будто мыслями она где-то далеко. Эва тихонько вздохнула и расправила юбки. Бросила взгляд в зеркало, убеждаясь, что они все одно мятые, и что сама Эва взъерошенная и лохматая. Что узел волос, утром сделанный, почти развалился, и прядки выбились.

И...

Плевать.

- Идем, - шляпку Эва надела решительно. И столь же решительно проследовала к выходу. Правда, там, снаружи, решительности слегка поубавилось, потому что... потому что леди не станет навязываться. А она, выходит, очень даже навязывается.

Но...

Тори рядом.

И отступить стыдно. Получается, что сама Эва все затеяла... да и поговорить нужно. Откровенно. Выяснить хотя бы для себя. И для него.

И...

- Доброго дня, - сказала Эва, когда дверь открыл мальчишка-сиу. – Скажи, а Эдди есть?

Сиу покачал головой.

Вот и... и опять получается, обещали не бросать, а бросили.

- Ясно... тогда... тогда извини, наверное.

- Хочешь? – сиу протянул красное яблоко.

- Спасибо, но...

- Ешь, - он силой вложил в руку Эвы. – Куда? Идти?

- Думали, что погуляем, но... как-то одним нельзя, а... брат уехал.

Отец уехал. И...

- Болеют, - сказал сиу серьезно.

- Кто?

- Там, - он махнул рукой. – Отрава. Гадость.

Раз уж сиу говорит, что отравы гадостная, то так оно и есть.

- Я смотреть. Я говорить. Но я знать мало. Что видеть, то говорить. Делать зелье. Один. Два, - он растопырил пальцы. – Их маг тоже смотреть. И говорить другой зелье. Вот. Но нужно, чтобы темный маг быть. Брат сила. Мертвый. Мертвый сила – мертвый маг.

Надо же, Эва почти поняла.

И стало еще обиднее. Получается, что ей могли бы рассказать, но не стали? А... а это нечестно!

- Хочешь, я пойти? – поинтересовался сиу, сам вгрызаясь во второе яблоко. – Я защитит тебя! И твой кровь.

Стоило бы отказаться, конечно, ведь он по сути еще ребенок. Пусть и рослый довольно, но... но все-таки.

- Спасибо, - сказала Эва, почти решившись отказать. Но почему-то добавила. – Буду рада.

- Я сейчас, - сиу закрыл дверь.

Он наверняка знает, куда подевался Эдди... и назойливость – это даже не неприлично, это глупо и непростительно. Это... это нелепо.

И может, Эдди просто понял, что ничего-то у них не получится.

Что Эва – совсем не та женщина, которая нужна ему. Что... что-то еще такое вот. У нее ведь репутация испорчена. И сама она слабая. Маленькая и слабая. А он – племянник императора и правнук дракона. Прапра- и еще тысяча этих «пра», но все равно ведь.

Хотя... если верить дракону, то и Эва тоже.

Как все безумно сложно.

Сиу появился в светло-сером костюме, который лишь подчеркивал цвет его кожи. И на ком другом, наверное, смотрелся бы нелепо. Но мальчику шел.

И котелок.

И даже трость.

- Хорошая, - сиу постучал ею по камню. – Кость ломать можно.

- Её используют для опоры, - заметила Эва. – Это Виктория, моя сестра... не помню, знакомы ли вы.

Сиу хмыкнул и сказал:

- Ведьма. Сильный. Только замороженный.

Значит, Эва права?! Те сны, которые Виктория видит, они не просто так!

- Послушай, - она подхватила мальчишку под руку. Тот дернулся, но успокоился быстро. – А ты, если видишь, морок этот, ты можешь сделать что-то, чтобы она... ну перестала быть замороженной?

В конце концов, во всех романах сиу были не только жутко кровожадными, но еще обладали очень тайным знанием. Конечно, её сопровождающий молод, но... но тоже ведь сиу!

Вдруг да...

- Смотреть надо, - важно ответил он и огляделся. – Не тут. Шаман придет. Ругать станет.

- А... где он?

Сиу поглядел на Эву с сомнением.

- Просто так... спросила.

- Уехать. Большой маг болеть сильно. Тут, - он положил руку на грудь. – Темный.

- Ты про Диксона? Мне Тори говорила, что у него тьма внутри. Проклятье вроде бы... и она не уверена, что сможет забрать, как у того, который в подвале... с ним ведь не получилось. И проклятье она вытянула, и душу мы принесли, а он все спит и спит.

Эва вздохнула.

От этого тоже было грустно, будто в том, что случилось, её вина.

- Душа. Тело, - сиу сплел пальцы двух рук, причем как-то, не выпустив трости. А потом развел. – Разорвать. И даже если вернуть, то вот.

Пальцы слегка касались друг друга.

- Надо, чтобы опять. Вместе. Долго.

- И как это сделать?

- Не знать. Время? Если корни расти, то расти. Внутрь. Чтобы вернуть тело.

- Корни души? То есть, душа в теле, но пока не может управлять им? – предположила Эва. Мальчишка подумал и кивнул. Значит, права она и у них все-таки получилось. Хоть что-то хорошее. – И как долго?

Пожатие плечами.

Понятно.

Не знает.

- Но... есть шансы?

Важный кивок.

Все-таки он забавный. И старается казаться взрослым. И... и Эва перед ним виновата. Ни разу не заглянула, не навестила, не...

- Прости, пожалуйста, - сказала она со вздохом. – Мы... то есть я, я... я должна была бы помочь тебе.

- Чем?

- Не знаю. Просто... ты тут один. Эдди, конечно, хороший. И леди Элизабет.

Виктория шла рядом, но, кажется, ничего-то не слышала, полностью погруженная в свои мысли.

- Леди Элизабет сказать, что я мочь остаться. С ней. Важная леди. Добрая. И шамана ругать.

- За что?

Вот Эва не представляла, за что можно ругать Эдди.

- Так... - сиу махнул рукой. – Я думать... он говорить, что знать, где мой мать. Что я мочь уехать. Потом. Я не знать, хотеть ли. Я... думать, там быть иначе. Она быть чужая. Та, которая мать. Она меня отдать. А назад? Хотеть ли. Я ничего не знать про там. А тут...

Тут у него уже есть леди Элизабет.

И Эдди.

- Не обязательно решать сейчас. Ты просто съезди сначала. Посмотри. Может, твоя мать, она тоже скучает по тебе. И хочет, чтобы ты был с ней. И... и я ничего не знаю про сиу, но моя мама...

Эва запнулась и вздохнула.

- Я была не лучшей дочерью, когда сбежала. А теперь все это... вот. И Тори опять. Ей снятся сны, в которых она убивает. Всех нас. Ей говорят, и она убивает. Играет на своей дудке... у нее есть.

- Знаю. Видеть. Темный. Для ведьма темный хорошо.

- Ты... можешь как-то снять морок? Или сделать хоть что-то, потому что...

...иначе сон может стать правдой. Или Тори сойдет с ума.

- Мочь. Но... кровь надо.

- Тори?

Сиу покачал головой.

- Тот человек.

Подумал и добавил.

- Или другой. Чтоб кровь одна. Хуже быть, но тоже мочь.

То есть...

Кровь Алистера Сент-Ортона найти будет сложно, даже если Берта попросить. Или отца... но они заняты во дворце, и когда еще появятся? А...

- Кровь, стало быть. Одна, - Эва качнулась на пятки, а с пяток на носок. – Идем... я знаю, где мы возьмем эту кровь. Тори!

- Что? – она вздрогнула и очнулась.

- Виктория Орвуд, - у Эвы никогда прежде не получалось говорить так серьезно. – Послушай меня... ты должна, нет, просто обязана пригласить на прогулку Найджела Сент-Ортона.

А там уже Эва придумает, как заставить его поделиться кровью.

Глава 45 О сложностях семейных отношений

Глава 45 О сложностях семейных отношений

Следовало признать, что выглядела Августа много лучше. Она округлилась, а из глаз исчезла тоска. Кожа обрела фарфоровую бледность, истаяли круги под глазами, а на щеках появился легкий румянец.

- Наконец, у тебя появилось время на меня, - сказала она.

Просторные одежды непривычного кроя не скрывали живота, который сделался вовсе огромен.

Августа сидела в кресле на колесах, а за ним молчаливой тенью возвышалась женщина в черном платье.

- Это Никса, - Августа махнула на нее рукой. – Она помогает мне. Стало так... тяжело. Как у тебя дела? У матушки? Она, впрочем, пишет, а вот ты...

Августа погрозила пальцем.

- Мы должны уехать, - выдавил Чарльз.

Было душно.

В этом вот доме на холме. Два крыла. Колонны. Белый камень, яркая зелень. Аккуратные клумбы. Живой лабиринт, который проглядывался с высоты второго этажа.

Дядюшка, вышедший встретить Чарльза, и такой радостный, что... что на мгновенье почудилось, будто это с ним, с Чарльзом, что-то не так.

Выдумал он все, что видит?

Поверил?

- Куда? – Августа подняла руку, и женщина молча вложила в нее кубок.

- Домой.

- Я дома.

- Ты не дома!

- Дома, Чарльз. В том и дело, что только здесь я чувствую, что я дома, что меня любят... что...

- Мы тебя тоже любим. И я, и мама...

- И твоя жена?

- Она не при чем, и ты это знаешь.

- Она, и её уродливый братец, и ты, Чарли, вы убили человека, которого я действительно любила... и которого я продолжаю любить.

- Августа...

- Не надо. Не говори, что он сделал что-то плохое... да, я понимаю... но те женщины, у них был выбор.

- Был ли? Он заморочил их. И как только морок спал...

- Ну да, все вдруг всё осознали и стали счастливы. Чарли, этот спор можно вести вечно, но дело не в том, кем он был. Дело в том, что сейчас его нет. Представь на мгновение, что кто-то взял и убил твою жену. Ты ведь любишь её? Конечно, любишь, иначе не женился бы. Странная вещь любовь, правда? Она не слишком красива, если не сказать, что уродлива. Шумна. Невоспитана. Нагла. И матушка от нее в ужасе. Но все это не имеет значения, правда? Ты все равно её любишь.

Кубок стеклянный. Тяжелый и неудобный, Августа держит его двумя руками.

- И представь, что кто-то берет и убивает её. Скажем... потому что она мешает его планам. Каким-то там очень важным планам. А тебе предлагают понять. Понять, забыть и жить под одной крышей с этим человеком, делая вид, что ничего-то и не было. Что все хорошо. Ты сможешь?

- Нет, - тихо произнес Чарльз.

- Видишь... почему же ты от меня требуешь, чтобы я смогла?

- Я... не требую. Просто... Августа, здесь не безопасно!

Чуть склоненная голова.

А сквозь прозрачные, пусть и мутные стенки кубка, проглядывает содержимое. Темное. Красное? Или черное? И что это? Травяной отвар?

- Твой ребенок...

- Сын. Это будет мальчик.

- Хорошо. Он скоро родится.

- В день, когда над миром взойдет звезда Дракона, - ответила она спокойно. - Я знаю.

- Но...

- Алистер предупреждал, что ты придешь. И что ты попытаешься меня увезти, - она подняла кубок и сделала глоток. - Ты все так же стремишься спасти, Чарли... хотя никто тебя о спасении не просит.

- Значит, ты успела познакомиться с Сент-Ортоном.

- Он частый гость здесь. Он дружил с дедушкой.

- Ну да... и что еще он тебе рассказал?

- Правду... что мой муж был из давно исчезнувшего племени повелителей драконов. И что мой сын унаследует его дар. Что с его рождением сбудется древнее пророчество. И дракон вернется под небеса...

- Это похоже на бред.

Августа рассмеялась. И смех её был звонким, как колокольчик.

- Похоже... но... - она вернула кубок Никсе и накрыла руками живот. – Я уже сейчас слышу его... он будет сильным. Очень сильным!

- Алистер – некромант... он приносит людей в жертвы. Он... что-то делает.

Чарльз вдруг понял, кого ему напоминает Никса. Тех слуг в старинных нарядах из ныне сожженного особняка.

- Да, - Августа повернулась к женщине. – Это его подарок... чудесный, к слову. Ты бы знал, до чего сложно найти хорошую служанку, которая будет делать то, что ей говорят, не станет сплетничать и злословить. Да и вообще...

- Мы уезжаем.

- Ты, Чарли, - Августа погладила живот. – Ты уезжаешь. А я остаюсь...

- Августа...

- А если будешь упрямитесь, если вдруг попытаешься забрать меня силой... что глупо, потому что я буду против, как и дядюшка, и дорогие кузены... но мы их звать не станем, верно? – она чуть привстала, и Никса спокойно подхватила Августу, помогая удержаться на ногах. И живот её сделался еще более огромным. – Мы разберемся сами... правда? Вот так...

Она коснулась шеи, и Чарльз задохнулся.

Он пытался дышать.

И не мог.

Легкие схлопнулись. Сердце остановилось. И голову расколело болью.

- Больно, да? – Чарльз очнулся на полу. Взгляд его уперся в мягкие меховые тuffельки, украшенные крупными жемчужинами. – Это даже интересно... познавательно... знаешь, чужая боль, оказывается,

несколько облегчает твою. Особенно если это боль человека, который виновен...

Дышать было тяжело. Огонь еще жил там, внутри.

Надо... перевернуться на бок. И встать. Хотя бы на четвереньки. Или на колени.

- Ты... - голос сиплый и сорванный. – Ты... не боишься... что... после рождения... ребенка... станешь не нужна? И что твой ребенок... зачем он ему?

- Чтобы сделать Алистера императором, - Августа сидела в своем кресле на колесах и пила. Тягучее красное зелье оставалось на губах её.

Зелье ли?

Или...

- Я не против. Пусть становится... сыну все одно надо вырасти, - она чуть прикрыла глаза. – А ты, Чарли... не стоило тебе лезть в мою жизнь.

Наверное.

Подняться на ноги вышло не сразу. Августа наблюдала. Жадно. За каждым движением, за тем, как дрожат у него руки. Как ползут по шее капли пота. Как... как нить слюны вытекает из приоткрытого – а закрываться он никак не желал – рта.

- Кстати... - она произнесла это почти равнодушно. – Алистер знает далеко не все...

- Что...

- Ты обвинял моего мужа в том, что те женщины умирали... что они не могли выносить дитя. Так вот, он как раз был не при чем.

- Нет, - Чарли покачал головой.

- Просто мой сын должен был не только появиться первым, он должен был быть единственным, - спокойно ответила она. – Так что... Алистер, конечно, полон надежд, но... кто знает, как оно получится.

Из гостиной Чарльз выходил на негнущихся ногах, и уже в коридоре прислонился к стене, закрыл глаза, пытаясь понять, что же чувствует.

Ничего.

Пожалуй... ничего. Та женщина, в кресле, не имела ничего общего с Августой. С его Августой... с той, что бежала навстречу в те

редкие дни, когда получалось вернуться домой. Той, что смеялась громко и радостно. И плела венки из полевых цветов.

С той, что...

...я тебя люблю, братик!

Когда все случилось?

Когда... он уехал? Учиться. Потом служба... когда оказалось, что там, за стенами дома, тоже есть жизнь? И Чарльз в нее окунулся с головой. И как-то стало вдруг не до сестры и не до матушки.

Чувство вины было бескрайним, как океан.

А еще чувство беспомощности.

- Чарли? – дядюшка осторожно тронул за руку. – На от, выпей. Полегчает.

И фляжку протянул.

А Чарльз взял. Глотнул и едва не задохнулся от горечи. А он-то надеялся на коньяк, в худшем случае – на самогон.

- Что... это?

- Кое-какие травы, - дядюшка глядел снизу вверх, заискивающе и тоже виновато. – Идем... я провожу тебя.

Чарльз хотел было отмахнуться, но... слабость не оставляла, а горечь выпитого отвара держалась во рту, к счастью, перешибая привкус желчи.

Хорошо, что не вырвало.

Дядюшка держался рядом. Также странно, такой большой дом. И в прошлый приезд сюда Чарльз запомнил, что слуг в этом доме было множество.

И людей.

- А где... все? – поинтересовался он, потому что молчать было невыносимо.

Дядюшка вздохнул и, глянув искоса, как-то снизу вверх, спросил:

- Ты очень на меня сердисься?

Странный вопрос.

И ответ не лучше.

- Не знаю... она...

- Изменилась?

- Да, пожалуй. А вас я раньше не знал.

Вздых.

- Вас Алистер попросил? Приехать. Написать...

- Они были дружны с отцом. Очень... и... и я не смог ему отказать.

Взгляд в сторону, а пальцы дядюшкины дрожат, мелко так.

- Тем паче, он заверил, что Августа не пострадает, что... ей неуютно там, у вас. Ей нужен дом. Забота. Участие. Как я мог не позаботиться о родной племяннице...

- Вы тоже? Прокляты?

Легкий наклон головы. И понимание, что догадка верна.

- И как давно?

- Мой... отец так и не простил мне ослушания, - руки у дядюшки суетливые, так и трутся друг о друга. - Он... очень разозлился... тогда.

- Матушка говорила.

- Да...

- Почему вы просто не ушли? У вас же был... были друзья. И возможности наверняка.

- Я хотел, да... собирался. Но... мама. Я не смог её оставить. Отец почему-то решил, что она виновата. И если я мог уйти, то она... он никогда не согласился бы на раздельное проживание. А закон... закон однозначен. Жена должна повиноваться мужу.

Дерьмо.

И закон тоже.

- Потом... когда её все-таки не стало... выяснилось, что и идти уже некуда. Кому я нужен? Слабый, никчемный... забытый. Я мог бы рассчитывать на поддержку, но... нельзя всю жизнь пользоваться ею. А дальше? Военная служба? Закрыта. Преподавание... я не особо умен.

- Кому и когда это мешало, - не удержался Чарльз.

- Дела? Финансы? Деньги я способен лишь тратить. Вот и вышло, что я на диво бесполезное создание, привыкшее жить с комфортом и без особых обязательств. Да и отец к тому времени не то, чтобы остыл, скорее сполна осознал мою никчемность и бесполезность. А потому выбросил из головы... до последнего я просто избегал встречи.

- И когда все изменилось?

- Ему понадобилось уехать. И... он, верно, имел некоторые опасения, если призвал меня к себе, сказал, что я ничтожество, но так уж вышло, что меньшее зло из всех. Да и наследником я оставался. Вот... дал мне что-то. Велел выпить. Я выпил. А когда... очнулся, то отца уже не было. Был Алистер. Он... объяснил правила. Я живу, как

жил. Может, даже лучше... никто теперь не станет мешать или попрекать за траты. Наоборот... Сент-Ортоны всегда охотно жертвовали на благотворительность...

- Погодите, какая благотворительность?

- Еще моя матушка начала... отец был сложным человеком. А вот её любили. Она многое сделала. Открыла лечебницу для бедных. Собирала помощь... приюты, в которых любой мог просто прийти и получить миску супа. Без нотаций. Без душеспасительных бесед. Самые простые правила. И хорошая еда. Четыре школы, три из которых – с мастерскими. Да... она была достойной женщиной. И я в меру возможностей пытался... что-то хоть пытался делать. Вот... Алистер заверил, что не станет вмешиваться. Что наоборот, я могу заниматься благотворительностью. И своим маленьким увлечением. Беспокоиться не о чем. Правда, слова не сдержал. Сперва в доме изменились слуги...

Тяжкий вздох.

- А потом вот... погодите... - он чуть придержал Чарльза за руку. – Я... мне жаль. Честно... но я и вправду слаб. Сильный человек нашел бы способ... отказать ему. А я... я и не пытался. То есть пытался, но это больно, а я плохо переношу боль. Я мог бы умереть, но вряд ли его это остановило бы. Мой сын... восхищается Алистером. Меня он полагает ничтожеством, а говорить... рассказать...

Вздох.

- Зачем вы все это говорите?

- Помогите... дойти до кабинета. На меня здесь особо не обращают внимания. Так... когда-то я увлекался историей. За это отец тоже меня презирал, потому что история – это... глупость, особенно если она прибыли не приносит.

В этой части дома сумрачно и пыльно. Окна заросли серой пеленой. Под потолком – паутина, да и клочья пыли катаются по грязному ковру.

- Сюда почти и не заглядывают. Слуг... его слуг не так и много. И они не успевают всего. Я... я не особо нужен. Но и к лучшему... откройте дверь. Проклятье ослабляет. Алистер держит его... уж не знаю, зачем... скорее всего ему некогда возиться с наследством, все-таки передача дел требует внимания. Или может, моя смерть привлечет внимание. Или плевать ему на меня... главное, что тут никого.

Запах спертого воздуха.

- Окна заедают, не хватает сил открыть, - дядюшка вздохнул. – Нет, не стоит... вдруг да заметит кто. Хотя... его беда в самоуверенности, - он не преобразился, этот пухлый суетливый человек. Не стал выше, серьезнее, выражение лица и то осталось прежним, испуганным и виноватым. – Отец был таким же... я его любил. Но когда любовь что-то да значила? Погодите...

Кабинет не сказать, чтобы большой.

Стол.

Шкафы. Что за дверями их – не разглядеть. На столе какие-то бумаги, свитки... чернильница. Поднос с покрывшимся сизовой плесенью куском сыра. Кубок на полу.

- Где-то... где-то...

Дядюшка перебирал листы.

- Я давно ничего не прячу. Когда прятал, то искали, смотрели... и сейчас порой... но уже реже, реже... так вот... история интересна. Хотя бы тем, что там было все... почти все... то, что сейчас... оглянись и найдешь...

Он устало махнул руками и флягу достал. Протянул Чарльзу, но тот покачал головой. От трав ли, от проклятья, но в теле ощущалась слабость.

- И верно... та еще отравка... Алистер приносит. Говорит, что надо пить, но эта дрянь блокирует дар... да... у меня он никогда-то особо не был выражен, а тут вот... так где же он.

Зашелестели бумаги.

Листы соскользнули со стола, и Чарльз их поднял.

- Вот... - дядюшка вытащил из-под грязноватого вида тетради нечто. – Взгляни... правда, чудо?

- Что это?

Длинная игла?

Нет, скорее... кинжал? Стиллет?

- Ритуальный клинок сиу, - дядюшка держал его осторожно, двумя пальцами. – К слову, настоящий, да... на рынке полно подделок. Сейчас сиу и орки входят в моду, вот некоторые и начинают играть в коллекционеров. Отдельный бизнес, к слову.

Вот теперь он явно ожил.

- Но этот – настоящий... тут когда-то случилась одна история... с замирением племен... в общем, грязная довольно.

- Я знаю. Крысолов.

- Ах да... да, об этом что-то такое писали. Но и хорошо. Так вот... я... сумел организовать раскопки. На месте, где стоял их лагерь... отец тогда был занят с Алистером, да...

Сам клинок – с ладонь длиной.

И не из стали.

- Кость? – Чарльз все же осторожно коснулся его. Белый. И горячий какой. Странно, что горячий...

- Совместная с университетом... большой Мак полагал...

- Вы знаете его?

- О да, еще со времен учебы в университете, хотя мы не были особо близки. Он надеялся отыскать что-то... что-то, что подтвердит его безумную теорию об иной, утраченной цивилизации. Вот...

- И что нашли?

Рукоять узкая и тонкая, не под человеческую руку.

- Нашли... останки, хотя не так и много. Полагаю, большая часть убитых была сброшена в море. Все же захоронить такое количество людей... нелюдей проблематично. Но кое-какие материалы уцелели. Остатки орудий, наконечники копий и стрел... некоторые культурные предметы. А я – нож.

Сиу.

В этом сомнений не оставалось. Чарльз чувствовал эхо знакомой силы.

- Полагаю, его спрятали. Он лежал отдельно от прочих вещей. В... расщелине... и я взял его.

- Зачем?

- Сиу... что вы знаете о сиу?

- Немного, - признался Чарльз.

- Как и все мы... но... в свое время я собирал легенды... сказания... так вот, почти все они явно говорят, что сиу – дети тьмы.

Замутило.

- И знают о ней больше, нежели мы с вами, да...

- И как...

Дядюшка прижал палец к губам.

- Берите... не откажите в этой малости... считайте это подарком, да... тьма ведь разную бывает. А они... они знают куда больше нас. Алистер... самоуверен, да... как и мой отец. Он полагает себя повелителем, только правда в том, что ни один человек не способен повелевать тьмой. Человек – не способен. А теперь идите... мы и так слишком долго тут... опять станут по вещам шариться... но ничего.

Из-под полы появился еще один нож. А дядюшка подмигнул.

- Говорю же... подделок развелось множество... кстати, довольно выгодное дело, да... у меня тут и мастерская имеется. Если вам понадобится бубен шамана, вы знаете, к кому обратиться.

- У оркских шаманов дудки.

- Ай... бубны выглядят солиднее. И платят за них лучше.

Он хихикнул. И появилась мысль, что дядюшка обезумел, но... дверь беззвучно приоткрылась.

- Экипаж ждет, - бесцветным голосом произнес человек в белом парике и таком знакомом облачении. – Господин...

- Да, да... я уже почти отпустил. И как вам моя коллекция, Чарли?

- Великолепна, - Чарльз убрал нож за пазуху. – Как у вас только получается?

- Опыт, Чарли, опыт... но на самом деле не так и сложно. Вот с материалом да, проблемы... сиу вытачивали ножи из кости, а она не всякая годится.

Дядюшка стукнул ногтем по клинку, который сжимал в руках, а его бросил в бумаги, будто клинок этот ничего не значил. Впрочем, этот как раз ничего и не значил..

- Ну да в другой раз побеседуем... надеюсь... что вы проявите должное благоразумие.

Чарльз, может, и проявил бы. Да только в живых его все одно не оставят.

Глава 46 В которой леди примеряет платье, а заодно узнает о великих перспективах

Глава 46 В которой леди примеряет платье, а заодно узнает о великих перспективах

Платье было красным.

Даже не так. Это ведь не просто красный. Сверху цвет был темным, насыщенным, почти черным, но постепенно светлел, и уже юбка полыхала всеми оттенками алого. И ткань такая вот... переливчатая.

- Зачарованный индийский шелк, - сказала портниха, глядя на меня с тоской. Ну да, такой бы наряд и какой красавице. А тут я...

- Чудесно, - сказала свекровище.

И матушка кивнула, соглашаясь.

А я что? Стою. Гляжу на себя в зеркало. И понимаю, что ни одно платье не сделает меня по-настоящему красивой. И худоба никуда не убралась. И кожа все еще смугла. И черты лица такие вот... резковатые. А вокруг меня суетятся, кружатся пчелами девицы, что-то там подкалывая, растягивая, утягивая, прикладывая к ткани.

- Нет, нет... никакой расшивки, это только испортит ткань...

Дело даже не в красоте, точнее её отсутствии. Дело в том, что...

Время.

Уходит.

А проклятье нет. Что я даже убить этого ублюдка не могу. Я хотела. Честно. И сил бы, наверное, хватило. Но...

Вдруг да его смерть приведет в действие проклятье?

Или...

Эдди просит не спешить. Орвуды тоже...

- Волосы, думаю, стоит убрать. У нее очень красивая линия шеи, это надо подчеркнуть...

У меня?

- А вот что делать с драгоценностями, ума ни приложу... есть рубиновый гарнитур...

Меня освободили от платья и помогли натянуть свое, в котором я и пришла в салон.

- ...но он несколько тяжеловат, как мне кажется. И старомоден. Сюда нужно что-то совершенно особое...

Я посмотрела на матушку.

Свекровь.

Сидят за столиком, листают журналы, чай пьют. А я чувствую себя обманщицей. Моя свекровь ведь не такая и плохая женщина. И надо ей сказать, надо... но не получается.

Чарли опять же просил.

Нет.

Я мотнула головой и сказала:

- Я пойду ткани посмотрю... а то ведь бал, чуется, не единственный...

Ложь.

И по взгляду матушки понимаю, что она меня насквозь видит. И с тканями, и с прочим всем. Но отпускает.

Там, внизу, Эдди...

И Эдвин тоже. Хмурый усталый. Он меня почти уже и не бесит. Но их я тоже не хочу видеть. Благо, лавка огромна, это даже не лавка, это дом с дюжиной огромных комнат, в которых и ткани, и ленты, и перья с пуговицами, и тысяча иных мелочей.

Шляпки вот...

Я сняла одну.

Примерила... ерунда. Нос стал будто еще больше. Губы тоньше. Кожа желтая какая-то... и со второй не лучше. С третьей вообще ерунда, будто котелок с цветочками на голову нацепила.

Уходить надо, но...

В доме, в ожидании Чарльза, я точно с ума сойду.

- Леди очаровательны, - произнес кто-то за спиной.

- Безусловно, - я спокойно сняла атласный котелок и вернула на полку. Обернулась. И с трудом сдержала оскал. Надо же, какая встреча... и хрена с два случайная.

Алистер Сент-Ортон собственной персоной. А рядом с ним – бледная, что тень, девица.

- Позвольте представить вам мою дочь, Ортилию.

Девица присела и прошептала что-то, наверняка, что безумно рада встрече, знакомству и все такое.

- Тоже к балу готовитесь?

- О нет, там давно все готово, - он разглядывал меня с прежним интересом. – Я люблю порядок.

- Очень рада за вас.

- Но дочь попросила сопроводить её. Вот и решил...

Ни на мгновение не поверила.

Поискала взглядом... надо же, продавщицы, которые вились тут, куда-то да исчезли. А Эдди... он рядом. И стоит позвать.

- Не стоит, дорогая, - Алистер чуть прищурился. – Я просто хочу узнать, что вы решили.

- Относительно чего?

- Ваш супруг должен был донести до вас... Ортилия, будь добра, займи себя чем-нибудь.

Его дочь молча отошла к витрине.

- Она послушна, но порой раздражающе неуклюжа. И дар слабый.

Я посмотрела на девушку, которая старательно перебирала шляпки. Брала с подставки. Надевала. Снимала. Возвращала. И переходила к следующей. Она даже в зеркало не смотрелась.

- Итак, вы согласны? – поинтересовался Алистер.

Револьвер в сумочке.

И еще один под платьем. Но пули не серебряные. А магией бить... нельзя. Пока нельзя. Терпение... никогда-то мне его не хватало.

- На что?

- Значит, он ничего не сказал?

- Сказал. Сказал, что ему прицепили проклятье. Что жить ему осталось пару недель. Уже меньше. Что его сестрицу... украли?

- Это преувеличение. Поверьте, никто её не крал. Она живет в доме своего дядюшки, окружена заботой и вниманием...

Главное, чтоб раньше времени из этого окружения не выбралась.

- Ага, - сказала я.

Алистер поморщился. Что, не нравится?

- Вы должны родить мне ребенка.

- С какого перепугу?

- Ваш муж умрет.

Ну да, хороший повод родить ребенка первому встречному проходимцу.

- Ты мне не нравишься, - терпение у меня, может, и есть, но нервы ж не бесконечные. – Как и твой сынок...

- Он мне самому не нравится. Ничтожество.

Да? А мне казалось... ладно, промолчу. После той лабораторной работы Найджел Сент-Ортон больше не искал встречи, да и в целом держался в стороне. То ли кролики так подействовали, то ли...

- Мой род древний. И славный, - продолжил Сент-Ортон.

- Что с того?

Тень неудовольствия промелькнула на его лице.

- Он происходит...

- От брата нынешнего императора.

- От старшего сына первого императора. Сына, который был рожден от женщины благородной... - он произнес это тихо и с такой злостью, что даже Ортилия ощутила её. И застыла с прямой спиной. – Женщины, кровь которой уходит в века...

Молчу. Слушаю.

- Её предком был удивительный человек. Однажды он почти изменил мир, но его убили.

- Некромант, что ли? Как его... Саймон?

- Седрик! – и снова раздражение. И злость даже. Надо же, как я его бешу. – Его звали Седрик...

Значит, Орвуда можно успокоить. Его архивы не при чем. У Сент-Ортона собственные, похоже, имеются.

- Ничтожества уничтожили великого, но он сумел спрятать свою семью. И бесценные знания.

- Ладно, - говорю. – Он молодец. А я при чем? Чего вы ко мне привязались-то? У вас вон жена имеется. Пусть она и рожает.

Сент-Ортон не выдержал и вцепился в руку. Сдавил так, что еще немного и кость хрустнет. И в лицо мое вперился взглядом, выискивая... интересно, что?

Страх?

Я его не боюсь. А прибить хочется. И желание с каждым мгновением растет.

- Глупая девица, которой повезло... кровь проснулась. Некрасивая. Невоспитанная... но с хорошей родословной... жена не смогла дать мне наследника. Никто не смог. Все оказывались слишком слабы. Но твой дар... твоя сила... её хватит!

- Руку убери, - попросила я.

Убивать ведь не обязательно. Можно просто нос расквасить... или нет.

Как ни странно, но Сент-Ортон пальцы разжал. И отступил.

- Скоро все изменится. И мой род вернет то, что принадлежит им по праву.

Куда они денут дядюшку, спрашивать не стоит.

- А ты... ты все одно родишь мне ребенка.

Сейчас, только шляпку выберу.

- То, что характер есть, это неплохо... но над остальным мы поработаем.

- Не пойти бы тебе...

Он оскалился. И взглядом вперился. А я что? Я в ответ. Глаза у него мутные и больные. И сам-то он болен. Неужели, не чувствует? Я вот чувствую... вонь эту, что выплеснулась. Сила. Точно. Он держал её при себе, а теперь вот решил явить миру? Или мне.

Но воняет зверски.

А главное, сила эта – та еще отравка. Разъедает изнутри. Но молчу.

- У тебя ведь не только муж есть, верно? Муж и вправду не та ценность, за которую держаться стоит, - он руку протянул, коснулся моей щеки. – Тем паче, когда открываются иные перспективы... ты показала себя умной девочкой. Выпал шанс – воспользовалась... не знаю, чем ты его охмурила, но Диксоны всегда были странны...

Меня сейчас вырвет.

- Но ведь кроме мужа у тебя матушка есть... и братец... их ты любишь?

Руку убрал.

- Так что... думай. Времени осталось немного.

- До бала?

Легкий поклон. И окрик:

- Ортилия... идем, все одно твою физиономию шляпкой не исправить.

Вот... ублюдище.

Я поскребла кулак и подавила в себе острое желание создать шарик. И энергию тоже... за последние дни мы с ней поладили. Ну, почти. Магазин ведь не виноват... никто не виноват.

Я сделала вдох.

Выдох.

И заглянула в соседнюю комнату, где матушка и свекровь пили чай, обсуждая что-то свое... красное платье стекало с манекена, пара швей устроились рядом, тихо переговариваясь...

Я же потеряла руку.

- Матушка... может, домой?

- Ты уже все? – матушка отставила чашку. – Мы и вправду несколько задержались. Хотя ткани хороши...

Улыбаться.

Главное, улыбаться... если представить себе, как я сворачиваю Алистеру Сент-Орtonу шею, улыбка получится даже вполне искренней.

- Простите? – Найджел Сент-Орton переводил взгляд с Виктории на Эву. С Эвы на Викторию. – Вы... уверены?

- Конечно, - Виктория радостно взяла его под руку. – Как в такой чудесный день и не погулять?

Небо стало сероватым, да и тучи на нем прорезались. Ветерок и вовсе был ощутимо осенним, заставляющим сожалеть, что шаль осталась где-то там, дома.

- Вы ведь составите нам компанию? А то нас снова все бросили... – Тори еще посмотрела так, печально, что даже у Эвы защемило сердце.

И отказать Сент-Орton не сумел.

Заверил, что будет счастлив и сам все утро мечтал о том, как бы кого сопроводить на прогулку. Правда, вид у него все одно был каким-то замученным, что ли.

- Совсем плохой, - сказал сиу очень и очень тихо. – Помрет скоро.

Сент-Орton, кажется, услышал. Или просто чуть вздрогнул, но не обернулся.

Он шел с Викторией, которая не собиралась выпускать добычу, а Эва уже позади чуть. Сперва говорили о цветах и погоде, о чем-то еще, причем большею частью Сент-Орton, но потом он притомился и замолчал.

Точно совсем плохой.

Теперь и Эва видит.

- Кстати, как ваши... знакомые... друзья... те милые люди, которые имеют дурную привычку обманывать юных дев? – поинтересовалась Виктория.

- К сожалению, не слишком хорошо, - Сент-Ортон чуть нахмурился, но благо, притворяться, что он не понимает, о чем речь, не стал. – Они в целительском корпусе. И... боюсь, надежда на благоприятный исход тает.

- Можем договориться, - Виктория, стоило ей увидеть Сент-Ортона, словно очнулась ото сна, став собой, прежней. И хорошо, у нее лучше получится, чем у Эвы. – Вы дадите пару капель крови. А я заберу свое слово.

- Леди...

- Ай, да бросьте вы... - Тори приподняла юбки и соступила с дорожки. – Идемте. Тут есть одно очень интересное место... ну что вы смотрите так? Не собираюсь я вас компрометировать.

- Боюсь... если вы вдруг все же решите, я не самый лучший выбор для юной леди, - Сент-Ортон тоже с дорожки сошел.

- Чего это вдруг? Молодой. Состоятельный. Родовитый...

Щека Сент-Ортона дернулась.

- Мой отец никогда не даст согласия на брак...

- А без него никак?

И насмешка.

- Боюсь... я всецело от него завишу.

- Жуть какая, - Тори весело шагала прямо сквозь заросли. И кажется, Эва даже узнавала эти заросли. И кусты тоже знакомые. – Но ничего, это мы исправим. Кстати, я замуж тоже не слишком спешу.

- Могу я... узнать, куда мы идем?

Эва бы тоже не отказалась узнать.

Сиу вот выглядел невозмутимым, будто не он все это затеял.

- Место тут одно есть... хорошее. Очень. Я ночью как-то даже танцевала...

- У вас... своеобразные привычки.

- Ай, бросьте... у всех своеобразные привычки. Кто-то танцует, кто-то людей в жертву приносит.

- Я не...

- Знаю.

- Откуда?

- Я ведьма. И это видно. И хорошо, если бы приносили, было бы сложнее... а так попробуем исправить все.

Точно.

Вот и ручей.

И овражек, через который Тори перепрыгивает легко. И снова её переполняет какая-то дикая злая сила. Или не злая? Волосы её рассыпаются, хотя Эва плотно ленты вплетала. Но те выпадают, как и шпильки. На щеках вспыхивает румянец. А глаза становятся черны.

Поляна...

Она на первый взгляд ничем не отличается от других.

На первый. А потом Эва... чует что-то такое... такое... очень знакомое. И родное.

И не только она. Тихо выдохнул, присев на траву, сиу. И запустил пальцы в космы.

А Эва...

- Что это за... - Найджел Сент-Ортон огляделся. – Странно... мне казалось, я этот парк знаю вдоль и поперек. А тут не помню. Здесь как-то... сумрачно.

Наверное.

Эва подняла голову. Надо же, небо совсем сизое и, кажется, вот-вот дождь польется. Она даже слышит его, там, в тучах.

И еще ветер.

Землю, разодранную корнями. Деревья.

Кусты.

Травы... мир, который на грани.

- Дышать тяжело... - Сент-Ортон стянул шейный платок. – И жарко... холодно и жарко. Вы меня отравили? В этом, право слово, не было нужды. Мне и так осталось недолго... и никого не останется.

- Ваш отец?

- Ты не поняла, странная женщина. Никого не останется, чтобы защитить их от отца.

- Кого?

- Сестру. Мать... он убьет их, - на траву полетел сюртук. И рубашка.

Эва на всякий случай отвернулась.

Кто тут еще кого компрометирует!

- Сядь, - голос Виктории звучал отстраненно. А Эва чувствовала, как размываются границы мира. И неужели у нее получится?

Почему?

Там ведь, дома, никак. А тут? Тут мир словно ждет, чтобы она прикоснулась.

Сент-Ортон молча опустил на траву. А Тори села перед ним.

- Вот, - она подула на ладонь и облако темной пыли взметнулось над ней, чтобы раствориться в воздухе. – Я прощаю их... и забираю свое слово. Пусть живут. Твои друзья.

- Это не совсем друзья... но хорошо.

Сент-Ортон тяжело дышал. И не потому, что Тори его отравила. Скорее уж его распирала тьма. Изнутри. Теперь Эва видела тонкую оболочку тела, в которой прорастало... что-то страшное.

Уродливое.

- Тебе нужна была моя кровь, - он потер шею и протянул руку. – Бери.

Сиу молча поднялся и пересел ближе, а потом провел когтем по запястью. Кровь показалась почти черной. Мальчишка слизнул её и сказал:

- Скоро все. Два дня.

- Он обещал неделю...

- Твой отец?

Кровь падала в половинку раковины. Откуда сиу только её взял? Но Эва не мешала. Было... сложно сосредоточиться. Миры рядом, руку протяни и окажешься за гранью.

И хотелось.

Очень.

- Да.

- Почему? – Тори разглядывала Найджела Сент-Ортона внимательно.

- Из-за дара.

- Он у тебя сильный. Мне так сказали. И учишься ты хорошо. И ведешь себя тоже.

- Если бы этого было достаточно.

Тори фыркнула.

Ну да, у них вот никогда не получалось вести себя хорошо, но отец ведь все равно любил. И мама. Выходит... выходит, дело не в этом? И не в даре?

- Он... одержим... мыслью... хочет стать некромантом. И у него выходит. А я... я не смог. Я не смог принести жертву...

- Человека?

- Даже кошку... всегда начинается с малого. Но я не смог! – его крик утонул в шепоте ветра. Эва попросила, и тот завернулся вокруг поляны, отрезая их от остального мира.

- Не смог и не смог, чего орать-то, - отозвалась Виктория и тряхнула головой. Ветер растянул гриву её волос, ставших черными-пречерными, как перья ворона.

- Ты не понимаешь... я ничего не смог! Я... не смог защитить мать. Не смог уберечь сестру. Не смог... а когда попытался выступить... пригрозить, что расскажу о его делах...

- Дурак, - отозвался сиу, помешивая кровь в раковине когтем. – Убивать надо. А не говорить.

И Эва с ним согласилась.

Оно, конечно, нехорошо убивать кого-то. Но иногда ведь вариантов нет.

- ...получил вот это, - Найджел ударил себя в грудь. – И теперь живу... каждый день, как последний. Но это ладно... это не страшно. Умру и все.

- Совсем дурак.

- Да и заслужил я, если по правде, - он окончательно успокоился. – Выходит, ведьмы все же существуют...

- А то, - в руке Тори появилась уже знакомая дудочка

- Твой отец что-нибудь говорил про... ту сторону? Изнанку?

Сент-Ортон покачал головой.

А Тори поглядела на сиу.

- И дальше что? Кровь у тебя есть.

- Здесь хорошо, - сиу провел пальцем по губам, и они окрасились алым. – Но надо там. Силок для зверь ставить на звериный тропа.

- Нас не пускает, - Тори гладила дудочку и, склонив голову к плечу, смотрела на Сент-Ортона. Тот молчал. – Хотя да... там бы я попыталась. Забрать. Чувствую... это другое, чем у Диксона. Знакомое.

- Я... могу, - голос Эвы дрогнул. – Здесь... мир хрупкий. Может получится.

Это неразумно.

Очень-очень неразумно. Но в конце концов, разумной быть очень утомительно.

И мир потянулся навстречу, обнял Эву, меняя, вылепляя её крылья, и на ладонь Тори опустился зимородок.

- Что... она и вправду? Как?

Тори рассмеялась.

- Поляна... как тогда! Спасибо сестричка! – и подкинула Эву над головой, будто та просила. Впрочем, вместо слов из горла вырвалось какое-то толи чириканье, то ли скрежет. – Вставай! Ну же!

Тори протянула руку Сент-Орtonу.

- Ты должен со мной станцевать.

- Здесь... где мы? – он поднялся, медленно, явно не способный осознать случившееся. – Это же... поляна. И нет. И что за место? Все такое...

- Изнанка, - ответила Тори, крутанувшись, и широкие юбки её взлетели, а потом опали, причем преобразившись в какие-то... нет, не лохмотья, но такие юбки носят цыганки.

В книгах.

Если там и рисовали цыганок, то в таких вот юбках, правда, черных ли и расшитых ли перьями... Тори подняла руки над головой и топнула.

- Ну же! Танцуй! Давай! Или не слышишь?

- Знаете, я все больше убеждаюсь, что вы сошли с ума, - сказал Сент-Орton, осматривая себя. А на нем вновь появилась рубашка, только мятая какая-то.

И в пятнах.

Штаны простые.

И босой он.

- Еще когда... Хочешь, я тебе сыграю? Если и нет, то все одно.

Тори дунула, и низкий звук заставил Эву захлопать крыльями. Выше. И выше... и еще выше. А Тори уже кружилась, выдувая странную нервную мелодию, на которую стекались души.

Одна за другой.

Одна...

Они подбирались к краю поляны, застывая белыми стражами.

- Это ты... - Сент-Орton кого-то явно узнал. Девушку. Такую бледную и в то же время очень сердитую. – Надо же... выходит, после смерти и вправду что-то да есть. Или нет? Конечно. Это все слишком фантастично. А значит, правда в том, что проклятье меня пожирает. До

мозга дошло. Вот и мерещится всякое. Но я, если что, был против... Сент-Ортоны не воюют с женщинами. Хотя... правда в том, что я мог бы остановить их. Но не стал. Танец? Хочешь...

Он подал руку и белая тень скользнула навстречу, чтобы закружить Сент-Ортона в танце.

- Руки у тебя холодные. Но скоро я сам умру, и мы встретимся... и ты здесь?

Вторая тень.

Парень с бледным лицом.

- Ты их раздражал... тебе бы свое место знать. Хотя и меня ты раздражал. Тебе легко давалось то, для чего мне приходилось не спать ночами. Знаешь, каково это, быть лучшим? Нет... откуда тебе... особенно, когда отец считает, что ты – ничтожество. И если вдруг окажется, что ты даже учиться не способен, что какой-то безродный умнее...

Вторая душа присоединилась к танцу, и все трое закружились вихрем.

- Так что да... моя вина есть. Я еще тот подонок. Мне нравилось стравливать их друг с другом. Интриги, интриги... они полагали себя избранными. А доставалось вам. Простите, если сможете... а если нет, то и плевать. Все равно умираю... и тебя помню. Я тебя не спас. Я хотел, честно...

Еще одна женщина.

Но её лицо знакомо Эве. Это ведь та, из подвалов, которая была беременна.

- Я говорил, что нужно бежать, а ты не послушала...

И еще одна тень.

- А ты... тебя отец купил и привел в дом. Он заставил матушку уйти, поселил в её покоях. Ты и поверила, что и вправду поймала птицу удачи. Когда он увел тебя вниз, я даже обрадовался... впрочем, ненадолго... появилась ты.

Их становилось больше и больше, душ, что слетались на зов Тори. И Найджел Сент-Ортон кружился в безумном танце, меняя одну партнершу за другой.

А тьма внутри таяла.

И таяла.

И...

И когда Тори отняла дудку, он просто упал.

- Хорошо, - Найджел Сент-Ортон раскинул руки и ноги, уставившись взглядом в темное-темное небо. – Оказывается, смерть – это... когда тебе просто хорошо.

- Ага, - Тори опустилась на траву рядом. – Только помереть не ты должен.

- А кто?

- Твой отец. И ты нам в этом поможешь. Правда ведь?

Найджел Сент-Ортон повернул голову.

- Что ж... почему бы и нет? В конце концов, женщинам и ведьмам не отказывают.

Глава 47 Где речь идет о шаманах и безумных идеях

Глава 47 Где речь идет о шаманах и безумных идеях

Мальчишка-сиу взял клинок осторожно. Он даже не сразу решился прикоснуться. Сперва сидел на пятках, растопыривши колени, опираясь на пол кончиками пальцев и чуть покачивался. Ноздри его раздувались. А глаза сделались узкими, что две щели.

Потом он протянул руку и снова застыл.

- Ты что-нибудь знаешь? – шепотом спросил Чарли. – Об этом вот...

- Только слышал, - также шепотом ответил Эдди. – У сиу нет шаманов, но они многое могут... могли. С мертвыми... раньше.

- Тихо, - просипел сиу. А потом сам же то ли приказал, то ли попросил. – Говори. Я знать... мало. Мало-мало.

И теперь в голосе его звучала настоящая боль. Но Эдди заговорил.

- Дед когда я еще был там... в общем, шаманы играют миру, а мир слушает. Или нет. Тут уж какой шаман. Мы многое можем, но дед говорил, что в древности могли куда больше. Да... а вот с сиу орки никогда особо не ладили. Они закрытые. И в свои земли никого не пускали, хотя были на земле особые места... шаманы приносили там... в общем, иногда кур резали. Или бизонов.

- Иногда не только их? – догадался Чарльз.

- Именно. Пленники... племена воевали, так что случалось. Но это было даром. И честью.

Вот лично Чарльз с радостью бы уступил эту честь кому-нибудь другому. Ну, если бы вдруг.

- Порой шаманы сами уходили, когда случалась беда. Скажем, болезнь, с которой обычные духи справиться не могли. Или...

- Нашествие людей?

- Именно. Тогда шаман играл до смерти, отдавая свою жизнь... а ученик забирал дудку. У сиу же был нож. Особый... их меньше, чем орков, но пять великих племен жили некогда на равнинах. Остались лишь черноногие. Во главе каждого племени стояла Мать. Раз в год они приходили и... да, тоже приносили жертвы. Не скот.

- А... скажем, войн не случалось? Там... ну... если вдруг сиу приносили орка в жертву или наоборот?

- Нет, - Эдди покачал. – Это было особое место. И если случилось, то... случилось. Но сиу и орки приходили в разное время. Так разумно. Главное, что жертвы они приносили долго и особым клинком.

Тогда-то мальчишка и рискнул прикоснуться.

И вздрогнул.

- Он и давал силу... дед говорил, что когда-то было шестое племя, но они проиграли в битве, их Мать легла на алтарь, а клинок утратил силу. И племя исчезло.

Мальчишка, наконец, взял клинок.

А потом медленно, словно во сне, провел острием по ладони. И распоротой ладонью по клинку. Кровь впитывалась.

- погоди, - Эдди задержал Чарльза, который дернулся было отобрать опасную игрушку. – Не мешай. Это... не твое дело. И не мое.

И потянул к выходу.

- Но если... это же опасно!

- Несомненно.

- Он может...

- Погибнуть? Да, вполне. Но это его выбор. И его право, - Эдди говорил это спокойно. – Дай ему разобраться.

- Он же ребенок!

- Давно уже нет. Он полукровка, который и отца-то своего не знает. Правда, не скажу, что знание отца сильно помогло мне в жизни, но хотя бы имя мне досталось. И семья вот... вопреки тому ублюдку, который числится моим папашей, у меня есть семья. А у него нет. Сиу его не примут. Даже если та, что осталась в городе, признает его сыном...

- Может, и не признать?

- Может, конечно. Это же сиу. Мозги ей изрядно заморочили, но теперь-то она свободна. И как знать... да, съездить надо. Такие вопросы стоит решать и сразу, - Эдди отряхнулся. Выглядел он усталым донельзя. – Но... в общем, есть сомнения. С остальными тем более сложно. Людей они не любят. А в нем есть кровь людей.

- И этот нож все изменит?

- Не все. Многое. Прежде всего для него. Ну и для нас... твой дядюшка – хитрый ублюдок.

- Не уверен...

- Я уверен. Милли спит?

Чарльз кивнул.

- В последнее время она много... профессор говорит, что структура все стабилизироваться не может. Но силы растут. И мне, честно, страшно, потому что... просто страшно. Не умирать. Оставлять её.

- Не оставляй.

- Будто есть варианты. Орвуды... ищут, но ничего не находят. И вряд ли найдут. И Виктория не способна помочь. Алистер... он не снимет проклятье. Даже если я вдруг решу стать его верным соратником, это ничего не изменит. Мертвым я удобнее... матушка вон останется, Милисента... Августа.

Щека дернулась.

И Эдди кивнул.

- Значит, придется что-то выдумывать. Кстати, мальчишка, если разберется... они и вправду дети смерти. И если кто сможет с нею договориться, то сиу.

Чарльз вздохнул.

Как-то... не получалось верить. Он хотел. Честно. В то, что проклятье спадет. Зло будет повержено... ну и так далее.

- Идем, что ли? Орвуды должны были уже... надо ж что-то решить, - Эдди подавил зевок и потряс головой. – Когда это все закончится, завалюсь спать. На неделю.

- Как ты вообще...

- Дракон, - Эдди поморщился. – Что тут еще скажешь... тот засранец. И скучно ему. Столько лет. Нет, полезное есть... я многому научился, но на час учебы – три разговора о прежних славных временах, когда по степям бродили стада бизонов. Мне порой кажется, что он издевается...

Может, и так.

- Да и девчонки теперь тоже в силу вошли. Он предупреждал, что надолго их не удержит, что... сила, если проснулась, будет только прирастать. Но я надеялся, что хватит. А они вот... правда, с пользой, конечно, ругать вроде как и не за что. Только все одно опасно.

Чарльз заглянул в дом.

Тихо.

И темно. Мальчишка все так же сидит на полу с ножом в руке. Надо бы отправить их с леди Элизабет, и матушку тоже в город

Мастеров... там как-то спокойнее.

Или поздно уже?

Матушка точно не согласится. Да и остальные. Но помечтать-то можно? Чарльз прикрыл дверь.

У Орвудов пахло смертью. Запах этот стал привычным, в нем, проклятье, даже что-то приятное начало улавливаться.

- Недоброй вам ночи, - был лишь Бертрам. – Отец... вынужден остаться во дворце.

- Хуже?

Кивок.

- Сент-Ортона трогать нельзя. Распоряжение Императора. Пока... наблюдение. Список составляют всех, кто связан.

Но дело не в этом.

- Он опасается, что... в общем, что девочки тоже умрут. Так что ничего сделать нельзя, пока отец не будет уверен, что их жизни ничего не угрожает, а он не будет, потому что там не только зелье. Все... сложно.

- И что делать?

Эдди устроился в углу, вытянув ноги. Он откинулся, прикрыл глаза, и показалось даже, что он спит.

- Не знаю, - Бертрам Орвуд отвернулся. – Отец... да и я тоже, мы не можем послушаться прямого приказа. А я не уверен, что у Императора хватит сил изменить его. Он любит дочерей. И если будет выбор между тронem и девочками, он...

Не выберет трон.

Наверное, это хорошо. Для человека. Человек должен человеком оставаться. А вот для императора – так себе.

- Правда, он понимает, что Сент-Орвуд, своего добившись, не остановится. Так что не понятно... пока отец ищет способ. К счастью, там не все так запутано... такие проклятья, как твое, Чарльз, они безумно сложны. И много их не будет.

Радость-то какая.

Чарльз потер грудь. Сердце ныло. С того самого момента, как он вернулся от Августы. Нудная такая тянущая боль, которую можно перетерпеть. И скрыть тоже. Хотя Милисента все одно что-то заподозрила.

- Так что шансы, что распутать получится, есть... но тогда приказ на уничтожение поступит сразу. Да и Император не останется в стороне. Он, подозреваю, лично свернет этому уроду шею.

И плевать ему на Чарльза.

Пожалуй.

- Ничего, - Чарльз криво усмехнулся. – Если я умру, вы будете свободны...

- Ага, а Милли расстроится... - проворчал Эдди. – Времени до бала еще – целая неделя...

И это, наверное, много...

И в то же время – чудовищно мало.

День.

И мальчишка Сент-Ортон приходит сам. Он хмур. И растерян. А еще мрачен, всецело сосредоточен. И лицо такое, на котором застыло выражение готовности к подвигу, отчего даже неудобно.

- Мне... необходимо поговорить с вами, - слова даются с трудом. И на Чарльза мальчишка смотрит исподлобья, то ли как на врага. То ли как на соперника.

- Мне было семь, когда отец решил заняться моим воспитанием. До того он не слишком обращал внимания на меня и сестру. К счастью...

Он бледен, в зелень.

И явно нервничает.

- Именно тогда я и узнал, что наш предок должен был занять трон. Что он был сыном Георга Первого. И что с матерью его Георг состоял в законном браке.

- Это... несколько противоречит тому, что я знаю.

- Противоречит, - Найджел Сент-Ортон огляделся. – Мы не могли бы... пойти. Куда-нибудь. Не важно. Мне легче думается, если идти. Да и, признаться, в помещениях душно. Воздуха все время не хватает. Так вот... наша прапрабабка происходила из рода, как выяснилось, весьма древнего, но забытого. Отрешенного от титула еще в Старом свете. Именно поэтому, когда война и закончилась, Совет надавил на Георга, заставил взять правильную жену.

На улице холодно. Погода переменилась и как-то резко, в чем тоже видится признак беды. Ветер тянет с востока, сырой, пронизывающий.

А у Милисенты пальто нет.

И шубы тоже.

Плохо.

Они давно уже приехали, а Чарльз до сих пор не удосужился жене шубу купить.

- Мою прапрабабку вынудили выйти замуж за сподвижника Георга. И вручили ему герцогский титул.

- Странно, что вовсе в живых оставили.

- Это да... отец утверждал, что Георг любил её. По-настоящему.

- А тот сумасшедший внизу...

- Ну... у Георга и вправду был брат, а у того – дети. Просто все немного перепуталось. Как бы там ни было, это не имеет значения. Думаю, до отца если и говорили о правах на трон, то... как бы скорее из позиции, что мы храним память и все такое. Да и он сам до определенного момента был... нормален.

- Когда все изменилось?

- Когда прибыл этот проходимец, с запада... такой весь очаровательный. Ваш родственник. То есть, тогда он не был им. Просто парень... учился тут, в университете. Его заметили. Он всем нравился, хотя, как понимаю, был еще той сволочью. Впрочем, я сам не лучше, но... в общем, я был много младше, когда он появился в доме. И с отцом они как-то быстро поладили.

Верно, речь идет о тех временах, когда Змееныш был просто студентом, одним из многих.

- Уже тогда отец начал меняться... отец никогда не любил матушку, да и сестру не особо... впрочем, он никого не любил. Но хотя бы уважал. А тут... он стал сходить с ума. Теперь я это понимаю, но тогда... он сделался раздражителен. Придирчив. Все чаще заговаривал, что из нее не получится императрицы. Что она слаба. И родила лишь двоих детей. И что скоро у него будут другие. Этот ваш родич пообещал ему, что будут. Что он знает способ... точнее знает того, кто знает способ...

Змееныш.

И даже после смерти его отравы жива.

- А еще он что-то такое привез отцу... передал... какую-то вещь, я не уверен, какую именно, потому что я не оправдал надежд, вот и не позволено было взглянуть даже. Главное, что с нее началось. Или

может, раньше. Я плохо его знаю. Главное, что после нее он стал меняться быстрее и сильнее. И вышло, что... вышло.

И вправду, что-то да вышло.

- Я понятия не имею, как все исправить, - признался Найджел Сент-Ортон. – Вообще-то я уже свыкся с мыслью, что умру... а тут выходит, что, возможно, и нет. И я готов отдать долг. Может, Сент-Ортон – не то имя, которое вызовет у вас симпатию, но... правда, не представляю, чем могу быть полезен.

Чарльз тоже не представляет.

- Зачем ему моя жена?

- В ней та же кровь, что и в...

- Змееныш, - подсказал Чарльз. – Его так прозывали.

- Подходит... так вот, отец брал эту кровь. И она привела его в восторг. Он даже пил её. Думаю, он принес бы в жертву этого Змееныша, но ему не позволили.

- Кто?

- Могу написать список тех, кто бывал в доме, но всех я не знаю.

- Напишешь.

Кивок.

- Думаю, отец хочет получить ребенка. Такого, который сможет унаследовать его темный дар. Правда, я сомневаюсь, что это в принципе возможно, ведь изначально его дар был иным. Отец сам что-то с ним сделал. И как-то это все... ни одна из его любовниц не выжила. Я даже предлагал одной дурочке помощь, увезти её, но она отказалась. А он разозлился.

И проклял сына.

- Он уверен, что не просто разгадал секрет своего прапрапра... в общем, того некроманта. Он усовершенствовал его путь. И способен изменить дитя еще в утробе так, чтобы это дитя родилось некромантом. Самым сильным.

- Логичнее было бы взять кого-то, кто...

- Женщин с даром некроманта нет, - возразил Найджел. – Он искал. И к Орвудам приглядывался. И думаю, он бы попробовал, но...

Но ситуация изменилась.

И главное, знакомо-то как... ведь Змееныш тоже был одержим идеей наследника. Это драконья кровь так повлияла? Дар? Или собственное скрытое безумие?

- А моя сестра зачем?

- В её ребенке кровь этого... Змееныша. Отцу интересно. И он хочет получить это дитя, чтобы воспитать его. А ваша сестра, скорее всего, умрет в родах. Или сразу после. Сама по себе она не особо нужна... хотя могу и ошибаться.

Вряд ли.

Но Августа не поверит.

- В общем... вы скажите, что нужно сделать. И я сделаю.

Если бы Чарльз знал.

И второй.

Головная боль становится почти невыносимой. И Милисента хмурится. Её недовольство горячее, как и сила, которая окутывает её теплым пологом. Этой силы слишком много.

И на полигоне распускается очередной огненный цветок. Отчего становится легче.

- Все будет хорошо, - врет Чарльз.

А начавшийся дождь тает в огне. И пальто все одно нет. И шубы... и потому Чарльз просто обнимает жену. Время... времени почти не осталось.

Третий и четвертый.

Эдди.

Он не просто посерел. Он похудел едва ли не вдвое. И кажется, переходы на ту сторону не так уж безопасны и легки.

- Есть идея, - говорит он. – Правда, один не справлюсь, но Эва поможет. Если согласитесь.

Полянка.

Цветочки. Правда, третий день кряду дождь, поэтому поляна мокрая. И цветы тоже. Небо серым-серо, тучи давно уже обжились там, наверху. Под ногами хлюпает. А трава расплзлась местами, обнажая жирную черную землю.

Шуба...

Что-то треклятая шуба не идет из головы. И собственная куртка на плечах Милисенты кажется упреком. Да и она ворчит, что Чарльз простудится.

Не простудится.

Это ему точно не страшно, он и дождя-то не чувствует.

На плечах Эваноры Орвуд пальто. И во второе кутается её сестрица, за спиной которой держится Найджел Сент-Ортон, причем его присутствие воспринимается как нечто само собой разумеющееся.

Бертрам Орвуд слегка хмурится.

А вот Виктория делает вид, что никого-то не видит. Не знает. Не слышит.

- Отец, к сожалению... - начинает Орвуд.

- Им хуже? – тихо спрашивает Чарльз. Потому что если девочкам станет совсем плохо, то... Император может и рискнуть. И невидимая удавка захлестывает шею.

Странно, вроде бы к мысли о смерти и вправду привык, а тут вот, узнав, что времени меньше, чем ему казалось, едва в панику не ударился.

- Да. Боюсь... надо спешить.

Мальчишка-сиу в одной рубашке и подштанниках, которые, кажется, он надел только по настоянию Эдди. Почему-то Чарльз чувствовал раздражение, исходившее от него.

Волосы распустил.

Белые.

А кожа – черная.

- Здесь мы мало чего можем, - Эдди почесал макушку. – Я так... думаю. Вот. А там... там тоже мир. И если нынешний влияет на тот, то можно и наоборот. Тут с твоей пакостью сладить не выйдет, а вот там... дракон опять же. В общем, мы с Эвой решили попробовать затащить вас туда... ну, это тяжко. Если душа не подготовлена, то хрен её утянешь. За руки возьмитесь...

- А дракон настоящий? – уточнил Найджел Сент-Ортон. – Отец... мечтал, что сумеет поднять дракона.

- Может порадоваться. У него получилось.

Эдди поднес дудочку к губам.

- И... если вдруг потеряетесь, стойте на месте. Да! И зимородка ищите.

Звук пробрал до костей.

А мир изменился.

Глава 48 В которой случается бал и встреча

Глава 48 В которой все идет не по плану

Эдди до последнего не был уверен, что у них получится.

В конце концов, мертвые – это одно, мертвым можно указать путь.

А вот живым? И тем, кто не способен слышать? Но что еще оставалось?

Поверить.

Дракону ли, что, окинув Эдди взглядом, сказал:

- У тебя есть все, кроме веры.

- И во что я должен верить?

- В себя.

Вот и в себя.

В... Эванору Орвуд, которая предложение выслушала и сразу кивнула:

- Я согласна.

А он начал долго муторно объяснять, как это все сложно и невозможно, и опасно, в том числе для Эваноры. Она же вздохнула и произнесла:

- Если есть шанс, то надо его использовать.

Шанс... был ли он?

Мир, который подчиняется воле, это, конечно, хорошо. И Эдди даже худо-бедно научился управлять этим миром.

Но...

Все равно.

Риск велик. Но и ждать нельзя.

Берег.

И море. Море сейчас спокойно. Серое, как отражение неба. Или наоборот? Солнце мутное, словно проглядывает сквозь толстое запыленное стекло.

Пахнет... затхлостью. Гнилыми водорослями. Смертью.

Эдди убрал дудку и огляделся.

Чарльз?

Здесь. Стоит, покачиваясь. И проклятье его видно всем. Оно, что клубок черноты, оплетший тело. И видно, сколь сроднилось оно. Не вытащить.

Тогда все... зря?

Милисента. Рядом с мужем. И внутри... прав дракон?

Или нет?

Скоро все станет ясно.

Бертрам Орвуд. Серое на сером. Он вдыхает и оглядывается с интересом. Не напуган. Не удивлен. Скорее уж...

- Такое чувство, что я... дома, что ли?

Сиу...

Не мальчишка. Нет, он не стал выше, скорее уж тоньше. Инаковой. И одежда поменялась. Теперь на нем одна лишь набедренная повязка, а волосы стали белее снега.

Эванора-зимородок опускается на плечо.

А вот сестрица её крутанулась, взметнулись юбки, застучали костяные бусины, на них нашитые. Она, кажется, тоже поняла, как существовать в этом мире.

Найджел Сент-Ортон... лишняя фигура.

Или нет?

Раз пришел, так пусть будет.

- Как-то тут... - он поежился. – Как в старом склепе.

Эдди хмыкнул.

- Примерно склеп и есть.

- А дальше-то что? – поинтересовался Чарльз. – Тут... дышать тяжело. Давит. Изнутри.

- Дальше...

Чтоб он знал, что дальше. Надеялся, что стоит пересечь границу и озарит? Озарения не случилось. Понимания тоже.

Найджел Сент-Ортон запрокинул голову:

- Дракон! – воскликнул он, указав куда-то вверх. – Настоящий!

Настоящей некуда.

Дракона я узнала.

Ну да, сложно не узнать-то. И даже когда он, опустившись на землю, обернулся человеком, получилось не удивиться.

Он стоял, не спеша приближаться.

Я...

- Идем, - я потянула мужа за руку. – Если кто и сможет подсказать чего разумного, так это эта древняя задница.

Наверное, не слишком вежливо так обращаться к существу сильному, мудрому и все такое. Но я была зла... в последнее время я была очень и очень зла.

И...

Шаг.

Ноги вязнут в песке. И море гремит где-то рядом, будто волны из железа. А дракон... дракон ждет. Чего?

- Доброго... дня, если тут день, - говорю я.

И он чуть склоняет голову.

Глаза светлые.

И главное, красивый, зараза этакая. Как все драконы. Знает о том. Скалится... и выдыхает облачко дыма, которое я разгоняю рукой.

- Давай вот без этого... и так настроения нет.

Что сказать.

Изнанка мира она такая... изнанка. И главное, там, во снах, все было куда ярче. Здесь же чувство, будто все, что я вижу, пылью припорошено. В том числе и дракон.

Еще шаг.

И мы стоим друг напротив друга. Он протягивает руку и... и я не ощущаю прикосновения.

- Даже так... почти уже.

- Что?

Ненавижу, когда недоговаривают.

И когда просить приходится.

А мне придется.

Не за себя, но...

- Я видела, как ты... почти умер. И мне жаль.

- Не стоит. Это было очень давно.

- Тогда почему я видела?

- Любое событие оставляет следы. И чем оно... - дракон махнул рукой. - Чем оно ярче для тех, с кем происходит, тем след глубже. Драконы оставляют глубокий след.

- А твоя смерть - яркое для тебя событие.

- Кровь потянулась к крови.

Ясно. Ну дальше-то чего?

- Мой муж... - я сглотнула. Все одно ведь придется. И спрашивать, и просить. - Он умирает. Видишь? Это вот в... нем.

Темное.

- Вижу, - согласился дракон.

- Как это убрать?

- Никак.

- То есть, он умрет?! – я не согласна. Я... я не хочу! Не могу! Он не имеет права умереть! Может, я замуж выходила без особой радости, но теперь-то... теперь я точно знаю, что он не имеет права умереть и бросить меня!

Я... я попыталась представить, что вот его нет.

Просто нет.

Раз и...

И боль была настолько сильной, что сердце заныло. И раскололось. Пополам. И еще раз. А следом я сама, словно стеклянная, рассыпалась на тысячу и одну часть, чтобы собраться...

Собраться и выдохнуть столп пламени.

- Охренеть... еще один дракон!

Найджел Сент-Ортон, если и был будущим герцогом, то не до конца.

Чарльз успел отступить в сторону, хотя его все одно окатило пламенем. И пусть даже мир не настоящий, пламя было жарким. Наверное, в настоящем он бы вовсе сгорел.

- Нет, - сказал тот, другой дракон, улыбаясь. – Как ты можешь сгореть в её огне, когда он – часть тебя. А ты – часть её?

- Это образно?

- Это конкретно. Вы связаны.

Да. Точно.

Брак.

Старый храм. И клятва, на которую вдруг отозвались боги. И... какие боги?

- Творец многолик, - спокойно сказал дракон. – Когда-то давно нам было даровано право разделить свою жизнь и полет на двоих. И да, им пользовались... когда-то давно. Очень давно. Когда мир был юным, а драконы верили в любовь.

- И... что потом?

- Все стареет. И мир, и драконы, и вера... обряд не то, чтобы запретили, скорее уж не находилось желающих его повторить.

- Мы случайно.

- И такое бывает... тяжеловато идет, но это с непривычки. В полете нужна практика, - дракон следил взглядом за Мелисентой. – Вы оказались в нужном месте, а её кровь была достаточно яркой, чтобы зажглась искра. И тот, кто был до нас, услышал. Слова ли. Просьбу ли. Просто кровь... так что, человек, тебе повезло.

- Знаю. Стало быть... проклятье... меня не убьет?

- Будь она в полной мере драконом, точно не убило бы. На драконов проклятья не действуют. Такие во всяком случае. А так – сложно сказать. Но... - улыбка стала предвкушающей. – Я знаю, как можно проверить...

И дракон махнул рукой.

- Ближе, дети... подойдите ближе. Вы просили совета? И у меня есть, что сказать... поиграем?

Бал.

Эва не так себе его представляла. Совсем-совсем не так... дом тонет в огнях. Сад вокруг него украсили бумажными фонариками и в каждом горит свеча. И кажется, что сам этот сад полыхает.

Красная дорожка.

Смех.

Музыка доносится из распахнутых дверей. Слуги кланяются. Пахнет цветами и духами. Какое все...

- Прекрати, - Виктория рядом. – Не думай, иначе все испортишь.

Не думать.

Сложно не думать, когда тянет как раз думать! Но Эва пытается. Её взгляд скользит, пытаюсь зацепиться хоть за что-то.

Белый мрамор пола.

Малахит.

И зеркала. Зеркал как-то слишком уж много и из-за них холл кажется еще больше. Настоящий лабиринт...

- Леди, - им кланяются.

И объявляют.

Мама...

Не думать. Нет никого. Только Эва. И Виктория. Они похожи, впервые, пожалуй, с рождения. И зеркала подтверждают, хотя все одно Тори чуть бледнее.

И волосы темнее.

В них – тонкий веночек из живых цветов. На шее – нить жемчуга. А Эве досталась брошь. Платья у них почти одинаковые, ровно настолько, насколько это допустимо. Только Эвино – из бледно-золотого атласа, а у Тори – тафта, та молочная, с легким розовым отливом, который редко кому идет.

Но Тори – идет.

- Леди... - хозяйка дома появляется вдруг, едва не сталкивая на неправильные мысли. – Я счастлива видеть вас...

Голос её звонок.

И сама она удивительно красива. Настолько, что Эва даже почти забывает про... про то, о чем нельзя думать. Её губы шевелятся. Она что-то говорит этой великолепной женщине, в которую по слухам влюблен сам Император.

Или был влюблен?

Интересно, это правда? Если так, то Императрице должно быть обидно. Эва бы точно обиделась, если бы её муж...

- Молодец, - Тори сжимает руку, легонько так, и становится ясно, что она тоже боится. А это ведь почти невозможно?

Их окружают. Знакомые люди. Знакомые лица.

- Чудесно выглядите, - первой заговаривает Оливия, которая тоже хороша. И наряд ей к лицу. – Удивительно... столько было разговоров о вашей... болезни. А вы поправились!

- Мы тоже рады встрече, - Тори взмахнула веером.

Разговор.

Снова ни о чем. И он мешает, Эва пытается вслушиваться, но...

- Леди, - Найджел Сент-Ортон появляется из ниоткуда. И пора бы привыкнуть, но... Эва приседает, как и прочие. – Помнится, вы обещали мне...

Танец.

Кружится в танце легко, потому что Эва может позволить себе расслабиться, ведь все...

Нет, не может.

Но впервые, кажется, она не путается в собственных ногах. А это уже достижение. И если так, то... то стоит сосредоточиться именно на этом.

- У вас такое серьезное выражение лица, что мне право слово не по себе...

Как он может шутить вот так...

Или это и есть то самое воспитание, которого Эве категорически не хватает?

- Я просто ужасно боюсь споткнуться, - шепотом отвечает она. – Это будет до крайности неловко. А они все смотрят... особенно Оливия. Почему?

- Наши соседи. Мы знакомы довольно давно и, боюсь, леди решила, что это знакомство дает ей какие-то... надежды?

На что именно Оливия надеется, Эве понятно. И смешно. Глупая, разве не понимает она... хотя да, именно, что не понимает. Ведь со стороны если смотреть, Найджел Сент-Ортон – отличная партия.

- К слову, ваша сестра пользуется популярностью, - глаза Сент-Ортона чуть прищурились. – А этот тип, между прочим, весьма сомнительной репутации... Вествуд вообще игрок. У Нортифа уже есть семья... неофициальная.

- Да?

Аскольд Нортиф, что-то рассказывающий Тори, выглядел слишком молодым для семьи.

- И трое детей. Одни проходимцы кругом, - проворчал Сент-Ортон. – Вы предупредите её...

- Несомненно.

Кстати, запоздало до Эвы доходит, что музыка почти закончилась, а она так и не поняла, что именно танцевали. Впрочем, это не важно, потому что...

- Отец, - голос Найджела Сент-Ортона спокоен до отвращения. И выражение лица такое вот, идеальное. Ледяное. Мертвое. – Позволь представить тебе леди Эванору Орвуд...

Он красив.

Настолько, что ему и вправду только злодеем быть. С такой-то красотой. И надо же, впервые ожидания Эваноры не обманулись. Зато тем легче.

Надо сразу было представить себя героиней книги.

Присесть. Улыбнуться, отвечая улыбкой на улыбку. Смутиться, получив комплимент. И робко, глядя в пол, поинтересоваться, не будет ли господин Сент-Ортон столь любезен...

...он мог бы отказаться.

От танца.

От... от разговора.

Он мог бы просто не появиться. Но он пришел. И руку протянул, которая была холодна, хотя еще недавно Эва ощущала тепло прикосновения. Вот его сын был живым. А сам Сент-Ортон...

Не смотреть.

Не в глаза. Она... она глупая девочка, которая, как и многие другие глупые девочки, готова влюбиться. В лицо. В сказку. В собственную выдумку. Во что там еще они влюбляются. И когда он отвечает согласием, Эва вспыхивает.

Как... и должно быть.

Танец.

На сей раз музыка где-то вовне. И звучит, звучит... он ведет. Смотрит на Эву так, снисходительно, будто видит насквозь. А когда она все-таки спотыкается, не позволяет ей упасть.

- Дети, - качает он головой. – Какие же вы все-таки глупые дети... неужели действительно думали, что я куплюсь вот на это все?

Взмах рукой.

И музыка замолкает. Застывают люди нелепыми фигурками. Мрамор пола трескается, пропуская бледный дым. И Алистер Сент-Ортон оборачивается.

- Впрочем, так даже лучше...

Пальцы его стискивают руку. Вырваться бесполезно. Эва и не пытается. Только сжимает кулачок, пряча бледно-голубое перышко.

- Мой предок сумел стать собой, лишь преодолев границу мира, - вторая рука стискивает щеки. – И я пытался... но все никак. Со снами худо-бедно выходило... сны – это ведь врата, так?

- Да, - Виктория встала рядом. – Отпусти её. Тебе ведь нужна я, верно?

Люди-тени.

Люди-призраки. И сам этот зал, его тоже не существует, как и дома, и сада, наполненного светом китайских фонариков. Это лишь сон.

Тот сон, который он создал для Виктории.

И тот, который она сумела повторить. А еще тот, в который он пришел.

Ловушку на зверя надо ставить...

- Не совсем правильно, - пальцы разжались. И опять же, сон, но Эва чувствует на себе его прикосновение. И даже боль, потому что щеки он сжимал с силой. Как и руку. Разве во снах такое бывает? Хотя... сны ведь тоже случаются разные. – Мне нужны вы обе...

Щелчок.

И все меняется.

Зал... зал, но иной.

- Где мы? – Тори крутит головой. – Ну да... узнаю. Я это место видела. Во снах. Так?

Круглый.

Пол выложен черным камнем. А потому тонкие линии, залитые золотом, выделяются ярко. Они блестят в свете свечей, и пламя тех согревает воздух.

И камень.

Черный-черный, как... как из самой тьмы сделанный.

- И это сон, - спокойно говорит Тори. – Просто сон... сейчас тут появится Милисента.

Тень становится у стены.

- Чарльз Диксон...

Еще одна.

Тори же поворачивается.

- Братец... и Эдди.

Он возникает последним, и что-то вокруг неуловимо меняется. Но Эва не успевает понять, что именно.

- Да... еще не хватает женщины. Беременной... это сестра Диксона, да? Иногда я вижу и её. Иногда – нет...

- Обойдемся, - руку Эвы наконец отпускают. И она подносит её к губам, дует, пытаясь остудить след от чужого прикосновения.

А заодно раскрывает пальцы, выпуская перо.

Можно ведь и вот так...

Лети, лети... на край света и за край, туда, где в бледных туманах бродят потерянные души... услышат ли? Услышат.

- Еще не все. Еще Найджел... кстати, какового это, приговорить своего сына? Вы его совсем не любите? – Виктория держится спокойно. И это злит Сент-Ортона. Он и вправду думал, что она испугается?

Хотя...

Злость.

Злость им нужна. Злость отвлекает. А он должен отвлечься, потому что мир меняется еще немного.

- Хватит, - он обрывает Викторию. – Играй.

- А если я не хочу? – она склоняет голову на бок и ресницами взмахивает призывно. – Зачем мне это надо? Я ведь все-таки...

- Играй! – его голос гремит.

Он подобен грому.

- Ты же хорошая девочка... - голос Алистера становится вкрадчивым. – Или нет? Ты плохая... мы знаем, что ты плохая. Мы оба. Ты и я... ты подглядываешь в чужие сны. И в чужие жизни... тебя ведь тянет узнать что-то тайное, запретное? Смотри на меня.

И Виктория смотрит.

Глаза у него черные.

На белом лице. На лице, черты которого почти стерлись. И страшно, но в то же время Эва не способна отвести взгляда от этого лица.

- Я могу тебе помочь... твоя сила... необычна, удивительна. Но разве здесь её оценят по достоинству? Хоть кто-то... нет... они всегда мешали. Тебе. Приличия, приличия... тебе всю жизнь твердили о приличиях.

Его рука касается волос Тори.

- Смешная игра... как будто эти приличия и вправду что-то да значат.

- Разве... нет?

- Желания, девочка... только желания. А разве тебе никогда не хотелось убить их? Вот их всех... начиная с глупой бесполезной сестрицы...

Сволочь.

- Так попробуй... в конце концов, это ведь сон. Только сон... в нем все не по-настоящему.

Тори подняла дудочку.

Черную-черную.

Поднесла к губам.

- Зачем? – в последний момент она остановилась. – Зачем тебе нужно, чтобы я их убила?

- Это не мне нужно...

Ложь.

- Это тебе нужно. Чтобы стать свободной.

- Я и так свободна, - Тори пожала плечами. – А ты врешь. Не люблю, когда мне врут.

И ножкой топнула.

Черные волосы рассыпались по плечам.

- От тебя пахнет смертью, - сказала она, чуть поморщившись. – Но это ничего... так зачем? Впрочем, я знаю. Ты хочешь оживить дракона, верно? – и легкая насмешка. – Нет, в самом деле? Ты хочешь оживить дракона?

В какой-то момент Эве показалось, что он ударит.

Красивое лицо стало уродливым, будто выглянул изнутри кто-то до крайности отвратительный.

И настоящий.

Выглянул. И исчез.

- Умная девочка... ты мне нравишься. Я сделаю тебя Императрицей.

- Мне казалось, что у нас уже есть Императрица. И Император... и у него сын.

- Ему осталось недолго, - сколько самомнения. И даже удивительно. Он ведь умный человек. Глупый не сумел бы... и половины всего не сумел бы.

Заговор.

И эти вот... то, что он делает. Братство опять же.

Аукцион.

Он просто обязан быть умным. А он вот... ерунду всякую говорит.

- А как же Милисента Диксон? – Тори коснулась губами дудочки. – Ей тоже осталось недолго?

Алистер поморщился.

- Женщины все же довольно примитивны... к чему эта глупая ревность? Любить я буду только тебя.

И главное, даже не удосужился сказать это с чувством. Все же книжные злодеи хоть немного старались. А этот...

Он протянул руку.

Коснулся лба Виктории, проведя на нем линию.

- Вот так, милая...

Виктория замерла.

- ...определенно, так будет лучше, а то говоришь ты слишком много, - вторая линия, вертикальная, пролегла через лоб к носу и по нему до губ, разделив лицо на две части. – А теперь, будь добра...

Его воля была тьмой.

Беспросветной.

Неподъемной. Она упала на плечи, и Эва вдруг поняла, что не способна пошевелиться.

- Играй... играй и разбуди, наконец, этого чертового дракона.

Глава 49 Где каждый получает желаемое

Глава 49 Где каждый получает желаемое

Это было невыносимо.

Смотреть.

И ждать.

Ждать и смотреть. Держать чужой сон, который получилось воплотить в жизнь и даже красками наделить. Да что там, краски, Эдди сам едва не поверил, что все реально.

Прав дракон.

На изнанке возможно многое. И заблудиться легко...

- Стой, - Милисента удержала. – Нельзя. Ты... ты слишком другой. Будешь выделяться. И я тоже.

Её пальцы дрожали.

И сама она тоже дрожала, а платье, совершенно удивительное – ей ведь не шли платья, ну, кроме этого – то и дело вспыхивало. И тонкие нити огня ползли по шелку, правда, не разрушая его.

Ждать.

Алистер придет.

Он не может не прийти. Он слишком самоуверен. И любопытен. И еще полагает себя хозяином положения. А потому откликнется.

- Знаете, даже если я все одно сдохну, - Найджел Сент-Ортон выпрямился. – Это того стоило... а еще я дракона видел.

Сказал и сделал шаг, разделяющий изнанку от... сна?

Или все-таки мира?

Чего-то третьего?

Представление продолжалось.

Танец... и почему-то злит. Нет, Эдди все прекрасно понимает. И что Сент-Ортон нужен, и что все это... игра. Просто игра. Для одного зрителя. Но злит.

- Вот будешь дальше зевать, точно уведут. Не этот, так другой... с такую же благообразною рожей, - заметила Милисента и прищурилась. Глаза её сделались желты, что мед.

Ответить Эдди не успел.

Да и что отвечать. Разве что... хрена с два. Не отдаст. Он... он просто беспокоится. Это нормально. Эванора хрупкая и нежная. Ей

там вовсе не место, но одну Викторию отпускать было бы вовсе неправильно. Да и сама Эванора сказала:

- Мне нужно с ним встретиться.

И так сказала, что даже Бертрам не решился спорить. Он стоял, сцепив руки за спиной, чуть покачиваясь взад и вперед. И взгляд его напряженный был направлен вовсе не на картинку.

На сиу.

На треклятого сиу, который сидел на корточках и что-то рисовал то ли на камне, то ли на тумане. Медленно, с полной сосредоточенностью. Темные пальцы держали клинок так, что рукоять его упиралась в ладонь. И по ней стекали темные ниточки крови.

Что за...

Сиу поднял глаза и качнул головой.

Не вмешиваться? Не дело Эдди? Пускай. Сиу рисовал. Вставал. Делал шаг в сторону. Садился и продолжал рисовать.

А там, в выдуманном мире украденного сна все изменилось. Исчезла бальная зала, появилась очередная пещера, правда, в этой Эдди, кажется, еще не бывал.

Эва тут.

Виктория.

И Милисента делает шаг, ступая на тропу.

Следом за ней Чарльз.

И сам Эдди.

Орвуд...

А вот мальчишка-сиу так и остается сидеть на корточках. Он кажется всецело увлеченным рисунком.

...играй, - этот голос донесся сквозь толщу породы, что опустилась на плечи Эдди.

Силен.

Засранец этакий... Алистер и вправду силен. И Эдди дернул шеей, потянувшись к дудочке. Рука почти не слушалась.

Что за...

Нет, Эдди справится... он ведь потомок дракона. И должен... он все придумал.

Всех собрал.

Привел.

Дрожащий робкий звук разрушил тишину пещеры. И второй. Третий. Виктория Орвуд, может, и не была шаманом, но играть она умела.

Музыка... завораживала.

И Эдди с трудом заставил себя очнуться. Вот так... и помочь. Дракон? Будет ему дракон... даже не один...

На плечо опустился синий зимородок. Нарядный, как драгоценный камень... надо будет подарить ей что-нибудь... синее и зеленое.

Сапфиры?

Или изумруды?

Или...

Вдохнуть получилось. Выдохнуть тоже. И подхватить чужую мелодию. На плече тихо засвистел зимородок. И голос его был частью новой песни. Той, которую нынешний мир еще не слышал.

Эта песня прорастала в туманы, будоража их.

И память.

И дрогнули стены пещеры, раскрываясь. А потом вовсе исчезли, как оно бывает только во снах да бреду. Небо налилось синевой.

Сквозь пол проклюнулась трава.

И море заворчал, не сердито, скорее предупреждая, что недовольно. Что есть такие глубины, в которые не стоит заглядывать любопытным детям.

Любопытным взрослым – тоже.

А вот и дракон появился.

Все-таки они донельзя самолюбивые твари. Эхтанон парил в вышине, где-то там, где рождались облака. И с каждым кругом опускался ниже.

И ниже.

Он явно красовался, позволяя человеку разглядеть себя во всем великолепии. И чешуя его белоснежная блестела как-то слишком уж ярко.

- Позер, - проворчала Милисента. – Нет, ну мог бы уже поторопиться, что ли...

Говорила она очень тихо. И Эдди фыркнул, едва не сбившись. Дракон опустился на землю, сложив крылья за спиной. Вот все же еще

одна несуразица. Тварюга сама по себе здоровенная, но при этом умудряется выглядеть изящною, едва ли не хрупкой.

- Они... существуют, - выдохнул человек. – Умница, девочка. А теперь замолчи.

Тори спокойно убрала дудку и чуть склонила голову на бок. Ей, пожалуй, тоже было интересно.

- Великолепен... куда как великолепен, - пробормотал Алистер Сент-Ортон. А потом выкинул вперед руку с растопыренными пальцами. – Подчинись!

Тьма его хлынула к дракону, оплетая зверя.

- Я... волей своей... повелеваю духу... зверя...

И громко так. С выражением.

- Все-таки он идиот, - произнесла Милисента, причем довольно громко. – Нет, ну правда же идиот...

Алистер обернулся.

А дракон вздохнул. Тяжко так, по-человечески.

Наверное, все должно было дойти до определенной точки безумия.

Как иначе?

Мир, который словно тот, другой, но иной. И не понять, в чем отличие, только не оставляет ощущение, что все вокруг ненастоящее. Кроме Чарльза вот.

Милисенты.

Остальных.

И дракона. Дракон, пожалуй, выглядел более чем настоящим.

- Повинуйся... - потребовал Алистер Сент-Ортон снова и... фигура его пошла рябью. А потом рассыпалась, исчезая.

Проклятье.

- Он сбежал?! – возмутилась Виктория Орвуд. – Нет... это... он в самом деле и...

- Недалеко, - дракон пыхнул туманом, который вновь изменил все.

И берег знакомый.

И песок. И мальчишка-сиу все так же сидит на корточках, разглядывая вырезанный на камне круг. Круг, который Чарльз где-то видел, но... главное, не сам круг, а тот, кто в нем.

- Уйти хотеть, - сказал мальчишка, разгибаясь. – Я не дать.

Он побелел.

И стал почти прозрачен.

- Хитрый зверь. Хитрый ловушка. Поймать.

- Осторожно, - Эванора Орвуд, снова сменив обличье – Чарльз даже стал привыкать к переменам – бросилась к нему. – Ты же... ты же совсем... Эдди...

- Надо, - сиу оперся на её руку. – Здесь писать. Можно. Кровь. Надо.

И руку раскрыл. На ладони черной звездой зияла рана, да и знакомый нож сделался черным, как она. Правда, теперь Чарльз в жизни не рискнул бы прикоснуться к этому клинку.

- Теперь не уйти, - произнес сиу с чувством глубокого удовлетворения. – Я знать его. Плохой человек.

- Очень, - Эванора держала мальчика под руку. А Эдди встал по другую.

- Он приходит. К хозяин. Брат. Мучить. Силу тянуть. Говорить, во мне много. И платить. Он хотеть купить совсем, но хозяин нет.

Алистер Сент-Ортон ходил вдоль круга. Тот вышел довольно большим, шагов пять в поперечнике. И судя по всему прочным.

- Вы... - он остановился на границе. – И что вы теперь собираетесь делать?

А и вправду, что?

- Судить, - Эдди набросил на плечи мальчишки куртку.

Тоже вот... мир не настоящий, и куртка, и все они... но почему-то показалось правильным.

- И в чем меня обвиняют?

- В убийствах, - спокойно ответила Милисента. – В издевательствах.

- В изготовлении запрещенных проклятий, - Бертрам Орвуд встал рядом.

- В покушении, - Чарльз пожал плечами и пояснил. – Все-таки я пока жив, так что формально убийства как такового не было.

Алистер рассмеялся. Громко так, заливисто.

- У вас... и доказательства есть?

- Свидетели.

- И кто будет свидетелем?

- Я, - Найджел Сент-Ортон подошел к самой границе. – Я ведь многое видел, отец... девушек, которых привозили в наш дом. Куда

они потом девались? В подвалы... там такие глубокие подвалы. Ты брал меня в них.

- Ничтожество.

- Пожалуй, что да.

- Трус. Предатель. И ублюдок.

- Это ты зря, мама всегда была тебе верна. А вот что трус, так это верно. Не будь я таким трусом, давно бы доложил, но... как же... предать родного отца. И что взамен? Ты меня проклял. И помнишь, каждое утро напоминал, что я жив только потому, что ты позволяешь жить.

- А теперь ты сдохнешь.

- И это не самый худший вариант. Я уже не боюсь. Главное, что и тебя не станет. А мама будет свободна.

- Свидетель предвзят, - хмыкнул Алистер. – Раз уж вы играете в суд... кстати, а судья кто?

- Я, - Эхтанон вышел вперед.

- И кто ты такой?

- Дракон. Ты ведь хотел дракона?

- Дракон...

Алистер медленно движется вдоль границы круга. Проверяет на прочность? Несомненно. Чарльз бы на его месте так бы и поступил. Вступил бы в разговор. И желательно, чтобы тот длился подольше, а пока идет беседа, прощупал бы ловушку.

Слабое место должно быть.

Слабое место есть всегда.

- Извини, но как-то слабо верится...

Дракон сменил обличье.

- А так?

- Так... пожалуй что, хотя, конечно, мир здесь таков... мир снов и грез. И возможностей. Отчего бы в нем человеку и не стать драконом? – легчайшее касание и воздух вспыхивает. Алистер же убирает руку. – Что ж... какая разница, верно? Пусть будет дракон. В легендах они – мудрые создания... никогда не верил легендам.

И снова огненный росчерк в воздухе, словно алая рана, из которой льются огненные капли, чтобы истаять.

- Но допустим, что ты и вправду древний мудрый... дракон. Тогда и суд тоже справедливый. А если он справедлив, то... у вас ничего нет.

Слова моего сына? Обиженного мальчишки, который не оправдал надежд?

- Дети и не обязаны оправдывать надежды.

- Ну да... конечно. Но... есть ли еще свидетели?

- Есть, - Эванора Орвуд вышла вперед, а Эдди положил руки на её плечи, то ли поддерживая, то ли просто обозначая свое присутствие. – Есть...

И руку подняла.

Меж сомкнутых пальцев её появилось перышко. Яркое, синее, такое, словно выточенное из драгоценного камня. А потом оно засветилось.

Вспыхнуло.

И осыпалось пеплом, белым-белым. И главное, перышко крохотное, а пепла много. Он поднимается, кружится в воздухе, и множится, множится. Куски пепла тянутся друг к другу, слепляясь в девушку.

- Что за... - Сент-Ортон сделал шаг назад. – И кто это?

- Нэнси, благородный господин... меня звали Нэнси. Или еще Нэн. Помнишь, ты купил меня? Мне сказали, что сорок монет вывалил... состояннице. Обещался любить и беречь, да только я ж не шлюха...

Она была красива той диковатой красотой, в которой равно сошлись грубоватые черты и сила, что чувствовалась в женщине.

- Ты меня зарезал.

- Я её не помню...

- Зато я помню, благородный господин. И ты помнишь. Я ж тебе руку проткнула. От тут, - она провела пальцем по своей ладони. – Ты еще заверещал... и убил. Шею свернул. Помнишь?

Лицо Сент-Ортона скривилось.

- Эта шлюха стащила клинок из лаборатории...

- А я помню... это было лет пять тому, - сказал Найджел. – Ты сказал, что порезался, что... и рана еще плохо заживала. Целитель...

- Заткнись!

- А меня помнишь? – вперед вышла девушка столь тонкая и хрупкая, что казалась она вовсе прозрачной. – Помнишь? Как ты обещал мне новую жизнь. И свободу... я ведь долго умирала. Так долго...

- Лили, добрый господин. Лили я, - женщина невысока и кряжиста, на ней простое платье и красный фартук. – Вы сказали, что кухарка надобна...

- Эмили...

- Сивилла...

Они выходили, одна за другой. Вставали напротив Алистера Сент-Ортона и говорили, говорили... их было так много, что Чарльз даже испугался, что никогда-то они не закончатся.

- Хватит! – Сент-Ортон не выдержал первым. – Я понял... вы собрали всех обиженных потаскух, кого только нашли. Да ни один суд в здравом уме не поверит им. Никому...

Он выдохнул.

Вдохнул.

А потом всею своей силой обрушился на невидимую стену. И тьма заполонила круг. Она поползла, завиваясь, карабкаясь выше и выше. И в месте соприкосновения её и воздуха, тот вспыхивал. Огонь расплзался, рождая руны, а те цеплялись друг за друга.

Показалось, что Чарльз слышит треск.

И огненная ловушка вот-вот треснет.

- Отдай мою силу, - сказала девушка с рыжими волосами и лицом, густо покрытым оспинами. Она протянула руку и, преодолев огонь, коснулась тьмы, чтобы вытащить из ловушки клочок её.

- Отдай... - протянула руку Эмили.

- Отдай, отдай, отдай...

- Знаешь, - Милисента отвернулась. – На некоторые вещи лучше не смотреть.

Вопль Алистера Сент-Ортона сотряс небеса. И Чарльз поспешно последовал примеру жены. Но... слишком поздно. Он увидел. И теперь вряд ли когда сумеет забыть.

Полупрозрачные руки, наполненные огнем, раздирающие тьму на клочки.

Уши бы заткнуть, но...

Тишина воцарилась вдруг. Она была вязкой и тяжелой, как кисель. И в ней Чарльз слышал, как ухает его сердце. А еще не только его. Он обнял жену, которая даже здесь была реальна. И коснулся губами волос.

Так и стояли.

- Он... еще жив? – дрожащий голос Эваноры Орвуд заставил обернуться.

- Вполне. Душу крайне сложно уничтожить, даже такую гнилую, как эта, - Дракон подошел к самой границе круга, в котором, сжавшись в клубок, сидел старик. Он был страшен и уродлив.

Седовлас.

Одноглаз.

И криворот. Но ненависти, что горела в единственном его глазу, хватило бы, чтобы уничтожить мир.

- Думаете... - старик с трудом поднялся. – Думаете... вы победили? Нет... вы все сдохнете... ты, Диксон... мое проклятье ведь осталось. А я могу его снять.

- Нет, - Бертрам Орвуд поглядел на Чарльза и отвернулся. – Извини... мы пытались, по-разному... но это конечное проклятье. Оно и создавалось таким, чтобы снять никто не мог. Даже создатель.

Что ж, чего-то подобного Чарльз и ожидал.

Пускай.

Умирать – не страшно. Теперь не страшно. Жаль только, многого не успел... и шубу не купил, и в целом. Мама еще расстроится.

- Это они не могут! А я могу, могу... чистоплюи. Некроманты-чистоплюи, - старик мерзенько захихикал. – Дело в цене... я готов заплатить. А они нет. Но... могу... хочешь, докажу?

- Нет.

- Я бы мог тебя вознести... сделать избранным... первым среди равных. Диксоны ведь древний род, а твоя женушка и вовсе императорских кровей. Удачное стечение обстоятельств... или вот ты, сыночек. Ты же сдохнешь. В тот момент, когда остановится мое сердце.

- Оно может биться довольно долго, - произнес Эдди. – Что? Он будет тут, тело там. Пусть себе живет. Главное, уход обеспечить.

Ругаться Сент-Ортон умел. И выражался от души. Впрочем, недолго. Он с нехарактерной скоростью метнулся к другой части круга.

- А ты? Орвуд-младший... твой папаша не был таким вот... знал бы ты, чего он делал! – Сент-Ортон прищелкнул языком. – Я вот знаю!

- Тот сумасшедший, в пещерах, это кто-то из старого братства?

- А? Да... сумасшедший... одержимый... мой отец когда-то помог ему спастись. Несправедливо. Весьма, весьма... идеи общие, а потом кто-то трусит... ты сын труса.

- Он совсем свихнулся, - заметила Милисента.

- Он всех предал. Он... а несчастный Баки лишь чудом уцелел. И двинулся головой... - смех был твякующим, нервным. – Но он умел производить впечатление. И да, идеи... чудесные идеи... убрать всех, в чьих жилах течет дурная кровь, освободив мир для тех, кто по-настоящему заслуживает жизни. И ведь казалось, что мы близко, да... близко к тому самому открытию... и ждали... годы ждали, что вот еще чуть-чуть и он найдет способ... отделить ягнят от козлиц, но он просто ненормальный. Сколько вокруг ненормальных.

Вот и Чарльз к такому же выводу пришел.

- Но я могу открыть тебе тайны! Великие тайны! Путь истинной тьмы...

- Спасибо, я уже как-то...

- Да, да... повезло... родился некромантом.

- У меня другие представления о везении, - сухо ответил Орвуд. Но безумец лишь отмахнулся. Он застыл в центре круга, прикрыв глаза. И чуть раскачивался, влево и вправо.

- Кто я... человек высший... избранный... тот, в ком нет страха... не скованный путами, что набрасывает на нас общество. Воистину свободный! Великий...

- Величай некуда, - Тори поежилась. – Нам... надо бы назад. А то как-то тут неуютненько.

- ...способный видеть будущее! Создать новую расу! Высших людей...

- Надо бы, - согласился Эдди. – Живым тут не место.

- Погодите, - Чарльз тоже не отказался бы уйти, чем дальше, тем сильнее он чувствовал холод. Иной, потусторонний, проникающий внутрь. – А с ним что?

- Тут останется, - дракон снова стал змеем и осторожно улегся рядом. Хвост его протянулся вдоль нарисованной сиу границы. – У меня давно не было игрушек. А тут как-то тоскливо...

И улыбнулся во всю пасть.

Ну да... в конце концов, каждый получил, чего хотел. Алистер получил своего дракона. Дракон – Алистера...

- Нужны имена. Членов клуба, - Бертрам Орвуд сохранил способность мыслить здраво. И подробности заговора... да и в целом допросить его не мешало бы.

Правда сказал и замолчал.

Оно и понятно, допрашивать сумасшедших – еще то удовольствие.

- Пусть этот твой... из канцелярии и допрашивает, - проворчала Милисента. – Он все затеял, он и расхлебывает. Главное, чтобы не сбежал.

- Не сбежит, - дракон устроил голову на лапах. – Мальчик постарался. Редко у кого получается вплести кровь в ткань мироздания... теперь пока мир существует, будет и это место. А души так и вовсе вечно живут. Но вы и вправду идите. А мы тут побеседуем... о высших созданиях, совести и прочих жизненных пустячках.

Он повернулся и дунул.

И жар дракона окатил Чарльза с ног до головы.

Глава 50 Где вновь же появляется дракон

Глава 50 Где вновь же появляется дракон

Эванора почему-то плакала.

Она не хотела.

Да и к чему слезы? Ведь все получилось... наверное, получилось... а она вот сидит и плачет. Причем только левым глазом. И от этого тоже обидно, потому как ладно, к тому, что глаза краснеют, она привыкла, но теперь красным и наплаканным будет только левый.

От этой мысли слез становилось только больше.

И еще руки дрожали.

- Сил много ушло, - эти руки обняли. И Эдди подул на них, согревая окоченевшие пальцы. – И вообще это была безумная идея.

Но ведь получилось?

- Получилось, получилось, - проворчал он. – Слушай, если он будет и дальше так на тебя пялится, я ему челюсть сверну.

Это он про кого?

Про... Найджел Сент-Ортон сидел, скрестив ноги, и покачивался. А потом взял и начал на бок заваливаться. Впрочем, Тори тут же подперла его.

- Сиди ровно, - просипела она. – И вообще...

- И-извините, - Сент-Ортон попытался сесть. – Просто это... в голове не укладывается. На самом деле. Я... это ненаучно! И невозможно.

- Заткнись уже, - проворчала Тори.

- И после всего вы обязаны на мне жениться... то есть выйти замуж. Я про нее, - Найджел оказался парнем сообразительным и указал на Викторию. – Сэр, я... прошу руки вашей сестры... то есть, попрошу... когда сумею на ноги встать.

- Знаешь, не факт, что сумеешь, - Виктория прищурилась. – Я вот замуж не хочу...

Эва почему-то хихикнула.

- И вообще, ты меня не знаешь...

- Да. Это нужно исправить. Сперва объявим помолвку. Лет трех хватит, чтобы узнать друг друга. Или четырех. Я буду...

- Там заговор, между прочим, остался, - как-то печально заметил Бертрам. – И заговорщики. А еще сопричастные, сочувствующие и просто те, кто знал... обо всем знал.

Он все-таки сумел подняться, хоть и кряхтел, как старик.

- Покушение на Императора и наследника, - продолжил он. – И сомневаюсь, что... что-то сильно изменилось. Отец дал бы знать. А раз нет, то...

Проклятье осталось.

Эва видела его, когда рискнула посмотреть на Чарльза Диксона. А значит...

Она не знала, что это значит, но ничего хорошего.

Милисента тоже разогнулась с кряхтением и стоном.

- Ощущение, что мне лет сто, не меньше... и спину ломит, и... тело ломит. Все тело ломит.

Она икнула.

И выдохнула.

Дым...

- Кровь, - тихо сказала Эва, прикусив губу. – Он... он там говорил, что... что кровь дракона способна излечить. От любой болезни.

Она сжала руку Эдди, ища поддержки.

- И если так, то... то надо лишь стать драконом.

Да, прозвучало не слишком внятно.

- Там же ты смогла! А тут... тут – как там! Тем более сейчас...

Милисента огляделась.

И оперлась на руку мужа.

- Что? – сказала она. – Других идей у меня все одно нет.

И ни у кого.

Эва прикусила губу.

Получится. Должно получится, потому что... потому что так правильно! И если бы... если бы Эва могла помочь, она бы помогла! Она бы отдала все, что угодно, чтобы у Милисенты получилось.

- Ты... вспомни, как оно там было, - посоветовал Эдди и смолк под мрачным взглядом.

- Сыграй лучше, - попросила она. – Если, конечно, силы есть...

На доньшке.

У Эвы самой всего-то капля. Но пускай. И она готова отдать её. Просто взять и отдать, ничего не попросив взамен. Для этого

мужчины.

Если ему нужно.

Виктория молча достала дудку. А потом покосилась на Сент-Ортона и велела:

- Ближе давай. Что? У него еще проклятья чуток осталось. А они сытные... ну, не в том смысле, просто... просто сила. И ты, Берт. Только если вдруг... ну, не геройствуйте, ладно?

Эдди молча притянул Эву к себе.

И прижал.

Тепло-тепло стало, будто Эву и вправду крылья обняли. Она закрыла глаза. Пусть у нее и нет волшебной дудки. Но она тоже что-то да может.

А музыка... музыка бывает разной.

Ничего не получится.

Это... это же бред. Да. Там, на изнанке, ладно. Там можно хоть драконом, хоть зимородком, хоть конем его Императорского величества. А тут же все другое.

Настоящее.

Только... отступиться?

Сказать, мол, извини, не вышло? Я так не могу.

- Все хорошо, - Чарльз улыбнулся. А я... я в ответ. – В конце концов, я сам виноват.

Он?

Да ни хрена подобного!

Дудка гудела, как ветер. Тот самый ветер, что бывает где-то там, над вершинами гор. Что гуляет невозбранно в вечной черноте, что добирается до звезд, а может даже облизывает горячий шар солнца.

Я помню его.

И сны тоже помню. И драконов.

Они ушли.

Бросили.

Или... нет?

Шаг.

И взмах руками. Чувство такое, что... на дуру я похожа. Человек и в дракона... ладно тогда, в древности, драконы ведь настоящие. Но я – это не они. Я и на леди-то не больно тяну, а уж драконы...

Смех в ушах.

И будто голос.

Шепот.

Ну же, ты такая неуклюжая... такая некрасивая. Неудачненькая. Такая, которое самое место в глуши, где ты вполне за женщину сойдешь. Все одно других нет.

Нет.

Не слушаю. Уж лучше ветер. Он помнит, как поднимал меня. И как дразнил. А я помню, как болели крылья. И что воздух – коварная стихия... музыка звучит.

Я сумею.

Я...

Слабая?

Пускай.

Не слишком красивая?

Тоже правда. Но это на самом деле ничего не значит. Я ведь люблю, и боги нас связали. А значит должны, обязаны и...

И если его не станет.

Его...

Чарльз стоял. Просто стоял, сунул руки за пояс. Улыбается. Только бледный-бледный и темноты внутри столько, что у меня самой в глазах темнеет. Эдди тоже бледен, но продолжает играть, притворяться ветром. Эва держится за него. Или держит.

Пусть... пусть хотя бы у них сложится. Чтобы долго и счастливо. Всенепременно долго. И обязательно – счастливо... Тори... ведьма. Не люблю ведьм, но ей обязана.

Сент-Ортон. Краше в гроб кладут, и все одно злюсь на него. Но это – иррациональное. А рациональное... я подхожу вплотную к мужу. И гляжу в его глаза. В такие родные, такие...

А сердце разрывается от боли.

И тело тоже спешит осыпаться битым стеклом, высвобождая все то пламя, которое собралось внутри. Вдох. Выдох... и его окружает белоснежный огонь, яркий до того, что даже у меня наворачиваются слезы. Окружает и стекает...

...с чешуи?

С чешуи, мать его?

Я успеваю удивиться, когда чувствую, что...

- Охренеть... - Найджел Сент-Ортон смотрит снизу вверх. – Драконы... они оба – драконы!

И ветер зовет погулять.

Я...

Я кричу.

От боли. И просто потому, что могу. А что драконий рык мало на речь похож...

- Надеюсь, они нас не сожрут...

Смешной.

Я поворачиваюсь не к нему, а к тому, другому... он ярко-ярко синий, словно покрыт драгоценными перышками зимородка. И кажется, еще не понимает, что происходит.

Никто не понимает.

Кроме того, что мы связаны. От сотворения мира. От... от слов, неосторожно произнесенных в старом храме. От крови, которая стала даром.

И то, чем бы они ни было, тенью ли творца, божеством ли, чем-то совсем-совсем не понятным, стало свидетелем клятвы.

Я рыкнула.

И щелкнула зубами перед драконьей мордой, заставив Чарльза податься назад. А потом выдохнула пламя. Снова. И оттолкнувшись от земли, расправила крылья.

Громкий рев сотряс землю, подстегивая. Ну же, выше.

И быстрее.

Туда, к ветру, который звал погулять. К небесам. К миру, который удивителен, а главное, что огромен. И в нем точно хватит места для двух драконов.

Эдди успел отпрянуть, когда тяжелая драконья туша с неожиданным изяществом оторвалась от земли. Распахнулись крылья-паруса. Запахло раскаленным металлом...

- Это напрочь ненаучно, - произнес Бертрам. – Они слишком велики для полета. Тяжелы. И вообще как он крылья-то распахнул?

- Вернется и спросишь, - Эдди опустил дудку.

Сил не осталось.

Точнее осталось что-то. Чтобы стоять. Смотреть на небеса, в которых кружились два дракона, поднимаясь выше и выше.

- Теперь... как понимаю... проклятье ему не грозит? – уточнил Сент-Ортон, во взгляде которого восторг мешался с вполне понятной завистью.

- Тебе тоже, - Виктория Орвуд отерла дудку. – Я его окончательно... того.

- Тогда вы тем более обязаны выйти за меня замуж.

- С чего бы?

- Вы меня спасли!

- Я не нарочно.

- И лишили любимого проклятья... я к нему, можно сказать, почти привык...

- Знаешь, - задумчиво произнесла Эванора. – Заносчивым засранцем он нравился мне как-то больше. Ой...

- Согласен.

- Я и другое повесить могу! – предупредила Виктория.

- Это будет не таким любимым... но я согласен.

- На что?!

- На все!

- Бертрам! Он ко мне пристаёт...

- Я с серьезными намерениями!

Балаган.

Полнейший.

И драконы в придачу... и главное, спрятать их не выйдет. Ишь, носятся... Милисента вроде как убегает, но не так, чтобы совсем уж убежать. Она тоньше. Изящней. И какая-то хрупкая, что ли. Почти как та женщина, которую Эдди держал.

Держал и выпускать не собирался.

Он перевел взгляд на макушку. Волосы опять растрепались, и в прядках запуталось перышко. Синее и яркое. Настоящее.

- Станешь моей женой? – тихо спросил Эдди.

Она вздрогнула и обернулась.

- Правда... я не сказать, чтобы хороший вариант. И ты наверняка можешь найти кого-нибудь получше, но...

- Дурак. Шаман и дурак – плохо, - мальчишка сиу, до того сидевший настолько тихо, что про него Эдди и вовсе запомнил, распрямился. – Руку. Дай.

Эдди протянул.

И костяной клинок вспорол кожу.

- Ты. Тоже. Если захотеть.

- Это не обязательно... - с руки катились капли крови. На траву. И кажется, Эдди понял... и не только он. Эва также молча протянула ладошку. И не поморщилась, когда клинок отворил кровь и ей.

- Вот так... - сиу вытер древний артефакт пучком травы и сунул за пояс. Вот кого другого Эдди предупредил бы, что и порезаться недолго.

Эдди сжал ладошку.

И осторожно поцеловал.

- Я... согласна, - тихо произнесла Эва.

Не ему, кому-то, кто смотрел на них с той стороны, кому-то несоизмеримо более древнему, чем Эдди, некромант и драконы. И даже тот, что остался на изнанке.

- Я согласен.

И их услышали.

Он... ощутил присутствие. Да и не только он. Тихо и тяжело вздохнул Бертрам, заметив:

- Император будет недоволен.

В задницу Императора. И вообще...

В поднебесье на фоне черного-черного неба распустился огненный цветок. Это было даже красиво...

- И отец... матушка... к слову о матушке, клятвы клятвами, но от нормальной свадьбы вы не отвертитесь.

Пускай...

Глава 51 Предпоследняя

Глава 51 Предпоследняя

Две недели спустя

А платье было красивым.

Еще лучше, чем там, в мастерской. Не знаю, что уж с ним сделали, но шелк будто ожил. Он мерцал, переливался и даже я сама начинала казаться себе красивой.

Особенно если смотреться не в зеркало, а в глаза моего мужа. Правда...

- Да я проголодался, - Чарльз поспешно сунул за щеку кусок шоколада. – Это... долго так будет? У меня такое чувство, что я только и делаю, что ем! Ем, ем и ем...

Ну да, дракона прокормить нелегко.

Но он пытается.

- Не знаю, но нам уже пора, - я провела ладонями по юбке. И вовсе я не боюсь. И не дрожу. И...

- погоди, - он вытер руки платком и вытащил из кармана мешочек. – Я... надо было бы в шкатулку, чтобы сообразно статусу и все такое, но только вчера Эдвин принес. В качестве извинения.

Извиняться эта сволочь высокородная будет еще долго.

Ну...

Нет, я уже не злюсь. Не настолько, чтобы хотелось стукнуть его по белобрысой макушке, но и не так, чтобы совсем уж простить. В конце концов, он Чарльза во все это втравил.

На цепочке смутно знакомой, удивительно тонкого плетения, висел камень. Крупный камень. Ярко-красный. Ограниченный в форме сердца. Сила внутри него билась, дрожала огоньком, отчего казалось, что камень этот пульсирует, как самое настоящее сердце.

- Это... это, погоди... откуда у него... я ведь помню! Не камень, а цепочку.

- Ну... скажем так, его визиты на ту сторону дали свои плоды.

В этом я не сомневалась. Безумец, дракон и дознаватель-менталист. А, и пара шаманов, которые его туда-сюда провожают, заодно уж пользуюсь удобным случаем побыть вместе.

До свадьбы видите ли неприлично...

Ладно, не о том.

- Алистер продолжает называть имена. И не только их... это вернули. Не все, малую часть.

Из тех игрушек, что Эдди отдал на аукционе. Ему бы отдать.

- Он сказал, что наша доля, - теперь Чарльз научился угадывать меня без слов.

А я его.

Иногда это пугало, но...

- Красивый.

- И большой. Много влезло, - Чарльз отправил за щеку еще кусок шоколадки. – Выбросов у меня вероятно не будет, но структура...

Нестабильна.

Знаю.

Шелтон... в общем, он, кажется, таки сделал что-то крайне полезное для науки и мира, описав процесс превращения в дракона. И обратно. Он даже от меня требовал в записи вникнуть на предмет их правильности. А у меня от одного вида этих формул зубы заломило. И вообще, я дракон, а не математик. Я просто превращаюсь...

Ладно, не просто.

После того раза так и не вышло, хотя я и пыталась. Честно. И Чарльз пытался. И Профессор уверен, что дело исключительно в нехватке внутреннего запаса энергии. Что вот как только нехватка восполнится и источники стабилизируются, мы опять превратимся.

Не скажу, что очень уж тянет, но...

...кровь дракона и вправду на многое способна. А вот в человеческом обличье уже не то.

- ...я пока справляюсь.

А то.

Камней драгоценных набралась целая горка, причем в последний раз Чарльз просто взял горсть мелких алмазов и слепил в один. Большой. Очень большой.

А потом удивился.

Я тоже удивилась.

Хотя... вспоминая сапфир...

Камень коснулся кожи. Теплый, горячий даже. И пламя в нем чувствую, как свое. Впрочем, мое и есть. Наверное, будь я настоящим драконом, все бы произошло не так. Но... почему бы и нет?

- Как там Августа? – поинтересовалась я, поглаживая камень.

- По-прежнему...

Ну да, родить-то она родила, правда, не в тот день, когда ей было предсказано, а на два раньше, причем девочку, отчего решила, будто это коварный Чарли ребенка подменил. При том, что в это время он находился в десятках миль, но... сумасшедшей что докажешь?

- Доктор дает ей успокоительные... но, боюсь, это уже навсегда.

Я кивнула.

- Матушка вчера была... ездила показать Лотту.

Шарлотта – красивое имя. Для девочки.

- Но...

- Что-то пошло не так?

- Августа на них напала. Притворилась, что... даже Никса ей поверила.

Странное дело, да. Сент-Ортон там, на изнанке, заговорщики – кто где, но большей частью в подземельях, благо под дворцом тоже имеются, а слуги остались. Их осматривали. И целители, и профессор, и менталисты тоже. Да и Орвуды. Бертрам и сказал, что там что-то с мозгом. Его локально разрушили и закрепили внушение.

А менталисты внушение подкорректировали, потому что жить без хозяина эти люди уже не могут. Орвуды всех почти и забрали, а кого нет, тех профессор. Слуги-то идеальные, а что двинутые чутка, так это уже почти и норма.

Никса вот осталась. Чарли не слишком обрадовался, но и спорить не стал.

Сестрице повредить боялся.

А она...

- Расстроилась? Матушка твоя?

- Скорее испугалась. Августа ведь... после родов дар развернулся в полную силу. Она огнем и ударила. А твой камень защитил. И её. И девочку. А там уже и Никса подросла.

Хреново.

Но молчу. Как-то даже виноватой себя чувствую. И не только я. Чарли вон весь извелся. Даже сейчас потемнел, хотя и он знает, что нет нашей вины.

Нет.

Только... сердцу не прикажешь.

- Профессор уверен, что после родов дар придет в прежнее состояние. Но пока блокираторы пришлось... мама заберет Лотту к себе. Я... перепишу на нее то, что полагалось Августе.

Киваю. И вправду думал, что буду возражать?

- А дар?

- Вот как раз дара у Лотты нет. Что-то там странное... профессор сказал, что... в общем, кровь Августы полна силы, но эта сила заемная, потому Августа и сама скоро дар утратит. А вот Лотта – обычный ребенок. Может, оно и к лучшему.

Надеюсь.

Потому что... два дракона – это уже много.

- Мы с дядей говорили... обо всем. Я ему помог.

И это знаю.

Проклятье и вправду держалось на жизни Сент-Ортона, а чисто формально тот был жив.

- Его старший сын... в общем, дядя, конечно, расстроен, но тут уж ничего не сделаешь.

Император не настолько милосерден, чтобы простить заговорщиков.

- Он предложил приглядывать за Августой. В его доме она чувствует себя спокойно... правда, все равно твердит, что у нее украли ребенка. Но, может, со временем успокоится?

Вряд ли.

Однако киваю. К сожалению, безумие драконьей кровью не лечится. Чарльз вздыхает и пытается обнять меня.

- Куда! Платье... помнешь!

От него пахнет шоколадом. И родным человеком. А еще небом, морем и огнем. И так бы я стояла вечность. Я бы... я бы хотела сказать, что Августа поправится.

И вспомнит о дочери.

Что она станет той чудесной девочкой, которую Чарльз пытался спасти. И что мы подружимся. Хотела... но не могла. Не врать.

Не ему.

А потому просто стояла. Долго-долго. Пока стрелка на часах не вздрогнула, выводя из задумчивости.

- Идем? – поинтересовалась я у мужа. – А то нехорошо опаздывать. Дядюшка хмурится будет.

Хотя он все одно будет.

А шоколад... шоколад я с собой возьму. И пусть кто-нибудь попробует глянуть косо. В конце концов, я ведь мужу... хорошо прикормленный муж будет держаться рядом, если не с тобой, то хотя бы с коробкой шоколада.

Эва дрожала.

Не хотела, а дрожала. Опять. И от этого мир вокруг тоже дрожал, грозя вывернуться на изнанку.

- Успокойся, - Тори приоткрыла дверь. – Я устала туда-сюда.

- Я... не специально, - Эва погладила руку. – Просто...

Сила у нее выросла.

У всех выросла. Но другим-то ладно. Тори вон со своею справляется легко, а Эва при малейшем волнении норовит два мира в один слить. И пусть это хорошо, когда надо туда проводить кого-нибудь вроде Эдвина, но в остальное-то время не очень!

- Вдруг он запретит?

- Кто?

- Император! – она заставила себя дышать. Громко. Как учил профессор. Правда, сразу в носу защекотало, и Эва чихнула. – Он... он вызвал Эдди!

- Можно подумать, в первый раз, - Тори высунула голову за дверь. – Он его через день вызывает. Матушка сказала, что ей по секрету сказала подруга, которая в свите императрицы состоит, что они просто закрываются в кабинете и пьют.

- Быть того не может!

- Может, и не может... тише ты! Может, они там о важном... ну и пьют тоже. Иногда.

- А если...

- Если бы он хотел запретить вашу свадьбу, сразу бы запретил. Ему сейчас с папенькой ссориться никак нельзя. А папенька тебя обидеть на даст.

Да.

Наверное.

Тори это всякий раз говорит. А Эдди, когда Эва попробовала выразить сомнения, просто сказал, что плевать он хотел на всех. Включая Императора. И если тот запретит, то есть места, где воля Императора... ну она не особо важна, что ли?

И Эдди просто украдет Эву.

Как в романе.

А матушка, которая как-то узнала – вот поневоле начнешь задумываться, как именно – заявила, что правильное похищение надо готовить загодя. И сперва купить дом, его обставить, организовать хозяйство...

Пока она старательно организовывала свадьбу.

И даже в газете вон объявление разместили. Так что волноваться не о чем. Совершенно не о чем. И Эва себе это повторяет каждый день. Только все одно успокоиться не выходит.

- Лучше скажи, что мне с этим ненормальным делать?

- Ты про Найджела? – уточнила Эва.

Тори прикрыла дверь.

- А про кого еще... он вчера Михалю нос сломал.

- Это тому, с которым ты в парке гуляла?

Виктория вздохнула и посмотрела на потолок. Эва тоже посмотрела. Обычный... гостевые покои во дворце, конечно, высокая честь и все такое. И роскошными они были. Но потолки явно стоило уже побелить. Хотя дворец большой, тут постоянно что-то да требовалось побелить.

- Что не так? – уточнила Эва.

- Он целоваться полез... представляешь?

- Найджел?

- Михаль этот... заявил, что репутация у меня все равно... ну а тут Найджел. Из кустов. И нос сломал. А еще на дуэль вызвал.

Эва окончательно запуталась, но уточнять не стала. Только понадеялась, что отцу не донесли. Хотя... скорее всего донесли.

- И?

- И ничего... вот с утра сижу. Жду. Если он позволит себя убить... я... я его на изнанке достану! А ты поможешь!

- Конечно, - заверила Эва. – Может, тогда ты согласишься?

- На что?

- Замуж выйти...

Тори обернулась и посмотрела так, хмуро-хмуро.

- Я его почти не знаю!

- Ну... он Михалю нос сломал?

- И что?

- А ты его от проклятья спасла...

- Знала бы, в жизни... - она выругалась совсем не так, как положено леди. Хотя леди, кажется, совсем даже не положено ругаться.

- И вообще, может, его еще убьют.

Правда, сказано было без особой на то надежды.

- Маме он нравится... - заметила Эва робко.

- Еще одна причина не соглашаться. Она же считала его непорядочным!

- Ну... она сказала, что ты его перевоспитаешь. Или он тебя. И вообще, мужчинам нужно давать шанс.

- Ага, и поэтому они с отцом вдруг решили отправиться на побережье?! Чтоб точно шанс был? Вот сразу после твоей свадьбы! Как будто... как будто не знаю...

В окошко ударился камушек.

И Виктория выдохнула, а потом отвернулась.

- Отец сказал, что, может, Сент-Ортон и не ангел, но он и сам когда-то творил многое. А Сент-Ортон теперь старший в роду. И герцогом вот-вот станет. Целители признают его отца недееспособным... а еще он сестру любит. И матушку.

Второй камешек заставил стекло зазвенеть.

- Да открой окно! - Эва не выдержала первой. - А то выбьет же... раньше он был как-то поспокойнее, что ли.

Тори вздохнула и окно открыла.

- Это из-за проклятья. Я... ты же тоже к нему ходишь? К дракону?

Эва кивнула. Ходит. И не только она. Он ведь не против. Он сам сказал, что спать ему пока не хочется, что... можно и поговорить.

Рассказать.

Научить. Дар ведь, особенно сильный, опасен, если не учить им пользоваться. И Эва старается. И Тори тоже старается. Эдди... Эдвин и тот как-то умудрился договориться с драконом. И теперь задерживается куда дольше, чем того допросы требуют.

Профессор просит провести.

- Проклятья не только на тело действуют. Они разум, и душу меняют. Чем сильнее проклятье, тем больше. Человек будто сонным становится. Безразличным. Или вот злится постоянно... а теперь Найджел пытается дожить. И я не уверена, что дело в любви. Ко мне, - Тори села на подоконник.

Покои им отвели на втором этаже. И маг, а заодно новоявленный – или почти уже состоявшийся – герцог Сент-Ортон радостно карабкался по дикому винограду.

- Откуда там любовь, если он меня и не знает толком? Он просто как бы проснулся и вот... вбил себе в голову.

- Леди! – Найджел Сент-Ортон залез на подоконник. – Я счастлив вас видеть. И... просто шел мимо.

- Вот и шел бы себе дальше... - проворчала Тори.

Он был растрепан.

К камзолу прилипли травинки, в светлых волосах запуталась ромашка. На щеке же выделялось яркое красное пятно. Такое больше пятно, уходившее на шею.

- Что это?

- Это? А... пустяк, почти зажило. Он оказался неплохим магом, но я все равно сильнее...

Тори чуть нахмурилась.

Пригляделась и нахмурилась сильнее.

- У тебя ребро сломано!

- Всего лишь трещина.

- И...

Эва тихонько подошла к двери. Любовь или нет, сами разберутся. А она мешать не станет. Она... она вот к матушке заглянет, потому что до бала всего ничего и нужно проверить платья.

Или ленты.

Или хоть что-нибудь.

- Да ты понимаешь, что он тебя... да я тебя сама убью! А потом папе пожалуюсь! – голос Тори доносился из-за дверей. А Эва... Эва понадеялась, что та все-таки не сдастся.

Хотя бы месяц продержится.

Или два.

Нет, конечно, если вдруг, но... но Эве хочется свою собственную свадьбу. Просто... просто хочется. Имеет она право?

Конечно.

- ...он тебя воскресит, а я опять...

И Тори захочется.

Да.

Глава 52 В которой раздаются титулы и открываются новые перспективы

Глава 52 В которой раздаются титулы и открываются новые перспективы

Эдди мрачно смотрел на Императора.

Тот так же мрачно смотрел на Эдди. И главное, не моргает, гад этакий. Но и Эдди может так, пялится.

- Нет в тебе почтения, - со вздохом произнес дядюшка. – Ни капли.

- Ну извините. Могу поклониться.

- Разве в этом дело? – дядюшка махнул рукой. – Налей, что ли, выпить, а то с этим всем никаких нервов не хватит.

- Вам целители запретили, - сказал Эдди сугубо из вредности.

Нет, сам по себе дядюшка был очень даже неплох. Толковый. И не вредный. Для Императора.

- Ты видишь тут целителей? – осведомились Его императорское Величество, засовывая руку куда-то под стол. Стол был внушительным и роскошным, как и подобает императорскому столу, за которыми судьба мира вершится. Ладно, не мира, а одной отдельно взятой империи. А вот крохотные рюмки оказались самыми простыми. – Что ты, что Диксоны... ни почтительности, ни понимания момента... политического. Один артефакты раздает, как свои, второй вон женился... хотя жрец уверяет, что эта женитьба незаконна.

- На хрен жреца, - Эдди наполнил рюмки из фляги, которую предусмотрительно с собой захватил.

Дядюшку даже жаль.

И целители бдили, и супруга, которая на Эдди поглядывала с преогромным сомнением и даже с подозрением, но пока уличить его не удавалось.

- Вот и я так подумал... даже не в этом дело, но... - Император принохался. – Очередная настойка?

- А то.

- Сиу?

Эдди кивнул.

- Оставишь... буду врать, что для сердца полезно. А то никакой жизни. Порой начинаешь думать, император ты или так тут... так вот, дело не в них. Пойди я на попятный, и что? Орвуды обидятся. Клятва клятвой, но обида – штука такая... а некроманты – существа злопамятные. Да... не мне, так внукам икнется.

Дядюшка опрокинул рюмку и зажмурился.

- Хороша...

А главное, и вправду для сердца полезна. Эдди точно не знал, чего там намешал мальчишка, но травить императора он не станет.

Не должен бы.

- Тем более ситуация сейчас... сложная. Сам понимаешь.

Еще бы.

С Сент-Ортоном удар случился. Мозговой. Большое несчастье и, как выразился дорогой дядюшка, невосполнимая утрата для Империи. В частной беседе он, правда, уточнил, не выйдет ли так, что любезный Сент-Ортон возьмет и скоростижно поправится.

Так что скончается он.

От как только Эдвин вытянет все, что знает, так и скончается. Тело. А душа... душа на Изнанке вечность торчать может. Тем более в хорошей компании.

Потом дядюшка столь же осторожно поинтересовался, нельзя ли туда же отправить еще десяток-другой душ. А когда Эдди отказался, вздохнул. Мол, общество с куда большим пониманием отнесется к небольшой эпидемии мозговых ударов, нежели к процессу над заговорщиками.

Процесс ведь устраивать нужно.

Судьи там. Прокурор. Обвинители. Свидетели. Доказательства... возмущенная публика и все такое. В общем, сплошные расходы бюджету. Да и не все дерьмо, которое Эдвин накопал, можно людям показывать. Тогда Эдди отказался, но... судя по тому, что каждый день в газете печатали пару-тройку новых некрологов, мысль об эпидемии Императору очень понравилась. А как уж её устроить, дело третье.

Главное, что и суд будет.

Закрытый. И плевать, что многие, чьи имена были названы, до него не доживут. Так даже лучше. Надежней. А то ведь... магов мало, семьи сильные, знатные...

- А ты мог бы выбрать кого и получше... вон, у Бакстонов две девицы остались, считай, сиротами...

...потому как их папенька весьма активно участвовал в жизни братства. И деньгами, и лично.

- Опять же, Таррелы, Шакстоны... там и состояние, и положение... - Император щелкнул пальцами. – Да и девицы такие... смазливые. А эта...

- Я и в морду дать могу.

- Между прочим, это будет расцениваться, как покушение.

- И что?

- И ничего... налей еще по одной. Слушай, что за зелье вы принесли? У старшенькой дар не только вернулся. Развернулся... этот ваш профессор уверяет, что учить надо. Что структура...

Эдди похолодел.

Нет, хватит с них двух драконов.

- ...усложняется. Хотя, конечно, и к лучшему... Вильгельм тоже... всегда болел, а тут вдруг разом и поправился чудесным образом. Да и я себя много лучше чувствую.

Он замолчал и посмотрел на Эдди.

Эдди выдержал взгляд.

- Сила, - сказал он. – Потерянных душ... воплотилась...

- И кровь дракона.

- Сила. Потерянных душ.

- Правильно, этой версии и держись. Потому что... сам понимаешь.

Эдди понимал.

Больных много. Узнай кто... и думать-то страшно.

- Ладно... так вот... чего я вообще хотел...

- Поругать меня за самоуправство?

- Это само собой, - отмахнулся Император. – И матушке своей передай, чтоб не думала даже...

- О чем?

- Хочет замуж? Пускай себе идет. Только сперва я... вон, титула дам. Герцогского не дам, не сразу во всяком случае. Для начала графского хватит. За достижения в науке. Ректором назначу... ректора все одно искать надо. И вообще порядок в университете наводить. Вот

наведет, пускай и женятся. Тогда уж и попривыкнут, и я погляжу, что за тип этот ваш...

Он махнул рукой.

- А то эти побегии... что я, чудовище какое? Да и она. Набегалась уже. Хватит...

Эдди хмыкнул.

И пожалуй прав он. Университет лишился не только ректора, но и пары деканов, не считая преподавательского состава, который изрядно поредел. Пока даже занятия отменили, а Его императорское величество объявили о необходимости аттестации.

В общем, шанс у Шелтона будет. А там справится.

Должен.

- Сам тоже... - Император пить не спешил. – Что делать думаешь?

- Не знаю. Учиться.

Пока возможность есть. И древний мудрый змей спешит делиться знанием. Пусть даже не просто так, пусть в надежде, что Эдди найдет способ разорвать некогда данное слово. Даже бессмертные драконы устают от жизни. И Эдди найдет.

Попытается.

- Потом... надо в город съездить. Мастеров. Я обещал.

- Вильгельма возьмешь.

- Что?!

Вот уж не было печали. Нет, двоюродный братец, конечно, парень неплохой. На первый взгляд. Пусть и держится настороженно, но это он со всеми так. Да и болел долго. Жил вон, считай, на краю мира, оттого людей и опасается слегка.

- Да... уперся, что баран, - Император махнул рукой. – Мол, мир повидать надо. Я в его годы поездил... я и подумал, что и вправду. Какой император из человека, который за пределы дворца не выглядывал? Оно, конечно, супруга моя будет против.

И кажется, смотреть на Эдди станет с еще большим подозрением.

- Меня заверили, что Вилли совершенно здоров. И дар прибавился. Так что пускай. Я ж тут порядки наведу. А вы съездите... туда, обратно.

Не было печали.

- Я тебе титул дам, - пообещал Император.

- Еще один?

- Могу и не один.

- На кой оно мне?

- Ну... тебе, может, и не на кой. Только сам подумай... вот ты. Вот твоя супруга. Хорошая девочка, да... кем она станет, за тебя замуж выйдя? Опять же, жить вы на что будете? На её приданое? На деньги моей сестры? Ей они самой понадобятся...

Вот... змеюка. И теперь видно, что тоже прапрапра... какой-то внук.

- Да и есть еще кое-что... - он постучал пальцем по подлокотнику. – Надо это прекращать. Войну. Стычки... все эти дикости. Ладно, в прежние времена? Но теперь... а ты племенам артефакты вернул.

- Не я.

- Диксон. И ты. И твоя сестрица... а вы мне вроде как племянники.

Эдди прикрыл глаза.

Нет. Он не согласится... в жизни не согласится.

- Всего-то и надо, что встретиться с союзниками. Побеседовать... узнать... не думаю, что им тоже воевать охота. Подтвердим старый договор. А там, глядишь и торговать начнем. Там же торгуют?

В городе Мастеров?

- Да.

- Им надобна наша техника. Нам... думаю, тоже многое сгодится. А ты, Элайя Годдард, очень уж удачная кандидатура. Ты и нам свой. И им. И даже вон, к сиу сумеешь подойти.

- Сиу не согласятся.

- Согласятся. Выхода у них особо нет. Упрямство, конечно, хорошо, но... их ведь с каждым годом меньше становится. И судя по рассказам, твоим и Диксона, они это понимают. Так что... даже договор, если разобраться, не так уж нужен. Скорее отношения. Возможность для разговора. И тот, кто станет говорить. Полномочный посланник.

Нет... надо отказываться, потому что...

А с другой стороны, что Эдди тут делать-то? Оно, конечно, можно просто жить. И Диксон какое занятие найдет, да только...

А главное, дядюшка настойку смакует.

Ждет.

Зар-р-раза коронованная.

- И когда ехать-то?

- А через недельку после свадьбы и отправляйся. Как раз соберешься успеешь... и моя не прознает про Вильгельма. Он-то сам мальчик умный, болтать не станет, да все одно... дворец же ж. Ничего не утаишь. Я ж не прошу многого...

- Только мирный договор с орками и племенами? – усмехнулся Эдди.

- Это уж как пойдет. Покажи мальчику... мир покажи. И людей тоже. То, что разными бывают, а то... тут ведь порой начинает в голове всякое бродить... про дар, избранность. А оно опасно.

- Вы настолько мне доверяете?

- Не знаю... ты ведь мог просто дождаться. Когда я умру. И Вильгельм. Девочки... когда не останется никого, кто бы мог претендовать на трон. Явить миру драконов, они бы поддержали, и все такое...

Эдди представил и его передернуло.

- Упасите боги от такого счастья.

- Вот... - Император поднял палец. – Да и просто... кому тут еще верить?

- Дата свадьбы не назначена.

- Это ты зря. Девочка нервничает. Они всегда-то, но когда со свадьбой тянешь... женщинам только дай повод усомниться. Еще глупостей наделает. А оно нам надо? – и сам себе ответил. – Оно нам не надо. В общем... сегодня и обвенчают.

- Что?!

Не то, чтобы Эдди против, но... вдруг да Эва не обрадуется. Все-таки... то, что случилось на поляне, это одно. А здесь – совсем другое. И свадьба. К ней же начали готовиться, хотя...

- Или передумал? – прищурился Император.

- Не дождетесь.

- Вот и чудесно. Тем более ты утверждаешь, что уже женат... ну вот и пускай... жреца я уже вызвал. Он проведет обряд, чтобы потом ни одна собака не твякнула, что брак незаконен. А через недельку и отправитесь. Можешь не благодарить.

- И не собирался.

- Вообще-то нормальные люди императорские милости принимают как раз с благодарностью. Глубокой.

- Так то люди, - возразил Эдди. – Нормальные. По третьей?
- Наливай, - Император потянулся. – А ведь хороша... и с мятой?
- Понятия не имею. Но сказал, что запаха не будет.
- Чудесно... а ты говоришь, зачем нам сиу... - Император поднял стопку. – Сиу нам нужны... в смысле, Империи. И вообще... за мир.
За мир Эдди выпил.

Тем паче, спирта в той настойке была капля. А для сердца и вправду полезна. И это хорошо, ибо... долгих лет дядюшке. А за сыном его Эдди присмотрит, чтобы не приведи боги не случилось чего.

- Только... - вспомнил он вдруг. – У нас тут одно дело. Нерешенное.

- Неделя, - произнес Император жестко. – Будет. Вот и решишь.
Потом словно извиняясь.

- Больше и вправду не могу... узнает же ж.

Это да.

Этому Эдди, пожалуй, верил.

Чарльз покосился на Милисенту, которая наблюдала за происходящим с престранным выражением лица. Мечтательным? Пожалуй что...

А шубу так и не купил.

- Это так... неожиданно, - вздохнула леди Орвуд, не понять, то ли печально, то ли с чувством глубокого удовлетворения. А может, все и вместе. – И такая честь...

Ну да.

Ныне к словам Его императорского Величества относились, пожалуй, серьезнее, чем когда бы то ни было. И уровень верноподданничества поднялся до небывалых высот. Хотя, конечно...

Слухи пойдут.

И про Чарльза тоже. Нет, не про то, что он дракон. В это, к счастью, многие не верят. Лучше бы вовсе сохранили все в тайне, но слишком многие их в ту ночь видели. Так что существование драконов, можно сказать, доказано. Правда, Эдвин шепнул, что высокое общество все же сошлось в мысли о сложнейшей иллюзии... пускай.

Чарльз не против.

Иллюзия, так иллюзия.

Его императорское Величество сменились Верховным жрецом, который, может, напрямую в делах братства и не участвовал, но что-то этакое знал. Наверняка. Иначе не согласился бы так легко. А теперь прямо-таки от счастья сиял, вещая о воссоединении любящих сердец.

- Вот и хорошо, - проворчала Милисента. – А то Эдди долго еще страдал бы. Теперь-то ему точно деваться некуда.

- Как-то это... двусмысленно звучит.

- Как есть, - она вздохнула. – Главное, чтоб дядюшка о нас не вспомнил.

- Боюсь, о нас он теперь не забудет.

- Ну... и что делать?

- Ничего.

- Чарльз? – Чарльза окликнули. – Извините... вы вряд ли меня узнаете. Мы как-то встречались, правда... в обстоятельствах весьма неоднозначных.

- Аукцион?

Чарльз вдруг понял, что помнит этого человека. Нет, лицо его незнакомо.

- Именно.

- Вы... тот охранник. Или не совсем. Вы еще оценивали...

- Дарнелл, - руку к счастью протягивать не стали. – Джон Дарнелл мое настоящее имя.

Ни о чем не говорит.

- Древний род. Старый. Но мы как-то обычно наособицу держимся. Моих предков, да и меня, больше интересует история. Там я использовал иллюзию... старый сложный артефакт.

- И чем могу помочь? – получилось как-то прохладно, что ли.

- Боюсь... тогда вышло некоторое недопонимание. Я пытался выкупить девушку, чтобы вернуть её родителям. Да... я иногда... совершаю странные поступки. Не буду врать, что в первый раз там оказался. Наоборот, я завсегдатай. И моральный облик мой далек от идеала.

Чарльз покосился на помост, где действие шло своим чередом.

- Но так уж получилось, что если какие редкости и всплывали, то там, да... не знаю, успокоит это вас или нет, но императорские менталисты сочли меня достаточно безобидным, чтобы оставить в живых.

Нервный смешок.

И осторожное прикосновение к голове.

Если так, то...

С другой стороны, и имени Дарнелла среди названных не было.

- Я интересовал братство именно как искатель... а мне были обещаны кое-какие рукописи. Вещи.

- И что вы искали?

- И я, и мои предки. То, что вам уже удалось найти. Мертвый город. Вернее, полагаю, что он не один. Я более-менее надежно определил местоположение еще трех. Как понимаете, весьма примерное, но все же...

- От меня вам что нужно?

- От вас. И от вашей супруги... участие.

- В чем?

- В экспедиции, Чарльз. Мой отец мечтал... дед сгинул где-то в песках. Я сам с младенческих лет слышал истории о затерянном в песках городе. И я знал, что он не выдумка, не фантазия... - глаза Дарнелла горели. - А вы сумели не только побывать, но и... вы вернулись! И не с пустыми руками! Артефакты... они удивительны...

И стоят того, чтобы обменять на них одну девушку?

- Извините... я увлечен, а потому похож, наверное, на безумца. Но как бы то ни было... большой Мак согласился составить компанию. И мне подумалось, что и вам будет интересно.

Интересно ли?

Чарльз не знал. Наверное... нет, дела кое-какие остались. Семейные. И Милисенте надо учиться, хотя проблема с контролем дара ушла, но ведь и сила осталась.

- Дело, конечно, не быстрое, - поспешил заверить Дарнелл. - Экспедиции требуют подготовки, а скоро осень, там и зима... я думаю, что если ближе к концу весны. Вы подумаете?

- Подумаем.

- И если вдруг... - он протянул визитку. - Я бы хотел показать вам свою коллекцию. А заодно, если сочтете возможным, послушать ваши рассказы.

Он отступил.

И исчез.

- Вот ведь, - Милисента сунула нос в карточку. – А ведь и вправду полезет искать... заблудится.

- И что?

- Ничего. Пускай бы себе. Взрослый человек, но... Эдди говорил, что Большой Мак его трясет. Ну про карты и пути, и все такое. И что он вроде неплохой... а если этот заблудится, то и...

- Ты хочешь в экспедицию?!

Глаза у жены стали честные-честные.

- Ради науки! – сказала она серьезно. – Наука требует свершений... кроме того... знаешь, летать в пустыне – это совсем, совсем иные ощущения...

И прищурилась.

Хитро-хитро.

- Мы... подумаем? – предположил Чарльз.

- Ага. Тем более времени до весны... надумаем. И передумаем. И потом снова.

Но в экспедицию отправимся.

В конце концов, если подумать, то там, в песках, наследство Милисенты. И не гоже отдавать его на разграбление всяким ушлым археологам. Эти, чуть отвернешься, не то, что ложечки серебряные, гробницу с горой вместе сопрут...

Да.

Определенно.

Эпилог

Эпилог

Эванора совершенно не чувствовала себя замужней женщиной. То есть, она понимала, знала, но... замужней женщине пристала серьезность. А у нее то и дело губы в улыбке растягивались. И уши краснели. И не только уши.

Как можно?

Никакой солидности. И новая шляпка ничуть не спасает. И в смысле солидности, и вообще...

Эдди подал руку, помогая выбраться из экипажа. Стало совсем вдруг... ну не может у приличной леди быть таких мыслей. Хорошо, что Эва не совсем приличная.

- Надеюсь, все получится, - Эдди посмотрел вверх.

И Эва посмотрела.

Отель был роскошен. И швейцар любезно распахнул дверь, пропуская. Внутри... да, красиво. Наверное. И роскошно. Людно.

- Прошу, вас ждут, - встречать их вышел управляющий лично. И глядел он на Эдди мрачновато.

- Что-то не так? – осведомился Эдди.

- Все... так... Жози вчера переехала. Она решила, что будет лично управлять этим местом. И возвестила о переменах.

Его губа чуть дернулась.

Перемены его явно не радовали.

А вот Эву не обрадовала встреча с этой самой Жози. Она-то представляла себе женщину... в возрасте. Серьезную. Важную. Таковую, которая... которая не станет строить глазки чужому мужу.

И главное говорит медленно так, причем за каждым словом чудится что-то иное, понятное лишь ей и Эдди.

- Тише, - Эдди взял Эву за руку. – Это она по привычке.

- Ну да, - буркнула Эва. – К ее годам с привычками сродняешься, наверное.

Её явно услышали.

И женщина прищурилась. А потом вдруг улыбнулась.

- Так и держись, девочка, - сказала она вдруг совершенно иным тоном. – Иначе сожрут и не заметят... идем. Моя дорогая... внучатая

тетушка заждалась.

- Уже даже так?

Женщина рассмеялась хрипловатым смехом.

Точно неприличным.

Очень.

- Её злит, когда я называю её бабушкой. Впрочем, мне это тоже радости не доставляет. Так что... куда надо идти?

Никуда.

Мир изменить не сложно, особенно теперь, когда он слушается Эву. И дудка не нужна. Просто все вдруг становится слегка иным. И женщина тоже.

Здесь, на изнанке, она старше.

И морщины на лице. И... и даже жаль. Выходит, она так себя и чувствует. Вон, разглядывает руки, тихо вздыхая.

- Надо же...

- Это просто восприятие, - поспешила объяснить Эва. – У вас, наверное, была непростая жизнь.

- У кого она простая, - женщина отмахнулась. – Так где...

- Здесь, - леди, вышедшая из тумана, была идеальна настолько, насколько это возможно. Впрочем, Эве ли не знать, что порой мертвые могут больше живых. – Бесконечно рада, что у вас, наконец, нашлось на меня время.

- Простите, был занят.

- Несомненно... мужчинам это свойственно.

Леди не упустила случая уколоть.

- И так? Что вам удалось выяснить?

- Ничего, - ответил Эдди. – Но у меня есть возможность заглянуть в тот день. Если вы хотите.

Леди задумались.

Обе.

Взглянули друг на друга.

- Эва? – Эдди протянул руку, и Эва опустилась на нее. Как-то она даже почти освоилась в теле зимородка. Можно бы и человеком, но... птицей проще. – Вспомните его. Как можно четче. И идите за ней.

Эдди вытащил дудочку.

Хорошо.

Потому что память мира, она... не всегда надежна. И у Эвы не всегда получается. Но теперь... теперь она видит искорку над головой старой леди.

А потому и дорогу строит.

Туда.

Она сама превращается в человека уже в комнате. Роскошной. Правда тяжелой какой-то. Шторы задернуты плотно. Горит лампа, и свет её отражается в полированной поверхности стола, будто в озере.

На столе графин.

Горлышко его закрыто специальной пробкой, с замком. Но человек, который входит в комнату, имеет ключ. Он стар и медлителен. Он ступает, чуть покачиваясь, а у самого стола останавливается, сгорбившись, потирая колено.

Осматривается.

Вздыхает.

И открывает замочек. А затем осторожно высыпает что-то в графин...

- Что? – вопль леди разрушает тишину. – Этот... этот старый пердун?

Леди так не говорят.

Наверное.

- Мэйлор? Он меня отравил? Но... за что?

- За то, - скрипучий голос звучит из тумана, и тот расступается, выпуская того самого человека, разве что еще более старого, - что ты меня уволила.

- И что?

- Я был с тобой, Элеонора, когда все начиналось. Кто помогал тебе? Кто работал, когда больше некому было? За всех... кто не жалел ни сил, ни... кто спас тебя от твоего мужа? И ничего не попросил взамен. Конечно... кто я, а кто ты... блистательная и великолепная.

Молчание.

- Что он тут делает? – поинтересовалась леди Элеонора.

- Жду... тебя. Помнишь, ты когда-то поклялась, что мы будем вместе.

- Я... не...

- Здесь не лгут, Элеонора. Не стоит.

- Это было в минуту слабости! И...

- И наш сын...

- Ваш?! - Жози рассмеялась. – Надо же... благородная леди с безупречной репутацией...

- Замолчи, ты ничего не понимаешь... боги! За что мне это?

- Ты уволила меня. Я ведь... я ведь служил тебе почти бесплатно. Жил в какой-то конуре, лишь бы рядом... лишь бы видеть тебя. Прощал. Все прощал. Даже то, что ты делала вид, будто бы ничего и не было.

- Ничего и не было.

- Ну да... и вправду. Что такое пара ночей и один ребенок... мне стоило бы рассказать ему. Но нет... как же... это тебя ранит. Повредит репутации.

- Ты... меня... отравил!

- А ты меня выставила.

- На тебя жаловались. Ты сделался медлителен и... вообще...

- Медлителен. И спина у меня болела. И руки. И видеть я стал хуже. И я пришел к тебе. Пришел просить... напомнить... о той вещи, с которой все началось.

- А поподробней? – глаза Жози нехорошо блеснули.

- Со статуэтки... с такой маленькой статуэтки. Бронзовой. Девочка на шаре... что-то там подаренное кем-то когда-то... главное, этой статуэткой я и проломил голову её бестолковому мужу, когда он в очередной раз решил показать леди, кто в доме хозяин.

- Статуэтка, значит... не та ли, что стоит... ну конечно, где она её еще бы поставила! Рядом с папиной картиной, единственной картиной, которую ты оставила... ты там получила очень характерной.

- Ты выгнала меня... и кричала... еще кричала.

- Я испугалась. У меня хватает врагов, и если бы кто-то... ты же знаешь, что у меня характер. И я отошла бы... мы бы что-то придумали. А ты меня отравил.

- Нас.

- Что?

- Я подумал, что жить нам вместе не вышло, так хоть умерли в один день.

- Идиот! – сказала Элеонора.

И Эва с ней согласилась.

- Все? – Эдди поднял дудочку. – Если да, то нам пора. Леди, я выполнил обязательства... и да, все обязательства, а потому...

- Спасибо, - это сказала Жози. – И... если вдруг... в моем отеле всегда найдется для вас место.

- Это не твой отель! – возмутилась леди Элеонора.

- Неужели? Ваше условие выполнено... кстати, сегодня должны были доставить образцы посуды. Нам предложили закаленное стекло, но не уверена...

- Дурновкусие...

- Современные веяния...

Эдди вздохнул и дунул, возвращая мир на место.

- Если хотите, - сказал он. – Я могу вас отпустить.

- Зачем? – произнесли обе дамы хором.

- Эта особа окончательно превратит мой отель в неизвестно что...

- ...не позволив ему уйти в прошлое и...

- Идем, - Эдди потянул Эву за руку. – Нам здесь больше делать нечего. А собираться надо. И если ты не хочешь...

- Издеваешься? – Эва даже возмутилась. – Элайя Годдард! Только попробуй куда-то отправиться без меня... я... я тогда себе собственное приключение найду.

А вот нельзя её целовать, когда она злится.

Это нечестно!

Особенно, если при людях... и все равно не честно! Хотя и приятно.

Конец.

Данный текст был приобретен на портале [Литнет](#) (№39719137 21.02.2023).

[Литнет](#) – новая эра литературы

Содержание

[Cover Page](#)

[Содержание](#)

[Глава 1 В которой состоялся откровенный разговор](#)

[Глава 2 Где появляются гости и какой-никакой смысл жизни](#)

[Глава 3 В которой почти ничего и не происходит](#)

[Глава 4 Где джентльмены вновь спускаются в подвал, хотя и другой](#)

[Глава 5 В которой леди пьют чай и ведут застольные беседы](#)

[Глава 6 О том, что делать и кто виноват](#)

[Глава 7 Где все-таки задаются вопросы и приходят ответы, которые, правда, мало что меняют](#)

[Глава 8 В которой находится место семейному обеду и душевным разговорам обо всем](#)

[Глава 9 Про леди, которым все еще свойственно излишнее любопытство](#)

[Глава 10 Про то, что не все двери оставляют открытыми](#)

[Глава 11 О том, что реальность порой куда сложнее, чем кажется](#)

[Глава 12 В которой ведьма осознает, что она действительно ведьма](#)

[Глава 13 Где леди получает предложение о дружбе и помощи](#)

[Глава 14 В которой ведется беседа по душам и делается некий вывод](#)

[Глава 15 О двуногих и пернатых](#)

[Глава 16 Где есть место искусству и милым девичьим беседам](#)

[Глава 17 Об университете и студентах](#)

[Глава 18 В которой леди собираются учиться](#)

[Глава 19 О леди и учебе](#)

[Глава 20 Где есть место прогулкам и встречам](#)

[Глава 21 О старых друзьях и сомнительных разговорах](#)

[Глава 22 В которой леди запускают шарик](#)

[Глава 23 О ночных приключениях](#)

[Глава 24 Где ведьма танцует и случается полнолуние](#)

[Глава 25 В которой джентльмены приветствуют леди](#)

[Глава 26 В которой читают лекцию, а еще объясняют возможности невозможного](#)

[Глава 27 О делах очень и очень важных](#)

[Глава 28 О сомнительного рода приглашениях](#)

[Глава 29 Где занятия продолжаются, а у леди появляется поклонник](#)

[Глава 30 О тайных тайнах тайного сообщества](#)

[Глава 31 В которой находится место завтраку и заговору](#)

[Глава 32 Где леди пробуют свои силы с весьма необычным результатом](#)

[Глава 33 В которой леди переживают](#)

[Глава 34 Где джентльмены держат совет](#)

[Глава 35 О том, что некроманты бывают разными](#)

Глава 36 В которой снова появляются драконы

Глава 37 В которой леди изволят болеть, выздороавливать и гулять

Глава 38 Где есть место драконам и девицам

Глава 39 О том, что не все прогулки одинаково полезны

Глава 40 В которой леди борется со злом и одерживает сокрушительную победу.

Глава 41 Где леди узнает страшную тайну.

Глава 42 В которой джентльмену поступает сомнительного свойства предложение

Глава 43 О сложностях некромантского бытия

Глава 44 Где, если подумать, ничего не происходит

Глава 45 О сложностях семейных отношений

Глава 46 В которой леди примеряет платье, а заодно узнает о великих перспективах

Глава 47 Где речь идет о шаманах и безумных идеях

Глава 48 В которой случается бал и встреча

Глава 49 Где каждый получает желаемое

Глава 50 Где вновь же появляется дракон

Глава 51 Предпоследняя

Глава 52 В которой раздаются титулы и открываются новые перспективы

Эпилог

КАРИНА ДЕМИНА

ВОСТОК. ЗАПАД.
ЦИВИЛИЗАЦИЯ.